

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2012
№10

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Исполнительный директор
Владимир Тор

Художник
Дмитрий Бикашов

Редакционный совет

А.Ю. Ашкеров, К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский, Е.С. Галкина,
О.Б. Неменский, М.В. Ремизов, А.В. Самоваров, П.В. Святенков,
А.Н. Севастьянов, В.Д. Соловей, Е.С. Холмогоров, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера. НАЦИОНАЛИЗМ В ПАРТИЙНОМ ПОЛЕ	
Манифест о создании национально-демократической партии.....	3
Русские националисты и легальное партстроительство: шансы на успех. Экспертный опрос	6
Владислав Владимиров	
Кто будет голосовать за национал-демократов?	14
Виктор Дьяков	
Перспективы русского либерального национализма	19
МИРОВОЙ ОПЫТ	
Борис Кагарлицкий	
Национальный фронт украл левого избирателя.....	27
Павел Святенков	
«Истинные финны».....	32
Олег Кильдюшов	
Нация под подозрением	35
Сергей Бирюков, Александр Барсуков	
Барт де Вевер: к новому фламандскому национализму.....	42
Елена Галкина	
Новые исламистские партии Египта: предвыборная борьба в условиях демократии	49
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЙ	
Олег Неменский	
Охранительство	59
ВНУТРЕННИЙ КОЛОНИАЛИЗМ	
Александр Храмов	
Колониальная изнанка европейского костюма	71
ЭКОНОМИКА И ЭТНОПОЛИТИКА	
Павел Лихачёв	
Экономические издержки многонациональности	106
Александр Ермаков	
Миграционная политика в России: проблемы, факторы, бенефициары	126
КУЛЬТУРА	
Дометий Завольский	
Правозащитник Сталин и дизельпанк	133
НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ	
Максим Жих	
Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века)	151
Иван Русаков	
«...На следующий день...». Статья третья.....	170
ЮБИЛЕИ	
Сергей Сергеев	
«Наиболее русский человек»	182
ПОЛЕМИКА	
Александр Севастьянов	
Идолы конструктивизма	191
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Когда массы вернуться.....	234
Авторы номера.....	239
Summary	240

МАНИФЕСТ О СОЗДАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Положение дел в современной России не устраивает никого. Паралич государственных институтов, всеразъедающая коррупция, разрушение производительной экономики, деградация науки, образования и культуры, разрушение нравственности, массовый алкоголизм и наркомания, техногенные катастрофы, национальные конфликты, массовая нищета и вымирание населения — это далеко не полный список наших сегодняшних бед.

Правящий в России политический режим уже доказал свою неспособность и нежелание исправить это положение дел. Более того: российская власть отвергает основные принципы, на которых строится справедливое и процветающее общество. В России систематически нарушается свобода совести, слова, собраний, союзов, не признаётся неприкосновенность личности и собственности, нет независимого суда, не реализуется право граждан избирать себе власть на честных выборах.

Всем очевидно: такая страна не имеет будущего, её гибель — это всего лишь вопрос времени.

Единственной силой, способной в нынешних обстоятельствах сохранить и возродить нашу страну, является русский народ. Именно русские создали Россию. Именно русские вынесли на себе основную тяжесть исторического строительства. Именно русские составляют ныне абсолютное большинство населения России. И никто, кроме русских, не имеет достаточно сил, возможностей и готовности взяться за

тяжёлый труд национального возрождения.

Но для этого русские должны стать подлинными хозяевами своей страны — её земель, её богатств, но главное, самого государства.

Мы убеждены, что у России есть только один путь развития, одно будущее — Русское Национальное Государство, справедливое и демократическое. Пока Россия остаётся бесхозной страной, управляемой временщиками, будут страдать и русские, и все остальные народы России.

Мы убеждены, что национальное возрождение возможно только путём политического объединения граждан, а интересы русского народа могут быть обеспечены только на путях народовластия.

Поэтому мы объявляем о создании Национально-демократической партии.

Какой мы хотим видеть Россию

Национальное государство

Мы видим Россию государством, созданным самоопределением русской нации и обеспечивающим равноправие всех её граждан на этой основе. Мы рассматриваем русский народ и его благоденствие как цель существования российского государства.

Право русского народа на Россию должно быть закреплено в Конституции.

Преодоление демографического упадка и искусственной бедности рус-

ских должны стать реальным приоритетом государственной политики.

Каждый русский, вне зависимости от места рождения, должен иметь неотчуждаемое право на получение гражданства России. Россия должна стать родным домом для всех русских.

Демократия

Мы признаём и утверждаем основные демократические ценности. Свободное развитие русского и других народов России возможно только в условиях реальной демократии, когда каждый гражданин имеет возможность самореализации и социальной мобильности в соответствии, прежде всего, со своими способностями, а не происхождением и родственными связями.

Важнейшее условие осуществления демократии — ответственность власти перед обществом при соблюдении и реализации основных прав и свобод — совести, слова, собраний, союзов, а также обеспечение действительной неприкосновенности личности. Эти права должны быть распространены на всех граждан России.

Государственное устройство

Мы являемся противниками авторитарных и диктаторских форм правления.

Поэтому мы выступаем за переход к республике с правительством, ответственным перед парламентом, и за парламент, ответственный перед избирателями. Судебная власть должна в своей деятельности руководствоваться исключительно законом и контролироваться обществом. Необходима также реформа государственного аппарата, в первую очередь — силовых структур, которые должны стать исполнителями воли народа, защитниками порядка и права.

Народное благосостояние

Мы выступаем за всемерное поощрение экономической активности

граждан, за свободную экономику, за обеспечение прав собственности.

Каждый человек должен иметь обеспеченное право на реальную собственность — хотя бы на участок земли, на котором он сможет построить дом, вести свое хозяйство, стать подлинным совладельцем своей страны.

Но краденая собственность не может быть священной. Поэтому мы выступаем за гласное расследование обстоятельств приобретения крупной собственности, особенно во времена ваучерной приватизации и залоговых аукционов. Мы выступаем за справедливое решение проблем, связанных с приватизированной крупной собственностью.

Мы — сторонники всемерного поощрения малого и среднего бизнеса, облегчения налогового бремени на него, радикального снижения административной нагрузки на его ведение и радикального повышения его защищённости от криминального и чиновничьего давления.

Мы убеждены, что принципы социального государства не противоречат принципам свободной экономики, а дополняют их. Мы считаем, что основные социальные блага, прежде всего качественное образование, медицина, пенсионное обеспечение должны быть доступны всем гражданам. Одной из гарантий народного благосостояния должна стать система общественного контроля над расходованием бюджетных средств.

Мы выступаем против политики дешёвого, по сути рабского труда, против массовой бесконтрольной иммиграции, ведущей к тяжелейшим социальным и экономическим проблемам, ухудшению криминальной ситуации. Миграционному потоку, затопляющему Россию, должен быть поставлен заслон — визовый режим и жёсткая миграционная политика.

Федерализм

Одной из главных проблем совре-

менной России мы считаем юридическое и фактическое неравноправие субъектов федерации.

Мы выступаем за федерацию равноправных земель, в которых все граждане пользуются равными правами и возможностями. Основная часть доходов региона должна оставаться в регионе. Сверхфинансирование одних регионов и недофинансирование других недопустимо, особенно если оно осуществляется в политических целях.

Русские регионы должны быть уравнены в юридических и бюджетных правах с национальными республиками, федерализм должен служить к благу русского народа и единству России, а не быть, как сегодня, источником взаимного отчуждения и распада.

Для реализации наших принципов мы предлагаем принять новую демократическую Конституцию.

* * *

Мы призываем всех граждан, солидарных с нашими принципами, присоединиться к нам.

Мы призываем всех соратников и единомышленников вступать в Национально-демократическую партию, голосовать за наших кандидатов на выборах, поддерживать нас словом и делом.

Кто мы

Основой партии стали две организации — Русское Общественное Движение (РОД) и Русский Гражданский Союз (РГС).

РОД — русская правозащитная организация, существующая с 2004 года. РОД защищает русских людей, столкнувшихся с произволом государства или силой национальных диаспор. Некоторые из этих дел — например, «дело Иванниковой» или «дело Гоголевской» стали знаковыми. РОД принимал активное участие в других процессах — например, в защите Аракчеева, Кулешова и др. РОД также ведёт издательскую и просветительскую деятельность (в частности, под эгидой РОДа издаётся журнал «Вопросы национализма») и участвует в организации публичных мероприятий, включая традиционный Русский Марш.

РГС — национал-демократическая политическая организация, созданная в 2010 году. На её счету — несколько ярких и заметных акций, включая общероссийскую кампанию «Хватит кормить Кавказ!», а также стартовавшую в январе 2012-го кампанию «За Конституцию Свободы!» по подготовке проекта конституционной реформы.

*Сайт оргкомитета Национально-демократической партии:
<http://rosndp.org/>*

РУССКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ И ЛЕГАЛЬНОЕ ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВО: ШАНСЫ НА УСПЕХ

Экспертный опрос

Илья Константинов, политолог

Парадоксальная ситуация сложилась в современной России — по результатам социологических опросов, более половины граждан страны в той или иной степени поддерживает базовые принципы русского национализма, а серьезной политической партии или иной единой организационной структуры у правого движения нет.

Есть ЛДПР — которая на словах «за русских и за бедных», но на деле исключительно за администрацию президента. Все это понимают, тем не менее многие голосуют за эту партию, поскольку Владимир Вольфович «прикольный». А больше голосовать не за кого.

Есть несколько сотен незарегистрированных правых организаций, есть несколько десятков более или менее популярных лидеров, способных раз в году отобилизовать на Русский Марш 15–20 тысяч сторонников. Наконец, появился десяток оргкомитетов, заявляющих о готовности создать в самое ближайшее время партию русского большинства.

Несомненно, рано или поздно такая партия появится, поскольку без организованной политической силы, осознанно и последовательно защищающей этнические интересы русского народа, нам в ближайшие кризисные десятилетия (а в том, что они будут именно таковыми, сомнения нет) просто не выжить.

Но становление такой партии зай-

мет, видимо, не один год. Дело в том, что бытовой и политический национализм вещи суть совершенно разные. Бытовой национализм обычно связан с ксенофобией, политический может быть от нее совершенно свободен. Бытовых националистов в России миллионы, политических — едва наберется несколько десятков тысяч.

Думаю, что политическое самообразование нашего народа пойдет сейчас очень быстрыми темпами, а вместе с ним будут формироваться и русские национальные партии. Начнутся процессы их объединения, укрупнения.

В результате через несколько лет (если не помешает наше обезумевшее государство) может появиться русская национальная партия, способная реально бороться за власть.

Валерий Соловей,
доктор исторических наук, профессор

Перспективы русских националистов в легальном политическом поле выглядят пока не слишком оптимистично. Почему?

Во-первых, их опыт участия в протестном движении трудно назвать удачным. Само участие было абсолютно правильным, но националисты не смогли внести в него свою повестку, создать собственную политическую динамику и привлечь новых сторонников.

Во-вторых, уже сейчас понятно, какова будет правоприменительная практика при регистрации новых по-

литических партий. Совершенно точно не будет зарегистрирована ни одна политическая партия, в которой первые роли играют лидеры «старого» русского национализма и в названии которой есть слово «национальная».

В-третьих, программы националистов не соответствуют текущей политической повестке. В ней на первый план все более заметно выходят социальные аспекты, в то время как этническая проблематика находится на периферии общественного сознания.

Что же нужно сделать русским националистам для улучшения своей политической перспективы?

Им надо социализировать собственную повестку, уйдя от традиционного национализма. Или хотя бы как минимум отказаться от слов «национальный», «национальная» в названии собственных партий.

**Борис Кагарлицкий,
директор Института глобализации
и социальных движений**

Нужно сначала понять, кто такие в легальной российской политике будут националисты. Поскольку на самом деле сейчас, с одной стороны, очень высока значимость национального вопроса и чувствительность к нему общественного мнения, с другой стороны, существует множество разных течений, принципиально по-разному отвечающих на этот вопрос даже с точки зрения националистических парадигм, ибо в России существует не одна националистическая парадигма. Это один из парадоксов современной ситуации, что в России не сложилось единой парадигмы национализма, в отличие, скажем, от ряда западных стран, и по существу, идёт борьба между этими парадигмами, и выход в легальное политическое поле, скорее всего, приведёт к ужесточению этой борьбы. Я же вижу больше смысла в том, чтобы произошло размежевание между левыми и правыми, и в рамках этого размежевания не вижу препятствий, почему ле-

вые националисты не могут стать частью более широкого левого блока. Но другой вопрос, что тогда придётся отвечать на ряд вопросов, болезненных как для националистического спектра, так и для значительной части левых, для которых любое упоминание национального вопроса в ином контексте, кроме мультикультурализма и толерантности, неприемлемо. Но эта проблема должна решаться.

**Александр Белов,
Этнополитическое объединение
«Русские»**

Следует исходить из того, что спрос есть. Спрос рождает предложение. Очевидно, что в России достаточно большое количество людей исповедует националистические взгляды. Более того, многие люди вроде бы категорически против национализма, но если вы спросите об их убеждениях, в чем они заключаются, то вы увидите, что это как раз и есть националисты. Русские националисты за долгое время показали, что они существуют и что они могут влиять на политическую повестку даже без партийной регистрации, поэтому, безусловно, национальные организации и в виде партий будут востребованы.

Если говорить о том, есть ли вообще шанс у национальных партий в случае свободных (или хотя бы ограниченно свободных) выборов преодолеть избирательные барьеры и участвовать в реальной муниципальной и законодательной власти, я считаю, что это возможно, но здесь есть ряд проблем.

Во-первых, националистам не хватает каких-то финансовых групп, которые могли бы их поддерживать — без этого в условиях конкуренции будет тяжело.

Во-вторых, если будет большое количество политических партий одновременно участвовать в выборах — это может не принести желаемого результата. То есть будут потрачены голоса и силы — и не пройдет никто. Поэтому

успех во многом будет зависеть от политических активистов, лидеров политических партий. Если не удастся договориться приемлемо, то заниматься выборами и прочим партстроительством абсолютно бессмысленно. Нет сейчас такого неограниченного электорального ресурса, который бы позволил преодолеть все избирательные барьеры в том случае, если будет две националистические партии на выборах. А если уж три — то даже разговаривать не о чем.

Если договариваться не удастся, какие факторы могут послужить тому, что какая-то одна ключевая организация станет реальной точкой сборки? Таких факторов я вижу три. Первый — это наличие неограниченного финансового ресурса, который позволит остальным сказать: «Слушайте, умерьте свои амбиции — вот вам деньги, у нас их больше, и пропаганда будет лучше».

Второй момент — наличие каких-то договоренностей, но, к сожалению, в них тяжело верить. Условных договоренностей, скажем так — определенной партии будет дан карт-бланш, что против нее не будут проводиться жесткие карательные меры, и ее вроде бы пропускают. И это может для многих послужить сигналом — «давайте попробуем, давайте сюда делегируем наших людей, не будем выступать против этой партии».

И третий — это лицензия на беспредел. То есть партия должна иметь возможность жестко влиять на людей, которые ей мешают. Речь идет о давлении, в том числе о физическом давлении. Если ты мешаешь нашей партии, если ты не согласен договариваться, то тебе будут наступать на ногу постоянно.

Борис Межуев,
кандидат философских наук,
директор фонда «Новая площадь»

Постараюсь дать на вопрос редакции максимально простой ответ: Рос-

сии нужна партия, защищающая интересы русских, но она не может называть себя «националистической партией». Люди, выступающими с антииммигрантскими лозунгами, несомненно будут пользоваться популярностью в русских регионах, однако стремление противостоять чужакам не приведет в России к готовности разделять уже живущих здесь своих по этническому принципу. Большинству русских, как ни странно, присуща определенная бытовая толерантность, а то, что часто именуется ксенофобией, чаще всего представляет собой либо организованное противодействие агрессивным этническим группам, либо асоциальное поведение общего характера. И то и другое трудно переводимо в язык идеологической политики. Тем не менее, национализм не как стройная идеология, но как потребность для русских в собственном доме заметно усиливается, и игнорировать этот факт не сможет ни одна партия, стремящаяся победить демократическим путем. Выходом из этой раздвоенности — идеологического отталкивания от национализма и естественного инстинктивного притяжения к нему — может стать социал-демократическое движение, включающее в качестве программных лозунгов требование защиты большинства трудового русского населения. Эта партия должна была бы сочетать явное стремление русских получить экономическую и политическую защиту и их в то же время неприятие национализма в жестких формулировках. Проще говоря, русский человек хочет, чтобы его не донимали и не мешали ему жить кавказские или среднеазиатские ребята, но при этом ему совершенно не хочется причинять какие-то неприятности его доброму соседу по лестничной клетке дяде Ашоту. Оба эти стремления вполне законны, и та сила, которая сможет принять их во внимание, та и заручится поддержкой большинства. Думаю, это будет будущая русская социал-демократия.

**Наталья Холмогорова, директор
Правозащитного центра «РОД»**

Я вижу два основных сценария, по которым власть может разыграть карту националистического партстроительства. Оба они не слишком хороши, но второй хуже. Возможно, будут зарегистрированы несколько или даже множество небольших партий, с тем чтобы они конкурировали между собой. Возможно, из нескольких националистических партийных проектов будет выбран один — скорее всего, самый радикальный, карикатурно-«нацистский» (или, быть может, религиозно-фундаменталистский) и непривлекательный для широких масс; именно эта партия получит регистрацию и в дальнейшем станет медийным пугалом, с тем чтобы остальные националисты вынуждены были либо присоединиться к ней, либо уходить в ненационалистические структуры.

Первый сценарий, безусловно, более выгоден для националистического движения. Конкуренция, в которой «выживает сильнейший», в конечном счете идет политикам на пользу. Зарегистрированная партия, пусть даже «карликовая» и не участвующая в выборах, — это полезный инструмент, открывающий новые возможности. Партия означает активизацию работы на местах, систематическое участие в местных и региональных выборах. Это означает, что большое число молодых людей войдет в легальную политическую деятельность, получит полезные знания и навыки, что «естественный отбор» выявит среди них талантливых организаторов и лидеров. В конечном счете многопартийность идет гражданскому обществу на пользу.

Не стоит забывать и о том, что ситуация сейчас неустойчива и в любой момент может резко измениться — и на случай таких изменений необходимо иметь под рукой готовую, пусть даже незарегистрированную, партийную структуру, которую можно будет быстро «легализовать».

С этой точки зрения партстроительство — даже в нынешней форме «партстроительной лихорадки» — безусловно, полезно.

Однако к этому занятию стоит отнестись трезво. Нет смысла складывать все яйца в одну корзину; тем более нерасчетливо и неразумно ради призрака будущей партии отказываться от уже существующих, успешно работающих, востребованных обществом структур. К сожалению, такие тенденции сейчас заметны. И не стоит забывать о том, что, пока в политической жизни нашей страны царит всевластная «охранка», пока «закручиваются гайки», запрещаются мирные собрания, политические активисты отправляются в тюрьму по явно сфабрикованным обвинениям, пока не отменена печально известная 282-я статья УК — «партийное послабление» и другие признаки либерализации политической жизни в стране остаются чисто декоративными. Мы должны бороться за реальную демократизацию страны, а не удовлетворяться суррогатами.

Павел Святенков, политолог

Перспективы у националистической партии имеются, но только в том случае, если националистам удастся выйти за пределы идеологического гетто. Сейчас главной темой националистов является борьба с нелегальной иммиграцией. Эта тема, хотя и очень важная, тем не менее находится на периферии общественного сознания. Как показывает опыт западных стран, традиционные правые партии легко инкорпорируют призывы бороться с мигрантами в свою идеологию. Николай Саркози выиграл президентские выборы 2007 года во многом на антииммигрантской риторике. Поэтому националистам нужна своя экономическая программа, из которой были бы ясны отличия националистов от левых и от либералов. Основой такой программы могла бы стать идея строительства в России государства

всеобщего благосостояния. Необходимо также сформулировать отличия позиции националистов от позиции либералов по таким вопросам, как демократия и строительство национального государства.

Иначе говоря, националистам нужно стать полноценным идеологическим полюсом притяжения, сопоставимым с левыми и либералами. В противном случае националисты обречены быть просто национально мыслящими леваками или национально мыслящими либералами, что ведет к растворению в соответствующих идеологиях. Националистическая партия может стать серьезной силой в России, только если учтет эти обстоятельства. Для этого следует изучать успешный опыт националистов в таких странах, как Израиль и Сербия.

Павел Салин, эксперт

Центра политической конъюнктуры

Сразу оговорюсь: мой прогноз касается относительно инерционного развития событий. То есть он предусматривает, что протестная активность останется либо на нынешнем уровне, либо будет расти, но власти в целом удастся удержать ситуацию под контролем. Более радикальный сценарий (революция или неприкрытая диктатура) я не рассматриваю, так как в этом случае относительно достоверный прогноз дать практически невозможно.

Я считаю, что легальные перспективы русских националистов весьма позитивны, причем они были позитивны даже без принятия закона о партиях, последний же сделал для них ситуацию еще более благоприятной. Дело в том, что электорат, разделяющий умеренно националистическую повестку дня, растет, а партия, которая этот электорат «абсорбировала», близится к закату. Я имею в виду ЛДПР, которая после скорого ухода с политической сцены стареющего Жириновского не имеет абсолютно никаких пер-

спектив, поскольку это не институциональная, а ярко выраженная вождистская партия.

Власть прекрасно осознает, что в сложившейся ситуации в ее интересах, чтобы ЛДПР получила полноценную замену, а не какой-либо державно-имперский фейк вроде Монархической партии. Лучше, чтобы националистический электорат ходил на выборы, чем выходил на улицы, особенно с учетом растущей протестной активности. Поэтому появление умеренно националистической правой партии при активном содействии власти вполне вероятно, и более того — неизбежно. Вряд ли ей позволят эксплуатировать откровенно экстремистские лозунги вроде «Россия для русских», а вот поднимать в политкорректных выражениях тему неравного финансирования отдельных регионов или, например, равенства граждан перед законом вне зависимости от их профессиональной, социальной или этнической принадлежности — вполне.

Более того, власть даже может способствовать появлению нескольких таких партий. Во-первых, чтобы не повторилось ошибки с «Родиной», которая возникла как кремлевский проект, а потом повела себя достаточно самостоятельно. Во-вторых, умеренно-националистический электорат, который будет формировать запрос на национальную повестку дня через призму социальной справедливости, будет только расти, и монополизация этого электората одной партией — не в интересах власти, ибо грозит выходом ситуации из-под контроля.

**Гейдар Джемаль, председатель
Исламского комитета России**

В нынешней ситуации объявленная возможность создавать политические партии имеет только одно положительное следствие: мобилизация человеческого ресурса в политическую активность. Несомненно, при всех перекосах и элементах карикатуры, будет

некоторый всплеск, который добавит 50–100 тысяч молодёжи, доселе вынужденно пассивной. Из них две трети будут конъюнктурщики и карьеристы, но одна треть — актив оппозиции. 15–20 тысяч молодых борцов с режимом много для любой страны; для России — это армия! Тем более, на фоне общей протестной волны, которая теперь будет только нарастать. С точки зрения электорального процесса эти партии никакой перспективы иметь не могут и не будут; да и сам процесс этот стремительно утрачивает даже символическое значение. Скоро власть попытается дать «задний ход», чем вызовет дополнительное раздражение. Новый актив будет искать путей в организации, заточенной не на выборы, а на революцию. Как известно, последняя не случается без самоубийственных декретов «самодержавия» — Октябрь'17 невозможен без Октября'05. В итоге временную свободу партстроительства стоит приветствовать, хотя и по иным мотивам, нежели полагаемые обывателем.

Елена Галкина, доктор исторических наук, профессор МПГУ

Националистическое направление на данный момент имеет наибольший потенциал для развития. Именно на этой части политического поля возможно создание новой, по-настоящему массовой партии. Только националисты в ближайшей перспективе могут возглавить протест в регионах, что не удаётся политикам и активистам из других направлений. И главное, в провинции самая организованная и при этом отчаянная молодёжь придерживается разных форм стихийного национализма. Речь идёт о фанатских и околофанатских группах, которые существуют в любом областном центре. То есть у националистов по сути уже есть готовый молодой актив низовых организаций, способный на жёсткое противостояние власти. Таким драгоценным ресурсом не обладают ни либералы, ни левые. Вопрос

в том, сумеет ли какая-либо националистическая партия привлечь под свои знамёна этих людей, вызвать у них доверие, срезонировать с их пониманием чести, братства, справедливости. Пока же я не вижу, чтобы кто-нибудь из националистов работал над данным вопросом.

Складывается ощущение, что оргкомитеты новых партий (это относится ко всем идейным направлениям) заботит прежде всего поиск спонсоров. В расчёте на симпатии бизнесменов составляются экономические программы, социальные требования либо не обозначаются вообще, либо стыдливо обозначаются в самом конце длинных политических посланий, в надежде, что потенциальный спонсор до этого места не дочитает. Такая практика — стратегическая ошибка. Опыт партийного строительства в условиях революционной ситуации и революции (а это мы наблюдаем сейчас в ряде арабских стран) показывает, что бизнес начинает оказывать поддержку только тем организациям, которые уже показали способность эффективно работать с массами и поэтому имеют однозначно хорошие перспективы на выборах. Давать деньги на коту в мешке найдётся крайне мало желающих.

Максим Брусиловский, публицист

За прошедший с декабря прошлого года «протестный период» сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, существенно «просела» идеология ортодоксального национализма. Выяснилось, что даже в те моменты, когда власть ослабевает и её репрессивный аппарат уже не справляется с зачистками недовольных, миллионы людей вовсе не спешат присоединяться к уже имеющимся нацсообществам. Никаких толп скинхедов на улицах, даже на самых массовых митингах число людей с «имперками» и соответствующими лозунгами относительно невелико в процентном отношении.

При этом сами националистические идеи явно инфильтровали большую часть политического спектра. Проблемы, ранее поднимаемые исключительно националистами (т.е. априори считавшиеся маргинальными), горячо обсуждаются повсеместно, интересы русских как народа всё чаще ставятся во главу угла представителями самых разных политических течений — я бы сказал, что происходит русификация отечественной политики. Теперь все прогрессивные веяния идут с приставкой «национал». Национал-либералы (за либеральную экономику в тандеме с национальной политикой), национал-демократы, национал-социалисты (не в «германском» значении, а в виде сочетания левых идей и «социалки» с интересами коренного населения), национал-империалисты и пр.

Ещё интереснее то, что даже в целом гражданские (т.е. не ставящие политику во главу угла, а занимающиеся чаще всего узкопрофильными проблемами) организации всё больше дрейфуют в сторону националистического дискурса. Активисты ЖКХ (проблема рейдерства, неплатежей и воровства коммунальных ресурсов мигрантами), правозащитники и выступающие за реформу законодательства (этническая преступность и коррумпирование диаспорами правоохранительных органов), экологи (хищническое использование природных ресурсов с выводом полученных средств за рубеж), вплоть до районных организаций по борьбе с местными злоупотреблениями — все постепенно проникаются «национальным вопросом».

То есть старый, более формальный национализм приобретает всё больше черт субкультуры, наподобие байкеров (своя форма одежды, символика, отдельные от прочих мероприятия), зато национализм в виде идеологии берет новые рубежи. Применительно к партстроительству это означает дополнительные очки тем, кто использует национализм лишь как одну из опор,

одновременно не суля широких перспектив декларирующим национализм единственной партийной базой.

Константин Крылов,
главный редактор журнала
«Вопросы национализма»

Русское национальное движение сейчас переживает сложный период, причём слово «сложный» здесь нужно понимать не эвфемистически, как заменитель слова «трудный» или «неудачный», а буквально — именно как «сложный».

С одной стороны, националистам удалось если не навязать обществу свою повестку дня, то вписаться в неё. «Русская тема» перестала быть абсолютно неприличной и вошла, как минимум, в общепозиционную риторику. Националисты сумели стать частью протестного движения, причём частью достаточно заметной и значимой. «Политический класс» в России готов принять националистов именно в качестве националистов — неохотно и без особой радости, как горькую пилюлю, которую, однако же, придётся проглотить.

С другой стороны, власть за двадцать лет оголтелой антирусской и антинационалистической пропаганды сумела сделать само слово «национализм» и всё с ним связанное не то чтобы неприемлемым для обывателя, но — непривлекательным и пугающим. Русский обыватель хорошо выучил, что за малейшее проявление русской идентичности может последовать какое-нибудь наказание. Уровень национального самоуничижения, готовности отречься даже от русского имени, чтобы избежать «всяких неприятностей», сейчас беспрецедентно высок. Дело дошло до того, что современные русские просто боятся называть себя русскими, предпочитая слово «россияне» даже в быту. Любые разговоры на русские темы, о русских интересах и русских правах встречаются ими в лучшем случае с настороженностью.

При этом собственно национальные интересы и требования, разумеется, никуда не девались. Русские, в общем-то, прекрасно осознают, насколько они унижены и задавлены — причём унижены и задавлены именно как этническая общность. Просто они понимают, что это положение вещей при существующих порядках никогда не изменится, а рисковать собственным благосостоянием — пусть и жалким, но всё-таки дающим надежду на сносную жизнь — и тем более судьбой семьи они не готовы.

В таких условиях легальная «русская партия» должна решать одновременно две задачи — во-первых, дальнейшую акклиматизацию в российской политической системе, хотя бы в рамках «легальной оппозиции», и, во-вторых, борьбу за голоса избирателей.

При этом складывается парадоксальная ситуация, когда позиционирование именно в качестве русской националистической партии более важно для решения именно первой задачи.

Грубо говоря, никому не нужна и даже опасна партия, отрёкшаяся от национализма и принявшая какую-нибудь другую идеологию — хотя бы потому, что она тем самым начинает претендовать на часть электората других партий. Никому не нужна, к примеру, ещё одна либеральная партия, пусть даже с лёгким националистическим уклоном — просто потому, что

такие партии уже давно существуют и имеют свои интересы и амбиции.

То же самое можно сказать о националистах, пытающихся выдать себя за левых или просто за «социальных активистов». Они вынуждены будут вступить в конкуренцию именно с теми силами, за которые себя выдают, и скорее всего эту конкуренцию проиграют.

Чтобы найти своё место в российском политикуме, партия должна быть именно националистической и заявлять о себе именно таким образом.

При этом в разговоре с потенциальным избирателем националистическая повестка должна быть изложена языком, который не вызовет у него страха или протеста. Нужно говорить о русских желаниях и требованиях так, чтобы не напугать забитых, запуганных, замордованных людей, живущих и выживающих в условиях жесточайшего национального гнёта. Всё, чего они хотят и о чём мечтают, должно быть названо приличными, безопасными словами. Здесь уместна риторика, обращаясь к демократическим ценностям, к идеалам социальной справедливости, к технократическим идеалам, к чему угодно — важно лишь, чтобы вся эта риторика использовалась для озвучивания реальных русских интересов. Избиратель поймёт и оценит это.

Разумеется, подобная игра требует ума и хладнокровия. Будем надеяться, что у русских националистов достанет и того, и другого.

Владислав Владимиров

КТО БУДЕТ ГОЛОСОВАТЬ ЗА НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТОВ?

Одной из частых ошибок новых партий является отсутствие четкого представления о том, кто является ее потенциальным избирателем (электоральное позиционирование), что, в свою очередь, определяет идеологию, лозунги, символику, методы пропаганды партии. Представления «мы скажем, что мы за русских — и поэтому нас многие поддержат, потому что большинство в России составляют русские» или «мы скажем, что мы за демократию — и поэтому нас многие поддержат, потому что большинство в России за демократию» иначе как голой абстракцией не назовешь.

Кто может стать избирателем национал-демократов в России, кого они могут охватить своей пропагандой, в каких электоральных группах обрести поддержку?

Умеренные националисты

Первая группа — «умеренные националисты». Достаточно размытое понятие — это и умеренные представители националистического движения, и националистически настроенные обыватели, своего рода «периферия» националистического движения, которая следит за его деятельностью, за публикациями в националистических блогах, в каких-то условиях может войти в националистические организации или принимать участие в их мероприятиях, но в настоящий момент этого не делает. Это условный «коллективный читатель блога Крылова», например. Электорат не очень значительный — десятки тысяч человек по крупным городам

вроде Москвы, не более. Строить на их поддержке избирательную кампанию было бы неверно, тем более что большая часть этой социальной группы (назовем ее так) — националистически настроенные обыватели — одновременно являются членами более широких и заметных социальных слоев.

Образованные горожане или средний городской класс

Вторая группа — «образованные горожане». Этот предложенный в 2008 г. Петром Милосердовым¹ термин представляется более удачным, чем любимый социологами «средний класс», так как о понимании границ (от какого уровня дохода и потребления он начинается) последнего постоянно идут споры, кроме того, в данном случае речь скорее о мировоззренческом позиционировании, нежели о сугубо финансовом. То есть вполне может быть имущественно относящийся к «среднему классу» человек, но ментально к «образованным горожанам» не принадлежащий (коммерсант-ларечник, живущий на откатах чиновник и т.д.).

Вопрос — насколько велик этот слой в масштабах России, чтобы на него рассчитывать? Социологи последние годы оценивают его в 10–20% населения страны². Однако выяснить его ак-

¹ Милосердов Петр. Русские горожане в поисках партии. Часть первая // АРП.ру. 16.06.2008. <http://www.apn.ru/publications/article20098.htm>

² См., например, исследование РБК годичной давности: Баева Елена, отдел ис-

тивный оппозиционный потенциал позволили лишь недавние президентские выборы, когда большую часть этого электората привлек Михаил Прохоров (речь идет не о том, что это избиратели Прохорова, а о том, что они голосовали за него в виду отсутствия на выборах каких-либо иных близких им кандидатов, к тому же Прохоров и его команда постарались максимально учесть приоритеты этого социального слоя). Прохоров, как известно, набрал в целом по стране 7,98%, при этом в Москве 20,45% и в Петербурге 15,52%³ (что соответствует данным опросов ФОМ и ВЦИОМ накануне выборов). Так что условный «образованный горожанин» с активной оппозиционной позицией может быть более-менее четко замерен как «избиратель Прохорова на выборах 2012 года».

При этом надо отметить такой важный момент — численность населения в городах не обязательно напрямую коррелирует с поддержкой в них Прохорова, т.е. далеко не во всех городах-миллионниках он получил близкие к столичным результаты. Чем-то подобным он мог похвастать лишь в третьем по величине городе России — Екатеринбурге — набрав там 20,44%⁴. Отчасти это можно списать на феномен популярности в городе Евгения Ройз-

мана, поддержавшего Прохорова, но не совсем. Например, Прохорову удалось занять первое место (обогнав даже Путина) на том же избирательном участке в Екатеринбурге, где на думских выборах в декабре 2011 г. «Яблоко» с 22% победило «Единую Россию» с 16%⁵.

5 марта в «НГ-Политике» (тематическое приложение к «Независимой газете»)⁶ была опубликована такая интересная сводная таблица по результатам обработки 99% бюллетеней (что достаточно близко к итоговым данным) (см. табл. 1).

Как видим, во многих городах-миллионниках результат Прохорова оказался примерно равным среднему для него по стране (Казань, Уфа, Волгоград, Самара).

В то же время в сравнительно небольших (население 100–200 тыс. человек) наукоградах Прохоров стабильно показал результаты, сравнимые с московскими или питерскими⁷ (см. табл. 2).

Речь все-таки в данном случае идет о качестве населения, а не о его количестве. В наукоградах сконцентрирован преимущественно образованный электорат, в то же время в ряде городов-миллионников он не столь велик. Хотя заметно, что поддержка Прохорова была все-таки больше в городах, представляющих из себя своего рода «провинциальные столицы» (Екатеринбург, Челябинск, Новосибирск, Омск, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород; также, как увидим далее, Красноярск).

Стоит отметить, что в этих же нау-

следований рынков РБК. Российский средний класс лоялен власти и аполитичен // РБК daily. 30.03.2011. <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/30/focus/562949979958849>. Аналогичная оценка: Инго Маннтойфель, руководитель отдела Восточной Европы и главный редактор русской редакции Deutsche Welle. Путин пока сохраняет преимущество // Немецкая волна. 04.01.2012. <http://www.dw.de/dw/article/0,,15644191,00.html>

³ Считаю Москву // Интерфакс. 05.02.2012. <http://www.interfax.ru/politics/txt.asp?id=234431>

⁴ В Екатеринбурге обработаны все бюллетени // УралПолит.Ru. 05.03.2012. http://uralpolit.ru/urfo/polit/part/id_277260.html

⁵ В Екатеринбурге нашелся участок, на котором Путин проиграл Прохорову // Новый Регион — Екатеринбург. 05.03.2012. <http://www.nr2.ru/ekb/376189.html>

⁶ Двойнова Татьяна. Сергей Дарькин оказал Кремлю последнюю губернаторскую услугу // НГ-Политика. 06.03.2012. http://www.ng.ru/ng_politics/2012-03-06/13_darkin.html

⁷ Результаты по наукоградам // Блог Kireev. 06.03.2012. <http://kireev.livejournal.com/769061.html>

Результаты голосования в городах-миллионниках (в процентах)					
	Владимир Путин	Геннадий Зюганов	Михаил Прохоров	Владимир Жириновский	Сергей Миронов
Москва	47,77	19,07	19,76	6,43	4,99
Санкт-Петербург	58,62	13,14	15,53	4,69	6,64
Новосибирск	52,42	24,11	11,91	7,03	3,25
Екатеринбург	56,7	12	20,44	4,5	6
Нижний Новгород	60,29	19,33	9,73	5,74	3,88
Самара	60,84	17,97	8,85	7,16	4,08
Омск	49,6	26,28	10,06	7,53	5,11
Казань	73,84	12,44	6,13	6,63	3,05
Челябинск	60,16	15,15	10,76	5,96	5,74
Ростов-на-Дону	58,64	19,58	10,88	5,73	3,94
Уфа	64,19	16,84	7,87	6,15	3,89
Волгоград	61,99	18,59	7,06	6,55	4,66

Таблица № 1.

кограда «Единая Россия» в декабре 2011 г. получила провально низкие результаты⁸. Однако интересно, что процент голосов за Зюганова, Миронова и Жириновского в марте 2012 г. там оказался заметно ниже, чем за КПРФ, СР и ЛПДР в декабре 2011 г. — часть их избирателей «ушла» к Прохорову. Учитывая разительную разницу идеологий между той же КПРФ и Прохоровым, получается, что это изначально был не электорат вышперечисленных партий, а просто протестно голосовавшие горожане, которым Прохоров (единственный либерал на выборах 2012 г.) в итоге оказался ближе вождей этих левых или левопопулистских экономически партий.

Добавим еще такой электоральный срез по Красноярску (с населением, лишь немного не дотягивающим до миллиона), где Прохоров в итоге набрал 12,35%⁹:

⁸ См. сводную таблицу по той же ссылке: <http://kireev.livejournal.com/769061.html>

⁹ Красноярский ЦИК подсчитал все 100% данных по выборам президента // Независи-

«Лучше всего за побеждающего премьер-министра голосовали на традиционно пролетарском правобережье. <...> Хуже всего в Красноярске за будущего президента голосовал левый берег Енисея, особенно микрорайоны с наибольшей концентрацией студентов, молодых семей, научной и культурной интеллигенции. В таких жилых массивах тройка лидеров президентской гонки — Путин, а затем Прохоров и Зюганов. Результаты выборов в Академгородке так и вовсе тянут на второй тур. В нижней части Академа за Путина высказались 47,82% избирателей, а в верхней <...> премьер-министр набрал и того меньше — 46,07%»¹⁰. В ряде этих районов Прохоров вышел на второе место, опередив Зюганова.

Вот, собственно, и портрет «образованных горожан», т.е. потенциального избирателя национал-демократов —

мое информационное агентство. 05.03.2012. <http://www.24rus.ru/more.php?UID=80676>

¹⁰ Павлов Антон. Выборы в Красноярске: победа «пролетариев» // Дела.Ru. 05.03.2012. <http://www.dela.ru/articles/vibori-prezident-2012/>

Кто будет голосовать за национал-демократов?

	Жириновский	Зюганов	Миронов	Прохоров	Путин
Дубна	5,88%	23,59%	5,81%	15,87%	47,11%
Жуковский	6,08%	25,21%	5,53%	16,68%	44,62%
Звездный	5,81%	27,37%	5,19%	17,70%	42,33%
Королев	5,15%	20,91%	4,26%	16,34%	51,63%
Красноармейск	6,77%	23,57%	4,33%	13,33%	49,79%
Краснознаменск	4,97%	17,55%	3,13%	14,31%	58,54%
Протвино	5,68%	26,27%	4,72%	14,52%	47,16%
Пушино	6,35%	26,13%	5,28%	14,14%	46,13%
Троицк	5,20%	19,91%	4,33%	19,72%	48,75%
Фрязино	5,78%	22,36%	4,62%	14,05%	51,04%
Черноголовка	5,17%	25,35%	4,97%	20,11%	41,88%
Юбилейный	5,12%	25,37%	4,95%	19,30%	43,53%
Обнинск	6,50%	21,64%	4,99%	15,09%	50,13%
Новосибирский Академгородок	3,31%	23,91%	4,34%	26,84%	39,41%

Таблица № 2.

студенты, молодые семьи, научная и культурная интеллигенция.

Добавим социальный срез по профессиям, исходя из социологического опроса «Левада-центром» участников митинга 24 декабря 2011 г. в Москве на проспекте Сахарова¹¹ (см. табл. 3).

Несложно заметить, что подавляющее большинство представителей этого социального слоя — офисные работники (71%), в основном квалифицированные специалисты (46%) или руководители различного звена (17%). Вопреки часто встречающемуся априорному мнению, что средний класс — это обязательно владельцы собственного бизнеса¹², среди опрошенных таковых оказалось всего 8%. Еще 12% составляют студенты.

¹¹ Опрос на проспекте Сахарова 24 декабря // Левада-центр. 26.12.2011. <http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-saxarova-24-dekabrya>

¹² Средний класс как опора национал-демократии (ч. 1, вводная) // Пост пользователя Fenrus_02 в сообществе Nd-club. 28.12.2011. <http://nd-club.livejournal.com/4528.html>

По проспекту Сахарова есть аналогичный, но менее внятный опрос ВЦИОМ, но цифры в итоге там оказались аналогичными — большинство участников «бунта рассерженных горожан» составили квалифицированные специалисты с высшим образованием (49%). Бизнесменов и предпринимателей — 5%, студентов — 10%¹³.

В целом по стране за пределами Москвы ситуация несколько иная (офисных служащих там все же меньше), но тем не менее ситуация похожая. Данные проведенного в начале 2011 г. исследования РБК: «По социально-профессиональному статусу к среднему классу относятся руководители среднего/низшего звена крупного/среднего бизнеса (35,9%), квалифицированные специалисты, занятые умственным трудом (29,7%), индивидуальные предприниматели, владельцы малого бизнеса (19,7%), менеджеры (10,7%)»¹⁴. Картина, близкая анало-

¹³ Митингующие в Москве: кто, зачем и как вышел на проспект Сахарова в субботу? // ВЦИОМ. 27.12.2011. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112274>

¹⁴ Баева Елена. Указ. соч.

Владелец собственного бизнеса	8
Руководитель (более 10 подчиненных)	8
Руководитель (до 10 подчиненных)	9
Специалист	46
Офисный служащий	8
Работник торговли/сферы услуг	4
Рабочий	4
Никогда не работал(а) — студент	12
Никогда не работал(а) — домохозяйка	2

Таблица № 3.

гичным опросам на Сахарова — основную массу среднего класса составляют офисные работники (76,3%), в основном опять же квалифицированные специалисты (29,7%) и руководители различного звена (35,9%), владельцы собственного бизнеса составляют лишь 19,7%. Иные пропорции по стране можно объяснить уровнем доходов в провинции, где до взятого РБК критерием принадлежности к среднему классу в виде дохода в 70 тыс. руб. в месяц «дотягивают» все-таки больше руководители, нежели даже их квалифицированные сотрудники, но процент последних тоже весьма велик.

Данный электорат является весьма перспективным в плане работы с ним, т.к. в последнее время он уже проявляет общественно-политическую активность, он компактно сосредоточен в крупных городах, прежде всего в Москве (по данным исследования РБК в начале 2011 г., 60,4% из отнесших себя к среднему классу респондентов являются жителями Москвы и Московской области) и активно пользуется Интернетом.

Однако есть ряд важных «но»:

— в масштабах страны (и всех избирателей) «образованные горожане» составляют абсолютное меньшинство, оторванное от интересов прочего населения, это практически целиком «столичный» электорат, отношение к которому в стране зачастую негативное, пагубность опоры исключительно на

него показал пример протестного движения конца 2011 — начала 2012 г.;

— этот электорат уже давно и успешно обрабатывается демократическими партиями (да и в целом близок именно к ним), прежде всего «Яблоком», значительная часть поддерживает «Парнас» (по опросам конца 2010 г. в Москве — около 10% избирателей, где-то половина среднего класса), многие отдадут голоса возрождаемым ныне партиям Союз правых сил, «Деловая Россия», «Гражданская сила», региональной «Партии дела» и т.д.

Поэтому необходимо искать также иные электоральные группы.

Защита регионалов

Такой группой (опора на которую логично бы проистекала также из идеологических и практических установок национал-демократов) могли бы стать частично *жители провинции, страдающие от потери работы и социальной инфраструктуры* (эти факторы взаимосвязаны — нет работающих производств, нет работы для местных жителей, нет социальных отчислений в местный бюджет, деградация социальной сферы, замкнутый круг). Отчасти также провинциальный бизнес-производитель, который не может пробиться со своими товарами в федеральные (чаще всего — московские) сети магазинов, в последние годы активно захватывающих регионы, такие как «Ашан», Metro, X5 Retail и т.д.

Интересы жителей провинциальных наукоградов также не аналогичны интересам столичного офисного персонала. Это — научно-производственные анклавы, заинтересованные в развитии науки и производства, а не в работе в области посреднических услуг и продаж.

Таким образом, одной из точек опоры новой национал-демократической партии могла бы стать защита развития производства, как наукоемкого (чтобы Россия становилась современной и конкурентоспособной в современном мире), так и провинциального товарного.

Виктор Дьяков

Перспективы русского либерального национализма

С чем ассоциируется сегодня в России понятие «национализм»? Усилиями всевозможных демократов-интернационалистов оно низвергнуто в самую преисподнюю. Национализм — это мракобесие, изуверство, фашизм... Он давит, уничтожает все прогрессивное, светлое и т.д. Эту «шарманку» интернационалисты крутили и сто лет назад, крутят и сейчас. Да, пещерный дикий национализм далекого прошлого или нацизм, восторжествовавший в тридцатых годах прошлого столетия в Германии, и были таковыми. Но то ведь крайняя форма течения, а все крайние формы довольно дики, — скажем, ничем не ограниченная демократия, ведущая к анархии. И наоборот, национализм может быть вполне цивилизованным, либеральным. И тому в мире есть весьма наглядные примеры.

Самый яркий из них — Швейцария. Да-да, именно там правит бал самый настоящий либеральный национализм, ибо стоящая у власти в стране с 1959 года Швейцарская народная партия проводит именно националистическую политику. Может быть, не столь явно, но ту же тенденцию можно наблюдать и в Финляндии. Это успешные, благоустроенные страны, а Швейцария — так страна с одним из самых высоких в мире уровнем жизни. Там не преследуют инакомыслящих, не притесняют по национальному и религиозному признаку никаких приезжих мигрантов, но в то же время коренные швейцарцы — хозяева своей страны, и никакие ни евреи, ни мусульмане, ни прочие иностранцы,

откуда бы они ни приехали в поисках «швейцарской прописки», не будут обладать теми же правами и свободами, что и коренные швейцарцы. Не только внутренняя, но и внешняя политика страны направлена прежде всего не на благо каких-то там богачей-банкиров и высших госчиновников, а всех швейцарцев, даже если это и выходит за рамки этических норм.

Показательна история с золотом, которое в фашистских концлагерях получали после переплавки золотых зубных протезов, оставшихся от уничтоженных в газовых камерах евреев. Швейцария не побрезговала это золото принять и использовать на благо своих граждан. Деньги в швейцарских банках держат нувориши со всего мира, начиная от легальных богачей, монархов и олигархов и кончая всевозможными бандитами и наркоторговцами. Цинизм? Возможно, но в самой Швейцарии, тем не менее, нет супербогачей, миллиардеров-олигархов — как в России или Индии и Мексике, зато уровень жизни простых людей очень высок. Так где же больший цинизм: в политике швейцарского правительства, во все времена на первое место ставящего заботу о своих гражданах и неофициально «плюющего» на весь остальной мир, или властей России, все время беспокоящихся о ком угодно, кроме своих рядовых граждан (и при царях, и при генеральных секретарях, и при президентах). С кого же брать пример: с «циничного» швейцарского правительства или со «справедливого» нашего?

Тем более никто Швейцарию не обвиняет, не клеймит позором. Даже мировое еврейство, пошумев насчет золотых челюстей жертв Майданека и Освенцима, в конце концов замолчало, наткнувшись на полное равнодушие швейцарской стороны. Опять цинизм? Но почему не считается цинизмом равнодушие правительств тех стран, которых не волнуют страдания собственных народов? Стойкость швейцарских властей в отстаивании интересов коренного населения проявилась и совсем недавно. Приехавшие «погреться» в Швейцарию мусульмане по примеру своих собратьев из других западноевропейских стран захотели для себя получить какие-то особые права. В Швейцарии у них этот номер не прошел: не будет вам ни минаретов, ни прочей исламской атрибутики, ибо коренные граждане страны этого не хотят, не хотят криков муэдзина «аллах акбар» и прочих прелестей «мультикультурализма». А воля коренных швейцарцев в их стране священна. И опять же при всем при этом Швейцария страна свободная, демократическая.

Вот так, учитесь жить! Да не только россияне учитесь — учитесь французы, бельгийцы и жители прочих стран, где коренные жители едва ли не пятый угол ищут от все растущей наглости мигрантов и их потомков.

* * *

Конечно, Россия не Швейцария. Швейцария по-своему уникальна и неповторима; потом, это небольшая страна. Нужно и возможно ли у нас в России использовать данный опыт? Ведь у нас даже к тому же исламу подобным образом относиться нельзя, ибо наряду с агрессивными кавказскими мусульманами в России живут мусульмане мирные, татары и башкиры, к тому же они вместе со славянскими и финно-угорскими народами принимали самое непосредственное участие в строительстве великой России

от Балтики до Тихого океана. Так что тут швейцарский опыт... Впрочем, обратимся к отечественной истории.

Из истории известно, что на рубеже XIX–XX вв. российское общество состояло из немногочисленных имущих сословий, имевших законодательно утвержденные привилегии, обеспечивавшие им высокую степень личной свободы, материального благополучия, возможности развития врожденных способностей (дворяне, купцы, духовенство), и подавляющего большинства представителей неимущих слоев, фактически лишенных вышеперечисленных привилегий (крестьяне, рабочие). В советское время имущественную градацию общества заменила должностная: немногочисленная власть имущая номенклатура — и прочая безвластная масса: рабочие, колхозники, интеллигенция...

Что же мы имеем сейчас, по истечении почти двух десятков постсоветских лет? Пожалуй, все современное российское общество можно грубо разделить на три слоя плюс еще одна весьма существенная прослойка, связанная со всеми слоями. Итак, верхний слой: высшие госчиновники, олигархи миллиардеры и подпирающие их миллионеры, прочие состоятельные граждане и члены их семей. То есть либо те, кто имеет большую власть или большие деньги, либо и то, и то. Верхний слой невелик, примерно не более пяти процентов от общего числа граждан. Средний слой (не путать с понятием средний класс, такового у нас вообще нет): интеллигенция, рабочие, фермеры, мелкие предприниматели, обычные пенсионеры. Достаток этих людей не выше среднего, и, естественно, они не имеют никакой реальной власти. Это подавляющее большинство населения — до 80%. Ну и низший слой — люмпены, количественно примерно равный верхнему, — где-то те же 5%.

Получается, не учтены 10% населения. Это как раз и есть та особая прослойка, которую нельзя отнести ни к

одному слою, и в то же время она связана со всеми тремя. Это чиновники среднего и низшего звена. В результате выстраивания пресловутой «вертикали власти» данная прослойка в последние годы разрослась, разбухла где-то до тех самых 10%. Верхний слой она обслуживает, выходцами из среднего слоя постоянно пополняется, а с нижним слоем взаимодействует... В общем, от криминала чиновники берут взятки, за что частенько закрывают глаза на их махинации и преступления.

В чем сходство и отличие современной модели российского общества от предыдущих? Сходство в том, что она сохранила черты их обоих, общество делится как по имущественному, так и по должностному признаку. Отличие: все слои имеют различную национальную «раскраску». Верхний и нижний слои достаточно интернациональны по составу и очень активны. Средний слой достаточно пассивен и национально более однороден, он состоит из русского и прочих коренных народов России. (Здесь надо сразу внести ясность, что северокавказские народы вряд ли следует считать коренными народами России, прежде всего потому, что они в большинстве своем никогда себя сами россиянами не считали, и по той причине, что их суммарный вклад в строительство государства Российского нельзя даже оценить как мизерный или нулевой, только со знаком минус.)

Несмотря на политическую пассивность, именно средний слой создает практически все как материальные, так и духовные блага. Чиновная прослойка тоже в основном коренная, но, естественно никаких благ не производит. Что же касается активных нижнего и верхнего слоя, то здесь тон в основном задают представители народов, не являющихся исконными для России. В верхнем слое, особенно в среде крупного бизнеса, буквально с момента зарождения постсоветской России преобладали евреи (это ни для кого не секрет) и имеется немало выходцев с

Кавказа. В нижнем слое, криминальной среде, наибольшее влияние имеют (что тоже ни для кого не секрет) моноэтнические кавказские ОПГ. Этими ОПГ собственно русский криминал либо подмят, либо они совместно «доют» и грабят прежде всего средний слой, то есть русских и близкие им по ментальности народы.

Нет ничего более жестокого и в то же время трусливого и беспринципного, чем русские люмпены, так называемые «братки». Грабя и издеваясь над своими соплеменниками вместе с кавказцами, они не смеют трогать даже простых кавказцев, торговцев, обывателей, потому что те все находятся под защитой своих земляков-бандитов. Кавказский криминал прежде всего национально ориентирован, наши же бандиты только по паспорту считаются русскими, а на самом деле их национальность называется — *вор*, и этим все сказано. В этом главная причина, почему выстроенные на национально-семейной основе кавказские ОПГ — самые сильные и влиятельные в России. Таким образом, первым противником среднего слоя является именно этот нижний слой, слой преступников, чужих и ходящих «под ними» своих.

Впрочем, и верхний слой относится к своему кормильцу ничуть не лучше, как в свое время помещики к крепостным. И здесь в основном олигархи-русские так же презируют народ, из среды которого вышли, как и олигархи-евреи и олигархи-кавказцы. В чем отличие Прохорова от Ходорковского? Да ни в чем. Эти русский и еврей совершенно одинаково презируют русский народ, только Прохоров на власть до последнего времени не замахивался, потому и на свободе и при капиталах. В верхнем слое роли строго распределены: одним большие деньги, другим власть, а сосредоточить в одних руках обе ипостаси — это уже перебор. Прохоров это хорошо понимает, потому без всякого опасения делает заявление о желательности введе-

ния законодательным путем в России шестидесятичасовой рабочей недели. Он не просто циничный технократ, он враг прежде всего русского народа, потому что именно русский и близкие ему по ментальности народы будут испытывать основные тяготы этого ежедневного двенадцатичасового труда. И евреи, и кавказцы этих тягот наверняка счастливо избегут, ведь они в основном пристроились в верхнем и нижнем слоях (многочисленных кавказских торговцев тоже следует причислить к нижнему слою, потому что они на российских рынках безбедно существуют именно под крылом своих этнических ОПГ и за счет взяток чиновникам), потому под пресс планируемого «олигархического труда» никак не попадут.

За почти два десятилетия существования нового российского капитализма (русским в отличие от капитализма рубежа XIX–XX вв. его никак нельзя назвать) ни один из олигархов не заявил о своей национальной идентичности. Что касается олигархов-евреев, то тут все предельно ясно, но такую же национальную безликость за редчайшим исключением демонстрируют и ставшие нуворишами русские. Они, как и большинство русских воров, перестали быть русскими, так же без зазрения совести презирают и грабят средний слой. Воры — те хоть не лицемерят, в открытую признаются, что доили и будут доить лохов, а вот олигархи... они именно себя считают благодетелями и кормильцами миллионов русских. Таким образом, можно с большой долей вероятности констатировать, что русский дух отсутствует не только в криминальной среде, нет его и в верхнем слое — слое крупного капитала.

Но ведь верхний слой состоит не только из крупных бизнесменов, там же присутствуют и высшие госчиновники, руководители государства, и они вроде бы русские, во всяком случае позиционируют себя таковыми. Так, может быть, следует надеяться на прояв-

ление родственного духа и, как следствие — заботы о среднем слое со стороны первых лиц государства? Обратимся опять к истории Российской империи и СССР. Сколько за четыреста лет существования этих государств страной руководили... нет, не умные люди, не выдающиеся государственные деятели, реформаторы, а люди, любящие все русское, патриоты в душе, патриоты, на первом месте для которых не Империя, не Союз, а русский народ, его благополучие? Увы, за четыреста лет нашелся всего один такой, государь-император Александр III, и процарствовал он всего лишь тринадцать лет. Он не был великим реформатором, но он искренне желал блага и процветания именно русскому народу. Остальные... в лучшем случае они были к русским совершенно равнодушны, а некоторые откровенно ненавидели русский народ, видя в нем «навоз под пашню» для взращивания их реформ и вселенских экспериментов (Петр I, Ленин...), обворовывали его в угоду своей малой родине (Хрущев, Брежнев, во времена правления которых расцвела Украина). Так что ожидать появления правителя, любящего все русское и желающего блага русскому народу... В общем, не дождемся.

Исходя из этого, фактически почти весь нынешний верхний слой враждебен среднему. Ну а так как и чиновничья прослойка, средние и мелкие функционеры власти находятся в прямом подчинении у высших госчиновников и берут взятки от криминала, то и они — вольные или невольные, но враги среднего слоя.

Таким образом, получается, что средний слой зажат политически активными, наделенными властью, деньгами, применяющие все дозволенные и недозволенные методы борьбы (вплоть до уголовных) противниками, потому и влачит в большинстве своем нищенское существование. Налицо вроде бы взрывоопасная ситуация, но, к счастью, современный средний слой —

это не крестьянство и не рабочий класс начала прошлого века, способный взорваться и разрушить все до основания (чем и воспользовались большевики). Современный русский народ в ходе эволюции, слава Богу, утратил черты взрывоопасного бунтарства, потому сейчас и невозможны ни еврейские, ни даже кавказские погромы, хотя поведение кавказцев в русских городах и селениях провоцирует оные. Мы стали цивилизованной нацией, и потому наши проблемы надо решать цивилизованно, но их надо решать, в противном случае нас ждет судьба чрезмерно цивилизованных европейских наций, которым мигранты уже фактически сели на шею. Только у нас это будет еще страшнее.

* * *

Сам собой возникает вопрос: почему же такая потенциально огромная политическая сила, как средний слой российского общества, столь беспомощна? Прежде всего потому, что ни одна из ныне существующих политических партий не представляет интересы большей части среднего слоя.

Например, правящая партия «Единая Россия»; кого она представляет? Не нужно семи пядей во лбу, чтобы понять: это партия чиновников, тех десяти процентов из чиновничьей прослойки и их «боссов» из верхнего слоя. Почему же она набирает на парламентских выборах до семидесяти процентов голосов избирателей? Ну, во-первых потому, что те голоса считают те же чиновники. Хотя и без того, безо всех «вбросов» единороссы наберут голосов намного больше всех, потому что другие партии большинству избирателей кажутся еще хуже. Таким образом, у «Единой России», партии чиновников, фактически нет конкурентов, и она обладает полной монополией на власть. А отсутствие должной конкуренции рано или поздно приводит к вырождению и краху правящей верхушки. Об этом свидетельствует и ми-

ровая, и отечественная история: Рим, Византия, Российская империя, СССР.

Необходима альтернативная политическая сила, способная конкурировать с «Единой Россией». Но в той же Государственной Думе присутствовали и присутствуют партии помимо «Единой России», и казалось бы, они должны всячески повышать свой рейтинг; но, увы, этого не произошло в первую очередь из-за отсутствия у них достаточно значимой социальной базы.

Союз правых сил — партия, представлявшая интересы прежде всего крупного капитала. Она никак не могла стать полновесной политической партией из-за вышеозначенной узости социальной базы.

«Яблоко»? Да, некогда за них голосовала часть среднего слоя, «интеллигенты в стоптанных ботинках». Но интересы широких слоев русского народа выходцу с Западной Украины Явлинскому оказались явно чужды, что и предопределило крах «Яблока» вслед за СПС.

КПРФ? Эта партия ностальгирующая по «светлому социалистическому вчера» пожилых людей, причем далеко не всего старшего поколения, а в основном тех, кто в том «вчера» был неплохо устроен, и фанатов коммунистической идеи. Но у нашего народа такая сильная «прививка» от коммунизма, полученная в ходе полукрепостных и полуголодных семидесяти советских лет, что никакие воспоминания о победе в Великой Отечественной войне, успехах в освоении космоса и прочих советских достижениях не заставят подавляющее большинство современных русских людей вернуться в «социалистический рай».

Не стоит серьезного разговора и ЛДПР, партия, которая фактически не имеет ни социальной базы, ни пригодной к внедрению на практике программы. А те десять процентов, что они набирают на выборах, в первую очередь обеспечены харизматичной «кло-

унадой» Владимира Жириновского и опять же негласной поддержкой партии власти. «Единая Россия» использует совершенно неопасную ей ЛДПР для создания видимости коллегиальности в Думе и чтобы через нее, как через гудок, время от времени выпускать «националистический русский пар». Дескать, вот вам партия, через которую мы предоставляем вроде бы возможность и националистам заявить о своих правах.

То, что самоорганизовавшиеся чиновники из «вертикали власти» создали наиболее боеспособную в настоящее время партию — это факт, хотя они представляют не более десяти процентов населения. Еще один непреложный факт — в России сейчас вообще нет партии, представляющей большую часть общества, наподобие демократов и республиканцев в США, лейбористов и консерваторов в Великобритании, народной партии в той же Швейцарии или эсеров в последние годы существования Российской империи. Партии нет, но есть наиболее многочисленный слой общества, тот самый законопослушный и пассивный средний слой, в основном состоящий из трудовых русских людей, чьи интересы фактически никто не представляет.

Теперь вновь вернемся к вопросу о национализме. Есть ли и были ли в постсоветские годы в России националистические организации? Да, были и есть. Но насколько широкой поддержкой того среднего слоя, фактически русского народа, они пользовались и пользуются? ДПНИ, РНЕ, скинхеды и др.? Увы, ни одна из этих и им подобных националистических организаций, все равно — легальных или нелегальных, не стала выразителем чаяний и боли большинства русского народа. И это несмотря на то, что официальная власть их не очень-то и давила. Она бы, конечно, давила их куда сильнее, если бы чувствовала с их стороны опасность для себя. Но какая может быть опасность со стороны органи-

заций, не сумевших за довольно-таки продолжительный срок (более полтора десятка лет) ни объединиться, ни привлечь в свои ряды достаточное количество сторонников? Да, в организациях скинхедов на рубеже девяностых–двухтысячных годов насчитывалось довольно много членов. И что, они сумели добиться чего-то существенного, хотя бы уменьшить поток нелегалов-иммигрантов или дать отпор вконец обнаглевшим кавказцам? Нет, и нелегалов год от года все больше, и кавказцы, подмяв под себя или захватив полностью большую часть мелкого и среднего бизнеса в России, творят что хотят: как резали и насиловали, так и режут и насилуют, а потом, подкупив чиновников, уходят от ответственности или отсиживаются на Кавказе, где российские законы не действуют. Вывод напрашивается сам: экстремисты, крайние националисты в борьбе с нелегальной иммиграцией и Кавказом расписались в своей полной беспомощности, и их значение явно сходит на нет.

Так что же делать? Неужто потомкам тех, кто победил сильнейшие в свое время армии Наполеона и Гитлера, не под силу справиться с захватчиками, все гуще заселяющими доставшуюся нам от наших предков землю и с каждым годом все более ощущающими себя здесь полноправными хозяевами? Поступить, как французы или бельгийцы, делать вид, что ничего не происходит, проводить политику терпимости, толерантности? А может, все же взять пример со швейцарцев, создать и привести к власти партию, которая сумеет без лишнего шума и огласки поставить все более наглеющих пришельцев на место, а тех, кто не согласится «становиться», — выгнать? Причем применять эти меры не только к лицам из нижнего слоя, но и из верхнего, дать наконец понять, на чьей земле живут и чей хлеб едят.

Не испытывающая конкуренции в борьбе за власть ныне правящая пар-

тия, конечно, ничего подобного не предпримет. А зачем? После посадки Ходорковского олигархи сделали выводы, на Кремль уже не зарятся, доходами делятся. Курируемый Кавказом криминал, за исключением боевиков-отморозков, тоже власть никак не задевает, к тому же от них постоянно кормятся низшие чиновники. А то, что страдает средний слой... Ну так власти от того ни холодно, ни жарко. Это же не их Прохоров собирается заставить работать по двенадцать часов в день, и не их сыновей режут джигиты, и не их дочерей насилуют.

* * *

Чтобы партия власти хоть как-то подумала о своем народе, надо создать ей наконец партию-конкурента. Эта партия должна создаваться не для обозначения представительства в обеих палатах парламента, как все нынешние присутствующие там партии (кроме «Единой России»), а стать настоящим конкурентом, способным бороться за реальную власть. И таковую возможно создать, если опереться даже не на весь, а хотя бы на большую часть среднего слоя, большинство русского и близких ему по ментальности народов, создать партию, которая станет отстаивать его истинные интересы, а не радеть об эфемерном всеобщем благоденствии. Нет никакого сомнения в том, что большинство русских в душе — либеральные националисты, и услышав наконец идеи, близкие их внутреннему самосознанию, например: отделить Чечню, Дагестан и Ингушетию, чтобы они не только де-факто, но и де-юре перестали быть субъектами Российской Федерации и тому подобное... они, конечно же, проголосуют за эту партию. При этом партия может и не называться либерально-националистической — как уже упоминалось, в Швейцарии она называется народной.

Слепо копировать Швейцарию России не с руки. Нам нужен свой, рус-

ский либерал-национализм, основанный на схожих принципах. Да, Россия страна, где подавляющее большинство населения составляет один народ — русский, до 80% населения; еще около 10% составляют народы, либо родственные русским по крови и языку (славяне), либо фактически уже давно слившиеся с русскими (угро-финны). Примерно 5% — уже давно мирно сосуществующие с русскими и совместно с ними строившие Россию: татары, башкиры, чувашаи, калмыки, якуты, малые народы Севера... Ну и оставшиеся 5% — это в основном немирные кавказские народы.

Исходя из вышеизложенного, либеральный национализм может быть приемлем, как минимум, для 90% населения России. Кавказцев он, конечно, не удовлетворит ни в коем случае, ведь их, как правило, с детства воспитывают в духе своего абсолютного национального превосходства: Аллах над нами, Россия под нами. Как бороться с этой силой либерал-националистам? Только на государственном уровне. Ни в каком подполье или полуподполье бороться не имеет смысла. Поэтому и нужна сильная легальная партия, которая сможет воздействовать на властные структуры, вплоть до введения соответствующих законов.

Главный лозунг либерал-националистов должен быть таков: мы уважаем все народы, их права и достоинство, но в своей стране никому не позволим жить не по нашим законам, не позволим на нашей земле жить лучше и вольготнее нас, коренных народов этой страны. На своей земле, в своих странах — пожалуйста, устраивайте для себя рай на земле, но не у нас и не за наш счет. Почему в Германии лучше всех живут немцы, в Англии — англичане, в Швеции — шведы и т.д., и это естественно, и никто за это эти нации не осуждает? Почему же тогда в России средний уровень жизни евреев, армян, грузин, азербайджанцев выше, чем у русских, татар, баш-

кир, мордвы, карел и т.д.? Разве это нормально? Вот оно, непаханое поле деятельности для либеральных националистов, поле, которое и не собираются «пахать» прочие российские политические партии.

При этом надо всегда помнить, что превращение в доминирующую политическую силу — это путь в тупик. Недаром в той же Швейцарии правящая народная партия не имеет абсолютного большинства ни в одной ветви власти, а фактически правит вместе с социал-демократами. Данное примерное равновесие в конце концов не дает возможности чрезмерно зарваться первым и в то же время не позволяет дать слишком много прав и свобод мигрантам — вторым. В соперничестве, например, с той же «Единой Россией» или любой другой партией либеральные националисты могут заложить основы, которых еще никогда по-настоящему не существовало в России, — основы настоящей демократии. У нас же все время имели место диктатуры: аристократов, рабочего класса (вернее, заместивших его партийных функционеров, номенклатуры), сейчас чиновников. Если бы у «Единой России» была бы примерно равная ей по силе конкурирующая партия, разве можно было бы столь безответственно вложить миллиарды долларов в американские ценные бумаги или забухать не менее огромные средства в Олимпиаду и всевозможные чемпионаты мира, когда у страны не счесть социальных, экономических и межнациональных проблем? Не слишком ли большая цена за удовлетворение вкусов-капризов

отдельных не подотчетных никому высших госчиновников?

Сложность внедрения идей либерального национализма на российскую почву заключается еще в том, что таковые еще никогда здесь не апробировались. Нас слишком долго воспитывали в духе интернационализма в советский период. Поэтому, чтобы завоевать симпатии того же среднего слоя, необходимо отказаться от всяких догм. Увы, догмы православия уже не привлекают большую часть нашего народа. Потому либеральные националисты ни в коем случае не должны объявлять в качестве национальной доминанты религию, то есть провозглашать, что все настоящие русские обязательно должны быть верующими, православными. Главной доминантой должно стать понятие — *русское*. Причем никакой проверки на чистоту крови быть не должно, чистые русские или нечистые, или русские только по духу и культуре — добро пожаловать. Русскому либерал-национализму должны стать близки едва ли не все течения русской жизни (в культуре ли, в общественной жизни), на то он и либеральный.

Идеи либерал-национализма, сознательно или бессознательно, разделяет большинство русского народа. В конце концов и «рядовые» из «вертикали власти» должны осознать, что лучше присоединиться к народу, из которого они вышли, а не к олигархам и люмпенам. Когда либерал-националисты смогут стать действительным голосом русского большинства, не считаться с ними не сможет никто.

Борис Кагарлицкий

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ УКРАЛ ЛЕВОГО ИЗБИРАТЕЛЯ

Во Франции появилась новая, набирающая популярность у избирателей политическая фигура. Это — Марин Ле Пен, с января прошлого года возглавившая Национальный фронт после того, как удался на покой ее отец и основатель партии Жан-Мари Ле Пен. Для французского общества Марин Ле Пен представляет собой фигуру одновременно и достаточно типичную, и неожиданную.

Энергичная дама средних лет, дважды побывавшая замужем и мать двоих детей, разведенная и живущая сегодня с «компаньоном» — Луи Алио, вице-президентом Национального фронта, она является образцом преуспевшей и независимой женщины, при этом с откровенной неприязнью отзывается о феминизме. Что, кстати, вполне нормально для современной француженки, но совершенно не принято среди политиков.

В этом как раз и состоит «аномалия» Марин Ле Пен: сходство с массовым обывателем, представления, страхи, предрассудки и здравый смысл которого она вполне разделяет, как раз и делает ее настоящей «белой вороной» в рядах «политического класса». Там приняты собственные идеи, нормы и представления, давно уже не имеющие ничего общего с тем, что составляет жизнь «обычных» людей.

Политическая карьера Марин Ле

Пен долгое время развивалась в тени ее отца. Она родилась в 1968-м. По окончании университета работала адвокатом. В Национальный фронт вступила в 1986-м, в 2003-м заняла там пост исполнительного вице-президента, по сути взяв на себя руководство аппаратом партии, а в 2004-м была избрана депутатом Европарламента.

Противники Марин Ле Пен постоянно вспоминают ее скандальные заявления, например, когда она сравнивала «понаехавших» во Францию мусульман с немецкими оккупантами в годы Второй мировой войны — тем самым она обидела не только мусульман, но и немцев. А совсем недавно, после начала «арабских революций», потребовала возвращать в нейтральные воды корабли с иммигрантами, которые пытаются прорваться в Европу. Впрочем, в последнем случае правительство Франции заняло позицию, не слишком отличающуюся от той, которую заняла руководительница Национального фронта: власти на несколько дней закрыли железнодорожное сообщение с Италией, чтобы не пропустить оттуда тунисцев и ливийцев, которых, со своей стороны, итальянские власти пытались переправить на территорию соседних стран Евросоюза.

Нет ничего удивительного в том, что, будучи лидером националистической партии, Марин Ле Пен периодически делает заявления, которые, мягко говоря, нельзя считать политкорректными. Однако отнюдь не в этом секрет стремительного роста ее популярности.

Сменив отца на посту лидера, она успешно модернизировала партию. На-

Журнальный вариант. Основан на авторских публикациях: http://www.stoletie.ru/politika/marin_le_pen_orevuar_politkorrektnost_2011-06-02.htm; <http://vz.ru/columns/2012/4/24/575846.html>

циональный фронт, ранее выступавший в качестве провинциальной и консервативной силы, сегодня все более активно обращается к среднему классу крупных городов, к молодежи, переманивая на свою сторону избирателей — как справа, так и слева.

На самом деле уже при прежнем руководстве Национальный фронт сумел извлечь выгоду из упадка компартии. Анализ голосования в 1990-е показал, что националисты стали набирать голоса в рабочих предместьях, где раньше безраздельно господствовали коммунисты. Деморализованная после распада СССР компартия стремительно теряла сторонников и активистов, а прочие левые дружно отворачивались от рабочих, считая их «классом прошлого». Левые занимались интеллектуальными играми, вели агитацию в университетах, рассуждали о постиндустриальном обществе или, напротив, предавались сектантской ностальгии, обмениваясь старомодными обвинениями. Социалистическая партия превратилась в ведущую неолиберальную силу, обслуживающую интересы крупного финансового капитала и отличающуюся от правых только роскошью личного потребления начальства и готовностью по любому поводу и даже без повода расхваливать преимущества капитализма — ничего подобного правые и консервативные политики себе не позволяли. Другим отличием социалистов от правых стала их претензия на защиту прав меньшинств — религиозных, этнических и, естественно, сексуальных. При этом сами меньшинства отнюдь не призывали официальных левых на роль защитников. А звучавшие одновременно призывы уважать ислам и права гомосексуалистов звучали несколько странно, учитывая то, что законы шариата не оставляют ни малейших шансов для «нетрадиционной сексуальной ориентации».

Радикальные левые увлеченно играли в те же игры. Помню, как в Берлине я попал на собрание местных активистов, где две сотни участников обсуждали вопрос о правах турецкого населения. В зале не

было ни одного турка, ни одного араба, и, кроме меня, вообще ни одного человека, который не был бы «истинным арийцем». На мой вопрос о том, что по поводу всех этих речей думают сами турки, присутствующие реагировали с откровенным возмущением. Кто же их, турок, будет спрашивать?

Неудивительно, что такое «левое движение» не только утратило связь с рабочим классом, но постепенно потеряло и связь с социальной реальностью как таковой, превратившись в политическую игру самодовольных интеллектуалов. Рабочих в буквальном смысле отдали Национальному фронту. И с этим давно уже смирилась большая часть «прогрессивной общественности». Однако электоральная география показывает, что проголосовали за НФ не только провинциальные лавочники и преданные левыми партиями рабочие. Успех в южных регионах страны свидетельствует о том, что среди его избирателей были также иммигранты второго поколения, те самые арабы и негры, которых либеральная Франция все еще собирает под националистов защищать.

Разумеется, речи Марин Ле Пен сдобрены изрядной дозой исламофобии, которую, впрочем, она тщательно отделяет от расизма. Однако практическая программа, предлагаемая Национальным фронтом, выглядит вполне привлекательной для непривилегированной части французов — независимо от цвета кожи. Причем некоторые заявления в устах политика-националиста звучат совсем неожиданно.

Бессмысленно закрывать границы и сдерживать иммиграцию полицейскими мерами, говорит новый лидер НФ. Для того чтобы «выключить эмигрантский насос», нужно помочь людям в Африке и на Ближнем Востоке решить свои социальные проблемы на местах, помочь созданию там хороших рабочих мест.

«Лучше направлять средства в Африку и на Арабский Восток, инвестировать деньгами, технологиями, интеллектом — чем угодно, — вот ее

мнение. — Лучше там строить стабильные демократические общества, сколько бы трудным и длительным ни был этот процесс». Марин Ле Пен напоминает, что экономическая политика, которая привела арабские страны к социальной катастрофе, пользовалась полной поддержкой Запада. Она осуждала теперь уже бывшего президента Николя Саркози, который устроил «показательную порку самому обездоленному меньшинству» — депортировал 15 тысяч румынских цыган. При этом, однако, не забывает напомнить, что вскоре почти все цыгане вернулись назад.

Марин Ле Пен заговорила об интересах страны, произнесла то, что во Франции много лет все знают и думают, но никто из политиков, ни левых, ни правых, говорить не осмеливается.

Французы ненавидят Евросоюз, они не хотят идти на социальные жертвы ради стабильности евро, они не хотят, чтобы иммиграция использовалась как инструмент для разрушения социального государства. И самое привлекательное для французов в речах Марин Ле Пен — это призыв к выходу из Евросоюза. Если вообще есть что-то, действительно объединяющее народные массы большинства западноевропейских стран, так это именно ненависть к брюссельской бюрократии, претендующей на то, чтобы говорить от имени «Единой Европы». И опять получается так, что из всех французских партий НФ — единственная, решающаяся прямо призвать к выходу страны из ЕС и из еврозоны:

«Нам ведь скормили Евросоюз как якобы единственный способ быть экономически и политически сильными в противостоянии с США, Китаем, Индией и Россией. Однако мы никогда не были так слабы, как сейчас! У Франции не осталось ничего: ни своих денег, ни суверенной территории, ни возможности принимать самостоятельные экономические или политические решения. Мы на вассальном положении. Франция — не нация больше, а придаток Евросоюза и умирающего евро». А еди-

ная валюта — выдумка немецких банкиров, считает Марин Ле Пен: «Германия же завтра вполне может первой заявить о выходе из еврозоны. Саркози и другие сейчас нас кормят сказками о конце света, который наступит сразу за концом евро: мол, евро надо сохранить любой ценой. Я же говорю, что цена эта будет слишком высокой. Ирландия уже прогибается под тяжестью евро: сокращены зарплаты, пособия по безработице, социальные выплаты... Европа никогда не знала такой глубокой рецессии, как в 2009 году. При этом у европейских стран не было возможности реагировать на кризис — они все были повязаны единой валютой. К примеру, с 1949-го по 1989 год франк потерял 75 процентов стоимости к немецкой марке, но экономический рост во Франции в целом соответствовал показателям ФРГ. Теперь же мы не можем играть на курсе, а значит, лишились серьезного инструмента воздействия на экономику. Кроме того, за состоятельность евро платят не правительства, а простые граждане. Посмотрите на ежедневные траты французов: с переходом на евро круассан подорожал на 23 процента, кофе — на 45, килограмм картошки — на 133 процента. Если мы вернемся к франку, пусть даже при курсе обмена 1:1, мы выйдем из этого замкнутого круга высоких и постоянно растущих цен. Посмотрите на европейские страны, которые не стали участвовать в этой авантюре, — Данию, Норвегию, Швецию. Рост экономики у них в среднем 2,5 процента против 1,3 процента в странах еврозоны, безработица — 5,4 процента против 8,6 процента в странах евро, бюджетный дефицит — 1,5 процента ВВП против 2,6 процента у всех остальных.

Евросоюз со своей валютой — это огромный издыхающий кит, хотя никто еще открыто в этом не признается.

Чем быстрее мы избавимся от этой туши, тем быстрее сможем создать новую Европу, которая будет простираться от Бреста до Владивостока и которая будет единой, при том, что каждая нация будет отстаивать национальные интересы».

Любопытно, что в качестве образца лидер французских националистов ссылается на те страны, где именно левые не допустили полной интеграции своего национального государства в «европейский проект». Точно так же в Финляндии «истинные финны» заявляют о соединении «национальных ценностей» и «традиционной левой социальной политики». Однако в самой Франции, как и в большинстве других стран еврозоны, ситуация сложилась иначе. Левые отказались от борьбы с неолиберальными институтами, сведя дело к общей, ничего не значащей риторике. И вот то, что много лет не решались сказать левые, наконец публично сказали правые.

Когда один из основателей Левой партии Германии Оскар Лафонтен рискнул произнести несколько слов о проблеме трудовой миграции — всего лишь констатировав общеизвестный факт, что приток рабочих из-за границы используется капиталом для усиления конкуренции на рынке занятости и снижения заработной платы трудящихся, — на него обрушился поток политических обвинений и просто брани со стороны собственных товарищей. Таким же табу является тема миграции для французских левых. И дело, разумеется, не в том, чтобы солидаризироваться с правыми националистами, которые видят в миграции причину всех бед страны. Просто невозможно дать собственный ответ и сформулировать пути решения проблемы, если ее запрещено даже упоминать.

Вместо того чтобы обсуждать проблему на рынке труда, говорят о расизме, от которого страдают мигранты, не желая признавать хорошо известного факта, что от притока новых мигрантов больше всего страдают именно мигранты, приехавшие ранее, и их дети. Именно им приходится конкурировать на рынке труда с новоприбывшими, именно им подобная конкуренция создает наибольшие проблемы, поскольку мешает сконцентрировать личные и семейные ресурсы на успешной интеграции в европейское общество, получении образования.

К тому же всплеск расизма и ксенофобии, действительно связанный с притоком «чужаков», больше всего бьет именно по той части арабов или африканцев, которые теснее всего связаны с французским обществом, интегрированы в него. Мигранты, живущие в собственных гетто, могут крутиться в своей общине, месяцами не сталкиваясь с «коренным населением», а потому и не испытывая на себе дискриминации, они просто не претендуют на те позиции в обществе, находясь на которых можно столкнуться с подобными проблемами. Удар приходится именно по тем, кто хочет и может жить так же, как и большинство французов.

Проблема миграции не является расовой проблемой еще и потому, что для рядового француза источником угрозы выступает не только и не столько арабский беженец, сколько знаменитый «польский сантехник», готовый за гроши выполнить любое задание, лишь бы отнять рабочее место у француза.

Алжирцы, выросшие и прожившие всю жизнь в Париже, ничуть не меньше коренных парижан жалуются «на этих восточноевропейцев, которые даже по-французски ни слова не знают».

Нет здесь и религиозной проблемы. У нас, как и на Западе, обожают писать про приток мусульман в Европу. Ультраправые возмущаются и призывают защищать христианские ценности, умеренные правые тихо поддакивают, а левые растерянно молчат или бормочут, что проблемы не существует. Между тем алжирская газета «Матэн», проведя недавно обследование положения арабских иммигрантов во Франции, опубликовала сенсационные факты: большинство арабов, находящихся в бывшей колониальной метрополии, не являются верующими мусульманами, не соблюдают обрядов и правил шариата, более того, относятся к исламу либо индифферентно, либо отрицательно. И с новыми волнами миграции процент верующих и практикующих обряды мусульман во Франции продолжает снижаться. В такой ситуации готовность либеральных

политиков во имя политкорректности защищать в Европе исламские традиции не только не отражает объективного настроения «мусульманских масс», но, напротив, находится в остром противоречии с тем, чего действительно хотят люди. Неслучайно во время волнений в арабских пригородах Парижа молодежь жгла мечети. Союз ортодоксальных мулл и либеральных адвокатов направлен против интересов большинства иммигрантов, поскольку способствует их изоляции от общества, геттоизации.

Напротив, магрибцы — выходцы из Алжира, Марокко и Туниса — живущие во Франции, вполне органично освоили французские республиканские ценности, а потому воспринимают нынешнюю новую экспансию ислама в Европе как угрозу своему образу жизни и своей светской франкоязычной культуре. Неудивительно, что либералы и их политкорректные союзники слева не находят ожидаемого отклика в среде этнических меньшинств. Те, кто вписался в европейскую культуру, боятся исламизации даже больше, чем «коренные» французы. А те, кто не хочет или не может покинуть гетто, сохраняя лояльность традиционным религиозным ценностям, все равно не будут ни либералами, ни социалистами. Попытка поставить исламскую традиционалистскую общину под левые знамена была предпринята в Англии группой «Респект» — и блистательно провалилась. Не потому, что группа не получила поддержки в общине, а потому, что, получив такую поддержку, превратилась из левой организации в электоральную машину, обслуживающую запросы пакистанских лавочников, недовольных мелкими придирками муниципальных чиновников.

Банкротство леволиберальной политкорректности сегодня становится в Европе очевидным фактом. И, как ни грустно, именно левая интеллигенция оказывается последней силой, отстаивающей обанкротившуюся идеологию, уже после того как от этой идеологии отказались либеральные «заказчики».

Подъем Национального фронта яв-

ляется закономерным наказанием и следствием политического банкротства французских левых. Не Марин Ле Пен украла у левых их избирателя, а сами левые ей свою социальную базу отдали, фактически преподнесли в подарок.

На президентских выборах 2012 г. Национальный фронт оказался единственной партией, выступившей с более или менее внятной социал-демократической программой, которую сами левые предъять были не в состоянии (не говоря уже о чем-либо более радикальном). С другой стороны, внешнеполитическая программа НФ больше всего напоминает традиционную политику голлистов, от которой те сами давно отказались. В итоге Марин Ле Пен привлекла избирателей и слева, и справа, заняв третье место. Ей досталось около 18% голосов. Самый высокий результат Национального фронта за всю его историю. Превзойден даже результат, которого добился Ле Пен старший, когда в 2002 году вышел во второй тур выборов.

Однако сколь бы здраво ни звучали рассуждения Марин Ле Пен, сколь бы искренне ни говорила она о том, что ее политика не имеет ничего общего с расизмом и ксенофобией, нетрудно заметить: в тени ее современного, рационального и декларирующего приверженность демократическим принципам национализма скрываются совершенно иные фигуры, хорошо известные нам из сравнительно недавнего прошлого. Успех умеренно-рационального национализма Марин Ле Пен может обернуться выходом на политическую сцену откровенных фашистов и погромщиков. И в этом состоит сегодня главная опасность, связанная с ростом популярности Национального фронта.

Кризис Евросоюза и его идеологии необратим. И происходящее сегодня во Франции — лишь часть этого процесса. Вопрос в том, что получится на выходе: новые авторитарные националистические режимы или новые демократии, уважающие социальные права и народный суверенитет?

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

«ИСТИННЫЕ ФИННЫ»

Партия «Истинные финны» привлекла всеобщее внимание после парламентских выборов 2011 г. Небольшая политическая организация, контролировавшая лишь 5 из 200 мест в парламенте, неожиданно стала третьей по значимости политической силой Суоми. «Истинные финны» набрали 19,1% голосов и получили 39 депутатских мандатов. При этом на выборах 2007 г. за них голосовало лишь 4,05% избирателей.

Откуда же взялись «Истинные финны»? Партия возникла в 1995 г. на обломках Финской аграрной партии. Её создал Тимо Соини, занимавший до этого пост секретаря партии аграриев, и Раймо Вистбака, ее последний председатель. Сначала «Истинных финнов» возглавил Вистбака, единственный из членов партии, кто тогда имел мандат депутата парламента. Однако уже в 1997 г. лидерство перешло к Соини. На выборах 2003 г. партия выиграла 3 места в парламенте. В 2007 г. взяла уже целых пять. В 2009 г. к «Истинным финнам» пришел новый успех — Тимо Соини стал депутатом Европарламента от Финляндии, причем набрал рекордное количество голосов — более 130 тысяч. После удачного выступления на парламентских выборах 2011 г. партия замахнулась на святое — на кресло президента. В 2012 г. Тимо Соини выбыл из борьбы за высший пост уже в первом туре, получив 9,4% голосов. Результат вполне достойный.

Чем же был вызван столь резкий рост симпатий простых финнов к партии, которую СМИ дружно называют националистической?

Финляндия — тихая, спокойная и очень богатая скандинавская стра-

на, чей уровень жизни высок даже по сравнению с другими богатыми европейскими странами, одна из самых богатых стран мира, где ВВП на душу населения составляет 49,349 долларов. По этому показателю Финляндия отстает от таких европейских стран, как Норвегия, Швейцария, Дания и Швеция, но зато опережает таких лидеров ЕС, как Германия, Франция и Великобритания. Почему же в этой благополучной стране вдруг настолько сильно всколыхнулись протестные настроения?

Согласитесь, что когда число депутатов возрастает с 5 до 39, это означает, что партия резко усиливает свое влияние. Согласно опросам, значительная часть избирателей «Истинных финнов» имеет доход 35 000 — 50 000 евро в год, а четверть зарабатывает больше 50 000 евро. Это значит, что за партию голосует финский средний класс. Причем среди «синих воротничков» (квалифицированных рабочих) её популярность даже выше, чем Социал-демократической партии.

Оказывается, все дело в специфической предвыборной кампании «Истинных финнов», которую можно было бы назвать программой национального эгоизма. «Истинные финны» выступили против Европейского пакта о стабильности, предусматривающего жесткий режим экономии для всех членов Евросоюза и зоны евро. Партия заявила, что не желает спасать тонущие под грузом финансовых неурядиц экономики Греции и Ирландии. «Истинные финны» выступили за повышение налогов с 28 до 30%, а также призвали к сокращению социальных пособий для мигрантов.

Воинствующая антиевропейская позиция «Истинных финнов» делает их нежелательными партнерами для любой крупной партии, пытающейся сформировать правительство. Но вместе с тем аргументы «Истинных финнов» заслуживают пристального внимания не только внутри Финляндии, но и в России. Несмотря на разницу в уровне социально-экономического развития двух стран, многие проблемы, с которыми они сталкиваются, перекликаются между собой.

«Истинные финны» — партия националистическая и одновременно партия социальная. Это значит, что демократия, социальное государство и народ для них взаимосвязанные понятия. В программе партии утверждается, что она будет защищать право финского народа принимать независимые решения. «Финское государство было создано для защиты интересов финского народа», — говорится в партийной предвыборной программе. Отстаивание национальных интересов перерастает у «Истинных финнов» в неприязнь к бюрократии, прежде всего бюрократии Европейского союза, которая правит, опираясь на недемократические механизмы.

Но главное в их программе — строительство «северного государства всеобщего благосостояния», в числе принципов которого — отказ от подчинения бюрократии Евросоюза и евроскептицизм. Партия против финансовой помощи иностранным государствам. «Истинные финны» требуют обложить налогом алкоголь и применять налоговое стимулирование для поощрения здорового образа жизни. «Здоровье и благополучие каждого — основа успеха страны», — говорится в партийной программе.

«Истинные финны» не отвергают открыто концепцию мультикультурного общества, но считают, что лучше всего строительству последнего будет способствовать защита финской идентичности. Они выступают за высылку

иммигрантов, совершающих преступления, против иммиграции по гуманитарным соображениям, требуют не допускать возникновения гетто. Они считают обязанностью иммигрантов интегрироваться в финское общество. Партия выступает за ограничение воссоединения семей иммигрантов только ближайшими родственниками. Разумеется, они против шариатского права. Но зато они приветствуют тех иммигрантов, которые прибыли в Финляндию работать.

Иначе говоря, «Истинные финны» выступают за построение социального государства, где в центре внимания будет качество жизни людей. Причем под качеством жизни можно понимать не просто здоровье, но и способность личности к максимальной самореализации. Ибо финские граждане должны сами принимать решения в области государственного управления (в том числе на референдумах), у них должны быть гарантии от произвола со стороны структур Европейского союза и его бюрократии, финны должны пользоваться социальной защитой со стороны государства, Финляндия должна жестко защищать финскую культуру, финский язык (партия, в частности, выступает за ограничения для шведского языка — второго государственного языка Финляндии) и финскую идентичность. «Истинные финны» отстаивают традиционную семью и сохранение религиозного образования. Для достижения этих целей они не видят большой беды в повышении подоходного налога. Больше того, полагают, что именно готовность платить налоги создает солидарность между людьми.

Получается, «Истинные финны» ставят во главу угла финский народ, понимаемый как сообщество, располагающее прежде всего уникальными социальными правами, правом на высокое качество жизни. В сообщество это готовы принимать не каждого, но лишь тех, кто согласен честно трудить-

ся, платить налоги, которые должны идти на организацию всеобщего процветания и социального государства для всех. Отсюда скептицизм по отношению к бюрократии Европейского союза, поскольку последняя построить социальное государство в современных условиях мешает, требуя оказывать финансовую помощь далеким от Финляндии странам вроде Португалии (именно из-за разногласий по португальскому вопросу «Истинные финны» отказались входить в правительство в 2011 г.).

В каком-то смысле «Истинные финны» оказываются большими социал-демократами, чем сами социал-демократы. Они стоят на страже трудящегося среднего класса, который не приемлет миграцию не по причине расовой ненависти к выходцам из других стран, а из-за склонности иммигрантов сидеть на государственных пособиях, да еще и с чадами и домочадцами.

Короче говоря, опыт «Истинных финнов» крайне интересен для России. Мы привыкли думать, что европейские «новые правые» — нечто вроде ДПНИ, то есть борцы с нелегальной иммиграцией. Стоит другим партиям отобрать у несистемных правых антимигрантскую тему — и вопрос решен. Но в случае с «Истинными финнами» мы сталкиваемся с продуманной и проработанной программой, направленной на повышение качества жизни всего финского народа, всей финской нации.

Это национализм, связанный прежде всего с «пакетом прав», который должен получить финский гражданин. Большое внимание уделяется необходимости национальной солидарности на базе общей культуры, которая является необходимой предпосылкой для солидарности социальной и экономической. Финская нация в программе «Истинных финнов» предстает большим профсоюзом, призванным защитить социальные и национальные права своих членов.

Именно этот акцент на социальное государство чрезвычайно интересен и важен с точки зрения эволюции аналогичных партий и в России. У нас зачастую пытаются использовать религиозные лозунги или же просто призывать к построению демократии, забывая, что без социального государства демократия во многом бессмысленна. Ибо голодный человек, принужденный работать за гроши, — не гражданин. Демократия требует свободного времени, досуга, как хорошо знали еще древние.

Так что партия «Истинные финны» и ее политическая программа нуждается в обсуждении и осмыслении в кругах русского национального движения. Похоже, этим финским парням удалось нащупать правильную интонацию при разговоре о национальных и социальных проблемах своей страны. Нам остается лишь перенимать этот ценный опыт и думать о том, как адаптировать его к российской ситуации.

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

НАЦИЯ ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

НЕМЕЦКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Мы слышали, как нации в лицо говорили, что ей не надобно так много свободы, как каким-нибудь другим нациям.

*Йоганн Готтлиб Фихте.
«Речи к немецкой нации» (1808)*

23,7 процента респондентов турецкого происхождения заявили, что, по крайней мере, один раз в своей жизни оскорбляли немцев за то, что они немцы, а 4,7 процента признали, что сознательно били немецких сверстников по этой причине.

Институт криминологии Нижней Саксонии

Немецкие страхи

В политической культуре современной Германии «национализм» является бранным словом, своеобразным маркером маргинальности, выступая практически синонимом таких малопривлекательных для большинства бундесбюргеров понятий, как «правый экстремизм», «антисемитизм» и «(крипто)нацизм». То есть это типичная страшилка для сложившейся еще в Боннский период политической сцены с системными партиями во главе — причем не только для левых (СДПГ, Левая партия), но для правых (ХДС/ХСС), а также для либерального сегмента (свободные демократы, «зеленые»).

Несмотря на то что всякий национализм эпохи Модерна обусловлен самой структурой политической Современности (включая институционально-

правовой дизайн, идентичность и культуру современных наций), тем не менее в Германии считается хорошим тоном увязывать любые «националистические проявления» с «не до конца переработанной историей», т.е. выставяя их в качестве рудимента нацистского прошлого страны. Поэтому партии, претендующие на первые роли в Федеративной республике, всячески политически дистанцируются от содержательного и эстетического комплекса идей и представлений, связываемых с национализмом, поскольку в Германии те загнаны в политическое гетто под рамочным названием «правый экстремизм» (Rechtsextremismus). Отсюда неудивительно, что в результате подобной структурной сегрегации и дискурсивной диффамации в Германии находится немного людей, готовых называть себя немецкими националистами: по понятным причинам мало кто желает получить автоматически предикаты антисемита, ксенофоба и латентного нациста, что равняется краху общественной репутации и политической смерти¹.

¹ По личному опыту общения с немецкими интеллектуалами и «простыми» людьми могу сделать далеко идущий вывод о том, что после первоначального оглядывания по сторонам (чтобы исключить, так сказать «третьи уши» и связанную с этим угрозу доноса) многие немцы готовы признать всю нелепость ситуации табуирования позитивной манифестации немецкой национальной идентичности, однако в большинстве своем (пока) не го-

Более того, националистам традиционно приписывают целый букет антимодернизационных представлений: якобы они пытаются «отменить» итоги европейского Просвещения (противопоставляя ему немецкую «внутреннюю сущность», *Innerlichkeit*), презируют парламентскую демократию (пытаясь опять свернуть на германский «особый путь», *Sonderweg*) и все время путают «глобальную ответственность с великодержавными амбициями» (соблазняя народ химерами немецкого величия). Неизменным общим местом среди добропорядочной публики является выражение озабоченности ростом в немецком обществе националистических настроений (*Nationalisten auf dem Vormarsch*), отдельными электоральными успехами крайне правых партий и общей ренационализацией общественного сознания объединенной Германии.

Также среди «людей доброй воли» принято возмущаться тем, что политика и (политическое) образование прилагают недостаточно сил для «преодоления» этой угрозы, реагируя лишь на конкретные всплески и публичные проявления национализма. Помимо традиционного позиционирования националистических представлений в тени темного прошлого, также принято признавать, что нынешние «крайне правые» (*extreme Rechte*) являются не просто ментальными рудиментами нацистской эпохи, но одновременно подпитываются нынешним кризисом политического представительства, экономических трудностей позднего ка-

товы к репутационным и статусным издержкам, связанным с его преодолением. В целом это наблюдение подтверждается ситуацией вокруг обсуждения книги Тило Саррацина «Германия самоликвидируется»: многие осмелились высказать свое подлинное мнение лишь после того, как стал очевиден прорыв дискурсивной блокады вокруг проблемы неконтролируемой миграции — и то лишь после множества оговорок...

питализма, а также распадом устоявшейся в ФРГ социально-политической культуры («Боннской республики»). Поэтому политики и лидеры общественного мнения постоянно призывают добропорядочных бюргеров к бдительности в отношении любого проявления немецкого патриотизма как «проблематичного и таящего известные угрозы, исходя из сложной истории этой страны».

Здесь примечательно то, что подобная картина существует совершенно независимо от общепринятых в Германии, как и на Западе в целом, научных представлений о национализме, под которым совершенно нейтрально понимается идеология, или точнее, ценностная установка, обладающая мощным интеграционным эффектом для больших групп и соотносящая себя с определенным государством, которое становится именно национальным государством данных групп, обеспечивая для своих членов право на самоопределение². Словно не замечая, а по сути — прямо игнорируя результаты современных исследований национализма, т.е. выводы ученых о нейтрально-нормативном характере национализма для стран Запада, ведущие немецкие партии в своей внутренней политике подчеркивают прежде всего проблемы и опасности, источником которых вновь может стать немецкий национализм (война, преступления против человечности).

Соответственно, группы поддержки и отдельные носители националистической идеологии рассматриваются в качестве прямой угрозы для всего проекта послевоенной Германии, прошедшей школу денацификации, понимаемой как денационализация немецкого общественного сознания. Поэтому для массовой публики педалируются прежде всего те формы и аспекты нацио-

² *Hardtwig Wolfgang*. Nationalismus und Bürgerkultur in Deutschland 1500–1914. Ausgewählte Aufsätze, Göttingen, 1994. S. 35.

нализма, что должны вызывать у бюргеров его рациональное отторжение и желание, как минимум, не допустить его общественного утверждения. При этом за скобки выносятся выдающаяся роль национализма в новейшей политической истории, прежде всего его эмансипаторские и стабилизационные аспекты, а также его нормативный характер при конституировании современных политических сообществ, т.е. наций-суверенов эпохи Модерна.

Например, в популярной энциклопедии можно найти следующее определение национализма: «Национализм — идеология, которая на основании определенного национального сознания воинственно отстаивает внутри и вовне идею нации и национального государства. Он пытается посредством национальной идентификации, а также посредством ассимиляции или насильственного уравнивания объединить крупные социальные группы и отделить внутреннее единство от внешнего мира, воспринимаемого в качестве иного... Восхваление нации часто соединяется с пренебрежением и даже с презрением к другим народам или национальным меньшинствам»³.

Естественно, что при таком восприятии национализма в Германии политические партии, выступающие под откровенно националистическими лозунгами (Национально-демократическая партия, Немецкий народный союз и др.), находятся в положении маргиналов⁴.

Денационализированное национальное государство

Тем не менее большинство немцев —

сами того не подозревая — являются националистами, а политическая система Германии — политической системой немецкого национального государства, т.е. государства немцев как политической нации. Так, в самой преамбуле Основного закона ФРГ, выполняющего роль конституции, говорится: «Сознавая свою ответственность перед Богом и людьми, воодушевленный стремлением в качестве равноправного члена идущей по пути объединения Европы служить всеобщему миру немецкий народ, исходя из своей конституирующей власти, принял настоящий Основной закон. Немцы в землях Баден-Вюртемберг, Бавария, Берлин, Бранденбург. Бремен, Гамбург, Гессен, Мекленбург — Передняя Померания, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, Рейнланд-Пфальц, Саар, Саксония, Саксония-Ангальт, Шлезвиг-Гольштейн и Тюрингия на основе свободного самоопределения окончательно утвердили единство и свободу Германии. Посему настоящий Основной закон имеет силу для всего немецкого народа».

Стоит ли говорить, что началось бы в России, если бы статьи российской конституции звучали в таких формулировках, как в немецкой: «Посему немецкий народ признает неприкосновенные и неотчуждаемые права человека в качестве основы всякого человеческого сообщества, мира и справедливости на земле» (ст. 1, п. 2); «Все немцы имеют право собираться мирно и без оружия без предварительного извещения или разрешения» (ст. 8, п. 1); «Все немцы имеют право создавать союзы и общества» (ст. 9, п. 1) и т.д.

Однако национальный характер немецкого государства вступает в очевидное противоречие с официальной политической риторикой. Дискурс «мульти-культи» и практики т.н. политкорректности и толерантности создали уникальное семантическое пространство, состоящее из табу и эфемизмов, не позволяющих обсуждать

³ Brockhaus — Die Enzyklopädie: in 24 Bänden, 15. Band, Leipzig — Mannheim, 1998. S. 394.

⁴ Об этом уже подробно писалось на страницах «Вопросов национализма» (см.: *Владимиров Владислав*. Новый электорат для нового русского национализма // ВН. 2012. №9. С. 27–29, 34–35), поэтому данный аспект нашей темы здесь не рассматривается.

наиболее острые проблемы немецкой жизни типа неконтролируемой миграции, октроированной исторической памяти и т.д.

То есть ведущие политические партии сначала Боннской, а затем Берлинской республики оказались в довольно амбивалентном положении. Руководя немецким государством, немецкость которого закреплена в конституции, они попытались не допустить общественно-политической тематизации этого базового обстоятельства. Естественно, что сама жизнь регулярно сводила на нет все попытки политического истеблишмента как бы «не замечать» немецкий народ, выступавший эдаким молчаливым сувереном в собственном государстве. Сменяющие друг друга правящие коалиции во главе с христианскими и социал-демократами не могли не реагировать на растущий протест немецкого населения.

Серьезным вызовом для политических элит ФРГ стала необходимость постоянного контроля за населением, недовольным практически не контролируемой миграцией. Ведь последняя, помимо таких цивилизационных приобретений, как денер-кебаб, принесла миллионам немцев уникальный опыт этнического отчуждения (*Überfremdung*) в урбанном пространстве собственной столицы, многие части которого контролируются отныне выходцами из заморских стран. Данная оптика восприятия элитами немецкого народа в качестве абстрактного населения и стратегия по его замещению выходцами из цивилизационно чуждых культурных ареалов с целью размывания ядра немецкой идентичности периодически натываются на сопротивление даже внутри групп политического истеблишмента, вынужденного как-то реагировать на то, что давно было очевидно: иностранцы перестали растворяться в немецкой среде, компактные места проживания которых превратились в настоящие гетто.

Правда, одновременно они шли навстречу требованиям «иностранцев сограждан» (*ausländische Mitbürger*), как нелепым образом в современном политкорректном немецком принято называть иностранцев. Так, в некоторых землях (Северный Рейн — Вестфалия, Берлин) даже организовано преподавание Корана для детей из мусульманских семей... Если учесть возникновение твердого исламистского ядра в общинах выходцев из мусульманских стран (турок, арабов, албанцев и т.д.) то картина нарастающего чувства отчуждения у немцев будет почти полной, иллюстрируя контуры надвигающегося цивилизационного конфликта...⁵

Партийно-организованный национализм

Как уже говорилось, ведущие политические партии ФРГ как огня опасаются любых «националистических проявлений» со стороны своих членов и реагируют на них довольно однообразно: исключением. Тем не менее даже их лидерам приходится время от времени соотносить текущую политическую практику с реальностью, несмотря на острую критику со стороны местных «всечеловеков». Так, бывший бундесканцлер Гельмут Шмидт (СДПГ), говоря о наличии в современной ФРГ почти 10% немнемецкого населения, был вынужден признать существующую психологическую и политическую напряженность: «Исходя из идеалистических представлений, обусловленных опытом третьего рейха, мы впустили в страну слишком много иностранцев». В существующем партийно-политическом ландшафте Германии лишь отставные политики решаются на подобную откровенность. (Крупный социал-демократический функционер

⁵ Согласно демографическим прогнозам, уже к 2020 г. число мигрантов достигнет 20% населения, а в большинстве крупных городов ФРГ их доля достигнет 40%!

Т. Саррацина также «осмелел» уже после отставки с высокого политического поста.) Поэтому именно бывший глава правительства Шмидт мог позволить себе сказать то, о чем думают миллионы: немцы не только не в состоянии ассимилировать миллионы приезжих, но и не хотят их ассимилировать, поскольку сами настроены к ним «по большей части недружелюбно».

Широкий интерес общественности вызвали дебаты о том, что значит быть немцем и каким должно быть этнокультурное будущее Германии, вызванные в 2000 г. инициативой председателя фракции ХДС в бундестаге Фридриха Мерца, сформулировавшего тезис о «ведущей культуре» (*Leitkultur*), каковой, естественно, должна была стать немецкая культура: этот функционер главной консервативной партии выдвинул требование обязательного изучения немецкого языка и культуры для всех, кто собирается поселиться в Германии. Естественно, за этим последовали ритуальные истерики со стороны либеральных и либертарианских кругов: о криптонацизме Мерца и его сторонников, о постнациональном статусе современной культуры, и, конечно, о триумфальном шествии мультикультурализма...

Как отмечает знаток немецкой политической сцены И. Максимычев, несмотря на крах личной карьеры данного политика, «высказанные им идеи и соображения стали твердой составной частью современного политического дискурса в Германии». В качестве подтверждения этого вывода исследователь приводит тот факт, что на прошедшем в 2009 г. съезде ХДС делегаты единодушно проголосовали за предложение закрепить немецкий язык в качестве государственного в конституции ФРГ⁶.

В качестве еще одного примера циркулирования националистиче-

ских представлений среди партийно-политических элит Германии можно привести инициативу лидера баварского ХСС Эдмунда Штойбера, потребовавшего принять срочные меры по преодолению демографического кризиса путем увеличения детей в немецких семьях. Стоит ли говорить, что эти инициативы находят широкую поддержку, наталкиваясь на резкое неприятие у большинства партийных функционеров, часто реагирующих посредством диффамации и политических репрессий в отношении инакомыслящих в своих рядах⁷.

Особым случаем роста националистических настроений, тут же вызвавшим озабоченность левых, «зеленых» и либеральных стражей дискурсивной бдительности, стала проблематика «банального национализма», связанного со спортом. Речь идет о крупных международных турнирах по футболу (прежде всего проходивший в Германии чемпионат мира 2006 г., а также последующие турниры — ЧЕ–2008 и ЧМ–2010). Тогда как миллионы сограждан болели «за своих» с национальными флагами в руках, отмечая победы «бундесманншафт» в том числе на улицах немецких городов и распевая «Немецкую песнь», их «представители» в бундестаге, в т.ч. видные партийные функционеры, начали всерьез выражать озабоченность ростом национального самосознания у немцев, заранее предвосхищая грядущие ужасы очередного Холокоста. Медиа-

⁷ И. Максимычев далее справедливо говорит о том, что «проблема не может быть решена с помощью примитивных рецептов глобалистов, которые предлагают просто объявить об упразднении европейских наций», поскольку «даже если бы это решение было возможным, оно было бы лекарством, которое хуже болезни»: «европейские нации остаются неприменимым фундаментом европейской цивилизации, и всякий, кто пытается их разрушить, отнимает будущее у Европы» // Там же. С. 778.

⁶ Германия перед вызовами XXI века / Под ред. В.Б. Белова. М.: Весь мир, 2009. С. 777.

теоретики тут же изобрели понятие Party-патриотизма или даже Party-отизма, чтобы должным образом оценить душевный порыв широких масс. Фрау Меркель была вынуждена лично принять участие в дебатах, осторожно высказавшись в том духе, что распевание национального гимна и демонстрация национального флага все же не представляет опасности для немецкой демократии и мира в Европе...

Таким образом, несмотря на резкое обострение межэтнических и межкультурных противоречий, немецкие партии не готовы признать за немецким народом права на националистический дискурс, т.е. на отстаивание немецких национальных интересов, шантажируя немцев их темным прошлым. Ведущие немецкие партии делают все для того, чтобы реальностью стала вызвавшая громкий резонанс «шутка» исполнительного директора телерадиокомпании MDR Удо Райтера (Udo Reiter), близкого к баварской ХСС. Пару лет назад он написал в своем блоге: «День немецкого единства в 2030 году: федеральный президент Мухаммед Мустафа призвал мусульман уважать права немецкого меньшинства». Стоит ли говорить, что тем самым немецкие политики не решают проблему, а, по сути, делают ситуацию все более невыносимой для большинства и тем самым провоцируют эскалацию этно-религиозного конфликта в Германии.

Лед тронулся?

В то же время множество индикаторов свидетельствует том, что процесс ренационализации Германии на глазах становится необратимым. Лучше всего об этом говорят сами немецкие политики, оказавшиеся под мощным давлением снизу.

В качестве самого свежего примера возвращения части партийно-политического истеблишмента к реальности здесь можно привести слова нового президента ФРГ Иоахима Гаука, который прямо дистанцировал-

ся от исламофилии предшественника Кристиана Вульфа и канцлера Ангелы Меркель: он опроверг тезис Вульфа о том, что ислам является частью Германии, и возобновил дебаты об интеграции иммигрантов в немецкое общество, обострившиеся после выхода книги Т. Саррацина. Более того — бундеспрезидент подкорректировал позицию правящей коалиции относительно национальных интересов страны: Гауку не понравились слова Ангелы Меркель о том, что «существование израильского государства входит в число национальных интересов Германии». По мнению президента, это явный перебор, поскольку память о жертвах Холокоста не должна выходить за границы разумного...

Другой пример. Новая серьезная политическая сила современной Германии — Пиратская партия — попала под огонь критики со стороны конкурентов за «излишнюю толерантность» в отношении членов партии с националистическими взглядами: некоторые «пираты» действительно проявляют невиданную для нынешней Германии смелость, затрагивая темы, которые для других партий являются табу: например, они предлагают отменить уголовное наказание за отрицание Холокоста, выступают в дискуссии о стихотворении нобелевского лауреата Гюнтера Грасса на стороне писателя и — о Боже! — сравнивают собственный внезапный электоральный успех с ростом популярности НСДАП.

Так, член Пиратской партии Дитмар Мевс (Dietmar Moews) выступил в своем видеоблоге в защиту Грасса с рассуждениями о «мировом еврействе». И если в любой другой партии подобные вольности привели бы к немедленному исключению Мевса, то со стороны «пиратов» никаких санкций не последовало. Стоит ли говорить, что другие партии тут же осудили пиратов за «отсутствие адекватной реакции».

Еще одна история с пиратами произошла в Любеке, где кандидат от пар-

тии Манфред Фандерзее (Manfred Vandersee) выступил против финансирования Центрального совета евреев со стороны немецкого государства, поскольку федеральные власти собираются выделить совету миллионы евро из «налогов, заработанных с огромным трудом».

В результате внутри партии началась бурная дискуссия: многие «пираты», прошедшие многолетний курс зомбирования в духе «мульти-культи» не хотят ассоциироваться с национализмом и тем более с антисемитизмом...⁸

* * *

Несмотря на все опасения неутомимых борцов с немецким национализмом из рядов ведущих немецких партий, ничто не может отменить базовой характеристики современного немецкого государства: «В результате неожиданного объединения с землями распавшейся ГДР Федеративная Республика Германия в 1990 году превратилась в национальное государство»⁹.

⁸ <http://www.lenta.ru/articles/2012/04/25/piraten/>

⁹ *Данн Отто*. Нации и национализм в Германии: 1770–1990. СПб.: Наука, 2003. С. 384.

Открылся сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
- Анонсы новых материалов
- Интервью с авторами, статьи и рецензии
- Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала

Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
  - Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
  - Сообщество читателей журнала
  - Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

Сергей Бирюков, Александр Барсуков

БАРТ ДЕ ВЕВЕР: К НОВОМУ ФЛАМАНДСКОМУ НАЦИОНАЛИЗМУ

После почти четырех лет фактического отсутствия федерального правительства в конце 2011 г. Бельгия наконец получила многострадальный кабинет министров, основанный на коалиции социалистов и либералов (как фламандских, так и франкофонных) во главе с франкофонным социалистом Элио ди Рупо (первым франкоговорящим премьером с 1970 г.). Франкофоны заплатили за эту возможность согласием на раздел последнего общенационального избирательного округа Брюссель-Хал-Вилворде, из-за которого было сломано столько копий, в обмен на весьма символические уступки и гарантии в отношении франкоговорящего меньшинства, оказавшегося сегодня под юрисдикцией все более активно консолидирующейся по этнокультурному принципу Фландрии. Новый кабинет изначально представляет собой «хромую утку» по причине хрупкости либерально-социалистической коалиции, внутренних и межличностных противоречий, а также из-за весьма неоднозначного его восприятия в северной части страны.

Спокойным остается лишь один из главных возмутителей спокойствия, сознательно оставшийся вне рамок нового «кабинетного соглашения» лидер победившего на региональных выборах 2010 г. во Фландрии националистического Фламандского национального альянса Барт де Вевер, вызывающе призывавший тогда все участвовавшие в переговорах о создании кабинета стороны «быть конструктивными».

Подобное спокойствие не вызывает удивления. Будучи уверенным в малой дееспособности и безответственности франкофонных социалистов, приведших за годы правления экономику Валлонии к глубокому кризису (а сам франкофонный регион — к глубоко дотационному статусу), в неэффективности очередных назначенных королями «комиссаров-переговорщиков», как и в общей неспособности франкофонных политиков договориться и занять определенную позицию, он ожидает запланированного политического результата — реформы Бельгии в направлении конфедерализма, о чем де Вевер практически сразу и напомнил «свежеутвержденному» франкофонному премьеру Элио ди Рупо.

Все происходящее сегодня имело свою предысторию. Начиная с 2007 г. фламандские этнорегиональные партии праворадикального толка сыграли роль детонатора общенационального политического кризиса, а их активность, как полагают некоторые эксперты, является прямой угрозой территориальной целостности Бельгии. При этом их идеологическая платформа с середины XX в. до наших дней претерпела известную эволюцию, помогая им гибко адаптироваться к изменившейся политической ситуации.

В 50–60-е годы XX в. основными политическими силами, отстаивающими региональные интересы с праворадикальных позиций, стали партия Народный союз (Volksunie) и Фламандский блок (Vlaams Blok). Вплоть до

1970-х гг. Народный союз функционировал как внесистемная организация, отстаивая идеи этноцентризма, фламандской солидарности, этнокультурной гомогенности Фландрии, защиты ее интересов и идентичности. Несмотря на отстаивание особой роли северного региона, электоральная поддержка партии со временем снизилась, и Народный союз в 2001 г. был реорганизован в Новый фламандский альянс, составив коалицию с фламандскими демохристианами в борьбе за преобразование Бельгии в конфедерацию.

Наиболее успешным в лагере бельгийских крайне правых стал тогда Фламандский блок. Он возник в 1977 г. на основе объединения Фламандской национальной партии Карла Диллена и Фламандской народной партии Ллойда Клаеса. Фламандский блок сотрудничает с рядом праворадикальных организаций: Фламандская молодежь Мехелена, Форпост, TAL, скингруппы. Внесистемный компонент фламандских правых радикалов представлен неонацистскими организациями: группа VMO и VNF (Фламандский национальный фронт)¹.

В середине 80-х гг. с приходом Филиппа Де Винтера и с его последующим выдвижением на пост лидера партии начинается обсуждаться проблема иммиграции, независимости Фландрии, пересмотра языковой политики и культурной политики, реформа ЕС, амнистии фламандским националистам, политики свободного рынка и социальной политики. Данные проблемы легли в основу «Программы 70 пунктов»². Основной социальной базой партии стали не только пенсионе-

ры, но и молодежь. Однако резкая политическая риторика в отношении иммигрантов послужила началу серии судебных процессов по обвинению в расизме. Итогом стало решение суда, обвинившего Фламандский блок в пропаганде расизма и запретившего деятельность партии. Не желая уходить с политической авансцены, 14 ноября 2004 г. Фламандский блок был переименован в партию «Влаамс Беланг» («Фламандский интерес»)³.

Таким образом, как «Влаамс Беланг», так и предшествующий ему «Влаамс блок» принадлежат к классическим европейским «новым правым», делая акцент на национализм, изоляционизм, защиту традиционной идентичности (национальной или национально-региональной), и допускают немного «отклонений» в сторону уменьшающего идеологические различия «правого популизма», стремясь расширить таким образом свою электоральную базу.

В то же время обновленным фламандским этнорегионалистским партиям правого толка приходится принимать во внимание не только кризис национальной идентичности, но и накопившиеся проблемы в сфере управления государством, актуализирующуюся региональную проблематику, а также проблемы «ответственности власти» и «демократического дефицита». В итоге идеология новейших европейских правых приобрела все более выраженный «синкретический» и популистский характер, что было связано со стремлением привлечь на свою сторону самые разные социальные категории. Это потребовало актуализировать властно-управленческую и регионалистскую проблематику, акцентируя неэффективность существующего национального государства в

¹ Тэвдой-Бурмули А.И. Правый радикализм в Европе // Современная Европа. 2005. №4. С. 97.

² Иванова Е.В. Формирование крайне правого движения в Бельгии на примере партии «Влаамс Беланг» // Политическая экспертиза. 2008. Т. 4. № 1. С. 68–85.

³ Erk J. From Vlaams Blok to Vlaams Belang: The Belgian Far-Right renames itself // West European politics. 2005. Vol. 28. № 3. P. 493–502.

решении социально-экономических проблем и подчеркивая свой интерес к «евроинтеграционным процессам».

Заимствовав у праворадикалов лозунги о национальной гомогенности и защите традиционных национальных ценностей, данная версия праворадикализма имеет сравнительно более мягкий характер. Примером тому — стремительно набирающая популярность во Фландрии партия «Новый фламандский альянс» (NVA), которую некоторые европейские критики поспешили заклеймить как «правоэкстремистскую».

Новый фламандский альянс (NVA) был образован в 2001 г. на базе Народного союза — фламандской партии, существовавшей с 1954 г. Он стремится придать фламандскому национализму «современную и человечную» форму «гуманитарного национализма». Лидером альянса стал молодой фламандский историк и политик, видный активист фламандского движения за самоопределение Барт де Вевер (1970 г. рождения). Возглавляемый им альянс выступает за создание Фламандской республики в составе «конфедеративной и демократической Европы», за право наций на самоопределение как «основу международного права». NVA призывает к развитию чувства фламандской общности, совершенствованию демократии и усилению социальной политики. Наряду с предложениями по поощрению фламандского предпринимательства, партия требует сократить общественное неравенство и увеличить социальные выплаты и пособия до уровня, позволяющего покрыть базовый «социальный риск».

На досрочных выборах в Бельгии 16 июня 2010 г. «Новый фламандский альянс» и валлонская Социалистическая партия одержали уверенную победу в своих регионах. Решение о досрочных выборах было принято после правительственного кризиса, который был порожден ситуацией вокруг ре-

формирования электорального округа Брюссель-Хал-Вилворде⁴.

Как отмечают многие ветераны бельгийской политики — от Вильфреда Мартенса до Жана-Люка Дегаена, а также лидеры франкофонных и умеренных фламандских партий, с победой на выборах Фландрии Барта де Вевера и NVA, обладающих ныне поддержкой в 15% голосов в масштабах всей страны, кончилась прежняя федеративная Бельгия и набившая немало оскомин старая бельгийская политика. Примечательно, что свою последнюю избирательную кампанию во главе NVA Барт де Вевер провел со слоганом «не бойтесь, доверяйте, и прежде всего самим себе», обещая своим приверженцам «коперниканскую революцию» в сфере государственного управления.

Что же предлагают Барт де Вевер и его партия применительно к современной бельгийской ситуации? Фламандские националисты не зовут к демонтажу Бельгии, но открыто заявляют, что современный бельгийский федерализм с его громоздкой структурой и беспорядочно функционирующими институтами себя исчерпал. Последнее не вызывает сомнений, ибо со времени федеративной реформы 1993–1994 гг. партийно-политические лидеры обеих сторон (фламандцев и франкофонов) активно занимались переделом власти и формированием хрупких межпартийных коалиций и слабых правительств на федеральном уровне, которые оказывались неспособными решить накопившиеся политические и социально-экономические проблемы — завершить наконец реформу государственного устройства, навести порядок в государственных финансах, стимулировать экономический рост.

Для всех вовлеченных в бельгийскую политику акторов с победой де Вевера и NVA стало окончатель-

⁴ Ханцевич О. Развод по-бельгийски продолжается // Независимая газета. 2010. 16 июня.

но ясно, что бельгийский федерализм в его нынешнем виде исчерпал себя, в том числе в силу глубоких различий между политической и социально-экономической моделями, которые сложились на сегодняшний день во Фландрии и в Валлонии. Если фламандцы в течение уже нескольких десятилетий последовательно голосуют за либерально-консервативный политический и экономический курс (в его различных вариациях) и за проводящие его партии, то франкофоны Валлонии с 1970-х гг. последовательно выражают поддержку Соцпартии и проводимой ею политике социального популизма и патернализма, к которой недавно присоединились франкофонные «зеленые» из «Ecolo» и «демократы-гуманисты» из CDH, совместно вырабатывавшие для Валлонии «зеленый план Маршалла» с акцентом на социально-гуманитарные стандарты, реализация которого должна быть профинансирована за счет федерального бюджета.

Лидер NVA вполне ясно выразил свое отношение к программе победивших на выборах в Валлонии социалистов (и с недавних пор — премьер-министра) Элио ди Рюпо, охарактеризовав ее как «основанную на фантазиях», подтвердив, тем не менее, свою принципиальную готовность дискутировать с социалистами-франкофонами и участвовать в формировании общенационального кабинета министров. Де Вевер готов к диалогу с франкофонами и даже не исключает возможности уступить пост премьер-министра Бельгии представителю Соцпартии — однако при условии проведения реформы государственного устройства, существенно расширяющей права регионов, и прежде всего в сфере финансов и в вопросах, связанных с формированием экономической политики. Лидер NVA хорошо понимает, что в современных условиях Европа вероятнее всего не признает независимости «Республики Фландрия» — поэтому де Вевер и его сторонники готовы

удовлетвориться конфедерацией, получив всю полноту власти во фламандском регионе для реализации масштабных преобразований. Он разумно не призывает к немедленному демонтажу Бельгии, понимая неизбежность изоляции самопровозглашенной националистической Фландрии в Европе.

Лидер NVA — представитель новой генерации фламандских националистов. В результате длительной эволюции на место национал-популизма «Volksunie», национал-изоляционизму «Vlaams Belang» и «умеренному системному национализму» CD&V пришел «гуманитарный и проевропейский» национализм NVA. Барт де Вевер — националист глобальной эпохи, он стремится превратить Фландрию в националистический гомогенный бастион, оставив ее открытой Европе и шире — глобальным сетям — политическим, экономическим, культурно-информационным⁵.

В то же время именно де Вевер — последовательный сторонник разделения округа Брюссель-Хал-Вилворде и четкой фиксации лингвистической границы. Именно он и его коллеги по партии последовательно требуют передать большую часть налоговых доходов и право формировать социальную политику регионам — субъектам федеративной Бельгии. Одновременно с этим неустанно критикует систему управления, созданную франкофонами в Брюсселе, оспаривая тем самым их доминирование в столице. Именно де Вевер, наконец, требует проведения во Фландрии твердой лингвистической политики в пользу нидерландофонов, прославившись скандальным заявлением о том, что «во Фландрии нет меньшинств — но есть только мигранты».

Однако тот же де Вевер заявил в качестве программных установок своей

⁵ Бирюков С.В. Барт де Вевер: новое лицо фламандского национализма // С.В. Бирюков // [http:// www.apn.ru](http://www.apn.ru)

партии «гуманитарный национализм», что призвано отличить ее от излишне брутальных «Фольксюни» и «Влаамс Беланг». С целью укрепить интеллектуальный имидж своей партии он участвовал и победил в проводившемся фламандским телевидением конкурсе «Самый умный человек в мире», показав достаточно глубокую образованность и блестящую эрудицию. Именно он в ответ на скандальные материалы европейской прессы провел в Брюсселе пресс-конференцию для журналистов на семи языках, демонстрируя тем самым свою приверженность компромиссу и «открытость миру». Именно он готов к компромиссам с франкофонами, но с самого начала четко очерчивает их рамки.

Барт де Вевер стремится не упразднить Бельгию, но, лишив ее полномочий, превратить в некоторую условность, не мешающую реализации его амбиций и планов. Одним из этих планов является вхождение в общеевропейскую элиту вслед за соотечественниками Ги Верховстадтом и Херманом ван Ромпюем. Следует признать, что у него для этого есть все основания. Он хорошо понимает, что национальные государства в Европе постепенно отмирают, и формируется некое сетевое сообщество с элитой нового типа во главе. И молодой прагматик из националистического лагеря Барт де Вевер стремится получить максимальные политические дивиденды, включившись в этот процесс.

Яркой иллюстрацией подхода лидера «Нового фламандского альянса» к решению проблем бельгийской политики стало содержание «компромиссного» документа, который он сформулировал в конце 2010 г. в процессе четырехмесячных консультаций с представителями политических партий, выполняя функцию королевского «форматора» (согласователя интересов). Программный документ, предусматривавший перенос компетенции в области решения политических и фи-

нансовых вопросов в регионы и сообщества, и в том числе:

— ревизия закона о финансировании: Барт Де Вевер предложил 54% всех отчислений от юридических лиц и 45% от налоговых отчислений от физических лиц закрепить за регионами;

— рефинансирование Брюсселя: вместо требования франкофонных партий о выделении 500 миллионов евро для финансирования столицы сегодня Барт де Вевер предложил выделить 100 миллионов евро сразу в случае принятия программы, еще 100 миллионов евро в 2012 г. и 100 миллионов евро в 2013 г.;

— Брюссель-Хал-Вилворде: Барт Де Вевер предложил реформировать электоральный округ путем предоставления жителям шести районов и брюссельской периферии возможности одновременно голосовать во фламандском Брабанте и в Брюсселе, как за фламандские, так и за франкофонные партии;

— изменение компетенции: в течение десяти лет изменить механизм формирования и утверждения региональных бюджетов, а также разграничить предметы ведения и компетенции между федеральными и региональными органами государственной власти⁶.

Предложения Барта де Вевера (вызвавшие кризис внутри NVA и едва не стоившие де Веверу кресла председателя партии) по институциональной реформе обозначили известный предел возможных уступок франкофонам и центральной власти со стороны самой популярной на сегодняшний день во Фландрии этнополитической партии. Выполнив свою миссию «форматора» и спровоцировав своими предложениями мощный протест со стороны франкофонных и части фламандских партий, Барт де Вевер покинул пост «форматора». Впрочем, его пре-

⁶ Mouton O. Voila pourquoi la note De Wever est in acceptable pour les francophones // Le Soir. 2010. 17 octobre.

емники пока тоже не могли добиться сколько-нибудь существенного успеха, будучи не в силах решить вопрос о том, что должно быть сделано первоначально: формирование кабинета или признание в качестве цели правительства глубокой институциональной реформы. И всякий раз камнем преткновения в межпартийных дискуссиях становился вопрос об участии в коалиции Барта де Вевера и его партии.

Тем самым лидер NVA своим «электоральным прорывом» обнаружил известный тупик механизма партийных коалиций, что одновременно означает тупик надежд на проведение институциональной реформы, от чего напрямую зависит будущее Бельгии как единого государства. Поскольку другие механизмы формирования власти и политики де-факто отсутствовали, это означало погружение Бельгии в новую стадию политического кризиса — причем одновременно кризиса институтов, механизмов, легитимности и доверия к государственной власти.

По итогам опроса общественного мнения редакцией «Standaard» и VRT на вопрос: «За кого вы проголосовали бы если выборы состоялись 13 марта 2011 года?» — ответы респондентов распределились следующим образом: за Фламандский альянс (N-VA) проголосовало бы 31,5% населения Фландрии, т.е. на 3,2% больше, чем они получили на прошедших выборах, за демокристан (CD&V) проголосовало бы 18,2% (на 0,6% больше результатов выборов), статус-кво сохранили фламандские либеральные демократы (Open VLD) — 14%, упал рейтинг и доверие населения к партии фламандских социалистов (SP.A) — 13,2% (-1,7%), «Влаамс Беланг» — 10,4% (-2,2%), партия Зеленых — 8,8% (+1,7%) и «Список» (Lijst Dedecker) — 2,8% голосов избирателей получили бы в случае проведения выборов⁷.

⁷ La N-VA reste loin devant selon un sondage // Le Soir. 2011. 18 mars.

Популярность Барта де Вевера и готовность фламандцев в случае проведения выборов голосовать за фламандских националистов свидетельствует о том, что в настоящее время нет альтернативы программе де Вевера, который планомерно отстаивает идею необходимости участия региона в рамках европейских программ.

В то же время принципиально важно, что по ключевым вопросам повестки дня — укрепление экономической самостоятельности Фландрии, развитие ее этнорегиональной и этнолингвистической идентичности, «гомогенизации» территории и интеграции меньшинств во фламандское общество — существует принципиальный консенсус между большинством фламандских партий от NVA и «Vlaams Belang» до демокристан (CD&V) и даже социалистов (SP.A). Цель фламандской элиты уже заявлена — дальнейшее строительство «новой экономики» и последовательная интеграция в объединенную Европу при сохранении национально-региональной идентичности и гомогенности (то, что обобщенно называется «быть хорошим фламандцем»).

Все промежуточные проекты, способные сохранить единство Бельгии на базе федерализма — например, путем реализации в обеих частях страны взаимосвязанной и комплексной программы экономической модернизации («плана Маршалла»), которую отстаивали лидеры франкофонных (MR, Дидье Рейндерс) и фламандских (Open VLD, Барт Зомерс) — практически нереализуемы сегодня вследствие поражения на последних выборах тех сил, которые их отстаивали и продвигали. Поэтому Бельгию ожидает глубокая трансформация всех ее ключевых институтов — от правительства и парламента до бюджетного и лингвистического законодательства.

Весьма тяжелым является сегодня положение франкофонов, партийные лидеры, которых так и не смогли

объединиться перед лицом фламандской экспансии и выработать скольконибудь реалистическую антикризисную программу.

* * *

Выводы.

1. Вдохновленный идеями культурно-исторического и политического реванша **фламандский национализм** в лице правых фламандских партий, утвердив себя в качестве монополюсно доминирующей политической силы во Фландрии и преобразовав под себя ее политическое и культурное пространство, приступил к **решающему переделу сфер влияния в масштабах всей Бельгии** и к попытке демонтажа институтов и механизмов единого государства.

2. Фламандские элиты сумели выдвинуть и реализовать на уровне региона Фландрия масштабный проект политической и экономической модернизации, ставший фундаментом фламандской экспансии в масштабах всей страны, в то время как альтернативный валлонский проект модернизации региона и страны в целом не был выдвинут и не состоялся, что привело валлонское движение к поражению в борьбе за влияние в масштабах всей Бельгии.

3. **Глубокая реформа государственного устройства, начатая в 1970-е гг.**

с целью сохранения единства страны, привела к одностороннему ослаблению политических позиций валлонов на уровне центральной власти. В результате представители Фландрии, занимающие руководящие посты на федеральном уровне власти, испытывая все большее давление со стороны «своих» праворадикалов, готовы пойти на дальнейшее ослабление (и фактически — демонтаж) системы институтов бельгийской федерации. И вряд ли сможет остановить подобные их устремления изначально слабый коалиционный кабинет во главе с франкофонным социалистом Элио ди Рупо.

Подобная ситуация — повод для бельгийских франкофонов и для бельгийской элиты в целом задуматься о своей судьбе и своем историческом выборе. Современное состояние и статус Валлонии — следствие целого ряда исторических ошибок политиков-франкофонов, включая отказ от модернизации в 60–80-е гг. XX в., не преодоленные межпартийные противоречия или идеализацию «бельгитюда» и бельгийского единства. Необходима глубокая рефлексия относительно современного состояния бельгийской государственности и истоков ее кризиса, что должно позволить сформулировать качественно новую стратегию выхода из кризиса.

ЕЛЕНА ГАЛКИНА

НОВЫЕ ИСЛАМИСТСКИЕ ПАРТИИ ЕГИПТА: ПРЕДВЫБОРНАЯ БОРЬБА В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИИ

Российские массовые протесты последних месяцев часто сравнивают с Арабской весной 2011 г. Охранительные настроенные эксперты добавляют определение «оранжевая революция» и что-нибудь непременно о руководящей и направляющей роли западных грантов и Госдепа. Революционный процесс в России мы наблюдаем изнутри в режиме реального времени, а это не лучшие условия для собирания единой картины, тем более что многие её фрагменты сейчас вообще не заметны. Но действовать и принимать решения, в том числе и стратегические, новым политическим силам приходится именно в этих обстоятельствах, когда и незначительный вроде бы шаг, даже слово может привести к судьбоносным последствиям, которые или вознесут карликовую ныне организацию на политический Олимп, либо похоронят целое направление возможного развития страны.

Новый закон о партиях и возвращение, пусть частичное, прямых выборов губернаторов, с одной стороны, и набирающий силу гражданский протест — с другой, ставят перед оппозиционными движениями, заявившими о партийных амбициях, непростые задачи. Необходимо просчитывать и участие в политическом процессе сего часа, и готовиться к тому дню, когда нужно будет выйти с открытым забралом на поле битвы, где на фоне остывающего трупа авторитарного ящера

придётся вступать в бой со вчерашними товарищами по борьбе.

Как нельзя кстати здесь приходится египетский опыт последнего года. Типологическая близость дореволюционных режимов¹ и их социальных проблем (непотизм, коррупция, бедность, региональные и этнические разломы)² указывает на возможное сходство и постреволюционного пейзажа. Сразу подчеркну, что принципиальное различие между Египтом конца 2010 г. и современной Россией на данный момент состоит в отсутствии в последней мощной, слаженной и массовой политической организации наподобие «Братьев-мусульман». Однако потенциал быстрого возникновения такой партии в нашей стране есть, а что подобный рывок вообще возможен — показывает неожиданный и громкий успех салафитской партии «Нур» в Египте.

На первых свободных выборах в Народное собрание³ Египта почти 45%

¹ См.: *Галкина Елена*. Революция в Египте: «Братья-мусульмане» как матрица гражданского общества // ВН. 2011. №7. С. 67–74.

² Там же; *Косач Г.Г.* Революции арабских различинцев // *Левая политика*. 2012. №17–18; *Последствия кризиса*. М., 2012. С. 204.

³ Нижняя палата египетского парламента. После избрания членов Совета Шура — верхней палаты, парламент изберёт 100 членов Конституционной комиссии, которая разрабатывает новый основной закон страны. Исходя

взял Демократический альянс во главе с Партией свободы и справедливости (далее — ПСС), которой до 30 апреля 2011 г. не существовало в природе. Ещё около 25% достались Исламистскому блоку, в котором доминирует партия «Нур» («Свет»), основанная в мае 2011 г. Обе эти организации являются исламистскими. Генеральный секретарь ПСС Сад аль-Кататни был избран спикером Народного собрания, вице-спикером стал представитель «Нура».

Выборы в верхнюю палату — Консультативный совет (Маджлис аш-Шура) дали ещё более забористые результаты (58,3% у Демальянса, 25% у Исламистского блока) и тот же расклад руководящих постов.

Революция в Египте пока не завершена, но успех исламистов можно уже сейчас расценивать как безусловный, впечатляющий и не такой уж неожиданный, если рассмотреть как причины революции, так и стратегию и тактику «Братьев-мусульман», старейшей религиозно-политической организации Египта, которая как раз и представлена в новом парламенте Партией свободы и справедливости.

Второе место салафитской партии «Нур» является результатом голосования тех приверженцев исламистских идей, кто подозревает «Братьев» в излишнем сотрудничестве с Высшим советом Вооружённых сил Египта или видит в них выразителей интересов буржуазии, которые вряд ли будут выполнять предвыборные обещания беднейшим слоям населения.

Успех исламистов, ошеломивший абсолютное большинство экспертов, как иностранных, так и египетских⁴,

---

из политических идеалов и тактических интересов доминирующих партий, можно прогнозировать значительное усиление парламента в политической системе Египта — конечно, в случае, если работа комиссии состоится, как запланировано.

⁴ В любой периферийной стране основная масса экспертов имеет смутные представле-

связан и с ореолом мучеников, заслуженным десятилетиями борьбы с властью, и с организацией «Братьев-мусульман», закалённой в этой борьбе, но не в меньшей степени с теми тактически верными решениями, которые пока что принимают руководители лидирующих партий — при том что исторический опыт состязания на легальном поле у них отсутствовал.

* * *

Путь египетского политического плюрализма, извилистый и длинный, с первого взгляда похож на вади, сухие русла в Сахаре, которые наполняются жизнью во время редких ливней.

Формально история политических партий Египта начинается с 1907 г., когда в условиях разгоравшихся антиколониальных настроений⁵ была образована светская, либеральная партия «Умма» (Хизб аль-Умма,

---

ния о собственном народе, поскольку является частью специфической и крайне далёкой от народа субкультуры европеизированных интеллектуалов, сознательно отгораживается от плебса в своих ежедневных социальных практиках и потому при анализе ситуации тяготеет к некритичному использованию методологических шаблонов. Ни в одном из крупных египетских СМИ не прозвучало адекватных прогнозов как по парламентским, так и по президентским выборам.

⁵ Вопрос о борьбе за независимость Египта начал бурно обсуждаться интеллигенцией после т.н. дела Деншавай. 13 июня 1906 г. несколько британских офицеров отправились в деревню Деншавай пострелять голубей, которых местные жители держали как домашних птиц. Просьбы крестьян прекратить хулиганство привели к тому, что офицеры открыли огонь по людям и нескольких ранили, в том числе и жену имама. Всей деревней крестьянам удалось разоружить британцев и взять в плен, но двое потом бежали. На следующий день в деревню ворвались колониальные войска и арестовали 52 человека, из которых 4 были приговорены к смертной казни, 2 — к пожизненному заключению и 26 — к разным срокам.

партия Нации), лидером которой стал интеллектуал, будущий ректор Каирского университета Ахмад Лютфи ас-Сайед. В том же 1907 г. появилась и более радикальная, происламская аль-Хизб аль-Ватани (Патриотическая партия) во главе с юристом Мустафой Камилем. До 1920-х гг. либерально-националистические светские настроения доминировали в черте «малой нации»; на этой волне была основана в 1919 г. партия «Вафд» (Хизб аль-Вафд, Партия представителей), которая и стала флагманом восстания 1919 г. против британского государства. Но после того как в 1923 г. Египет формально стал независимой конституционной монархией и декларировал многопартийность, а лидеры «Вафд» вошли в кабинет министров, стало ясно, что европеизированная экономическая и интеллектуальная элита страны не собирается бороться за реальную независимость. Деятельность легальных партий монархического Египта приобретала всё более декоративный и рафинированный характер, а в народных массах распространялись идеи социалистов и «Братьев-мусульман», исключённых из легального политического поля⁶.

Через полгода после переворота «Свободных офицеров» во главе с Насером, в январе 1953 г., было объявлено о роспуске партий, и воцарилась нередкая для мира той эпохи однопартийная система⁷, которая при следующем президенте Анваре Садате сменилась в 1976 г. квазимногопартийностью: были зарегистрированы партии всех идеологических направлений, кроме исламистского, т.е. того, в котором правящая военная верхушка видела единственную реальную для себя опасность. С «Братьями-

мусульманами» Садат заигрывал, не допуская их в легальную политику. Это неумелое шулерство, помноженное на Кэмп-Дэвидские соглашения, и привело жизнь президента к закономерному и быстрому концу.

Убийство Садата положило конец очередному паллиативу демократизации, и следующее оживление политического пейзажа состоялось уже на закате Мубарака, после гражданских протестов 2005 г. На выборах 2005 г. либерализм Мубарака, вызванный волной демонстраций движения Кефайя («Хватит!»), позволил «Братьям-мусульманам» участвовать в выборах хотя бы в качестве независимых кандидатов. Несмотря на давление административного ресурса, им удалось добиться 88 мест в парламенте, но отнюдь не разрешения на создание партии.

Множились светские либеральные, социал-популистские и даже консервативные партии. Да так, что к 2008 г. политическое пространство Египта по формальным признакам можно было смело называть мультипартийным — в стране насчитывалось целых 24 официально зарегистрированных партии. Но что касается исламистов, то 26 марта 2007 г. был проведён всенародный референдум, на котором, согласно официальным данным, 75,9% египтян при явке 27%⁸ проголосовали за внесение в конституцию поправки, согласно которой запрещалось создание партии на «религиозной основе». Законодательные изменения сопровождались административным давлением на членов исламистских организаций, полицейским произволом и тюремными сроками за общественно-политическую деятельность. А на парламентских выборах в ноябре–декабре 2010 г. большинство кандидатов от «Ихван» были сняты ещё до первого тура, поэтому организация бойкотировала голосование.

---

⁶ Подробнее см: *Галкина Елена*. Указ. соч. С. 76–84.

⁷ Движения и блоки, не ставившие цель прихода к власти, были разрешены, поэтому партии преобразовались в группы и союзы.

⁸ По независимым данным, явка составляла 5%. «Братья-мусульмане» призывали к бойкоту референдума.

Данный экскурс показывает, что политическая система, подобная египетской, не имеет потенциала к реальной либерализации политического пространства и тем более к его демократизации. Вынужденные паллиативные реформы ограничиваются регистрацией партий, объективно не угрожающих системе в целом и правящей элите в частности. Часть оппозиции, от которой исходит наибольшая организационно-идеологическая опасность (способность «поднять массы») если и будет допущена к партийной борьбе, то на краткий период и с последующими репрессиями.

Выборы 2005 г. проводились как своего рода социологический эксперимент, который, помимо «выпуска пара» после демонстраций, дал Мубараку и его окружению ощутить реальную силу противника — и принять единственно возможное в рамках системы решение о «закручивании гаек» всё сильнее и сильнее. Это упоительный самообман: с каждым поворотом ключа, с каждой репрессивной поправкой, с каждым арестом по абсурдным обвинениям враг кажется всё слабее и ничтожнее. Но в начале 2011 г. резьбу сорвало, и дальнейшее партийное строительство происходило уже без попечения Мубарака и его клана.

* * *

Либерализация законодательства после революции не привела к самоубийственному размножению партийных организаций. Она касалась прежде всего упрощения процедуры регистрации, отменяла экспертизу в Комитете по делам политических партий. Для регистрации партии по закону 2011 г. необходимо 5 тыс. членов в 10 из 29 провинций Египта. То есть вряд ли получится зарегистрировать партию, собрав подписи друзей из Фейсбука, но для организаций, чем-то себя проявивших, в 80-миллионной стране этот барьер взять нетрудно.

Это отличает Египет от Туниса,

где после революции продолжал действовать закон 1988 г., который не оговаривал минимум численности для регистрации⁹. Поэтому, когда авторитарно-корпоративная «вертикаль» рухнула, началась массовая регистрация «пузырьковых» партий. Но выборы показали, что в условиях демократии это не способствует тотальной фрагментации политического поля — победу одерживают крупные партии и блоки, сумевшие привлечь массы гражданских активистов и финансовую поддержку (именно в таком порядке — бизнесмены делали ставки на проходные, по их мнению, проекты).

В результате за период после падения Мубарака в стране появилось всего 18 партий, не имеющих прямых зарегистрированных предшественников в дореволюционную эпоху, и ещё несколько ожидают регистрации. 12 из новых партий — исламистские. Но при этом они предпочли не навязывать друг другу конкуренцию, а воспользовались возможностью создания блоков, в составе двух из которых в основном и пошли на выборы. Это были блоки победителей — Демократический альянс и Исламистский блок.

Показательно, что партии трёх светских направлений (осколки распущенной Национально-демократической партии, либералы и социалисты) были раздроблены значительно меньше. Более того, все они являлись опытными, а иные, вроде партии «Вафд», и воистину прожжёнными ветеранами политических фронтов. Часть социали-

⁹ В условиях социально-политической системы имитационной демократии законодательство вообще может быть на первый взгляд очень либерально. Всё решает правоприменительная практика, т.е. избирательность применения закона и широта его трактовки, в зависимости от интересов представителей «вертикали власти». Здесь наиболее полно воплощается марксистское определение «право — это возведённая в закон воля господствующего класса».

стов даже создала крепкую красную колонну. Со скептическими улыбками смотрели они на конгломерат из религиозных фанатиков, бывших политзаключённых и разного калибра лавочников: одно дело — популярность в мечети и кофейнях, совсем иное — предвыборная кампания, большая политика. «Братьев-мусульман» ещё опасались — о численности и финансовой мощи этой организации всегда ходили легенды, хотя её управляемость и ставилась под сомнение. Вот уже второй год многие ловят каждую утечку о внутренних конфликтах в «Ихван», надеясь, что сбудется популярный некогда прогноз о быстром развале громоздкой структуры, механизмы функционирования которой ещё плохо исследованы.

Салафитов же практически не принимали всерьёз: крупных, даже нелегальных, организаций на начало 2011 г. у них не было. Целевая аудитория представляла собой городских и сельских бедняков, которых, казалось бы, в силу их положения в обществе и уровня интеллектуального развития¹⁰, можно убедить голосовать за любого кандидата — способы известны. В конце концов, такие же избиратели выезжали на верблюдах защищать своего законно избранного президента в первые дни революции.

Но «красные» в результате решили бойкотировать выборы — возможно, это было единственно верное решение. Количество египтян, симпатизирующих светским социалистам, на парламентских выборах так и осталось неизвестным, а в президентской гонке почётное 3-е место неожиданно занял социалист Хамдин Саббахи¹¹. Египет пока ещё остаётся страной с очень

широкими полномочиями президента, и можно предполагать, что 20,72% граждан, отдавших голоса за насериста Саббахи, вместе с ним выбирали и социалистический путь развития.

Левоцентристский блок «Революция продолжается» (Ас-Саура Мустамирра) получил 9 мест в Народном собрании, а самый успешный либеральный Египетский блок (Аль-Кутля аль-Мысрийя) — 35 депутатов в нижней и 8 в верхней палате парламента. То есть основное поражение потерпели социал-демократы и либералы, носители идеологии буржуазной демократии западного типа.

В то же время победа была за теми, кто яснее всего артикулировал, что Египет должен стать независимой страной, региональным лидером с собственной социально-экономической и политической моделью, которая ещё ни разу за историю не была воплощена в жизнь. Основа этой модели — шариат.

Партия свободы и справедливости (Хизб ал-хуррийа ва-л-'адаля), основанная 30 апреля 2011 г., выбрала лозунг: «Свобода, равенство, братство — всё это есть в шариате». Девиз партии — «Мы несём добро Египту».

Социально-экономическая платформа ПСС магически сочетает принципы свободной конкуренции, социальной справедливости, перераспределения доходов в пользу обездоленных, поощрение иностранных и внутренних инвестиций. При этом финансовые институты должны действовать в строгом соответствии с шариатом (т.н. исламский банкинг). Ещё один популярный тезис регионалистской направленности — равное распределение дотаций и инвестиционных проектов по провинциям страны. Минимальная зарплата должна индексироваться в зависимости от инфляции, максимальные доходы госслужащих — строго ограничены. 20% доходов от сырьевого сектора должны идти на закят — обязательный налог в пользу бедных.

---

¹⁰ В Египте неграмотно около 30% населения.

¹¹ Партия «Карама», которую возглавляет Саббахи, входит в Демократический альянс, возглавляемый ПСС. В Народном собрании она получила 6 мандатов.

В области внешней политики лозунгами ПСС были интеграция с арабскими странами, исламским миром и Африкой, отказ от политики иностранных кредитов с политическим обеспечением и опора на собственные силы,

С этими идеалами Партия свободы и справедливости победила в ноябре–декабре 2011 г.

Программа партии «Нур» построена на сходных принципах, включая признание священности частной собственности и свободы рынка, но отличается большим вниманием к социальным проблемам: здесь и проект уменьшения безработицы путём создания рабочих мест в госсекторе, и признание права гражданина на доступное здравоохранение, и обязательное финансирование науки на уровне не ниже 4% ВВП, и улучшение качества образования, и реальная автономия университетов.

* * *

Такие откровенно популистские программы могут выглядеть правдоподобно только на почти безграничном кредите доверия избирателя кандидатам и организациям, которые они представляют. Кредит этот надо было не только заслужить, но и пустить в оборот в условиях, весьма далёких от идеального порядка.

Выборы в парламент проходили по сложной схеме, основа которой сохранилась со времён Мубарака. Изменения, внесённые в неё за время революции, сами по себе показательны. При Мубараке в «нулевые» 444 из 454 депутатов Народного собрания (Маджлис аш-Шааб) избирались в два этапа по двухмандатным мажоритарным округам, а 10 назначались президентом. На выборах 2010 г. количество мест было поднято до 518, из которых избирались 508. 64 места были зарезервированы для кандидатов-женщин. 7 из 10 «президентских» мест заняли копты. Статья 87 ныне отменённой конституции предписывала, чтобы как

минимум один из двух победителей в каждом округе был рабочим или крестьянином¹². Остальные именовались «специалистами». Избиратели при голосовании выбирали из списка двух кандидатов. Кандидат, набравший более 50% голосов, считался победителем в первом туре.

Со вторым туром всё было ещё сложнее. Если с 1-го тура в парламент проходил «специалист», то в списке 2-го тура оказывались два рабоче-крестьянских кандидата, получившие наибольшее количество голосов в 1-м туре. Если оба победивших в 1-м туре не принадлежали к рабочим или крестьянам, лишь один из них проходил в парламент, а за 2-е место боролись два рабоче-крестьянских кандидата, набравших наибольшее количество голосов.

Реформа избирательной системы началась в мае 2011 г. Высший совет Вооружённых сил Египта представил проект закона, в котором двухмандатная система сохранялась для 2/3 мест, а 1/3 должна была распределиться между партиями по пропорциональной системе. Женская квота отменялась. В июле появились поправки, в которых определялся размер палат парламента: 518 для Народного собрания и 390 для Консультативного совета (из них 260 должны были избираться и 130 назначаться). Также поправки увеличивали количество избранных по пропорциональной системе до 50%. Следующие поправки появились уже в конце сентября и радикально изменяли систему: по партийным спискам должны были избираться уже 2/3 Народного собрания, численность коего уменьшалась до 498 депутатов. Также в поправках содержалась идея запретить избираться по мажоритарным округам членам партий. Но к этим предложениям крайне негативно отнеслись партии,

¹² Принадлежность кандидата к рабочим доказывалась справкой, выданной работодателем.

от аутсайдеров до Партии свободы и справедливости. Такая система позволяла вернуться во власть бывшим членам распущенной ныне правящей партии. Левая партия «Тагамму» выступила с заявлением, что поправки служат двум политическим силам — «Братьям-мусульманам» и остаткам Национально-демократической партии.

После массовых демонстраций и угроз бойкота выборов со стороны ряда политических движений в законопроекте осталось только 2/3 по партийным спискам. «Братья-мусульмане» заявили, что выставят своих кандидатов во всех округах, а не в половине, как планировали раньше¹³. Этот тактический ход позволил ПСС увеличить своё присутствие в парламенте почти на 10% за счёт двухмандатных округов, в большинстве которых её кандидаты убедительно победили, хотя все эксперты перед выборами ожидали успеха остатков Национально-демократической партии в силу их организованности и связей.

Прогноз оказался ошибочным. Бывшие члены партии Мубарака были наголову разбиты практически везде. Блоки и партии совместно выявляли и агитировали против «фулюей» — бывших членов Национально-демократической партии Мубарака.

Интересен и опыт минимального (0,5%) барьера для прохода в парламент. В России есть устойчивое представление, что такая система приведёт к образованию бесчисленного множества карликовых партий, от которых в парламент пройдёт 1–2 человека, и законодательный орган будет неработоспособен. Как показала египетская практика, в случае, если разрешены

избирательные блоки, это мнение ошибочно. Бюллетень из сорока позиций не приводит к избранию представителей всех этих движений. Даже 0,5% — это очень много. Со значительным перевесом побеждают крупные коалиции, причём не обязательно их должны возглавлять крупные организации с чёткой, проверенной десятилетиями борьбы структурой¹⁴.

Салафиты, которым за две недели до выборов прогнозировали максимум 9%, завоевали почти в три раза (!) больше, прежде всего потому что смогли сформулировать социальные лозунги, которые общество хотело услышать, и донести их до масс. Ранее партия «Нур» была частью Демократического альянса, который возглавляет ПСС. Но за несколько недель до выборов салафиты решили отколоться и вести борьбу самостоятельно, поскольку «Братья-мусульмане» слишком авторитарно распределяли позиции в избирательных списках.

Они заняли неожиданное второе место, потому что шли в рамках наиболее популярного — исламистского — тренда, но были более радикальны, то есть чисты и не замазаны тесными и многолетними контактами руководства с властями, встроенностью его в правящую элиту. Видимого барьера, разделяющего египетских салафитов и «Братьев-мусульман» в богословской плоскости, для избирателя не существует. На президентских выборах салафиты официально поддержали Абд аль-Мунима Абу аль-Футуха, бывшего члена «Ихван», к которому с нескрываемой симпатией относится Юсуф аль-Кардави, признаваемый духовным лидером мировой сети «Братьев-мусульман»¹⁵.

---

¹³ До октября 2011 г. ПСС собиралась добровольно ограничить своё присутствие в парламенте, называя более чем 50-процентное доминирование какой-либо партии недемократичным.

¹⁴ Всего в Народное собрание прошло 26 партий, но только у трёх из них более двадцати представителей.

¹⁵ Президентская предвыборная кампания 2012 г. отличается очень сложной тактикой исламистов, в которой впечатление глобаль-

Ещё один немаловажный штрих: в переполненной энтузиазмом стране, где голосовать на руках тащили даже древних стариков, максимум явки на парламентских выборах в первом раунде составил 62%. И эта цифра, равно как 43,7% победившей партии, для демократических выборов огромна¹⁶. В первом туре президентских выборов 23–24 мая 2012 г. явка составила 46%.

* * *

Победа исламистских организаций показала прежде всего, что в восприятии египтян оба светских проекта: либеральный и социалистический — в своё время потерпели крах. Исламисты остались единственной силой на политической арене, которая всё время находилась в оппозиции, у которой ещё не было возможности попробовать реализовать свою утопию. Результат социалиста Саббахи на президентских выборах оказался высоким во многом потому, что партия «Карам» во главе с этим политиком в своё время вошла в Демократический альянс, сформированный «Братьями». И определёнno, идеалы либерально-буржуазной демократии не дали ожидаемых Западом всходов на египетской почве — Амр Муса с треском провалился на выборах, получив лишь 11,13% голосов.

Сейчас трудно прогнозировать дальнейшее развитие событий, потому что оно находится в слишком большой зависимости от всё более нестабильной ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

В начале 2011 г. гражданское общество Египта сумело мобилизовать себя в жёстких условиях политической несвободы и превратить бунт в начало революции, во многом пото-

---

ной скоординированности действий периодически сменялось ощущением беспомощных метаний и интриганства.

¹⁶ К примеру, на президентских выборах 2008 г. в США явка составила 64% — рекордные за последние сто лет.

му, что всё это время существовали «Братья-мусульмане» — организация, целенаправленно формировавшая это гражданское общество во имя единой политической цели.

Но об окончательной победе исламистов говорить ещё рано. После обретения основ долгожданной демократии будет усиливаться роль социально-экономического фактора.

«Братья» уже проводят активные переговоры с делегациями МВФ по поводу займа, от которого египетское временное правительство отказывалось летом 2011 г. Одновременно новые власти налаживают контакты с КНР и посылают США сигналы, что молодая египетская демократия нуждается в финансовой поддержке.

Также ПСС постоянно заверяет бизнес, что не будут препятствовать осуществлению совместных египетско-израильских мирных торговых проектов, а туроператоры могут быть уверены, что туристам не запретят носить любые модели купальников на пляжах в курортных зонах.

Позиция «Братьев-мусульман» по экономическим вопросам во многом коренится в их классовых интересах, а не в идеологических утопиях. Среди них много представителей белых воротничков и буржуазии, многие занимают влиятельные позиции в крупных компаниях. Партией же беднейших городских слоёв и деревни стал салафитский «Нур».

Разумеется, Партия свободы и справедливости и её лидер привлекали голоса массового избирателя популистскими лозунгами о пище, образовании и здравоохранении для бедных, о социальном равенстве и справедливом распределении. Но каким образом можно осуществить такую декларацию, если базовый принцип их экономической программы радикально противоречит идее социального государства? Это же знаменитая либеральная доктрина *laissez-faire*, которая роднит «Братьев» с консервативно-

либертарианскими движениями Европы и Америки.

Исторически «Братья-мусульмане», как правило, выступали на стороне частного капитала и против национализации. Богословы из числа «братьев» и ныне постоянно подчёркивают, что рыночная экономика и свобода торговли не противоречат исламу, а напротив, являются его частью как единого праведного жизненного пути. Они ратуют за низкие налоги и создание условий для конкуренции, считая монополизацию безусловным злом, противоречащим Корану. Де-факто неолиберальный дискурс ПСС мало чем отличается от экономической политики Мубарака последних лет.

Но резкого крена влево, несмотря на грандиозный успех Хамдина Саббахи на президентских выборах, в ближайшие годы прогнозировать нет оснований, если не вмешаются внешние форс-мажорные обстоятельства.

Многочисленные эксперты и в самом Египте, и за рубежом (особенно отличились российские) предрекали, что революция приведёт к краху египетской экономики. Уже подведены итоги 2011 г. Валютные резервы Египта за год сократились на половину — до \$18 млрд. Инфляция в 2011 г. составила 9% и по прогнозам вырастет в 2012-м. Безработица — 11,9% от общего числа рабочей силы. За год страну посетили около 10 млн. туристов, что на треть меньше, чем в 2010-м. Впрочем, представители турбизнеса утверждают, что революционная статистика несколько лукавила, включив в число туристов граждан Ливии, Судана и Газы, а реальные показатели выглядят немного более уныло¹⁷. Но пока катастрофы не случилось.

Правительством, при постоянных консультациях с исламистами, установлен минимальный размер оплаты труда — \$120 (профсоюзы требо-

вали почти в 2 раза больше). В ближайших планах — установить максимальную зарплату для работников государственных предприятий, включая госслужащих, на уровне 36хМРОТ, т.е. \$4320.

Начался и процесс пересмотра итогов приватизации. По итогам судебных разбирательств последнего года ренационализированы по меньшей мере 4 крупных промышленных компании и 6 агрохолдингов, поскольку в их приватизации установлена коррупционная составляющая.

Что касается акций рабочего протеста, то за время революции их зафиксировано 335, примерно в равной степени на государственных и частных предприятиях, в том числе и на тех, которые впоследствии были подвергнуты ренационализации. За время революции появилось более ста новых независимых рабочих организаций. На пятый день революции была основана Египетская федерация независимых профсоюзов, которая объединяет около 1,6 млн. человек.

Но переходные власти не поддерживали акции и организационные инициативы рабочих; напротив, в реальности они продолжают политику Мубарака: установлена административная и уголовная ответственность за организацию забастовок, «подрывающих национальную экономику»¹⁸; законопроект, позволяющий регистрировать новые независимые профсоюзы, до сих пор не принят; большинство требований, касающихся изменения трудового законодательства, также не выполнены.

Неудивительно, что в этих условиях Египетский демократический рабочий конгресс, объединяющий новые профсоюзы, в годовщину восстания 25 января призывает к продолжению борьбы. Обретёт ли этот призыв поддержку большинства? Революциям свойственно радикализироваться в процессе раз-

¹⁷ За 2011 г. в Египте побывало в статусе туристов около 500 тыс. ливийцев.

¹⁸ Штраф от \$5000 до \$83 000, тюремное заключение от года и выше.

вёртывания. Но вряд ли станет серьёзной независимой силой профсоюзное движение, которое систематически отказывалось сотрудничать с политической оппозицией при Мубараке и не спешило на площадь Тахрир вплоть до последних дней восстания. Скорее всего, оно будет поглощено исламистским большинством, и через пару лет братьев-мусульман на выборных должностях там будут сменять граждане, близкие к партии «Нур», а дальнейшая борьба рабочих будет проходить уже в рамках исламской парадигмы.

Но в любом случае с 18 февраля 2011 г. никакого хаоса и катастрофы в Египте не случилось, несмотря на огромное количество провокаций, за которыми, вероятно, стоят именно военные, не желающие отдавать власть законно избранным гражданским органам.

* * *

Свободный выбор граждан Египта на парламентских и президентских выборах показал, что главными в обществе являются антиколониальные настроения, стремление к независимости и национальному достоинству, которое должно выражаться и в создании самобытного типа справедливого общества¹⁹. Достоинство, честь, справедливость — вокруг этих понятий формировался язык предвыбор-

¹⁹ Даже выход во второй тур Ахмада Шафика, 20 лет прослужившего на руководящих постах при Мубараке, не противоречит этому тезису. Избиратель Шафика не мечтает о возвращении эпохи Мубарака, а делает ставку на армию как силу, способную управлять страной (как в России немало граждан держит в охранительском плену не харизма Путина, а бренд КГБ).

ных кампаний. «Братья-мусульмане» и салафиты сумели наиболее точно ответить на этот запрос как в партийных программах, так и в непосредственных действиях — от обеспечения наблюдателей и порядка на выборах до адресной и оперативной помощи нуждающимся соотечественникам.

P.S. 14 июня Конституционный суд Египта постановил, что 1/3 депутатов нижней палаты парламента избрана с нарушением законодательства, и поэтому парламент должен приостановить работу до новых выборов. На утро 18 июня после подсчёта 95,4% голосов кандидат от «Братьев-мусульман» Мухаммад Мурси лидировал с результатом 52,4%, Ахмад Шафик получил 47,6%. Против исламизации проголосовали курортные районы и Каир. ПСС объявила о победе, штаб Шафика хранил молчание. Но это был не финальный гонг, а начало отсчёта последнего раунда. За несколько часов до этого, сразу после закрытия избирательных участков, Высший совет вооружённых сил Египта, т.е. та самая армия, которая правит страной уже 60 лет, издал «конституционную декларацию», в которой даровал себе право законодательной власти вплоть до выборов парламента, контроль над экономикой и право выбирать членов Конституционной Ассамблеи. Мурси и ПСС заявили о своём категорическом несогласии с этим решением.

Официальные итоги выборов были объявлены 24 июня, после недели круглосуточных митингов БМ на Тахрире. Армия не решилась на открытое противостояние с исламистами. Победителем с результатом 51,7% стал Мухаммад Мурси.

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

ОХРАНИТЕЛЬСТВО

Охранительство — слово, на другие языки не переводимое и в словарях отсутствующее. Между тем историю русской мысли, по крайней мере со второй половины XIX в., без этого понятия описать просто невозможно: его значение огромно. Вплоть до наших дней оно то уходило в тень, то в тех или иных значениях становилось вновь актуальным. Устойчивого смысла оно так и не приобрело, однако чаще всего под охранительством понимается идеология сохранения существующего положения дел, прежде всего существующей государственной власти; или приверженность к той идеологии, на которой эта власть основана. При этом конкретные очертания этой идеологии могут сколь угодно варьироваться в зависимости от эпохи, да, наверное, и от страны. Впрочем, почему-то в других странах этому понятию нет соответствия, хотя сама по себе стратегия охраны существующего режима вряд ли актуальна лишь для России. Значит, есть в охранительстве что-то такое, что выходит за пределы пусть и принципиальной и очень идейной, но всё же простой поддержки действующей политической системы.

Другой вариант использования слова «охранительство» — в более возвышенном значении «охранения основ» — общественного строя, народной жизни, культуры, веры и т.д. Но в этом значении оно вполне тождественно европейскому понятию «консерватизма», являясь просто чем-то вроде его русскоязычной замены. И всё же консерватизм — он и в Африке консерватизм, а охранительство — наше родное, местное. Неустойчивость его значений свидетельствует, что как

идеология оно всё ещё складывается и, возможно, более-менее определённые черты приобрело лишь в наши дни. Попробуем описать его именно таким, каким оно предстаёт сейчас — учитывая, конечно, и его давние исторические корни. И здесь я бы выделил два основных источника этой идеологии: особое русское понятие государства и очень своеобразный в местном приложении российский либерализм.

* * *

Принято считать, что «государство» — универсальное понятие, однако никаких серьёзных доказательств этому мы не имеем. Запад (а может, и Восток) «государственности» никогда не знал. В латинской традиции античного времени единого понятия не было, зато употреблялись слова *civitas*, *respublica*, *regnum*, *imperium* и т.д., которые мы все скопом считаем различными формами государства. То, что мы называем «государственным», передавалось словом «publicus». Ещё большее разнообразие в терминах было в Средние века. Понятие же, абсолютно господствующее в современных западных языках (*stato*, *state*, *Staat*, *tat*, *estado* и т.д.), было введено только Николо Макиавелли и постепенно стало входить в языки лишь с конца XVI — в XVII в. Его «*stato*» — от лат. *sto*, *stāre* — стоять, покоиться, держаться, отсюда же *status* — состояние, положение. Корень, кстати, частично заимствованный и в русском языке («статус», «статуя», «статичный» и т.д.), но отсылающий к индоевропейскому корню, в русском языке также присутствующему («стоять», «постоянный», «стать» и т.д.).

Это новое понятие о государственности пробивало себе путь в европейские языки по мере деперсонализации власти и утверждения представительских систем, в которых сама власть определяется через «общество», снизу. То есть это то, чего русская история почти не знает.

Наше же «государство» — специфически местное понятие, отражающее именно русский исторический опыт и более никакой другой¹. Однако изучение его своеобразия толком не проведено: можно даже сказать, нам до сих пор неизвестно, что такое государство. В основе этого понятия лежит титул «государя» («господаря» в более старой форме), однако, при довольно обширной литературе об истории и значении титулов (великого) князя и царя, титул государя остался наименее изученным. Возможно, это связано именно с его своеобразием: для прочих русских титулов были найдены западные параллели (правда, условность и даже неадекватность этих аналогий не раз подчёркивалась в научной литературе), но для «государя» соответствия не нашлось. Мы плохо знаем, когда и кто начали называть себя государями, какова была история этого титула, что составляло «государство». Хотя можем предполагать, что скорее всего оно являлось чем-то вроде «dominium» государя и, соответственно, определялось фактом его власти.

Однако уже в XIX в. мы видим, как постепенно аппарат управления государством обособляется от государя, приобретает самостоятельное значение и вскоре оказывается более значимым для определения государства, чем сам государь. Западного «переноса» верховной власти с фигуры монарха на правящее сословие или народ у нас так и не произошло, зато

сформировался устойчивый феномен «государства как аппарата», которое само себя обосновывает и в прочих легитимациях просто не нуждается. Случившиеся в XX в. пертурбации общественного строя, объявление «диктатуры пролетариата», закрепление за коммунистами статуса правящей партии и т.д. эту ситуацию никак не изменили — государство меняло формы и идеологии, но продолжало существовать именно как государство.

Современная Российская Федерация, можно сказать, является вершиной этого процесса: статус «многонационального народа» как её учредителя является откровенно фиктивным, зато государственность сомнений не вызывает — «что-то такое» и вправду существует, пусть с научной точки зрения это и трудно (или просто невозможно) описать терминами, принятыми в международном праве. Но именно благодаря ему существует «центральная власть». Кто кого учреждает — центральная власть государство или государство центральную власть — неясно. Зато есть идеологии, по-разному отвечающие на этот вопрос: государственничество, ориентированное на защиту именно государства, и охранительство, ориентированное на защиту власти.

Государство в России стало отвлечённой системой «аппарата управления», который имеет отношение только к одному — к «центральной власти». Она — власть — его стабилизирует и они друг друга взаимно легитимируют. «Государство» образуется через самый факт власти. При том, что эта власть имеет в нашей истории целый ряд прерывистостей, благодаря «государству» она вновь и вновь становится продолжением своей предшественницы. Современная Россия ввела в международное право новое понятие — «государство-продолжатель»².

¹ См. об этом подробнее: *Неменский О.Б. Российское государство vs. Russian state // Сократ. Журнал современной философии. 2011. № 3.*

² Новая правовая категория, введённая в международное право Россией в первой по-

Оно не нужно другим странам, так как там государственность передаётся либо через нацию (суверенный народ), либо через монархию. Здесь государство продолжает само себя, просто в новых формах. Так образуется теория своего рода «*translatio imperii*», связывающая различные государственности на территории России в единую линию. Наиболее чётко эта теория была сформулирована в статье В.В. Путина о национальном вопросе³, где российское государство определено как «историческое», и «доставшееся нам от предков». То есть обоснование это государство имеет не в современной воле народа, а в факте наследства, выборной преемственности со своими предыдущими формами.

В XIX в. в России появился идейный настрой, осознававший себя частью европейского либерализма, но в сущностных своих чертах определявшийся более местной спецификой, чем западными теориями. Эта уникальность впервые ярко проявила себя в период Крымской войны, когда российские либералы (нередко совершенно открыто) желали поражения собственной стране. Считалось, что только это может заставить центральную власть пойти на серьёзные реформы. Тактически это было во многом верно, и позже не раз возникали аналогичные ситуации. Поражение России в той или иной военной кампании понималось не как удар по стране и её народу, но лишь как удар по «царизму» и государственной системе, противопоставлявшейся стране и народу.

К концу XX в. стали знаменитыми слова «Мы стреляли по СССР, а попа-

ли в Россию»⁴, очень точно определявшие двойственность и трагизм такой позиции. Российский либерализм уникален именно тем, что сложился как антигосударственное идейное течение. Типичный «либерал» заявляет свою нелояльность к российскому государству и нередко позиционирует себя как его открытого врага. При этом затруднительность интеллектуального различения «государства» и «страны» нередко приводила и приводит к ситуации, когда нелояльность к государству оборачивается отвержением всей страны, ненавистью к самим её культурным и историческим основам, в конечном счёте — русофобией. Показательно, что идеи переустройства российской государственности на принципе, например, национального суверенитета, нередко выдвигаемые в последнее время, не находят сочувствия в либеральной среде: власть «этого» народа представляется им чем-то ещё более опасным и страшным, чем власть абстрактной машины «государства».

Российское государственничество возникло в «послекрымское» время как реакция на этот «либерализм», и оно сохраняет свою идейную актуальность именно в этой связке. Один из основателей охранительства очень чётко сформулировал и принцип этой идеологии: «В вопросах государственного свойства всё должно оцениваться с точки зрения государства»⁵. При этом государственничество очень близко европейскому этатизму, то есть является идеологией, утверждающей максимально большую роль государства в общественной системе. В этом плане государственники могут быть (и, например, в 1990-е гг. определённо были) в оппозиции к действующей «ли-

ловине 1990-х гг. и закреплённая в законе №101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 и ряде двусторонних договоров.

³ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 1.23.2012; http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

⁴ В оригинале у А.А. Зиновьева, правда, было «Мы метили в коммунизм, а попали в Россию».

⁵ Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 154.

беральной» власти. В России действует политический маятник — между антигосударственным либерализмом и государственным охранительством. Государственничество противоположно либерализму в идейном плане, но не в тактическом — носители и той и другой идеологии могут быть и при власти, и против неё. Её падение видится тождественным с падением всей государственности, и потому описывается почти апокалиптически, однако её смена просто переключает охранительство на поддержку новых лиц.

Охранительство — идеология, ставящая своей задачей охранение государства, и оно действительно близко к государственничеству, но не сводимо к нему — не случайно различается и словоупотребление. Но не стоит и подразумевать под ним лишь стратегию защиты актуальной власти — тогда охранителями могут быть кто угодно, кого эта власть конкретно сейчас устраивает. Нет, охранительство — это идеология, которая защиту власти ставит в принцип, и потому безразлична к идейным свойствам конкретной властной команды. Идеология охранительства не в том, чтобы защищать эту конкретную власть, а в том, чтобы защищать любую власть, так как это и есть защита государства. Это не защита режима, а защита (охранение) власти как государственной функции и всего того, что это государство формирует. Факт центральной власти здесь понимается как основа государства, как учреждающая его сила.

Охранительство может быть и интеллектуальной позицией, и политической тактикой — как, например, в случае с ЛДПР и их принципом, который можно сформулировать примерно так: мы за сильную Россию, а сильная Россия возможна только при сильном государстве, сильное же государство возможно только при сильной власти, значит мы за усиление власти — любой, какая есть во главе России, и значит мы всегда готовы её

поддержать. Как сказано в программе партии, «возрождение мощи и величия России невозможно без укрепления центральной власти, т.е. российской государственности»⁶. В этом ряде связанных и отождествлённых понятий состоит сущность идеологии охранительства. Примечательно при этом, что охранителям не требуется объединяться в единые политические структуры: принципиальный настрой на поддержку центральной власти может совмещаться с различными идейными симпатиями касательно самых разных сфер жизни общества.

Защита и оправдание власти являются сущностью идеологии охранительства. Как очень точно охарактеризовал это Владимир Титов: «Суть “охранительства” — внушение всем понятия об изначальной благодати нынешней российской власти»⁷. Стратегия оправдания власти (для этого, по аналогии с теодицеей, можно использовать термин «кратодицея») толерантна к изменениям её форм и смене её лиц и идеологий: к примеру, охранительная позиция вынуждает православных имперцев поддерживать либеральное правительство. Такая позиция защиты идейно чуждой силы при власти немислима в западной политической культуре и в её терминах просто необъяснима, однако у нас является вполне естественной и весьма распространённой.

Кратодицея, свойственная интеллектуалам-охранителям, требует больших творческих ухищрений и предоставляет охранителю немало головоломок. Сергей Бирюков дал очень ценную типологизацию охранителей по методу оправдания власти: «Среди современных российских охраните-

⁶ Программа Либерально-Демократической партии России (ЛДПР), принята на XIII съезде ЛДПР 13 декабря 2001 г. в г. Москва.

⁷ Титов В. Охранители // АПН. 09.16.2010; <http://www.apn.ru/publications/article23162.htm>

лей выделяются, с одной стороны, так называемые “интуитивисты” — то есть эксперты, способные видеть в практически любых актах российской власти глубинный и сокровенный государственный смысл, который, возможно, не “закладывался” изначально самими субъектами этих действий. Среди последних встречаются и своеобразные “мистификаторы”, предпочитающие давать истолкование действий российской власти, исходя из её “высшего предназначения”, оставляя при этом в стороне сложные и малоприятные проблемы “политической повседневности”. Присутствуют среди охранителей, наконец, и самобытные конспирологи, усматривающие в любых реальных или мнимых “вызовах” в отношении современного российского статус-кво реализацию неких теневых схем и проектов, грозящих стране разрушительными последствиями»⁸.

Эту типологизацию, конечно, можно продолжить. Но главное: оправдание власти может быть очень разнообразным и даже весьма противоречивым, зато соответствующим практически любым идейным запросам.

Важно при этом отметить, что для всего этого охранительству требуется огромная идеологическая пластичность, ибо только она позволяет не выдвигать претензий к конкретной политике власти и не требовать каких-либо существенных перемен в ней, однако сохранять охранительную позицию, когда эта власть всё же поменялась. Тот же С. Бирюков пишет: для охранителей характерно «отсутствие четких принципов и идеологических ориентиров, удивительные изменчивость и “подвижность” мысли, общая конъюнктурная направленность творческих изысканий и крайне слабая рефлексия, а главное — неспособность дать не только теоретическое обоснование,

но и сколько-нибудь целостное описание того самого “статус-кво”, который следует “консервировать” и охранять».

Правда, то, за что здесь охранители критикуются, является не их недостатком, а обязательным свойством, позволяющим удерживать существенные основы идеологии, независимо от политических перипетий. Ориентация на власть, легитимирующую собой государство, а не на нынешнее «статус-кво» со всеми его сложными особенностями — это и есть российское охранительство. Интерес же к поддержанию «статус-кво» имеют те, кто идейно близок к нынешней власти и не хотел бы её смены, так как рискует оказаться в оппозиции и наблюдать негативно оцениваемые им процессы — но это никак не охранитель, а просто сторонник конкретных политических сил.

Всё это так и в отношении сторонников консерватизма, с которым охранительство нередко путают, а то и смешивают во что-то единое. Консерватизм постулирует сохранение основ общественной жизни, подчёркивает важность традиций. Охранительство же сводится к охранению государственности, которая совсем не обязательно является частью традиции. Это лишь институт, «унаследованный из прошлого», но подходить к нему с вопросом о традиционности его форм не стоит — это просто лишнее: определяемое властью государство важно само по себе, а не тем, что выражает какие-то консервативные ценности. Так, охранительству свойственно наполняться ситуативным и неоднозначным содержанием. Это стохастическая идеология, что как раз прямо противоположно консерватизму.

Хотя надо отметить, что охранители, поддерживая власть, действительно склонны приписывать ей исторические свойства российской государственности. Это один из самых действенных способов её оправдания. Такой подход

⁸ Бирюков С. Наши охранители // Русский журнал. 8.10.2010; <http://www.russ.ru/pole/Nashi-ohraniteli>

придаёт всему охранительству своего рода консервативный лоск. Но некоторых это обманывает — и они, на каком-то этапе осознавая неконсервативность самой власти, разочаровываются в ней.

Вот, например, как этот момент описывает один из консервативных публицистов, долгое время позиционировавший себя именно как охранитель: «Все те красивые смыслы, мифологемы и идеологемы, которые мы приписывали этой власти, на самом деле не имеют к ней никакого отношения, разве что в порядке иронических литературных метафор. Продолжать эту бессознательную литературную игру, то есть продолжать выдавать желаемое за действительное — и себя калечить, и власть развращать. Апофеозом этой абсурдной игры стали нередкие ситуации, когда в ответ на какие-то конкретные претензии и предложения совершенно охранительного толка власть начинает прикрываться самим охранительством, то есть возвращает тебе твои же слова. Например, почему в федеральных СМИ у нас до сих пор монополия либералов-западников? — потому что это целесообразно с точки зрения охранительства. Почему у нас до сих пор Ленин в мавзолее? — потому что это целесообразно с точки зрения охранительства. Почему православные не имеют права создавать свои партии? — потому что это целесообразно с точки зрения охранительства. И т.д. Если говорить в терминах Макса Вебера, то консервативная политика как совокупность ценностнорациональных действий подменяется нашей властью совокупностью исключительно целерациональных действий. При этом, в чем сама “цель” — совершенно не ясно, кроме как желания удержаться у власти как можно дольше»⁹.

В этой цитате очень ярко представ-

лено осознание того, что охранительство и консерватизм — это, мягко говоря, нетождественные идеологии. Для охраны системы требуются вещи, которые откровенно плохи с точки зрения консерватизма. Это, однако, никак не отменяет того факта, что именно консервативная риторика была и остаётся важнейшим орудием охранительства и в этом плане частое сближение и сотрудничество между представителями этих идеологий естественно.

* * *

Для носителей идеологии русского охранительства характерен целый ряд идеологических и психологических свойств, которые обуславливают своеобразие их позиционирования в российском политикуме, а также выразительные черты самого «охранительского дискурса».

Отсутствие у центральной власти каких-либо других оснований, кроме как в наследуемой «от предков» (то есть, вообще-то, от большевиков) государственной машине, и отсутствие у этой машины других легитимаций, кроме как в самой власти и её охранителях, приводит к потребности объединения подконтрольного населения с помощью внешних раздражителей. Так, важнейшим свойством охранительского дискурса становится видение России в качестве осаждённой крепости.

Нельзя сказать, чтобы это было совсем неадекватно, особенно в наше время, когда Россия слаба, разделена, почти выключена из системы международных отношений и по большому счёту не имеет союзников. Однако в данном случае речь идёт не о фактологических констатациях, а об утрированной модели, из которой делается немало идейных и дисциплинарных выводов. Государство в осаде обязывает к мышлению в категориях военного времени, суждениям «по-трибунальски», к высшей степени подозрительности. И всё это сочетается с прочным осо-

⁹ Малер А. Охранительство без вдохновения-2 // <http://arkadiy-maler.livejournal.com/433531.html>

знанием вечности такого положения: Россия обречена всегда жить в осажденном положении, соответственно порядки осажденной крепости предписываются всему её населению на вечные времена и становятся чем-то вроде её цивилизационной особенности. Отсюда и характерные «лес рубят — щепки летят» (как по-прежнему актуальный принцип), «нам не до комфорта», не до «всяких там прав человека», не до демократии и т.д. На гражданина смотрят как на солдата, худшее поведение для которого — нарушение военной дисциплины.

При этом охранительство не склонно считать «оборону крепости» именно русским делом (мы страна многонациональная), требуя единства народов в осажденной России. Русским отказывается в субъектности, однако трудно уйти от того факта, что эта война — своя именно для русских. В результате все соседние с нами народы хотят сбежать из этой крепости, ведь это не их война. Отсюда и актуализация всех этих свойств российского охранительства в антироссийской риторике национальных движений внутри России и в новых независимых государствах. Для них всё это и составляет негативное лицо «российского империализма»: он основан на насилии, то есть на втягивании народов в осажденную крепость ради участия в чужой для них и бесконечной войне. Так дискурс охранительства отталкивает от России бывших соотечественников и возбуждает сепаратистские настроения внутри страны.

Конечно, самым страшным врагом в осажденной крепости является не внешний, а внутренний враг. Задача, формулируемая охранителями, — это поиск и устранение «разрушительных вирусов», то есть всего того, что ослабляет центральную власть, а значит и государство. Охранительство, как уже было сказано, весьма толерантно к смене официальных идеологий, однако при каждой конкретной власти

крайне нетерпимо к инакомыслящим. Все оригинально думающие признаются скрытыми врагами России, и охранитель считает своим долгом их «разоблачать».

Разоблачительный пафос господствует в большинстве охранительских текстов, особенно если брать не официальную печать, а интернет-блоги и выступления на круглых столах. Инакомыслящие обыкновенно обвиняются в работе на деньги и по заказу внешних врагов, в злом умысле против государства, а также в фашизме. Последнее связано не столько с попыткой идейного анализа, сколько с тем, что в русской культуре слово «фашист» однозначно ассоциируется с внешним врагом. Хотя на деле, если попытаться найти западные параллели идеологии охранительства, то как раз классический фашизм и окажется наиболее близким ему аналогом.

Подозрение инакомыслящего в злом умысле как стратегия отношения к оппонентам имеет ряд своеобразных причин и последствий. Оно означает признание своей слабости в том, чтобы понять, почему же человек думает именно так. Оно означает также и признание своей слабости в возможности переубеждения оппонента, а в результате попросту отказ от диалога. Оно же означает и выбор единственного пути воздействия на оппонента и утверждения своего мнения — это его устранение (социальное, информационное или физическое).

Эта заранее занимаемая охранителем позиция «слабого» основана не столько на интеллектуальном недомогании, сколько на определенной степени безразличия к содержательной стороне любой такой дискуссии. С врагами не дискутировать надо. Отсюда же возникает и становится столь популярным в обществе запрос на репрессии, легко оборачивающийся идеализацией сталинского времени. «Оправдание власти» и через неё борьба за утверждение сильной го-

сударственности — это своего рода «священная война» для охранителя, и здесь нет места интеллектуальным играм, ведь глупо было бы в Великую Отечественную войну спорить с немцами о преимуществах коммунизма и пагубности нацизма.

Охранительство актуализирует весь идейный и чувственный комплекс защиты Родины от врагов, но — уже во внутренних отношениях, внутри гражданского общества. Наличие откровенно нелояльного государству оппонента (российских либералов) задаёт структуру отношения вообще к оппозиции, и здесь уже нет различий — либералы это или консерваторы, коммунисты или нацисты. Охранитель занимает единственно верную позицию охраны власти и государства, все несогласные — его враги.

Такой идейный настрой напрямую сказывается и на структуризации политической жизни страны. Само собой, что диалога с оппозицией он не предполагает. В охранительской логике с оппозицией должны разбираться специальные службы государства, устранять предателей, пресекать их антигосударственную деятельность, и это вообще не дело провластных политических сил. В результате охранительство подразумевает совершенно иную, чем западная демократия, политическую модель. И в первую очередь — ему претит партийная система.

Российское государственничество обосновывает и оправдывает господство чиновничьего слоя — как корпорации людей, представляющих собою власть и собственно «государством» и являющихся. И охранительство неизбежно защищает именно эту систему политического господства. В таких условиях наличие партий (то есть организаций, представляющих интересы различных других слоёв населения), представляется не просто лишним, но и опасным — они своим оппонированием осуществляют антигосударственную деятельность.

Зато появляется феномен «партии власти». В советское время не было цели имитировать многопартийность, поэтому система была честнее, просто запретив все остальные партийные организации. Само же название «партия» было скорее рудиментом прошедшей эпохи. «Партия власти» — это, конечно, псевдопартия, так как претендует на выражение интересов всего общества в целом (и называться она должна, наверное, «омнией» — да в политологии нет такого понятия). Она представляет весь «политический класс» общества, то есть всех тех, кто имеет отношение к реальному управлению системой. В современной России она является действительно чем-то более похожим на партию, так как «политический класс общества» почти полностью сведён к чиновничеству и партия власти является выразительницей интересов именно этого слоя. Однако её идейное позиционирование неизбежно остаётся тем же — представительство интересов всего общества как целого.

В условиях отсутствия государственной идеологии эта претензия обуславливает и идеологическую аморфность, неопределённость партии власти, ведь только так можно более-менее соответствовать сразу всему обществу. Единственная определённая идеологическая основа, на которую может опираться партия власти, — это идеология государственничества. А единственная интеллектуальная стратегия самодтверждения — охранительство.

В охранительстве государственность оказывается пустой формой, и потому определяющая её власть становится единственным, что положено охранять. Это же касается и вообще государственничества — в нём суверенитет фиктивен, так как его носителем является не народ, не монарх, не какая-то социальная корпорация, а государственный аппарат как таковой. При этом политическая лояльность граждан должна полностью доминировать

над какой-либо другой: этнической, конфессиональной и т.д., а значит и доминирующая идентичность должна определяться лишь государством. В результате важнейшим принципом государственничества становится неприятие общественной инициативы, причём любой — в том числе и лояльной и даже «верноподданнической».

Эдуард Попов, описывая ещё скорее ранние истоки этой идеологии в XIX в., заметил: «Ключевые постулаты идеологии государственнического консерватизма заключались в неприятии общественной инициативы, даже исходившей со стороны лояльных слоев населения, включая дворянство. Единственной творческой силой русской истории признавалось государство (вспомним центральный для историографии и идеологии Н.М. Карамзина тезис о самодержавии — творце русской истории)»¹⁰. Это делает в принципе невозможным существование гражданского общества — оно становится не просто опасным для власти, но и ненужным всей системе. И общественные организации и партии, ориентированные на выражение интересов каких-либо частей общества, тут же оказываются врагами всей государственности.

Вследствие этого самым банальным конфликтом для охранителей оказывается борьба с различного вида патриотами, то есть с теми, кто лоялен стране, а не формам государственности. От патриотов малых народов при больших бюджетных доходах ещё можно откупиться, но самыми опасными становятся русские патриоты — они нарушают всю систему лояльности и тем самым оказываются гораздо более опасными игроками политического поля. Любые общественные акции и движения, основанные на русской идентичности, уже традиционно объявляются фашистскими. Русские

в СМИ изображаются народом, склонным к подавлению других, по самой природе своей шовинистическим, а потому опасным. Так охранительство защищает государство от русского народа, сдерживает «русскую угрозу». Одновременно объявляется, что именно государственная машина способна образумить этот народ, ввести его жизнь в приемлемое русло.

Русским (единственным из всех более-менее крупных народов государства) не даётся самоуправление, им отказывают в государственном статусе, но при этом подчёркивается во всех отношениях позитивное, смиряющее воздействие на них центральной власти и государственной машины. Одно из самых ярких выражений такой точки зрения можно найти в блоге принципиального охранителя Владимира Букарского: «По поводу “порки русского человека”. Так исторически, географически, ментально сложилось, что русский человек действительно нуждается, грубо говоря, в плётке. Когда русский человек живёт под государственным тяглом, он достигает чудесных результатов — выигрывает войны, покоряет Сибирь, строит города, покоряет Космос. А когда тот же русский чувствует ослабление вожжей — он разнуждывается, преобразается донельзя, устраивает смуты и революции, грабит и заливают кровью собственную страну. Первое непоротое поколение русских людей, о котором мечтали прекраснородушные либералы XIX века, вогнало Россию в кровавую тьму революции и Гражданской войны. Русскому народу нужна плеть. Точнее, нужна великая мечта и мудрый начальник с плетью. И народ это инстинктивно понимает — неспроста в народе такой заоблачный рейтинг Сталина»¹¹.

Так русофобия оказывается одной из важнейших сторон охранительства: русский народ видится не «народом-

¹⁰ Попов Э.А. Русский консерватизм: Идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д., 2005. С. 102.

¹¹ <http://bukarskii.livejournal.com/2011.09.27>.

охранителем» российского государства, а, наоборот, опасным элементом всей конструкции¹². В ранг «потенциального врага», которого надо сдерживать и от которого надо охранять государство, попадает основной народ этого государства.

Но описанной системе не нужны и охранительские инициативы, и в этом можно усмотреть своего рода трагедию приверженцев такой позиции. Капкан охранительства в том, что у власти могут быть и не государственники. При этом система работает сама по себе, и наличие слоя идейных охранителей ей не так уж и необходимо. Это почувствовали на себе многие наши охранители в начале десятых годов. Тот же Аркадий Малер так это описал: «В большинстве своём охранители нулевых ничего не получили от охраняемого ими режима и их личные успехи никак не были связаны с их политической позицией»¹³. Их не только не «взяли наверх», но и не допустили в «высший свет» российской политики. Тимофей Шевяков сравнивает охранителей «со сторожевыми псами — хозяев хранят самозабвенно, до севших голосов, но на порог хозяйского дома их не пускают»¹⁴.

Надо учесть ещё и то, что сама позиция охранительства, связанная с поддержкой власти, несмотря на её собственные идеологические кульбиты, для интеллектуала довольно сложна. Как можно прочесть у одно-

го из записных охранителей «нулевых» годов Артёма Акопяна, также разочаровавшегося в этой позиции: «Хорошо быть охранителям при монархическом устройстве, когда можно жизнь прожить, служба Государю, и веря в его право от Бога царствовать “сильной державой на славу нам”. А тут само государство меняется быстрее, чем эволюционируют вместе с ним ваши взгляды, вот вы и остаетесь где-то далеко позади: растерянный и опустошённый»¹⁵.

Эта обиженность охранителей на охраняемую ими власть — вполне естественный результат работы системы: она держится вовсе не на охранителях. Более того, если она начинает прибегать для самосохранения к помощи охранителей — это лишь значит, что она уже слишком слаба и наверняка скоро сменится. «Власть государства не на мнениях основана; или её нет на деле, или она держится сама собой, независимо от мнений», — писал Михаил Катков¹⁶.

Охранительское течение, ориентируясь на власть и безоглядно её поддерживая, являет собой ту самую «инициативу снизу», которая как таковая внесистемна и для власти опасна. Очень точно об этом написал Андрей Громов: «На самом деле (и это касается не только пишущих) режиму (системе) не нужна лояльность и совсем не нужны лояльные деятели. Деление на чистых и нечистых проходит вовсе не по линии лояльные / не лояльные. Важно только, являешься ли ты частью системы или нет? Причем, являясь частью системы, от тебя совершенно не требуется лояльность (опросы среди властных элит дают поразительные результаты по степени нелояльности этих самых элит, в том числе

¹² Замечательно эта мысль выражена также в статье: *Цитко А.* Не будем валять дурака! // Литературная газета. № 50 (6350) от 14.12.2011; <http://www.lgz.ru/article/17872/>. См. её разбор: *Сергеев С.* Адвокаты лжи // Русская платформа. 22.12.2011, <http://rusplatforma.org/publikacii/node409/>

¹³ *Малер А.* Охранительство без вдохновения // http://www.katehon.ru/html/top/analitika/ohranitelstvo_bez_vдохновения.html

¹⁴ *Шевяков Т.* Лоялизм и охранительство // <http://www.politonline.ru/alternate/1381.html>

¹⁵ *Акопян А.* Охранительство прошлого и будущего // Русский журнал. 30.08.2010. <http://www.russ.ru/pole/Ohranitelstvo-proshlogo-i-budushego>

¹⁶ *Катков М.Н.* Указ. соч. С. 85.

и непосредственно чиновничьих, этой самой системе)»¹⁷.

Действительно, меньше всего охранительских настроений можно найти в среде самого чиновничества, причём чем выше его уровень, тем ещё меньше. Там искренне охранительская позиция совсем не в чести. Однако это не обрушивает систему — нет, просто она безразлична к личной позиции участника, если только его деятельность не приобретает противоречащий ей характер. При этом официальное охранительство и государственничество остаются господствующими идеологиями, идейно определяющими систему.

Всё это сопрягается с ещё одним важным свойством охранительской позиции — её своего рода фаталистичностью. Государство уже создано, оно уже есть, и вся задача — в его защите, в охране власти. Известная ироническая фраза «так сложилось исторически» приобретает значение вполне серьёзного принципа политического и национального бытия. За этим скрывается отсутствие осознания «сделанности» истории и дня сегодняшнего, отказ от какой-либо ответственности за прошлое и настоящее и отсутствие решимости созидать будущее — ведь оно само создаётся, исторически «получается». Требуется лишь защитить наличествующую государственность. Она — субъект действий, а обществу в субъектности отказывается.

И действительно, такой подход вошёл в русское сознание, стал чуть ли не господствующим. Это, кстати, очень ярко проявляется в политическом поведении русских в бывших советских республиках. То, как русские люди готовы спокойно и даже преданно служить новым независимым государствам, образовавшимся на территории исторической России, — это тоже проявление государственнической формы мысли, со всем его фатализмом

вошедшей в национальное мышление. Просто там государство другое — «исторически сложилась» независимая Украина или Киргизия, и отношение к ним строится ровно так же, как и к России — государственность надо признавать как данность и защищать, а ростки русской субъектности расценивать как опасные и недопустимые. Государственнический и охранительский настрой русских в ближнем зарубежье ничем не отличается от соответствующих умонастроений в самой России. И, как мы видим, он на удивление прочно блокирует любые попытки низовой самоорганизации и постановки вопроса о национальных правах.

* * *

Возможно, господство пассивно-государственнического отношения в русском сознании основано на каких-то очень глубоких свойствах менталитета, каковым он стал к исходу XX в. Современным русским в массе своей свойственно осознавать мироустройство и все действия в нём не с точки зрения их священности, разумности или бытового удобства, а просто как данность, как некий предписанный порядок, который надо соблюдать и защищать, не особо о нём задумываясь. Есть специфически русское выражение: «так положено» (и «так не положено!»). Оно употребляется очень часто и является важнейшей формулой оценки тех или иных действий. За ним скрывается ощущение мировой упорядоченности, космоса общественной жизни, который предписан откуда-то сверху, предписан вообще, просто потому, что «так надо». То, что «положено», не должно подлежать сомнению, обсуждению, ему не нужна аргументация, лишь наша охрана.

Если вам в России кто-то сказал, что «так делать нельзя», ибо «не положено», то бессмысленно спрашивать «почему?». «Вы нарушаете порядок» — единственный ответ, за которым стоит целая картина мира. «Порядок» в дан-

¹⁷ Громов А. Лоялизм и охранительство // <http://www.politonline.ru/alternate/1381.html>

ном случае — это соблюдение функциональности. «Не положено» сидеть на лестнице, потому что функция лестницы в том, чтобы по ней ходили, а не чтобы на ней сидели. От простых бытовых ситуаций этот подход распространяется и на общественное устройство, и на саму государственность. Разумен ли общественный порядок, удобен ли — так вопрос не стоит. Он попросту положен. Поэтому предлагающие обществу какие-либо иные модели попадают в очень трудное положение — в них нет ментальной потребности, они нарушают положенный порядок.

Наличествующие формы государственности (русской или, например, латвийской) — они «сложились исторически» и потому суть порядок, который нарушать не должно.

Охранительство стремится защитить и упрочить то, что есть, уповая на силу порядка — центральную власть и её аппарат управления. Однако сами люди, находящиеся в этой власти, обыкновенно осознают свои возможности встать над «положено» и кое-что изменить — в тех или иных интересах. Поэтому власть и её охранители никогда не поймут друг друга.

Фонд поддержки и развития гражданского общества «РОД»
создан в марте 2009 г. решением активистов
Русского общественного движения.

Президент Фонда — известный публицист,
деятель русского национального движения К.А. Крылов.

Дата государственной регистрации Фонда «РОД» — 15 мая 2009 г.

Свою деятельность Фонд осуществляет на основе

Федерального закона РФ «О некоммерческих организациях».

Целью деятельности Фонда «РОД» является содействие развитию
русского гражданского общества, поддержка русского национального
движения, привлечение на благотворительной основе средств для финанси-
рования общественно значимых программ и проектов.

Реквизиты Фонда развития и поддержки гражданского общества «РОД»

Полное наименование: Фонд развития и поддержки гражданского общества
«РОД». Сокращенное наименование: Фонд «РОД»

ОГРН 1097799008977, ИНН 7705043648, КПП 770501001

Юридический адрес: 115093, Москва, ул. Б. Серпуховская, д. 44, ком.19

Банковские реквизиты : КБ «Интеркоммерц» (ООО) г. Москва

Р/с: 4070 3810 7000 0000 3564

К/с: 3010 1810 5000 0000 0684

БИК: 044552684

АЛЕКСАНДР ХРАМОВ

КОЛОНИАЛЬНАЯ ИЗНАНКА ЕВРОПЕЙСКОГО КОСТЮМА

Заметки о внутреннем колониализме в Российской империи (XVIII – начало XX в.)

Российская империя, в отличие от других европейских держав Нового времени, не знала четкого разделения на метрополию и колонии. Центральная Россия, будучи номинальной метрополией, эксплуатировалась и управлялась колониальными методами. Европеизированная российская элита рассматривала крестьянское большинство центральных губерний в качестве отсталых и неполноценных «людей Востока», неспособных распоряжаться собственной судьбой. Под этим предлогом правящие круги усиливали контроль помещиков и, затем, сельской общины над великорусскими крестьянами. Подобная архаизация социальных отношений была нужна, чтобы в условиях неразвитой экономики снижать издержки государственного управления и одновременно повышать уровень эксплуатации населения. Это позволяло Российской империи за счет внутренних ресурсов изыскивать средства, необходимые для ведения активной внешней политики. В результате имперский экспансионизм, затратный для всех европейских метрополий, в российском случае обернулся превращением великорусского центра во внутреннюю колонию. В качестве ответной реакции в XIX веке в России возникло народническое движение, принявшее отчетливый антиколониальный характер. После 1917 года но-

вая власть продолжила использовать колониальные методы управления, что в конечном итоге привело к краху советской системы.

Белый — не что иное, как негр, вывернутый наизнанку.
Альфред Жарри.
«Убю-колонизатор»¹

«Жернова» имперского бремени

«Империи можно сравнить с деревом, слишком разросшиеся ветви которого высасывают весь сок из ствола и способны только бросать тень»². Сомнения в необходимости имперской экспансии, нашедшие выражение в этих словах Монтескье, преследовали европейские империи на протяжении всей их истории. Целесообразность приобретения и удержания колониальных владений находилась под вопросом практически с самых первых шагов европейских государств на имперской стезе и вплоть до стремительного распада колониальных империй после Второй мировой войны. Помимо энтузиастов имперского строитель-

¹ Жарри А. Убю король и другие произведения. М.: Б.Г.С.-ПРЕСС, 2002. С. 242.

² Монтескье Ш.А. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2002. С. 197.

ства всегда были скептики, ставившие колониальные приобретения под сомнение, причем не из соображений отвлеченного гуманизма, а из вполне прагматичных рассуждений о невыгодности имперского бремени.

В приведенном суждении Монтескье речь идет об Испанской и Португальской империях, которые к моменту выхода первого издания «Персидских писем» (1721) переживали не лучшие времена. А уже через столетия, в 1776 г., в самый разгар противостояния британского правительства и американских колоний, Адам Смит в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» опасался, как бы сама Британия не повторила судьбу своих имперских предшественниц. «Испания и Португалия были промышленными странами до того, как обзавелись обширными колониями»³, указывал Смит, но, став империями, они быстро пришли в упадок и запустение. «Защита колоний обычно требует очень значительного отвлечения военных сил, поэтому все европейские колонии без исключения являются причиной скорее слабости, чем силы, своих метрополий»⁴.

Смит развивает утверждение Монтескье про «высасываемые колониями соки». «Великобритания напоминает один из тех нездоровых организмов, у которых некоторые важные члены слишком разрослись»⁵: торговая монополия империи вызывает отток капитала в сферу колониальной торговли, тем самым ослабляя конкурентоспособность страны в других отраслях. Дефицит капитала, отвлеченного в колонии, замедляет улучшение земли и повышение производительности труда. «При современной системе Великобритания ничего, кроме убытка,

не получает от своего господства над колониями»⁶, — подытоживает Смит.

«Колонии — это мельничные жернова на нашей шее». Такое высказывание (1852) будущего британского премьер-министра Бенджамина Дизраэли приводит⁷ Владимир Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1917), которая внесла важный вклад в копилку левой мысли, вдохновлявшей антиколониальную борьбу в Третьем мире. Построения Ленина опирались на труд Джона Гобсона «Империализм» (1902), в котором, на пике могущества Британской империи, фактически пересказывались тезисы Адама Смита. Смит считал, что имперская экспансия выгодна только «горстке торгашей», Гобсон — что она выгодна лишь искателям приключений и алчным «вкладчикам капитала». Гобсон, вслед за Смитом, указывал на преимущества торговли со свободными странами перед колониальной торговлей: «если бы мы вместо того, чтобы швырять деньгами на приобретение новых территорий, уступили часть их или даже все Франции, Германии или России, чтобы эти страны расходовали на них свои деньги, вместо того, чтобы мы тратили на их приобретение и эксплуатацию свои ресурсы — наша заграничная торговля возросла бы несомненно настолько же, насколько сократилась бы наша колониальная торговля»⁸.

Вывернутая империя

Российская империя, как и другие империи того времени, на рубеже XX в. столкнулась с возросшим скепсисом общества относительно колониальных приобретений, и в этом не было чего-то исключительного. Как

³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 580.

⁴ Там же. С. 565.

⁵ Там же. С. 575.

⁶ Там же. С. 585.

⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 27. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 375.

⁸ Гобсон Дж. Империализм. М.: Книжный дом Либроком, 2010. С. 69.

писал редактор «Нового времени» А.С. Суворин, «пора оставить рубль в хозяйстве русского человека, а не вынимать его из этого хозяйства на необъятные горизонты» (1903). «Санкт-Петербургские ведомости» в сентябре 1900 г. отмечали, что центру кажется, будто «его во всем обходят и дают предпочтение окраинам в ущерб его интересам»⁹. Н.К. Бржеский, экономист и вице-директор департамента неокладных сборов Министерства финансов, писал (1908): «в конце истекшего десятилетия все свободные средства страны были искусственно направляемы на Дальний Восток и там растрчивались, с огромным ущербом для интересов метрополии», в то время как «земледельческий центр страны обнаруживает явственные признаки некультурности и отсталости»¹⁰.

Однако в этих рассуждениях, помимо достаточно типичных жалоб на разорительность имперского бремени, прослеживается мотив, весьма необычный для европейских колониальных держав, но крайне характерный именно для Российской империи. Как писал националистический публицист М.О. Меньшиков (1914), «исстари угнетаемый в пользу окраин великорусский центр являет признаки запустения и одичания. Навалив на свою спину *“более культурных”* инородцев и иностранцев, русский мужик потерял свое древнее богатство, выродился, зачах»¹¹ (курсив в цитатах здесь и далее мой. — А.Х.). Ему вторит другой сотрудник «Нового времени», В.В. Розанов (1909): «Финляндия, Балтика, Привислинье, армяне имеют вид каких-то обиженных барышень, капризных и недовольных, которые кричат или хмурятся... *на не угодившую*

прислугу Россию, страну варварскую, грубую, необразованную, над которой задирают нос своею *“культурностью”* не только немцы... но и поляки, армяне... Русские в ответ на это виновато улыбаются, извиняются и всемерно озабочены, как же успокоить нервы окраинным барышням, которые того и гляди *“наделают неприятностей”* своей старой и *“необразованной” няньке»*¹².

«Варварский», «менее культурный» — такой лексикон европейцы использовали применительно к колониям, здесь же в качестве «необразованной прислуги» представлена номинальная русская метрополия. Подобную инверсию нельзя понимать только как полемический перегиб, она является одним из симптомов принципиального смещения в структуре Российской империи, которое поставило государство Романовых в совершенно особое положение по сравнению с типичными европейскими колониальными державами, в особенности морскими.

Все европейские империи Нового времени строились в соответствии с *однозначной иерархией*, не допускающей какой-либо неопределенности в вопросе о статусе и роли метрополии, с одной стороны, и колоний — с другой. Политические тела этих империй были строго дифференцированы на «ствол» и «ветви» (если пользоваться метафорой Монтескье), и нельзя было даже представить себе такую ситуацию, при которой они могли бы поменяться местами. Между метрополией и колониями пролегал океан в географическом отношении и пропасть — в культурно-политическом. В рамках имперской иерархии метрополия по определению играет роль культурного гегемона, который должен управлять и воспитывать «варварское» и «необразованное» население колоний. Британцы, имея перед глазами древние памятники индийской культуры, всё

⁹ Цит. по: Сибирь в составе Российской империи. М.: НАО, 2007. С. 34.

¹⁰ Бржеский Н.К. Очерки аграрного быта крестьян. СПб., 1908. С. 43.

¹¹ Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М.: Воениздат, 1991. С. 160.

¹² Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень, 2004. С. 111–112.

равно не могли даже на мгновение допустить, что Британия представляет в сравнении с ними пример одичания и грубости, а не силу цивилизации и прогресса.

Именно приписываемая колониям отсталость позволяет оправдать их подчиненное положение: в силу своей «отсталости» население колоний не способно распоряжаться своей судьбой, поэтому ею должна распоряжаться «более культурная» метрополия. Именно такая *непреодолимая* культурная дистанция дает метрополии моральное право на имперскую экспансию и политическое доминирование над покоренными территориями. «Вечным детям» (какими туземцы являются в глазах колонизаторов) не нужны гражданские права и политическое самоуправление, которыми пользуется население метрополии. Как заметил заместитель британского премьер-министра (1945–1951) Герберт Моррисон, предоставление колониям самоуправления «будет подобно выдаче десятилетнему ребенку ключа от входной двери, банковского счета и ружья»¹³.

Европейские империи могли существовать только до той поры, пока они были способны навязывать колониям роль десятилетнего ребенка, который требует надзора и контроля. Но как только имперская иерархия смещалась настолько, что «ветви» в общественном сознании становились неотличимыми от «ствола», тело империи стремительно распадалось. Для Российской империи же подобная неразличимость была нормой ее существования.

Российская империя изначально строилась в соответствии со смещенной и двусмысленной логикой, согласно которой номинальная русская метрополия зачастую признавалась политически даже менее зрелой, чем тер-

ритории, присоединяемые к ней в ходе имперской экспансии. Если Царство Польское в составе Российской империи получило конституцию еще в 1815 г., а княжество Финляндское — регулярно созываемый сейм с 1863 г., то по сравнению с ними русские губернии явно трактовались в качестве «десятилетнего ребенка», который смог дорасти до парламентаризма лишь спустя несколько десятилетий¹⁴. Как писал в 1820-е гг. попечитель Петербургского учебного округа Д.П. Рунич, «русский народ еще не вышел из детства, с ним нельзя говорить о свободе»¹⁵. Сложно представить англичан, которые (под предлогом их «детского возраста») получили бы право избирать парламент позже, чем ирландцы или индусы, но в случае Российской империи «метрополия» не была поставлена на вершину имперской иерархии. «Метрополии» как таковой вообще не было, с ней обращались как с одной из колоний. Если европейские колониальные державы строились как деревья, подразделенные на главенствующий «ствол» и подчиненные «ветви», то политическое тело Российской империи разрасталось как недифференцированная («единая и неделимая») *ризома*. Царская власть предпочитала просто не различать русскую метрополию и колониальную периферию.

¹⁴ Министр иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде, комментируя намерение Александра I даровать Польше конституцию, указал на создаваемую тем самым асимметрию: «...каким образом император мог бы в одной части своих владений быть самодержавным, а в другой — конституционным монархом?.. Русский народ имеет право на то, чтобы с его пожеланиями считались: предприятие это по существу было бы антинациональным» (Цит. по: *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 120).

¹⁵ Цит. по: *Русский консерватизм XIX столетия, идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула.* М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 89.

¹³ *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи, 1781–1997. М.: АСТ, 2011. С. 652.

На институциональном уровне это проявлялось, например, в отсутствии у России Министерства колоний. Подобным ведомством обзавелись все европейские империи: у англичан в первоначальном своем виде оно появилось в 1801 г., у голландцев — в 1806 г., у французов — в 1858 г., у немцев — в 1907 г., у бельгийцев — в 1908 г.¹⁶ Российская же империя обходилась без аналогичного министерства вплоть до своей гибели в 1917 году. Царская власть просто не видела того предмета ведения, который бы сделал это министерство необходимым. Понятия «колония» и «метрополия» крайне амбивалентны в Российской империи: часто невозможно понять, где начинается одно и где заканчивается другое. Подобной двусмысленности способствовало и отсутствие принципиальных различий в схемах, по которым управлялись «коренные» русские земли и имперские приобретения. Так, чиновники Переселенческого управления сетовали: «хотя наши азиатские владения и по отдаленности их, и по своеобразию их ничем не отличались от колоний крупнейших западноевропейских держав, у нас они управлялись не вице-королями, а в лучшем случае генерал-губернаторами с совершенно призрачной самостоятельностью от центра; их особые права, в сущности, сводились только к мелочам чисто полицейского характера, которыми они только и отличались от обыкновенной губернаторской власти»¹⁷.

Российские чиновники периодически вспоминали, что в составе Российской империи можно выделить аналогии европейских колоний. Так, М.М. Бакунин, российский консул в голландской Батавии, указывал: «Закавказье для нас та же колония, что и Ява для голландской метрополии». В свя-

зи с этим Бакунин рекомендовал перенять в Закавказье колониальную практику «принудительных культур», в соответствии с которой голландская администрация заставляла туземное население обрабатывать кофейные и табачные плантации. Но применить эту колониальную практику чиновник советовал не к местным жителям, а главным образом к русским переселенцам! «Ввиду обычной русской косности, еще сильнее сказывающейся на окраинах России, на первых порах придется декретировать свыше различные полезные культуры и мероприятия... Русский человек решительно на все способен и пригоден, стоит лишь ему “приказать”»¹⁸. В отличие от Голландской империи, где объектом колонизации является «косный туземец», здесь в качестве такого безвольного и послушного «туземца», ожидающего приказов, выступают русские, номинальные колонизаторы! Имперская иерархия полностью смещена: выходцы из русского центра фактически приравниваются к колониальному населению даже тогда, когда образованная элита все-таки вспоминает, что у России есть колонии.

Отсутствие четкой границы (как территориальной, так и институциональной) между русской метрополией и колониальной периферией было не только следствием спонтанного «расползания» континентальной империи, но и осознанной политикой царской власти. В рамках европейской имперской традиции народ метрополии как носитель цивилизаторского начала по определению должен обладать большими правами, чем колонизируемые туземцы. Поэтому самодержавие не хотело проводить различия между теми и другими. Русский центр не должен был выступать в привилегированном положении «хозяина им-

¹⁶ Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М.: НАО, 2010. С. 114.

¹⁷ Там же. С. 171.

¹⁸ Бакунин М.М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява. М.: Минувшее, 2007. С. 282–283.

перии», иначе неизбежно встал бы вопрос о предоставлении ему особого набора гражданских прав и политических свобод, которые самодержавие предоставить ему не хотело и не могло. Русский центр сознательно низводился до уровня *еще одной колонии*, ничем принципиально не отличающейся от инородческой периферии, а если и отличающейся, то в худшую сторону. Как докладывал Николаю I чиновник Третьего отделения о настроениях помещичьих крестьян, «они хорошо знают, что во всей России только русские крестьяне находятся в состоянии рабства, все остальные — финны, татары, латыши, мордва, чуваша и т.д. свободны»¹⁹.

Поэтому типичные для всех европейских колониальных держав разговоры об убыточности «колониального бремени» для метрополии в случае Российской империи перетекали в рассуждения о колониальном характере эксплуатации русского центра. *Русские в Российской империи в основной своей массе выступали не в роли колонизаторов, а в роли колонизируемых во имя имперского престижа и во имя нужд «более культурных» подданных царя.* Как писал А.А. Пушкарев, управляющий Бакинской казенной палатой в 1880-е гг.: «несравненно богатейшие жители Закавказского края по сравнению с какой-нибудь Новгородской или Псковской губерниями, жители которых едят хлеб с мякиной, платят вчетверо меньше, и в то же время голодный мужик северных губерний обязывается платить за богатых жителей Закавказья»²⁰.

¹⁹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дм. Буланин, 2003. С. 407.

²⁰ Цит. по: *Правилова Е.А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. С. 265.

Во время своего путешествия по Сибири в 1855 г. П.П. Семенов-Тянь-Шанский заметил: «Избы крестьян Тобольской губернии поражали меня своим простором по сравнению с тесными курными избами крестьян черноземных великорусских губерний... одежда сибирских старожилов также была несравненно лучше одежды крестьян Европейской России, особенно черноземной ее полосы... Сибирские старожилы не хотели верить, что в Рязанской губернии на целый двор приходится иногда по одному тулупу...»²¹. Эти слова явились как бы ответом на последующие попытки сибирских областников трактовать Сибирь как колонию: возможно, Сибирь и в самом деле была колонией, но самой нищей, некультурной и эксплуатируемой колонией в составе Российской империи была всё же русская Центральная Россия.

Упомянутая Семеновым-Тянь-Шанским Рязанская губерния (вместе с Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской) принадлежала к числу центрально-черноземных губерний, которые полстолетия спустя, в 1905–1907 гг., стали эпицентром крестьянских волнений. Это привлекло к ним повышенное внимание исследователей, отмечавших плачевное состояние перенаселенного и малоземельного русского центра. Если Север России, писал С.Н. Прокопович, обладает развитой обрабатывающей промышленностью, а южные и восточные регионы хорошо обеспечены землей, то «население расположенной между ними центральной области страдает и от недостатка земли, и от отсутствия промышленности»²².

²¹ *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. М.: Дрофа, 2007. С. 32–33.

²² *Прокопович С.Н.* Аграрный вопрос в цифрах. СПб.: Общественная польза, 1907. С. 20.

В эти же годы А.И. Шингарев провел подворное исследование села Ново-Животинного и деревни Моховатки черноземной Воронежской губернии, основной вывод которого был отражен в названии его книги — «Вымирающая деревня». Шингарев писал о «зловонной грязи» на земляном полу изб, в которую падают объедки, о скученности построек и отсутствии отхожих мест — экскременты рассеяны по двору, их поедают свиньи и собаки²³, о высокой детской смертности, о непомерных налогах. Такое ощущение, что исследователь побывал во «внутренней Африке», населенной безграмотными и отсталыми русскими туземцами, с которыми он едва имел что-либо общее, входя в их закопченные жилища и морщась от вони. Присутствовавший в сознании просвещенных читателей «вымирающей деревни» образ «культурных и процветающих» окраин (Север, Юг и Восток) только подчеркивал удивительную инверсию: *колониальная периферия разместилась в самом центре Российской империи.*

«Сор славянский, дрянь родная»: ориентализация Центральной России

Как и любая колониальная периферия, внутренняя крестьянская Россия была загадочной и экзотичной территорией для тех, кто был призван управлять ею. А.Т. Болотов, который прослужил больше 20 лет управляющим крестьянами собственных волостей Екатерины II, только в 1792 г. впервые побывал на деревенском празднике, когда непогода застала его с семьей в пути и вынудила остановиться в крестьянской избе. «На что смотрели и сами мы, как на невиданное никогда зрелище, с особливым любопытством, и не могли странности обычаев их,

принужденности в обрядах и глупым их этикетам и угощениям довольно надивиться»²⁴. Европейски образованный Болотов, в совершенстве владевший немецким и другими европейскими языками, смотрел на обычаи русских туземцев безразличным и отчужденным взглядом колонизатора.

Комментируя эту колониальную оптику правящего сословия, публицист К.Ф. Головин писал (1898): «Перед началом 60-х гг. крестьянская жизнь была так же незнакома лучшим из тогдашних людей, как *внутренность Африки*. Помещики, целый век прожив в деревне, обладали странным свойством не видеть зрячими глазами, не сознать явлений, постоянно вокруг них происходивших»²⁵. В пореформенное время ситуация едва ли изменилась. Неоднократно переиздававшиеся и вызывавшие неподдельный интерес у читателей «Письма из деревни» петербургского профессора А.Н. Энгельгардта, высланного в 1870 г. в деревню Батицево Смоленской губернии, кажутся написанными из какого-то колониального путешествия в неизведанную страну, чем и объяснялся повышенный интерес к ним со стороны просвещенной публики.

Энгельгардт мчался на поезде среди «болот, пустот и бесконечных пространств». Как и всякая колония, где «цивилизация» сосредоточена, согласно представлениям колониального класса, в пределах нескольких европейских кварталов, Центральная Россия поражала наблюдателя обилием неосвоенных и диких территорий. «Удивительный контраст! Мягкий диван в вагоне, зеркальные стекла, тонкая столярная отделка, изящные сеточки на чугунных красивых ручках, элегантные

²³ Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: Общественная польза, 1907. С. 60.

²⁴ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 292.

²⁵ Цит. по: Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М.: РОССПЭН, 2002. С. 317.

станции с красивыми буфетами и сервированными столами, прислуга во фраках, а отойдя полверсты от станции — серые избы, серые жупаны, серые щи, серый народ»²⁶. Хотя до шестнадцати лет Энгельгардт воспитывался в деревне, по его словам, тогда он «ничего не знал о быте мужика и того мелкого люда, который расступался перед нами, когда мы, дети, с нянюшкой, в предшестве двух выездных лакеев, входили в нашу сельскую церковь»²⁷.

«Серый народ», населявший российскую «внутреннюю Африку», до самого краха Российской империи оставался таинственным, отсталым, ребячливым, угнетенным и нуждающимся в попечении. «Народ» был одновременно предметом идеализации и колониального любопытства, от его имени говорили и консерваторы, и революционеры, но сам он оставался лишним голосом. Публика знакомилась с «народом» на страницах петербургских газет, усыпанными словечками «отраднo» и «прискорбно», над чем иронизировал Энгельгардт. «Народ» был неведомым, но одновременно выступал как предмет воображения и конструирования, поэтому многим из числа просвещенной элиты казалось, что они знают народ и его нужды лучше, чем он сам. «Русский народ», как и «восточный человек», если воспользоваться словами Э. Саида, был «представлен как фиксированный, стабильный, нуждающийся в исследовании, нуждающийся даже в знании о самом себе»²⁸, причем «традиция опыта, науки и образования удерживает восточно-цветного в позиции объекта изучения западно-белого человека, и никогда наоборот»²⁹.

²⁶ Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. С. 122.

²⁷ Там же. С. 125.

²⁸ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. С. 476.

²⁹ Там же. С. 352.

«Западно-белому» колониальному классу империи Романовых не пришлось далеко ходить в поисках своего «восточно-цветного» «Другого»: империя нашла его в пределах русских губерний. Передавая содержание одной из статей в «Земледельческой газете» (1856), Ю.Ф. Самарин пишет: «Русский крестьянин — это какой-то *китаец*, закоснелый, бесчувственный, грубый, с превратными понятиями обо всем, не понимающий даже, чем должна быть для него жена, едва сохранивший способность вслушиваться в поучительные речи проезжего барина»³⁰. Самарин отмечает, что в этом тексте «выразилось особенное, у нас развившееся отношение мыслящего наблюдателя к народной среде... на которую он хочет действовать. Ничего похожего на эту статью не могло бы выйти в свет ни в Англии, ни во Франции, ни в Германии...»³¹. Иными словами, в отличие от европейских держав, которые нашли свой Восток в тысячах миль от собственных границ, в России колониальный «Другой» оказался в самом центре, там, где должна была располагаться метрополия.

Эдвард Саид писал об ориентализме — о ментальном освоении колонируемых Европой территорий, когда в результате исследований западных специалистов конструируется образ

³⁰ Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 451.

³¹ Там же. С. 450. Заметим, что сами славянофилы, возмущавшиеся подобным отношением знати к «простому народу», немало сделали для того, чтобы представить русский народ в качестве своеобразного внутреннего «Востока», которому чужды западные рационализм и индивидуализм. Подобная ориентализация является оборотной стороной колонизации, ведь если, как утверждал А.С. Хомяков, патриархальному, общинному русскому народу не свойственен интерес к политической власти, то им должен управлять кто-то другой.

«восточной отсталости» населения, оправдывающий подчиненное положение колоний — как раз на примере Британской и Французской империй. Но если Россия была очень специфичной империей — то и об ориентализме применительно к российскому случаю необходимо говорить с большими оговорками. Это вызвало определенную полемику³² среди исследователей. Одни, как Адиб Халид на примере деятельности российских экспертов в Туркестане, пытаются доказать, что образование востоковедов Российской империи мало чем отличалось от их западных коллег, и русские концептуализировали свои отношения с «Востоком» как европейцы. Другие, как Натаниэль Найт, считают, что построения Саида в случае Российской империи стоит использовать с осторожностью, так как ориенталисты в России не получали тех полномочий, которые они имели в Британии и Франции, чьи колонии были отделены от метрополий океаном³³. Третьи, как Дэвид Схиммельпеннинк, подчеркивают, что «дополнительным осложнением на пути развития русского ориентализма по классическому сценарию являлся тот факт, что многие русские осознавали собственное азиатское наследие и происхождение»³⁴.

Действительно, западноевропейские наблюдатели третировали Российскую империю за ее «восточную отсталость». Как писал лорд Керзон (1889), будущий вице-король Индии и министр иностранных дел Великобри-

тании, после своей поездки по Туркестанскому краю, который незадолго до этого был включен в состав Российской империи: «Завоевание Средней Азии было завоеванием людей Востока другими восточными людьми (Orientals by Orientals), имеющими один и тот же характер... Отсталая для Европы система выглядит передовой в Средней Азии, то, что здесь (в Европе. — А.Х.) называется стагнацией, там кажется головокружительным прогрессом»³⁵.

Однако подобные нелестные характеристики со стороны европейских конкурентов, одновременно и высмеивавших отсталость Российской империи, и опасавшихся ее усиления, российская правящая элита едва ли воспринимала на свой счет. К этому времени, когда прошло больше ста лет с петровских реформ, образованный класс Российской империи, ответственный за производство ориенталистского дискурса, вряд ли был озабочен своим «азиатским происхождением» (вопреки неточной формулировке Схиммельпеннинка). Владение европейскими языками, частые поездки в Европу с образовательными и иными целями, знакомство с европейскими романами и научными достижениями, наконец, участие России в международной политике наравне с другими западными державами, требовавшее соответствующей квалификации от российских военных и дипломатов, — всё это исключало для образованных подданных Романовых возможность сколько-нибудь серьезно относить себя к «азиатскому миру». Особенность российской ситуации заключалась в том, что «европейскость» правящего класса была эксклюзивной, из ее поля выпадала (или, вернее, сознательно выталкивалась) «в Азию» не только колониальная периферия, но и большая часть населения русской метрополии.

³² См.: Миллер А.И. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 293–406.

³³ Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Spring. Vol. 59. No 1. P. 74–100.

³⁴ Схиммельпеннинк ван дер О.Д. Ориентализм — дело тонкое // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 249–264.

³⁵ Gurzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. L.: Longmans, Green and co, 1889. P. 392.

Подобную эксклюзивность удивительно точно обозначил А.С. Пушкин, обронивший в письме к П.Я. Чаадаеву известный афоризм: «правительство всё-таки единственный европеец в России». Дистанция между «единственными европейцами» в лице образованного правящего класса и «неевропейским» «Другим» проявлялась в Центральной России, как и во всякой колонии, на бытовом, повседневном уровне, порой выливаясь в откровенно сегрегационные практики. Так, генерал Н.А. Епанчин вспоминал, что в 1870-х гг. «при входе в Императорский Таврический сад в Петербурге, близ наших казарм, была надпись: “вход воспрещается лицам в русском платье”, т.е. простому народу»³⁶. Несколькими десятилетиями раньше (1803) А.С. Шишков пытался вразумить просвещенную публику: «Не для того мы надели короткое немецкое платье, чтобы гнушаться теми, у которых долгие зипуны. Мы выучились танцевать миноветы, но за что же насмехаться нам над сельскою пляскою бодрых и веселых юношей, питающих нас своими трудами?»³⁷. Однако его увещевания, как видим, не были услышаны.

Уже цитировавшийся Энгельгардт, приехав в губернский город и остановившись в «лучшей немецкой гостинице», «с хозяином немцом и горничными немками, точно в Дюссельдорфе», где еще «продолжалась петербургская городская жизнь», тем не менее сразу же ощутил суть различия между русским (мужицким) платьем и европейским (городским). «Барский костюм до такой степени отличен от мужицкого, приспособленного к образу жизни всего населения страны, что человек, носящий барский костюм, по не-

обходимости должен носить с собою и всю обстановку, соответствующую этому костюму». Сюртуки и пиджаки «единственных европейцев» являются прямым свидетельством их доминирования над Россией полушубков и армяков: «путешествовать в городском костюме... возможно, только имея при себе “Петрушку”»³⁸, т.е. крепостного слугу.

Вытеснение великорусского большинства (под предлогом его «культурной отсталости» или «особого пути») в сферу ориентализированного «Другого» было залогом господства европеизированной элиты. Если «мы» — эксклюзивные держатели «европейскости», то «они» — обязаны нам подчиняться во имя прогресса цивилизации. Правящий слой специально прочерчивал границу между Россией и Европой так, чтобы оказаться вместе с французами или немцами с одной ее стороны, оставив по ту сторону остальной «серый народ». Как восклицает исправник «из числа образованных дворян» в рассказе Н.С. Лескова «Продукт природы» про крепостных крестьян Орловской губернии: «Моя пряжка действует удивительно: я гоню их назад, как фараон, привожу и всех их секу; и не забудьте, секу их при их же собственном великодушном и благосклонном содействии... Я стою и думаю: “Ах вы, сор славянский! Ах вы, дрянь родная!” Пусть бы кто-нибудь проделал такую штуку над сорока французами!.. Черта-с два!.. А тут все прекрасно... О, если бы у меня был орден! С настоящим орденом я бы один целую Россию выпорол!»³⁹. Представитель

³⁸ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 129–130.

³⁹ Лесков Н.С. Собр. соч. Т. 9. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. С. 354. В рассказе описана насильственная транспортировка крепостных крестьян центральных губерний (Курской и Орловской). Помещики отправили крестьян на барках по Волге заселять свои степные имения. Предыдущая партия, которую отправили по суше, «напо-

³⁶ Епанчин А.Н. На службе трех императоров: Воспоминания. М.: Изд-во журнала «Наше наследие», 1996. С. 126.

³⁷ Цит. по: Алтшуллер М. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славнофильства. М.: НЛО, 2007. С. 33.

«единственных европейцев» надеется выпороть «целую Россию» именно потому, что большинству ее населения отказано в принадлежности к Европе, над которой «этакую» колониальную «штуку» проделать невозможно.

Разумеется, в Российской империи имелся свой ориентализм на западный лад: российские литераторы и специалисты осваивали Кавказ в той же манере, что и их французские коллеги — Алжир. Но помимо Востока периферийного, в Туркестане или на Кавказе, в Российской империи существовал и Восток внутренний — в Воронежской или Орловской губернии. Этот «внутренний Восток», так же, как и Восток периферийный, подлежал исследованию, сегрегации и порке. Подобная двойственность колониального «Другого» и придавала двусмысленный статус российскому ориентализму в целом.

Этот же неструктурированный, ризомный характер Российской империи нашел свое отражение и в другой колониальной дисциплине — антропологии. В российской антропологической мысли со второй половины XIX в., когда она начала активно развиваться, доминировала московская школа, сосредоточенная вокруг Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Московские антропологи занимались фиксацией разнообразия народов империи, не делая каких-либо различий между метрополией и колониями. «Великорусы Ржевского уезда Тверской губернии» исследовались наряду с сахалинскими гиляками или чепецкими вотяками. В рамках подобного подхода «упорядочивание имперского антропологического разнообразия при

помощи картографической демаркации... не позволяло переосмыслить Россию в категориях оппозиции ядра-метрополии и расово принципиально иной колониальной периферии»⁴⁰. Исключалась «даже мысль о возможности отдельной антропологии инородцев и некоей особой антропологии титульного народа империи»⁴¹. Так, для военного врача Н.В. Гильченко, служившего на Кавказе (1883–1888) и, казалось бы, находившегося в типично колониальной ситуации, «разделение на метрополию и колонию вовсе не являлось безусловным». Измеряя вес мозга различных этнических групп, он сводил воедино «как данные кавказских “инородцев”, так и данные населения Европейской России, конструируя некий усредненный общий “мозг империи”»⁴².

Московский подход «доминировал над колониальной антропологией, стремившейся к рационализации и модернизации управления империей по западноевропейским моделям»⁴³, которая была представлена Русским антропологическим обществом при Петербургском университете. Так, один из его членов, профессор Э.Ю. Петри, следовавший канонам берлинской антропологии, считал, что предметом антропологии являются «неразвитые народы», в то время как культурными народами должны заниматься историки. Однако такой взгляд на антропологию не смог прижиться в Российской империи, столкнувшись с «амбивалентностью положения российских “инородцев” и самого русского народа vis-a-vis Культуры»⁴⁴. Подавляющее большинство русского населения Центральной России трактовалось как «варвар-

ловину перемерла», тех, кто сбежал — ловили и секли. Ужасающие условия перевозки крестьян, описанные в рассказе, заставляют вспомнить об африканских рабах, которых столь же насильственно вывозили из Африки для работы на американских плантациях.

⁴⁰ Могильнер М. *Ното imperii*. История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М.: НЛО, 2008. С. 158.

⁴¹ Там же. С. 175.

⁴² Там же. С. 305.

⁴³ Там же. С. 147.

⁴⁴ Там же. С. 115–116.

ское» и «некультурное» и выступало в качестве объекта колонизации со стороны европейской элиты, в этом качестве смыкаясь с колониальной периферией. Всё это наводит на размышления об особом феномене внутреннего колониализма, характерном для российской государственности.

«Внутренний колониализм»: границы и смысл концепта

Впервые о внутреннем колониализме применительно к Российской империи, не употребляя, впрочем, такого словосочетания, заговорили еще националистические публицисты начала XX века. Так, уже цитировавшийся М.О. Меньшиков писал (1909): «Англичане, покорив Индию, питались ею, а мы, покорив наши окраины, отдали себя им на съедение. Мы поставили Россию в роль обширной колонии для покоренных народцев — и удивляемся, что Россия гибнет! Разве не то же самое происходит с Индией? Разве не погибли красные, черные, оливковые расы, не сумевшие согнать с тела своего белых хищников?»⁴⁵ Однако понастоящему комплексное осмысление феномен внутреннего колониализма получил лишь спустя несколько десятилетий, и отнюдь не на базе российского материала.

Наиболее весомый вклад в разработку понятия «внутренний колониализм» внес Майкл Хечтер, автор книги «Внутренний колониализм. Кельтская окраина Британской империи» (1975). В этой книге рассматривается влияние Англии на развитие покоренных ей кельтских регионов (Уэльса, Шотландии и Ирландии). Кельтские территории, как и заморские владения Англии, находились в колониальной ситуации и выступали в качестве придатка по отношению к экономике метрополии. Систематическое отставание в развитии

Ирландии и других кельтских территорий объясняется, считает Хечтер, не их обособленностью от более развитой Англии, а, напротив, тем, что они были «интегральной частью объединенной экономической системы Британских островов, в которой Англия была самым видным участником»⁴⁶. В рамках этой системы кельтские регионы, будучи «внутренней колонией», играли сугубо инструментальную роль. В то время как Англия вступила на путь индустриализации и развивала разные сферы своей экономики, кельтские территории продолжали оставаться аграрными экспортёрами, обслуживающими английский рынок.

Свою доминирующую роль Англия закрепила благодаря системе культурного разделения труда (cultural division of labor), согласно которой высшие должности по умолчанию были зарезервированы за представителями культуры метрополии, а представители «туземной культуры» могли претендовать только на второстепенные посты, что не позволяло им влиять на ситуацию в собственных регионах. В итоге, формально находясь в границах единой страны, территории с иным этнокультурным (кельтским) составом населения оказались в положении колоний, что Хечтер и описывает при помощи понятия «внутренний колониализм».

По сути, во внутреннем колониализме в понимании Хечтера мало собственно «внутреннего», он видит в отношениях Англии и кельтских окраин лишь слегка завуалированный⁴⁷ тради-

⁴⁶ *Hechter M.* Internal colonialism: the Celtic fringe in British national development, 1536–1966. Berkeley: University of California Press, 1975. P. 137.

⁴⁷ Завуалированность, неназванность — общая особенность всех без исключения случаев внутреннего колониализма: внутренняя колония не всегда располагается во внутренних территориях страны, но всегда является «внутренней» в том смысле, что ее коло-

ционный вариант западного колониализма с доминированием имперского центра над колониальной периферией. В случае же Российской империи имела место реверсия этих отношений, когда колониальная периферия была помещена «внутрь», когда подавляющая часть населения метрополии, живущая в «серых избах» и отличающаяся от колониального класса культурно, но не этнически, выступала в качестве одной из колоний. То, что Хетчер говорит про кельтскую периферию, в Российской империи можно было сказать про русский центр. «Коммерция и торговля среди представителей периферии имели тенденцию быть монополизированными со стороны представителей ядра. Кредит также был монополизирован...»⁴⁸. Эти слова заставляют вспомнить борьбу правящих классов Российской империи против крестьянского («кулацкого») капитала: считалось, что ссуды, которые предоставляют богатые крестьяне своим односельчанам, слишком разорительны для последних, так что «кулаков» необходимо вытеснить посредством создания кооперативов, контролируемых государственными специалистами⁴⁹. Опять-таки, то, что Хетчер видит среди представителей периферий-

ниальный статус не лежит на поверхности. Внутреннюю колонию не называют колонией, а проблемную ситуацию, в которой оказалось ее население, предпочитают не описывать в колониальных терминах, говоря вместо этого об «отсталости», «крестьянском вопросе» и проч., хотя все эти категории приложимы и к «классическим» колониальным ситуациям. Ирландия, как и Индия, была отсталой крестьянской страной, но, в отличие от Индии, ее открыто не признавали колонией, что делало ее колонией внутренней, т.е. неназванной.

⁴⁸ Там же. С. 33.

⁴⁹ См.: Коцюнис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1914. М.: НАО, 2006. С. 181–185.

ной группы — «относительный недостаток служб, низкий стандарт жизни и высокий уровень разочарованности, измеряемый таким показателем, как алкоголизм»⁵⁰ — в случае Российской империи можно отнести к ее «русскому ядру».

Американский социолог Роберт Блаунер⁵¹ несколькими годами раньше Хетчера предложил иное, более «внутреннее» прочтение «внутреннего колониализма», при котором колонизируемое население населяет не периферию, а центр, хотя и отличается от колонизаторов расовыми характеристиками. Речь идет о чернокожем меньшинстве США, борьба которого за свои права по времени (1960-е) совпала с деколонизацией в Африке, что и сделало популярной аналогией между «черной» внутренней колонией и «черными» внешними, заморскими колониями. Блаунер предлагает отойти от классового анализа, который сводит проблемы чернокожего населения к проблемам городской бедноты и сельскохозяйственных рабочих. «Колониальная ситуация отличается от классовой ситуации капитализма именно значимостью культуры как инструмента доминирования»⁵². Проблемы чернокожего меньшинства, как и проблемы русского крестьянского большинства, нельзя свести к классовым и экономическим категориям. Не менее важную роль здесь играет проблематика культурного доминирования.

В силу сходства колониальной ситуации параллели между американскими неграми и русскими крепостными крестьянами в Российской империи проводились неоднократно. А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Мо-

⁵⁰ Hechter M. Op. cit. P. 33.

⁵¹ См.: Blauner R. Internal colonialism and ghetto revolt // Social Problems. 1969. V. 16. №4. P. 393–408.

⁵² Blauner R. Racial Oppression in America. N. Y.: Harper & Row, 1972. P. 67.

скву» (1790) писал: «Вообрази себе, — говорил мне некогда мой друг, — что кофе, налитый в твоей чашке, и сахар, распущенный в оном, лишали покоя тебе подобного человека, что они были... причиною его слез, стенаний, казни и поругания... А вы, о жители Петербурга... когда рука ваша вознесет первый кусок хлеба, определенный на ваше насыщение... не то же ли я вам могу сказать о нем, что друг мой говорил мне о произведениях Америки?»⁵³. Подобная инверсия, когда простой хлеб превращается в экзотический колониальный продукт, производимый поработанным населением внутренней колонии — не выглядит чем-то необычным в контексте «смещенной» Российской империи.

«Под небом Африки моей вздыхать о сумрачной России» собирался Пушкин в «Евгении Онегине», хотя в глазах чернокожих американских интеллектуалов в самой «сумрачной России» было нечто «африканское», что сделало ее столь восприимчивой к творчеству правнука арапа Петра Великого. По словам Дж. А. Роджерса⁵⁴, африканское происхождение Пушкина как бы сблизило его с русскими «рабами», хотя «все эти рабы, тридцать миллионов, были белыми». Крепостная «мэмми», как Роджерс называет Арину Родионовну, открыла Пушкину устную народную традицию и достоинства языка, который до этого считался «языком прислуги». Другой аналогией, подмеченной на этот раз уже русскими критиками, явилась аналогия между «Хижиной дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу (1852) и очерками И.С. Тургенева «Записки охотника», первый из которых увидел свет в 1847 году. Оба этих произведения сыграли

значительную роль в освобождении — соответственно — американских рабов и крепостных крестьян⁵⁵, которое происходило практически одновременно.

Тексты Бичер-Стоу и Тургенева приоткрыли перед образованной публикой дотоле неизвестный ей мир «внутренней колонии», чье население, несмотря на угнетение и бесчеловечное обращение, сохраняло человеческое достоинство и обладало всем спектром человеческих чувств, в которых отказывали ему эксплуататоры. «С мужиком, как с куклой поступают: повертят, повертят, поломают да и бросят»⁵⁶, восклицает один из персонажей «Записок охотника». Колонизируемому населению сознательно приписывался статус куклы (внешне схожей с человеком, но лишенной полноценных человеческих качеств), вечного ребенка, который не может распорядиться собственной судьбой и поэтому нуждается в управлении. «С ними надобно обращаться, как с детьми. Невежество, *mon cher...*»⁵⁷ — говорит про своих крестьян помещик Пеночкин. (С европейским лоском колонизатора Пеночкин, инспектирующий «туземцев» своей деревни, периодически переходит на французский.) Неслучайно эта фраза открывает рассказ «Бурмистр», который выделяется на фоне других тургеневских очерков той откровенностью, с которой показано колониальное угнетение: физические наказания, крепостные, бросающие на колени перед помещиком — здесь по степени драматизма «Записки охотника» сближаются с «Хижиной дяди Тома». Приписываемая туземному населению «неполноценность» куклы и ребенка позво-

⁵³ Русская проза XVIII столетия. М.: Художественная литература, 1971. С. 487.

⁵⁴ Лоунсбери Э. Кровно связанный с расой: Пушкин в афро-американском контексте // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 229–251.

⁵⁵ Александр II признавался, что именно чтение «Записок охотника» во многом подтолкнуло его к решению об отмене крепостного права. См.: Козлов С.А. Указ. соч. С. 288.

⁵⁶ Тургенев И.С. Избранные произведения. М.: Детиздат, 1936. С. 80.

⁵⁷ Там же. С. 117.

ляет оправдать действия колонизаторов. «Африканский негр не жесток от природы, хотя его нечувствительность к боли <...> делает его равнодушным к страданию <...> Достоинства и недостатки этой расы те же, что присущи в массе детям, которые с доверием и без зависти относятся к людям старшего возраста, преклоняясь перед их мудростью и опытом»⁵⁸, — писал Фредерик Лугард, «апостол» британского колониализма.

«Рабы с белой кожей», обитающие во внутренних районах России (центральные губернии называли «цитаделью крепостничества»), но сосредоточенные не в отдельных гетто, а образующие сплошные массивы отсталого аграрного населения, как если бы неразвитая «кельтская окраина» помещалась в «английском ядре» — всё это позволяет расположить российский случай «внутреннего колониализма» где-то посередине между моделями Блаунера и Хетчера, за тем исключением, что в Российской империи колонизируемые и колонизаторы не отличались по этническому происхождению.

Разумеется, здесь встает вопрос о пределах применимости модели «внутреннего колониализма». Не проще ли описывать российский случай (а также и некоторые другие, к которым применялась эта модель)⁵⁹ не в колониаль-

ных, а, скажем, в чисто социальных и классовых категориях? В этом случае придется говорить не о колонизаторах и колонизируемых, а о помещиках и крестьянах, не о метрополии и внутренней колонии, а о городе и деревне. Однако в этой же терминологии, при желании, можно описать и «классические» колониальные ситуации. В подавляющем числе случаев туземное население живет в сельской местности, а немногочисленные европейские управленцы и их помощники из числа местных жителей связаны с городами, так что антиколониальное движение в странах Азии и Африки зачастую принимало характер противостояния города и деревни. Практически везде колониальная власть опиралась на местную знать, поощряя и укрепляя ее власть над остальным населением, что опять-таки не означает, что колониальный конфликт можно свести к конфликту классовому.

Социальные (классовые) и колониальные категории всегда взаимосвязаны, так что, отчасти под влиянием марксизма, исследователи действительно были склонны пренебрегать *спецификой*, присущей колониальным ситуациям, выдвигая на первый план

⁵⁸ *Lugard F.D.* The Dual Mandate in British Tropical Africa. L., Edinburg: William Blackwood and Sons, 1923. P. 69–70.

⁵⁹ Разумеется, понятие «внутренний колониализм», как и любое другое понятие, можно довести до абсурда его неоправданно широким применением. Возможно, именно этим был вызван спад интереса к данному понятию после повального увлечения им в 1970-х, эта модель объяснения в глазах многих исследователей начала обесмысливаться из-за чересчур широкого ее использования. Так, в качестве «внутренней колонии» некоторые интеллектуалы пытались представить даже депрессивные территории Аппалачских гор в США. См.: *Walls D.S.* Internal Colony or Internal

Periphery? A Critique of Current Models and an Alternative Formulation // Colonialism in Modern America; The Appalachian Case, ed. by H.M. Lewis, L. Johnson and D. Askins. Boone, North Carolina: Appalachian Consortium Press, 1978. P. 319–349. В Советском Союзе некоторые исследователи роль «внутренней колонии» отвели Эстонии, хотя она находилась в достаточно привилегированном положении. См.: *Mettam C.W., Williams S.W.* Internal colonialism and cultural divisions of labour in the Soviet Republic of Estonia // Nations and Nationalism. 1998. V. 4. №3. P. 363–388. Вообще литература, в которой затрагивается понятие «внутренний колониализм», крайне обширна. См. краткий обзор: *Hind R.J.* The Internal Colonial Concept // Comparative Studies in Society and History. 1984. V. 26. №3. P. 543–568.

экономическую, классовую составляющую. Так продолжалось до волны *postcolonial studies*, захлестнувшей западную мысль в 1970 г., но практически не затронувшей исследования в области российской истории⁶⁰. В рамках *postcolonial studies* упор был сделан именно на колониальной специфике, которая заключается в культурном доминировании управляющих над управляемыми. Да, культурная дистанция между различными стратами общества есть всегда: рабочий, крестьянин и городской интеллигент имеют разные культурные установки и осознают это. Колониальная ситуация же начинается тогда, когда имеющаяся культурная дистанция усугубляется или же сознательно конструируется, когда из нее выводят неспособность, неполноценность целой массы населения, которая становится в результате подобных манипуляций объектом усиленной эксплуатации, надзора и попечения со стороны немногочисленной прослойки, назначившей себя на роль «более культурного» воспитателя «вечных детей». Подобная ситуация и сложилась в XVIII–XIX вв. в Центральной России, так что нет никакого противоречия в том, чтобы сплошные массивы крестьянского населения центральных губерний называть внутренней колонией. Не стоит опасаться, что это размоет понятие «колониализм»: если русские крестьяне оказались в Российской империи примерно на том же положении, что индийские крестьяне в Британской империи, то это должно заставить задуматься не о границах понятия как такового, а об

особенностях различных имперских моделей.

Можно возразить: процессы, описываемые понятием «внутренний колониализм», на первый взгляд имели место не только в России, но и в других европейских странах, что делает его довольно бессодержательным. Действительно, капиталистическое развитие практически везде оказывает негативное влияние на целые массы сельского населения⁶¹ (подобно огораживаниям в Англии) и может сопровождаться насилием, напоминая колониальные эксцессы, а выравнивание уровня развития различных регионов в рамках единой страны может иметь сходство с колонизацией. На это указывал Юджин Вебер в своей знаменитой книге «Из крестьян во французы». Так, в XIX в. некоторые французские регионы сравнивали с «африканской Сахарой». В глазах наблюдателей поселения сборщиков смолы недалеко от Аркашена (город на юго-западе Франции) представлялись «хижинами, собранными под флагом Республики на каких-то африканских землях». А известный французский журналист Виктор Ардуэн-Дюмазе в 1890 г. подмечал «интересные параллели между нынешней колонизацией Туниса и работой, предпринимаемой в Солони (Sologne — регион в центре Франции. — А.Х.). В Солони, как и в Тунисе, капиталисты сыграли важную роль»⁶².

Колониальная метафора и в самом деле может быть весьма универсальной (и потому малоинформативной), но это не значит, что она одинаково

⁶⁰ Важным исключением являются статьи Александра Эткина. В настоящей работе отчасти развиваются именно его идеи. См.: Эткин А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 50–74. *Его же*: Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 265–299.

⁶¹ Так, о «внутреннем колониализме» применительно к отношениям аграрного Юга Италии и промышленного, урбанизированного итальянского Севера писал Антонио Грамши в своих заметках о «южном вопросе».

⁶² Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford: Stanford university press, 1976. P. 488–489.

поверхностна за пределами «классических» колониальных ситуаций. Чтобы понять это, достаточно чуть на более глубоком уровне сопоставить аграрную историю той же Франции (или других западноевропейских стран) и Центральной России.

Конструируя общину: насаждение первобытности

К тому времени, как Ардуэн-Дюмазе, путешествуя по сельской глубинке, в своих заметках сопоставляет Тунис и Солонь, подавляющее число французских крестьян было мелкими (и очень мелкими) собственниками, а сельская община (вместе с такими пережитками, как общинные угодья и обязательный севооборот) была окончательно подорвана уже в середине XIX в. Еще столетие назад декрет от 10 июня 1793 г. предоставлял решать судьбу общинной собственности («чудовища, которое надо поскорее уничтожить»), по словам одного из членов Конвента) собранию членов общины: 2/3 голосов мужчин и женщин, достигших 25-летнего возраста, было достаточно, чтобы принять решение о подушном разделе⁶³.

Какой контраст по сравнению с Центральной Россией, где власти вплоть до начала столыпинских реформ в 1906 г. настойчиво *консервировали* сельскую общину и общинное землепользование у крестьян!⁶⁴ «В XIX

веке во всех европейских странах, кроме России, почти вся земельная территория находилась в индивидуальном владении и лишь сравнительно ничтожные клочки земли оставались у государства, городов, деревень. В России же, наоборот, коллективная земельная собственность составляла общее правило, а личная — исключение»⁶⁵. Если во Франции и других западноевропейских странах имела место всесторонняя *модернизация*, охватывающая массы крестьянства и сопровождающаяся, в числе прочего, развитием поземельной собственности и кредита, то в великорусских губерниях Российской империи процесс модернизации

предлогом, что «крестьяне не смогут умело распорядиться своей собственностью, их нельзя бросать на произвол свободного кредитного рынка» (с. 106) и что они «нуждаются в неусыпном надзоре государственных учреждений и некрестьянской по своему составу администрации» (с. 121). Крестьянам навязывалась «недееспособность», чтобы оправдать доминирование в деревне специалистов из числа образованных горожан. В качестве суррогата полноценного кредитного рынка среди крестьян насаждались кооперативы, контролируемые агрономами, назначаемыми земством или правительством (в отличие от западных стран, где агрономов приглашали сами крестьяне — с. 168). Специалисты-агрономы, ссылаясь на «отсталость» крестьян, присваивали себе значительные полномочия, как это происходило и в африканских колониях. Как отмечал Джеймс Скотт, «отправной точкой колониальной политики была абсолютная вера в то, что чиновники считали «научным сельским хозяйством», и полный скептицизм относительно существующих аграрных методов африканцев... Это оправдывало значительность и полномочия аграрных специалистов перед простыми практиками» (Скотт Д. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005. С. 358).

⁶⁵ Соловьев В.Ю. Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы. Саратов: Изд. центр ГГСЭУ, 2008. С. 138.

⁶³ Собыль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 годов и революции 1848 года во Франции. М.: Иностранная литература, 1960. С. 192, 195.

⁶⁴ Но и после 1906 г., как показывает в упомянутой выше книге Я. Коцонис, представители крестьянского сословия не получили возможности свободно распоряжаться земельной собственностью, так как крестьяне не могли брать кредиты под залог своих участков (с риском потерять их в случае неплатежеспособности). Власти настаивали на сохранении законодательства, запрещающего отчуждать крестьянские наделы, под тем

был двойственным. С одной стороны, модернизировалась инфраструктура (создание фабрик, строительство железных дорог), которые так или иначе предпринимали все империи в своих колониях, с другой стороны — насаждались *архаичные* социальные институты в интересах «стабильности» колониального режима. Схожая ситуация наблюдалась в Британской Индии, где, на фоне масштабного железнодорожного строительства и паллиативных мер по развитию образования и здравоохранения, метрополия закрепляла власть в руках консервативных местных элит и препятствовала развитию свободного земельного рынка. «Стабильность, простота контроля, дешевизна управления ценились превыше всего. Политика, которая угрожала стабильности, пусть даже она имела цель повысить управленческую и экономическую эффективность, отбрасывалась»⁶⁶.

Этими же мотивами руководствовалась и царская власть, всё XIX столетие укреплявшая сельскую общину. Законами от 8 июня и 14 декабря 1893 г. был отменен пункт 165 «Положения о выкупе» 19 февраля 1861 года, позволявший крестьянам после внесения всей суммы выкупных платежей требовать выделения индивидуальных земельных участков. Этого требовал еще в 1860-х гг. славянофил и горячий поклонник передельной общины Ю.Ф. Самарин, один из авторов крестьянской реформы. Казалось бы, если даже тогда подобное требование, основанное на идеализации архаичного общинного порядка, не было удовлетворено, то почему это стало возможным спустя 30 лет? Дело в том, что все эти годы шел процесс внутренней «ориентализации»: образованная публика *конструировала* образ отсталого, чуждого индивидуальному началу, общинного великорусского крестьянина. Если к началу 1860-х пере-

дельная крестьянская община была чуть ли не «открытием»⁶⁷ небольшой группы интеллектуалов, то спустя два десятилетия она уже являлась (в глазах просвещенной общественности и правящей верхушки) неким самоочевидным, неотъемлемым атрибутом, присущим основной массе русского населения Центральной России. Как в 1856 г. писал историк-славянофил И.Д. Беляев, причина сохранения общины заключается «не в хозяйственной цели, а лежит гораздо глубже, а именно, в самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины»⁶⁸. Подобное заключение, напоминающее самонадеянные обобщения европейских колонизаторов относительно свойств «туземного ума», дало правительству основания для манипуляции великорусским крестьянским большинством.

Правящие круги сознательно конструировали образ великорусского крестьянина, неспособного быть индивидуальным собственником, неразвитого, неполноценного и потому нуждающегося в опеке со стороны патриархальной общины. Фредерик Лугард писал про население африканских колоний: «В коммунокрайическом обществе, в котором африканец родился и вырос, индивид — ничто. Его психологическое мироощущение стадное. Его земля, его пища, сама его жизнь, по аналогии с ульем, является собственностью общины, которая используется и приносится в жертву без всякого представления об индивидуальной принадлежности. Когда комму-

⁶⁷ К 1855 г. в России было опубликовано всего 5 работ, посвященных общине, к 1880-му — уже 546. См.: *Христофоров И.А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. С. 24.

⁶⁸ *Беляев И.Д.* Обзор исторического развития сельской общины в России. Соч. Б. Черина. Разбор И.Д. Беляева. М., 1856. С. 15.

нократические связи рвутся и он обнаруживает, что имеет дело только со своей персоной, тогда нет ничего, что бы ограничивало его импульсивные порывы»⁶⁹. Подобно африканскому туземцу, великорусский крестьянин в представлении царской администрации был не способен распоряжаться собой, так что лишь сохранение «традиционной» общины (а в случае Африки — сохранение «традиционных» племенных структур) могло предохранить его от «импульсивных порывов».

Примечательно, что пальма первенства в плане изобретения «общинности» как особой характеристики русского характера принадлежит не славянофилам⁷⁰, что было подмечено уже в XIX веке. «Характерно, что родоначальником идеалистического направления об общине является иностранец — барон Гакстгаузен»⁷¹. Немецкий экономист Август фон Гакстгаузен, продолжая традиции других европейских исследователей, которые, начиная с Петра I, приглашались российскими императорами для того, чтобы исследовать колонизируемые пространства империи, в 1843 г. на средства царского правительства предпринял длительную поездку по Центральной России. В 1847 г. вышло трехтомное немецкое издание путевых заметок барона и их французский перевод, опять же профинансированный российской казной. Книга Гакстгаузена оказала значительное влияние на представления западных интеллектуалов о внутренней России⁷². Образ вну-

тренней России, утвердившийся в Европе (характерно, что царское правительство было изначально ориентировано именно на западного читателя: сокращенный русский перевод двух томов сочинения Гакстгаузена вышел только в 1870 г.), определил и представления европейски-образованной русской элиты о собственном народе.

Если в Германии того времени олицетворением крестьянского духа был Grossbauer⁷³, крепкий крестьянский хозяйственник, то на роль символа великорусского крестьянства Гакстгаузен назначил передельную общину. Он рассуждал следующим образом: «ев-

многом опираясь на него, архаизирует русское крестьянство Карл Маркс. В набросках ответа на письмо В.И. Засулич он неоднократно сравнивает Россию с Ост-Индией, оговариваясь, впрочем, что Россия при этом «не является добычей чужеземного завоевателя» (вот она, ситуация внутреннего колониализма — колониальный статус при формальном отсутствии «чужеземного завоевателя»). К такому сближению Маркса подталкивает постулируемая им архаичность русского крестьянства. «Историческое положение русской “сельской общины” не имеет себе подобных! В Европе она одна сохранилась не в виде рассеянных обломков, наподобие тех редких явлений и мелких курьезов, обломков первобытного типа, которые еще недавно встречались на Западе, но как чуть ли не господствующая форма народной жизни на протяжении огромной империи» (*К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1961. С. 406.*) Впрочем, эту фразу Маркс вычеркнул, видимо, посчитав, что низводит современную Россию на уровень германских общин времен Тацита, о которых он пишет несколькими абзацами выше, было бы всё-таки слишком большим упрощением. Однако сравнение России с Ост-Индией, где община этого же, описанного Тацитом, типа, согласно Марксу, встречается до сих пор «в качестве последнего этапа архаической формации», в тексте наброска осталось.

⁶⁹ Цит. по: Британская империя в XX веке / Под ред. А.М. Пегушева, Е.Ю. Сергеева. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 256.

⁷⁰ См.: *Dennison T.K., Carus A.W. The invention of the Russian rural commune: Haxthausen and the Evidence // The Historical Journal. 2003. V. 46. № 3. P. 561–582.*

⁷¹ *Бржеский Н.К. Общинный быт и хозяйственная необеспеченность крестьян. СПб., 1899. С. 2.*

⁷² Например, вслед за Гакстгаузенем и во

⁷³ См.: *Христофоров И.А. Указ. соч. С. 87.*

ропейская цивилизация усвоена только высшими классами России», но она «не проникла в нижние слои, а потому отнюдь не могла существенно изменить ее сельских учреждений». В силу этого разрыва между «высшими слоями, которые получают западноевропейское образование», и «нижними слоями русского народа» нравы и обычаи, семейная и общинная жизнь последних сохранили характер «первобытных народных учреждений»⁷⁴. Поэтому великорусский общинный «принцип равного деления по душам — первобытный славянский принцип, он происходит из древнейшего принципа славянского права...»⁷⁵. Таким образом, русское крестьянство в силу особенностей своего народного характера как бы выпало из истории и застыло на той первобытной ступени развития, которую другие европейские народы давно преодолели. «Первобытный принцип и развитие поземельных отношений у этих славянских народов (Сербия, Босния, Болгария, Россия. — А.Х.), не тронутых новой европейской культурой, глубоко различны от тех же отношений у остальных народов»⁷⁶.

При этом Гакстгаузен, восхваляя, как истинный представитель европейского романтизма, самобытные и архаичные учреждения русского народа, подобно тому как восторгались романтики нравами не испорченных цивилизацией дикарей, тем не менее далек от их идеализации. «Неподалеку от одной деревни мы увидели массу людей, занятую разрушением загородки. Мы услышали, что делалось это по мирскому приговору. Один член общины возымел дерзость огородить свой выгон. Община пригласила его к ответу, он не явился и скрылся,

из страха телесного наказания. Тогда община прежде всего определила разобрать незаконную изгородь. “Мир положил”, объяснил нам ямщик. Везде в России выступает деспотическая власть общины, всякий склоняется перед ней»⁷⁷.

Подобные картины практически в это же время можно было наблюдать и во Франции, где во время аграрных беспорядков 1849 г. «бедные крестьяне вновь захватывали прежние общинные угодья, ломали изгороди, воздвигнутые в знак их присвоения, и выгоняли свой скот на отчужденные пастбища»⁷⁸. Но во Франции из подобных инцидентов, которые сопровождали отмирание сельской общины, никто не делал обобщений относительно особого склада «французского ума». Напротив, в России заключение о том, что русскому народу чуждо понятие индивидуальной земельной собственности, легло в основу крестьянской реформы 1861 г. и являлось идеологией правительства вплоть до начала XX в.

Следуя за Гакстгаузенем и его последователями-славянофилами, чиновники подчеркивали принципиальное различие между русскими и западноевропейскими крестьянами, которые уже давно встали на путь развития индивидуальной земельной собственности. Так как сам правящий класс относил себя именно к европейской цивилизации, то подобная культурная дистанция, которой чиновники отделили русских крестьян от Европы под предлогом заботы об их самобытности, одновременно была средством колониальной эксплуатации, позволявшей насаждать те институты, которые были выгодны самодержавию и служили его фискальным интересам. В записке Главного комитета об устройстве сельского состояния (1869) порицались рассуждения о том, что «участковое землевладение, освящен-

⁷⁴ Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М.: Изд. А.И. Рагозин, 1870. С. XVI.

⁷⁵ Там же. С. 78.

⁷⁶ Там же. С. XVII.

⁷⁷ Там же. С. 167.

⁷⁸ Собуль А. Указ. соч. С. 225.

ное авторитетом Западной Европы, совершеннее нашей великорусской общины...», хотя, как считали чиновники, «в сознании русского человека участковое землевладение отнюдь не представляется совершеннейшим»⁷⁹.

В 1856 г. оппонировать этой колониальной логике попытался Б.Н. Чичерин. Он вопрошал: «На каком основании можем мы полагать, что общинный быт более вытекает из духа русского, нежели из французского, немецкого, английского, итальянского?»⁸⁰, тем самым ставя под вопрос культурную неполноценность и незрелость, приписывавшуюся европейски-образованной элите колонизируемому русскому большинству. Чичерин оппонировал прежде всего барону Гакстгаузену, который обнаружил у русских первобытную общину, много столетий назад изжитую в остальной Европе. Подобно европейским колонизаторам, описывавшим покоренное туземное население как навсегда застрявшее в первобытном детстве, русские представлялись Гакстгаузену выпавшими из истории. Чичерин возражал на это: «Неужели, как утверждает барон Гакстгаузен, русская история играла только на поверхности народа, не касаясь низших классов народонаселения, которые остались донныне при своих первобытных гражданских учреждениях?»⁸¹

Основной аргумент Чичерина состоял в том, что современная передельная община Центральной России является не артефактом первобытных времен, а новейшим изобретением, окончательно сложившимся совсем недавно, во второй половине XVIII в., при Екатерине II. «Наша сельская община вовсе не патриархальная, не родовая, а государственная. Она не образовалась

сама собою из естественного союза людей, а устроена правительством, под непосредственным влиянием государственных начал»⁸². До XVIII в., согласно Чичерину, великорусское население знало подворную общину, ничем принципиально не отличавшуюся от земельных общин, существовавших в это же время в европейских странах, поэтому русских нельзя причислять к неисторическим неевропейским народам, нуждающимся в колонизации. «Наша община не остановилась на той ступени общественного развития, на какой стояла община германская во времена Тацита, она не похожа... на другие патриархальные общины полудиких народов Азии и Африки... Учреждения наших общин суть произведения нового времени, и сравнивать их с патриархальными общинами других народов, значит отрицать в нас историческое развитие»⁸³.

«Indirect rule» в русской деревне.

Аргументы Чичерина услышаны не были, и уже к моменту проведения крестьянской реформы 1861 г. образованная прослойка прочно уверовала в «общинность» русского народа, сделав передельную общину краеугольным камнем системы управления русским крестьянским большинством. Вместо того чтобы стать полноценными гражданами, наделенными индивидуальной ответственностью, крестьяне были освобождены из-под надзора помещиков и переданы под надзор сельской общины. Обращение к этому архаичному институту было продиктовано типичной колониальной логикой *косвенного управления* (indirect rule). В силу своей немногочисленности европейские колонизаторы не в состоянии управлять превосходящей массой туземного населения и потому вынуждены перекладывать функции непосредственного контроля на само мест-

⁷⁹ Цит. по: Христофоров И.А. Указ. соч. С. 255.

⁸⁰ Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 116.

⁸¹ Там же. С. 7.

⁸² Там же. С. 57.

⁸³ Там же. С. 58.

ное население (на племенных вождях, эмиров, на общинных старейшин). Туземная администрация, туземная полиция, туземный суд, руководствующийся особым, местным правом, в колониях на низовом уровне фактически берут на себя все те функции, которые в европейских странах берет на себя централизованное государство.

Помимо соображений «стабильности», иллюзию которой дает управление колонизируемым населением через его собственные, «традиционные» институты, не менее важным преимуществом косвенного управления в глазах колонизаторов является его *дешевизна*. Колониальная администрация, вместо того чтобы оплачивать труд большого числа мелких чиновников, пользуется бесплатными услугами местных старейшин и общин (они бесплатны лишь для колонизаторов, но не для самого местного населения). «Доходы местной администрации не входят в число доходов и расходов колониального бюджета и не зависят от колониального благосостояния и аудита. Надлежащее расходование значительных сумм, собираемых как налоги, установленные сюзереном, должно зависеть частично от способностей туземного правителя и частично от резидента, помогающего ему советами»⁸⁴. Все налоги, как пишет Лугард, устанавливает сюзерен в лице верховной колониальной власти, а туземная администрация ответственна лишь за их сбор с местного населения. При этом колонизаторов волнует только та часть налогов, которая должна поступить в колониальный бюджет. Как распоряжаются туземные начальники остальной суммой и что вообще происходит на низовом уровне — это волнует колониальную власть гораздо меньше, поэтому колонизаторы предпочитают взаимодействовать лишь с туземным начальством, не вмешиваясь в процессы, происходящие на низовом уровне.

В Российской империи в качестве низовой туземной администрации выступало выборное волостное начальство, которое содержалось самими крестьянами за счет мирских сборов, которые не поступали в казну, а хранились в волостных правлениях (в 1847 г., например, мирской сбор составлял 13,9% всех собираемых податей)⁸⁵. «Волостной писарь — это связующее звено крестьянства со всеми и всем, что похоже на начальство; все, что имеет что-нибудь приказать, предписать, объяснить, объявить, все, кто нуждается в какой-нибудь справке или цифре — все эти и всё это обращается в волость, т.е. к волостному писарю, как единственному источнику, могущему доставить всё необходимое»⁸⁶. На низовом уровне действовала вспомогательная полиция в лице десятских и сотских, в чьи обязанности входило конвоировать арестантов и дежурить у станового пристава. Расходы крестьян, несущих полицейскую повинность, также компенсировались из мирских сборов (хотя в 1888 г. всего 12,5% из них получали хоть какое-то жалованье)⁸⁷.

Волость складывалась из сельских общин, которые были ключевым элементом всей системы управления в Российской империи. До реформы 1861 г. община играла центральную роль в управлении государственными крестьянами, все ее члены несли коллективную ответственность за исправное поступление податей (круговая порука). За взыскание государственных

⁸⁵ *Неупокоев В.И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX века. М.: Наука, 1987. С. 187.

⁸⁶ *Астырев Н.М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М.: Русская мысль, 1896. С. 147–148.

⁸⁷ *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. М.: Наука, 1984. С. 124.

податей с помещичьих крестьян были ответственны (с 1769 г.) их владельцы. За недоимки среди государственных крестьян выборное крестьянское начальство подвергалось аресту и взысканиям, за недоимки среди помещичьих — дворянам грозил секвестр их сел. Таким образом, государство, в полном соответствии с принципами косвенного управления, полностью устранилось от сбора налогов. Практически все функции низового администрирования были переданы общине или помещикам. Помещики, согласно известной фразе, приписываемой Николаю I, играли роль «ста тысяч бесплатных полицмейстеров». После отмены крепостного права эта функция среди помещичьих крестьян, как и среди государственных, окончательно перешла к общине.

После 1861 г. имело место «возложение на общину, в лице сельского схода, несвойственных ей обязанностей по наблюдению за исправным поступлением податей, по взыскиванию недоимок и по устройству податного счетоводства»⁸⁸. Российское государство не хотело и не имело возможности иметь дело с индивидуальным обложением каждого крестьянина, подати возлагались на общину в целом, и далее уже она сама раскладывала повинности среди отдельных домохозяйств, что вело к массе нареканий и злоупотреблений. Крестьянин, приписанный к общине и лишенный возможности из нее выйти, фактически выпадал из правового поля. «Проживая в общине... крестьянин превращается в “мужика”... В качестве члена общины крестьянин должен довольствоваться упрощенными формами гражданского быта: вместо писанного, незыблемого закона — обычай, выразителем которого является сельский сход... вместо самоуправления — произвол и злоупотребления волостных писарей... вместо суда, строго и справедливо при-

меняющего одинаковую для всех норму закона ко всем случаям правонарушения, — суд... руководящийся всё тем же неуловимым обычаем и... склонный прибегать к телесным наказаниям даже за неплатеж сборов»⁸⁹.

То, что крестьяне были отданы на откуп неэффективным и внеправовым институтам, оправдывалось сознательной архаизацией русского большинства (раз крестьяне — это «вечные дети», то для них общины вполне достаточно), а усилиями образованной элиты община подавалась как исконный, традиционный атрибут быта русского крестьянина. Нечто подобное происходило и в европейских колониях. Колониальные власти отдавали себе отчет в коррупции и неэффективности, присущей туземным правителям, и всё же подчеркивали необходимость сохранения статус-кво. Подчеркнутая «традиционность» институтов косвенного управления, за которые цеплялись колонизаторы из соображений стабильности и дешевизны, должна была примирить население с их неэффективностью. Проблема в том, что сама эта «традиционность» зачастую была изобретением колониальных властей, которые в угоду собственным интересам кардинально перестроили всю систему местных институтов.

Применительно к российской внутренней колонии впервые вопрос об этом поднял Б.Н. Чичерин, увидевший в передельной крестьянской общине изобретение XVIII в., сконструированное государством в фискальных целях. К аналогичным выводам, только на африканском материале, пришли многие исследователи относительно племенных структур, на которые опирались колониальные власти. Трайбализм, якобы присущий африканскому сознанию, во многом является изобретением самих колонизаторов. Колонизаторы считали, что каждый африканец по определению должен быть

⁸⁸ Бржеский Н.К. Общинный быт... С. VIII.

⁸⁹ Там же. С. 78–79.

членом какого-либо племени, а у каждого племени должен быть единственный вождь, избираемый из его членов. «Правильно управлять колонией Золотой Берег можно, только действуя через вождей»⁹⁰, как говорил ее губернатор С. Роув. Вождь племени должен отвечать перед колониальными властями за сбор налогов и поддержание порядка, а племя в целом должно нести коллективную ответственность за такие преступления, как кражи скота. Споры между членами племени и мелкие правонарушения должен разбирать племенной суд согласно местным обычаям.

Проблема заключалась в том, что и племена, и их вожди, и племенные суды были учреждены (причем достаточно поздно, в 1920-х гг.) самой колониальной властью сообразно ее собственным представлениям о «традиционных институтах» туземного общества, которые слабо соотносились с реальностью. «Мы всячески стараемся насаждать вождей там, где их никогда раньше не было»⁹¹, — сетует окруж-

⁹⁰ Мазов С.В. Региональный фактор в колониальной трансформации института вождей Ганы (1900–1939) // Колониализм и антиколониализм в Африке. Сборник научных трудов / Отв. ред. Н.И. Кирей. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1992. С. 50–74.

⁹¹ Ачебе Ч. Стрела бога. Человек из народа. М.: Радуга, 1983. С. 48. В романе цитируется циркуляр губернатора провинции, который читает Уинтерботтом. В нем говорится о «насуточной необходимости безотлагательного создания эффективной системы “косвенного управления”, основанной на туземных институтах... Таким путем мы будем постоянно привлекать на свою сторону подлинную силу народного духа, вместо того чтобы до основания уничтожать всё туземное и пытаться строить заново на пустом месте. Мы не должны разрушать африканскую атмосферу, африканское сознание, все основы африканской расы...» (с. 65–66). Подобные рассуждения очень напоминают убежденность

ной комиссар Уинтерботтом в романе Чинуа Ачебе «Стрела бога», в котором описываются реалии «косвенного управления» в Восточной Нигерии, где Лугард реализовывал свои идеи на практике. Африканцы до прихода колонизаторов зачастую не знали племен, сформированных по этнотерриториальному принципу, во главе которых стояли бы вожди. Например, жители, населявшие верховья Замбези, соотносили себя не с племенами и их вождями, а матрилинейными кланами, которые не имели формальных лидеров⁹². В большинстве языков Южной Африки даже не было самого слова «племя»⁹³.

Внутренняя колонизация и внешнеполитическая активность

Передельная община, отличавшаяся великорусский центр, была прямым следствием его интенсивной колониальной эксплуатации. Крестьянское население окраин Российской империи, Малороссии и Прибалтики знало лишь подворную общину, состоящую из общинных угодий и наделов, находящихся в постоянном, наследственном пользовании. Периодические переделы земли в соответствии со жребием там были неизвестны. Если подворная община была наследием феодализма, типичным для всей Европы, то передельная была создана колониальными методами управления.

Сходство великорусской передельной общины с передельными общинами, существующими в европейских ко-

бюрократов Российской империи в необходимости укрепления сельской общины под предлогом ее «традиционности» и соответствия «народному духу».

⁹² The Creation of Tribalism in Southern Africa / Ed. by L. Vail. L., Berkeley: Currey University of California Press, 1989. P. 373.

⁹³ Mafeje A. The Ideology of Tribalism // Journal of Modern African Studies. 1971. V. 9. №2. P. 253–261.

лониях, заметил еще Макс Вебер. «На таком же (как и в великорусской общине. — А.Х.) начале круговой ответственности покоилось хозяйство голландской ост-индской компании в ее владениях. Она возлагала на *Desa*, т.е. общину, круговую поруку по внесению подати рисом и табаком. Последствием такого обязательства было то, что община принуждала отдельных лиц оставаться в деревне, чтобы помогать остальным уплатить налог»⁹⁴. «В *десе* не урегулированы ни самый факт, ни долговременность владения участком, доставшимся на долю поселянина, который уже в следующем году, при новом разделе грунта, может лишиться своей земли»⁹⁵. Вебер прямо связывает существование передельной общины с режимом косвенного управления: «Государство передавало непосредственную эксплуатацию колоний частным торговым компаниям (примеры: британская Ост-индская и голландская Ост-индская компании). Тогда вожди делались носителями круговой ответственности, а первоначально свободные крестьяне становились их крепостными, развивалось обязательное земледелие, земельная община, право и обязанность переделов»⁹⁶.

Переделы в великорусской общине были обусловлены необходимостью уплаты подушной подати, которую Петр I в 1724 г. ввел в великорусских губерниях вместо подворной (через 60 лет, в 1783 г., она была наконец распространена на Малороссию и Прибалтику). Подушные подати налагались не на каждое лицо (или домохозяйство) в отдельности, а на общину в целом, в соответствии с количеством ревизских душ, относящихся к ней согласно последней ревизской сказке. Внутри самой общины подати раскла-

дывались уже по усмотрению самих крестьян, власть в этот процесс не вмешивалась и никак его не регламентировала, ее интересовало только отсутствие недоимок, за которые несла ответственность опять-таки вся община. Передел происходил при очередной ревизии, когда община перераспределяла все платежи и всю свою землю в соответствии с уточненным числом ревизских мужских душ. Именно ревизская разверстка и круговая порука в выплате податей стали отправной точкой эволюции передельной общины, которая сохранялась некоторое время и после прекращения ревизий и отмены подушной подати в 1887 г.

Примечательно, что размер подушного оклада был выведен Петром I из общей суммы, необходимой для содержания армии⁹⁷. Здесь мы подходим к ключевому моменту, позволяющему объяснить специфику Российской империи, в рамках которой Центральная Россия, номинальная метрополия, превратилась во внутреннюю колонию. С начала XVIII в. руководство русского государства захотело сделаться полноценным игроком на международной арене, способным конкурировать с европейскими странами (пресловутое «прорубить окно в Европу»). Этот процесс начался с затяжной войны со Швецией (1700–1721), одной из наиболее развитых европейских держав своего времени, продолжилась масштабным участием России в Семилетней войне (1757–1762). Грандиозные геополитические замыслы подталкивали российских монархов к всё возрастающей внешнеполитической активности и ко всё новым войнам: «греческий проект» Екатерины II и русско-турецкие войны (1768–1774; 1787–1792), вовлеченность России в наполеоновские войны (1805–1814) и Александр I с его идеей «Священного союза», Александр II (взятие Константинополя, освобождение славян)

⁹⁴ Вебер М. История хозяйства. Биржа и ее значение. М.: Гиперборей, Кучково поле, 2007. С. 42.

⁹⁵ Бакунин М.М. Указ. соч. С. 243.

⁹⁶ Вебер М. Указ. соч. С. 76.

⁹⁷ Неумоков В.И. Указ. соч. С. 22.

и русско-турецкая война 1877–1878 годов. В этот список стоит включить и многолетнюю, крайне дорогостоящую Кавказскую войну (формально закончилась в 1864 г.), а также другие проявления имперского экспансионизма.

Вся эта внешнеполитическая и имперская активность, зачастую не приносившая сколько-нибудь существенных выгод (кроме морального удовлетворения и «воинской славы» для образованной элиты), оборачивалась постепенным усилением эксплуатации российского населения, основную массу которого составляло великорусское крестьянство Центральной России. Так, чтобы покрыть расходы прошедшей русско-турецкой войны, Екатерина II в 1794 г. в 18 губерниях подняла подушную подать в 1,5 раза — с 70 коп. до 1 руб.⁹⁸, Александр I с 1810 по 1818 г. увеличил ее в 2,5 раза (с 1 руб. 26 коп. до 3 руб. 30 коп.)⁹⁹, чтобы компенсировать многочисленные расходы. Великорусский центр не только содержал армию, но и поставлял в нее солдат, на великорусских крестьян легла основная тяжесть рекрутской повинности (она не распространялась на Польшу, Финляндию, Бессарабию). С введением всеобщей воинской повинности от нее было вплоть до Первой мировой войны освобождено большинство инородческого населения Российской империи.

В условиях общей отсталости Российской империя могла в военном отношении конкурировать с более развитыми европейскими державами только за счет сверхэксплуатации внутренних ресурсов. Вместо того чтобы пускать эти ресурсы на модернизацию экономики и инфраструктуры, российские правители растрачивали их на внешнеполитическую активность¹⁰⁰. «Рус-

скому государству постоянно требовались огромные средства для укрепления вооруженных сил и ведения активной внешней политики. Эти средства могло бы дать население, если бы оно имело их благодаря хорошо развитой экономике. В условиях отсталой сравнительно с западноевропейскими странами экономики лишь чрезвычайная государственная эксплуатация населения могла обеспечить необходимые средства»¹⁰¹. Именно такой чрезвычайный характер эксплуатации населения Центральной России, связанный с имперскими амбициями образованной элиты, и превратил ее во «внутреннюю колонию». Да, нести имперское бремя было тяжело для всех европейских метрополий (об этом мы говорили в начале статьи), но в сочетании с общей экономической отсталостью России это бремя оказалось не просто тяжким, оно вылилось во «внутренний колониализм».

В западноевропейских державах имперские расходы позволяла покрывать развитая экономика: рыночный спрос и разветвленные пути сообщения стимулируют увеличение производительности труда, что, в свою очередь, позволяет собирать больше налогов без ущерба для населения. Когда же большинство населения живет в условиях, близких к натуральному хозяйству, собираемость налогов можно резко поднять только за счет грубого принуждения и еще большей архаизации социальных институтов. В итоге средства на содержание армии европейского образца из великорусского крестьянства «выколачивали» вполне колониальными методами: через закрепощение крестьян и усиление вла-

зации, как Германия в первой половине или Япония во второй половине XIX в. Однако на путь имперской экспансии и Германия, и Япония встали лишь после завершения модернизации, в то время как, начиная с Петра I, Россия решала эти задачи одновременно.

¹⁰¹ Мифонов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 371.

⁹⁸ Там же. С. 25.

⁹⁹ Там же. С. 31.

¹⁰⁰ В мировой истории существуют примеры, когда будущие региональные сверхдержавы оказывались в ситуации догоняющей (по отношению к Западной Европе) модерни-

сти помещиков (так и Британская Ост-индская компания передавала земли с крестьянами владельцам-заминдарам, обязанным за это собирать с них подати) и через насаждение передельной общины и круговой поруки.

Народники как пионеры антиколониального движения

Ответом на колониальную эксплуатацию было возникновение в России антиколониального «народнического» движения (1850–1880-е гг.), которое своей риторикой и задачами предвосхитило аналогичные движения XX в. в странах Третьего мира. Желание «служить простому народу», которое с середины XIX столетия охватило в России самые широкие слои городской интеллигенции, учащихся, журналистов, мелких служащих и отдельных представителей аристократии и принимало самые разные формы (от просветительских «хождений в народ» до народовольческого терроризма), типологически очень напоминает пробуждение туземной интеллигенции в европейских колониях. В Азии и Африке, как и в Центральной России, во главе антиколониальных движений вставала городская европейски образованная местная интеллигенция, выпускники миссионерских школ и военных академий, выпавшие из традиционного, племенного сельского общества, но не сумевшие полноценно встроиться в колониальную систему.

Туземная интеллигенция, осознавшая необходимость антиколониальной борьбы, начинает задумываться о «возвращении к истокам», призывает освободиться от европейского лоска и стать ближе к «простому народу»¹⁰²,

¹⁰² Навязчивое противопоставление «интеллигенции» и «народа», столь характерное для российской истории, очевидно, имеет колониальное происхождение. Усвоив европеизированную колониальную культуру и оторвавшись от эксплуатируемого населения «внутренней колонии», российская ин-

к его «общинному духу». Как писал в 1960-х гг. ведущий идеолог антиколониализма Франц Фанон, выходец с французской Мартиники и участник алжирского движения борьбы за независимость, «местный интеллигент, у которого с началом борьбы за свободу появилась возможность вернуться к народу», первым делом должен отбросить индивидуализм, который «колониальная буржуазия прочно вбила в его сознание». «Интеллигент, покрытый пылью колониальной культуры, будет... открывать для себя ценность деревенских собраний, тесную сплоченность народных комитетов и невероятную продуктивность работы местных собраний»¹⁰³. Народники также были очарованы «мужицким самоуправлением», романтикой деревенского схода, они всеми силами старались приблизиться к «простому народу». Как провозглашала газета «Земля и Воля», «успешна будет наша работа в народе, если мы действительно ста-

телигенция постоянно испытывала по отношению к нему одновременно чувство восторга, вины, презрения и страха. Как отмечал М.О. Гершензон в сборнике «Вехи», который фактически целиком строится вокруг этого противопоставления: «каковы мы (интеллигенты. — А.Х.) есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 90). Положение туземной интеллигенции всегда двусмысленно: с одной стороны, отдалившись от местного населения, она всё равно чувствует с ним связь, при этом не умея найти общий язык с соплеменниками, с другой стороны, сблизившись с колонизаторами, интеллигенция никогда не может стать для «народа» вполне «своей».

¹⁰³ Фанон Ф. Отрывки из книги «Весь мир голодных и рабов» // Антология современного анархизма и левого радикализма / Под ред. А. Цветкова. М.: Ультра-Культура, 2003. С. 27.

нем народными людьми... Бросим иноземную, чуждую нашему народу форму наших идей, заменим ее той, которая ему свойственна, близка и родственна — пойдет и он за нами. Пять лет тому назад мы сбросили немецкое платье и оделись в сермягу, чтобы быть принятыми народом в его среду. Теперь мы видим, что этого мало — пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и тоже одеть его в народную сермягу»¹⁰⁴.

Революционная интеллигенция подчеркивала существование непреодолимой пропасти между колонизаторами и колонизируемым местным населением и необходимость тотальной антиколониальной войны до победного конца. По словам Фанона, «колониальный мир расколот на две части», а «основательное разрушение колониальной системы вовсе не предполагает налаживания связи между двумя противостоящими друг другу лагерями, после того как будет упразднена разделяющая их граница, подорвать колониальный режим — значит не больше, не меньше как ликвидировать один из лагерей, закопать его в могилу или изгнать его из страны»¹⁰⁵. Как писал М.А. Бакунин (1869), «между Россией казенной и Россией народной, между государственным, сословно образованным миром в России и революцией народной... открывается война на жизнь и на смерть. В этой войне ни примирение, ни средний исход невозможны. Один из противников должен погибнуть: или государство со всею своею мишурно-образованною сволочью, или народ»¹⁰⁶.

Критикуя колониальный режим, туземная интеллигенция разоблачает насилие, лежащее в его основе. Франц

Фанон восклицает: «Местного жителя приперли к стенке, приставив к его горлу нож (вернее сказать, электрод к гениталиям)...»¹⁰⁷ «Законность своего существования колониальный режим поддерживает при помощи силы... Застывшие конкистадоры, попирающие землю колоний, не перестают всем своим видом заявлять: “мы находимся здесь благодаря нашим штыкам...”»¹⁰⁸. Революционер П.Н. Ткачев призывает: «отведите штык, вечно торчащий перед его (русского народа. — А.Х.) грудью, сломайте кнут, вечно висящий над его спиной, разожмите руки, крепко сдавившие его горло»¹⁰⁹. По мнению борцов антиколониального движения, насилие надо сокрушить насилием. Но чтобы мобилизовать массы местного населения на ответное насилие, необходимо развенчать священный ареал вокруг колонизаторов, которые до определенного момента представляются «простому народу» неприкосновенными «высшими существами». Как говорилось в прокламации, составленной П.Н. Шелгуновым: «нас миллионы, а злодеев — сотни... Приучите солдат и народ принять ту простую вещь — что из разбитого генеральского носа течет такая же кровь, как из носа мужицкого»¹¹⁰. По мнению Фанона, национально-освободительная борьба начинается, когда «местный житель открывает для себя, что его жизнь, его дыхание, его пульсирующее сердце ничем не отличаются от жизни, дыхания и сердца колонизатора», когда «он обнаруживает, что кожа колонизатора имеет не больше ценности, чем его собственная»¹¹¹.

Часто российская революцион-

¹⁰⁴ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / Под ред. Е.Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 410.

¹⁰⁵ Фанон Ф. Указ. соч. С. 18–21.

¹⁰⁶ Революционный радикализм... С. 214.

¹⁰⁷ Фанон Ф. Указ. соч. С. 37.

¹⁰⁸ Там же. С. 60.

¹⁰⁹ Революционный радикализм... С. 356.

¹¹⁰ Цит. по: Шашкова Я.Ю. Теория революционной партии народников 70–80-х гг. XIX в. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. С. 74.

¹¹¹ Фанон Ф. С. 25.

ная интеллигенция непосредственно осмысливала свою борьбу в антиколониальных категориях. М.А. Бакунин подчеркивал, что правящие круги Российской империи и простой народ различаются не только культурно, но и этнически, что означает: начиная со второй половины XVIII в. в России сложилась классическая колониальная ситуация. «Дом Романовых... известным рядом подлогов и с помощью гвардейских солдат обратился в дом чисто немецкий, Гольштейн-Готторпский»¹¹². Русский народ оказался колонизирован государством Романовых, где «нет прогресса и цивилизации, а есть громадная, государственная эксплуатация народных сил для удовольствия вечно-празднующего и пресыщающегося барства, эксплуатация, охватывающая со всех сторон русский народ, сосущая его грудь, удушающая и подавляющая всякое проявление жизни в нем»¹¹³. Поэтому «наступает час последней борьбы между Романовским Гольштейн-Готторпским государством и между русским народом, между татаро-немецким игом и между широкою славянскою волею»¹¹⁴. Эта борьба должна окончиться русской антиколониальной революцией — «народной мужицкой революцией»¹¹⁵, к необходимости которой взывал вместе с Бакуниным С.Г. Нечаев.

В агитационных стихах призывал (1869) «скрутить руки *немецкие* подставному царю-батюшке, Александршке подменному» (Александру II. — А.Х.), приведя его на «мужицкий суд»¹¹⁶, и Н.П. Огарев. Огарев в своих прокламациях, предназначенных для агитации среди простого народа, опять-таки изображал классическую колониальную ситуацию. «Прежде жили все в деревнях на великой свободе, все

были равны и своими делами сами управляли... *Пришли в нашу землю тогда князья из-за моря с войском*, привели с собой дворянскую сволочь... стали нашу землю отбирать да под себя подводить... Эти князья, которые место покорят, сейчас велят себе город построить, да тут и засядут... Придумали законы разные, стали со всех оброки да налоги собирать...»¹¹⁷. Антиколониальные мотивы борьбы русской революционной интеллигенции проступают здесь с максимальной ясностью. Правящие круги, распоряжающиеся Центральной Россией как внутренней колонией, предстают в этих строках не только в качестве культурно чуждой элиты, в жилах которой течет «немецкая кровь», но и непосредственно как «приплывшие из-за моря» колонизаторы.

Примечательно, что спустя столетие на предполагаемую антиколониальную «мужицкую» революцию в России, образ которой был создан народниками, ориентировались уже сами интеллектуалы Третьего мира. Так, кенийский писатель Нгуги Ва Тхионго вкладывает в уста героини романа «Кровавые лепестки», которая рассказывает о борьбе своего племени с колонизаторами, следующее утверждение: «Когда весь цвет илморогского воинства остался лежать на земле... [пронеслась] передаваемая шепотом весть, что в стране по имени Россия крестьяне, взявшись за копыя, отбили у врага в бою ружья и прогнали неприятеля прочь. Интересно, русские тоже черные, как мы? И неужто они прогнали европейцев?»¹¹⁸. Необходимость борьбы с европейской колониальной администрацией как бы сближает (до степени неразличимости) русское крестьянское большинство и туземное население Африки.

Таким образом, наличие общего

¹¹² Революционный радикализм... С. 286.

¹¹³ Там же. С. 223.

¹¹⁴ Там же. С. 280.

¹¹⁵ Там же. С. 224.

¹¹⁶ Там же. С. 250.

¹¹⁷ Там же. С. 252.

¹¹⁸ *Нгуги Ва Тхионго*. Кровавые лепестки. М.: Прогресс, 1981. С. 406.

врага объединяет русское народничество с позднейшими антиколониальными движениями африканских и азиатских стран и придает ему столь характерную для последних *антизападническую* направленность. С одной стороны, народническая интеллигенция сравнивала русское и европейское крестьянство, чтобы доказать угнетенное состояние первого. Так, Н.Г. Чернышевский писал (1861): «Вот у французов есть воля, у них нет розни: сам ли человек землю пашет, других ли нанимает свою землю пахать... надо всеми одно начальство, суд на всех один и наказание всем одно»¹¹⁹, указывая также на отсутствие во Франции и Англии подушной подати и рекрутской повинности. С другой стороны, народники считали, что Россия не должна равняться на Запад. России следует пойти «особым путем», отвергнув «буржуазные ценности» и построив «мужицкий социализм». Подобное чувство собственной исключительности и антизападная риторика были свойственны и многим антиколониальным движениям в отсталых аграрных странах.

В поисках «особого пути» народники ухватились за сельскую общину, парадоксальным образом переняв рассуждения об «общинном духе» русского народа у правящей элиты и консервативных публицистов. Так, П.Н. Ткачев призывал «вовремя поставить плотину» (в виде немедленной антиколониальной революции) на пути «быстро несущихся волн буржуазного прогресса» и предотвратить разрушение русской сельской общины, которое уже произошло во Франции и Германии. Ткачев считал, что русская община «существует с незапамятных времен», подобно общине афганцев, жителей Алеутских островов и острова Ява¹²⁰ (о яванской передельной общине как инструменте голландского колониального управления речь шла выше). Тем

самым революционер Ткачев фактически соглашался с колониальной архаизацией великорусского крестьянского населения, которому усилиями Гакстгаузена и его последователей навязывались антиисторизм и первобытность (против чего возражал в свое время Чичерин).

Передельная община, будучи фискальным механизмом в руках колониального режима, представлялась народникам образцом стихийного коммунизма крестьянских масс (впрочем, и Гакстгаузен видел в великорусской общине воплощение идеала утопических социалистов своего времени). Подобное усвоение антиколониальными борцами образов и понятий, изобретенных колонизаторами, не является редкостью. Как отмечал Эдвард Саид, Восток сам может усвоить образ «Востока», созданный западной колониальной цивилизацией. «Современный Восток сам участвует в собственной ориентализации... Простейший пример — это араб, который воспринимает себя самого как того голливудского “араба”»¹²¹. Народники, сами того не желая, были составной частью процесса внутренней колонизации Центральной России.

Послесловие. Иван Африканович и его корова

Рассмотрение российской истории XX в. в свете понятия «внутренний колониализм» не входит в задачи настоящей статьи, однако несколько замечаний на эту тему высказать все же необходимо.

Русские народники XIX столетия, пионеры антиколониального движения, подобно многим революционерам Третьего мира столетием позже, понимали антиколониальную борьбу как противостояние угнетаемой деревни колониальному городу. В 1869 г. Огарев, которого следует трактовать как одного из первых теоретиков ан-

¹¹⁹ Революционный радикализм... С. 89.

¹²⁰ Там же. С. 361.

¹²¹ Саид Э.В. Указ. соч. С. 503.

тиколонизма, в прокламации, обращенной к крестьянам, писал: «Надо нам, братцы, города их (“князей из-за моря”, “дворянской сволочи”. — А.Х.) жечь, да выжигать дотла. Да места выжженные вспахивать. В городах простова народа совсем мало живет, да и тот в услужении... Ежели города мы оставлять будем, тогда они в них укрепятся, и с ними нам не справиться»¹²².

Ровно сто лет спустя министр обороны КНР маоист Линь Бяо (1965) декларировал: сельские районы по всему «Третьему миру» должны «окружать и душить капиталистические города»¹²³, как это делали коммунистические армии в Китае в 1940-х гг. Пол Пот, во многом ориентировавшийся на маоистов (в начале своей политической карьеры он вместе с женой совершил своеобразное «хождение в народ», прожив некоторое время среди племен, населяющих джунгли), утверждал: «Освобождение кхмерского народа — это не только борьба патристических сил против западных стран и их приспешников, это также борьба сельских масс против чужеродного явления — городов, которые символизируют угнетение...»¹²⁴ и в глазах большинства кхмеров связаны с французской колониальной властью.

Однако Россия в XX в. так и не увидела антиколониальной «мужицкой революции», о которой мечтали народники. Если мы вынесем за скобки аграрные беспорядки 1905–1907 гг. и последующие изменения в крестьянской политике и обратимся к событиям 1917 г., мы обнаружим нечто прямо противоположное. В результате октябрьского переворота в Петрограде к власти пришли большевики, главный идеолог которых, В.И. Ленин, на заре своей политической карьеры,

как и другие марксистские теоретики, жестко полемизировал с народничеством. Большевики, ориентировавшись на городской рабочий класс, провозгласили установление «диктатуры пролетариата», и это не было простой декларацией. Вместо того чтобы «душить города», как того требовала идеология антиколониальной революции, советская власть сразу же принялась «душить деревню». Чтобы обеспечить продовольственное снабжение городов, во время Гражданской войны большевики развернули против деревни настоящий террор по изъятию «излишков» хлеба.

В 1921 г., после провозглашения НЭПа, продразверстка была отменена, и политика по отношению к деревне временно смягчилась, но в партии продолжали вынашивать планы по «эксплуатации пролетариатом до-социалистических форм хозяйства». На XII съезде РКП(б) в 1923 г. Лев Троцкий предложил форсировать развитие промышленности за счет ресурсов деревни. Выдвинув идею эксплуатации аграрных территорий в качестве «внутренней колонии», Троцкий назвал это «первичным социалистическим накоплением капитала»¹²⁵ по аналогии с первичным накоплением капитала в концепции Маркса, где этот термин обозначал обогащение европейцев за счет работорговли и «колониального ограбления» Азии и Африки. Троцкий сделать ставку на искусственное увеличение стоимости промышленных товаров по сравнению с продуктами сельхозпроизводства, чтобы поставить деревню в типично колониальную ситуацию «неравного обмена» (unequal change). Концепция «диктатуры промышленности», ограбления деревни во имя развития тяжелой индустрии, выдвинутая левой оппозицией во гла-

¹²² Революционный радикализм... С. 254.

¹²³ Цит. по: *Самородный О.* Тайны дипломатии Пол Пота. Таллинн: Sonasepp OU, 2009. С. 47.

¹²⁴ Там же. С. 40.

¹²⁵ Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1968. С. 351.

ве с Троцким, потерпела поражение на 13-й Всероссийской партийной конференции в Москве в январе 1924 г.¹²⁶, но уже через 5 лет Сталин фактически реализовал эту идею, провозгласив политику «сплошной коллективизации».

Известный социолог Алвин Гоулднер прямо определяет сталинизм как режим внутреннего колониализма. «Партийные лидеры оборонялись в городах против растущего сопротивления огромного сельского большинства... Силовая элита, сосредоточенная в городах, намеревалась доминировать над превосходящим сельским населением, с которым она соотносилась в качестве чуждой колониальной силы; это был внутренний колониализм, мобилирующий силу государства против колониальных данников в сельской местности»¹²⁷. Гоулднер заключает, что система внутреннего колониализма, которая держала крестьян в «политическом гетто» при царизме, нашла свое продолжение в советском строе, и это, по-видимому, действительно так. Советская власть, во всяком случае на ранних этапах, с ее колониальными методами управления, такими как огромные коллективные хозяйства, подчи-

няющиеся директивам Госплана, явилась новым этапом колониальной эксплуатации Центральной России и других сельских районов, на которые эта эксплуатация распространилась. Неслучайно советский опыт «сплошной коллективизации» вдохновлял британцев на сходные эксперименты в своих колониях (так, в 1947 г. в Танганьике была развернута программа по вытеснению индивидуальных производителей коллективными хозяйствами по выращиванию земляного ореха)¹²⁸.

Как реакция на колониальные процессы сталинизма¹²⁹, с 1960-х гг. в среде интеллигенции начали обнаружи-

¹²⁸ См.: Британская империя в XX веке... С. 111.

¹²⁹ Впрочем, задолго до советской власти плановые методы ведения хозяйства уже практиковались в колониях: так, в рамках «системы принудительных культур» (1830–1870) в голландской Яве туземное население обязывали заниматься выращиванием табака, сахарного тростника и индиго, предназначенных для экспорта. Население было обязано сдавать выращенные культуры колониальным властям по фиксированным ценам. Количество земли, которое необходимо было отдать под выращивание тех или иных культур, определялось самой колониальной администрацией исходя из установленных ей нормативов. Спустя некоторое время подобная принудительная система централизованного планирования доказала свою неэффективность, и голландцы были вынуждены от нее отказаться в пользу рыночных механизмов, что в конечном счете произошло и в СССР. Примечательно, что подобные методы хозяйствования возможны именно при колониальном режиме управления, когда власть действует исходя из собственных соображений, невзирая на местную специфику и интересы населения, и практикует системное насилие, чтобы принудить к повиновению всех несогласных. См.: J.L. van Zanden. Colonial state formation and patterns of economic development in Java, 1800–1913 // Economic History of Developing Regions. 2010. V. 25. P. 155–176.

¹²⁶ Как говорил Л.Б. Каменев, оппонируя Троцкому и его единомышленникам: «Вы приходили и говорили: давайте гривенничек накинём на пуд нефти, а мы говорили: продавай по прежней цене, и то прибыль будет... Это политика правильная... которая говорит нам... снижай цены, режь накладные расходы, не гонись за тем, чтобы за год зарабатывать 100 процентов, потому что этим ты мужика разоришь, а мы налоги с мужика берём. Армию мужик содержит... Если мы на мужике ездим и годы еще будем ездить, то мы ради союза с мужиком должны цены снизить. А тут приходят коммунисты, которые говорят, что... надо стремиться к максимальной прибыли» (Московская губернская конференция РКП(б). 1-е заседание. 10 января 1924 г. Вып. 1. С. 30).

¹²⁷ Gouldner A. W. Stalinism: a study of internal colonialism // Telos. 1977. V. 34. P. 5–48.

ваться — насколько это было возможно в условиях авторитарного строя — антиколониальные настроения, которые выразились в т.н. «деревенской прозе», ставшей одним из самых ярких явлений в советской литературной жизни того периода. Творчество писателей-деревенщиков типологически очень сходно¹³⁰ с творчеством их африканских современников, таких как кенийцы Нгуги Ва Тхионго (р. 1938) и Медж Мванги (р. 1948) или нигериец Чинуа Ачебе (р. 1930). Целое поколение африканских писателей, чья молодость пришлось на последние годы существования колониального режима, в своих произведениях описывало патриархальную сельскую идиллию, которая стремительно разрушалась с проникновением колонизаторов и ростом городов. Социальная деградация, разрушение деревенских традиций — эти темы объединяли советских писателей-деревенщиков с их африканскими коллегами. «Деревенская проза», расцветшая на закате советской империи, стала своеобразной эпитафией «задушенной деревне», истощенной и деградировавшей в результате советской колониальной эксплуатации.

«Вы косите в лесу по ночам для личных нужд, вы понимаете, что это прокурором пахнет?» — угрожает приехавший районный начальник Ива-

ну Дрынову, главному герою повести «Привычное дело» (1966). Ее автор, Василий Иванович Белов (р. 1932), один из первопроходцев «деревенской прозы», сделал незаконный покос узловым моментом сюжета повести.

Дрынов Иван Африканович (его отчество в высшей степени символично), отец девяти детей, чтобы содержать корову («в колхозе без коровенки нечего и думать прожить»)¹³¹, вынужден по ночам косить для нее сено. Местное начальство считает это непростительным проявлением индивидуализма: «партия и правительство все силы бросили на решение Пленума, а у вас в колхозе люди этого недопонимают, им свои частнособственнические интересы дороже общественных»¹³². Дрынова вынуждают сдать накошенное сено колхозу, и с горя он пытается со своим шурином уехать на заработки в Заполярье. Когда Дрынов, так и не сев на поезд, возвращается в деревню, он узнает, что его больная жена умерла, пытаясь в одиночку накосить сено для коровы. Иван Африканович вынужден зарезать оставшуюся без сена корову, а часть детей отдать в приют. Зарезанная корова Рогуля, над которой плачет Иван Африканович (мясо «свезу в райсоюз, сушили принять в столовую»), в повести символизирует одновременно и индивидуальное начало, угнетаемое во имя насаждаемого сверху коллективизма, и русскую деревню в целом, уничтожаемую колониальными методами советского режима.

Если принять, что Центральная Россия претерпела две волны колонизации (первая — с XVIII по начало XX в. и вторая — с 1917 г.), то «деревенскую прозу» следует трактовать как составную часть второй волны антиколониальной реакции. В то время как первая волна антиколониального движения, литературное и политическое на-

¹³⁰ Подобный компаративистский подход может быть весьма плодотворен, когда речь идет о литературе, создаваемой от лица угнетенных и эксплуатируемых масс населения. См., напр.: *Peterson D.E. Up from Bondage: The Literatures of Russian and African American Soul*. Durham, L., Duke University press, 2000, где проза русских писателей XIX в. сравнивается с произведениями американских чернокожих авторов. Крепостное право в России и рабство в США (и их отголоски) наложили значимый отпечаток на литературный процесс, это же можно сказать и о коллективизации в СССР и эксцессах колониализма в Африке.

¹³¹ *Белов В.* Привычное дело. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2005. С. 87.

¹³² Там же. С. 82.

родничество второй половины XIX в., была довольно ожесточенной, но фактически окончилась ничем, то вторая протекала гораздо более мягко, но возымела гораздо более весомые политические последствия.

К концу 1980-х гг. ранее аполитичная ностальгия советской почвеннической интеллигенции непосредственно дозрела до требований антиколониального характера, которые особенно убедительно звучали на фоне характерных для тех лет разоблачений сталинизма, наиболее интенсивной фазы «внутренней колонизации». Внутренняя логика этой трансформации очевидна: если советская власть десятилетиями эксплуатировала русскую Россию, разрушала деревню насаждением колхозов и выкачивала из нее рабочую силу, то русский центр должен начать борьбу за национальное освобождение от колониальной советской империи. Неслучайно, что впервые о возможности выхода России из СССР на Первом съезде народных депутатов заговорил именно писатель-деревенщик Валентин Распутин (р. 1937). Как писали годом позже в почвенническом журнале «Наш современник», «великая страна оказалась сырьевым придатком удивительно быстро подросших многочисленных «младших братьев»»¹³³.

Подобные обвинения в адрес колониальных эксплуататоров бросали и многие интеллектуалы Третьего мира, недовольные превращением своих стран в сырьевую базу европейских империй. Помимо всего прочего, советскую почвенническую интеллигенцию с деятелями антиколониального движения Азии и Африки сближал и нарочитый традиционализм, антизападничество, пристрастие к социалистическому пути развития.

Борис Ельцин, не разделяя антизападничества и левых настроений «па-

триотического» направления, тем не менее поспешил позаимствовать у него антиколониальную риторику. «Многолетняя имперская политика центра привела к неопределенности... положения России... Сегодня центр для России — и жестокий эксплуататор, и скупой благодетель, и временщик, не думающий о будущем. С несправедливостью этих отношений необходимо покончить»¹³⁴. «Мы против Союза за счет интересов России...»¹³⁵ В этих выступлениях Ельцина 1990 г. проглядывает инверсия, характерная для ситуации «внутреннего колониализма»: имперский «центр» смещается, так что внутренняя Россия, будучи номинальной метрополией, предстает в роли эксплуатируемой колониальной периферии.

Не столько демократические лозунги, сколько антиколониальная риторика позволила Ельцину оправдать «суверенизацию России» и одержать победу над М.С. Горбачевым, который полагал, что следует демократизировать Союз в целом, не разрушая его как государство. Именно восприятие России как «внутренней колонии» в рамках советской империи сделало возможным ее стремительный бросок к независимости: собственный флаг, собственная армия, собственные СМИ — Россия, как и все бывшие колонии, в 1990–1991 гг. спешно обзаводилась всеми атрибутами суверенного государства.

Практически все антиколониальные революции в Африке, после которых бывшие колонии получали независимость, сопровождались падением уровня жизни, деградацией промышленности, развалом системы здравоохранения и расцветом бандитизма. Это же произошло и в России после 1991 г. О сходстве постколониального

¹³⁴ Горбачев–Ельцин: 1500 дней политического противостояния. М.: Терра, 1992. С. 188.

¹³⁵ Там же. С. 275.

развития России и африканских стран говорит, например, динамика российского федерализма. Как и многие африканские правительства, власти независимой России унаследовали федеративное устройство от бывших имперских администраторов. В результате ряда экспериментов с федерализмом российские власти посчитали нужным его свернуть: «нынешние официальные оценки безапелляционно зачисляют федерализм в политический антураж “лихих 1990-х”, официально порицаемых и осуждаемых... сходным образом сегодняшние руководители Камеруна клеймят позавчерашнее федералистское десятилетие в истории своей страны как исключи-

тельно мрачный этап, достойный скорейшего забвения»¹³⁶.

В конечном счете, проведение аналогий между Россией и странами Третьего мира оправдано не потому, что Россия в какой-то момент деградировала до их уровня, а потому, что она принадлежала к их числу на протяжении значительного отрезка собственной истории и, увы, по-прежнему принадлежит к ним.

---

¹³⁶ Захаров А.А. «Черный федерализм»: африканский опыт и Российская Федерация // Неприкосновенный запас. 2011. №3. С. 189–200.

НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА «СКИМЕНЬ»

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

ПАВЕЛ ЛИХАЧЁВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗДЕРЖКИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТИ

Существует точка зрения, согласно которой мононациональный¹ состав страны или региона — это не преимущество. Согласно такому мнению, мононациональный этнический баланс лучше изменить на многонациональный. По моему убеждению, эта точка зрения неверна, и я неоднократно спорил против неё. Один из моих доводов заключался в сравнении поведения

иммигрантов из мононациональных и многонациональных районов в плане их склонности к криминальному поведению (особенно межэтническому насилию). Я условно брал страну (например, Германию) и сравнил иммигрантов: «вот финны, поляки, а вот выходцы из Курдистана или Африки южнее Сахары; смотрите, вот такие у них показатели по правонарушениям», — говорил я.

¹ Абсолютно мононациональных государственных образований не существует (или практически не существует). Также не бывает абсолютно чистого золота или 100-процентно чистой воды, но от этого мы не перестаём называть их своими именами. Например, население Исландии состоит на 99% из исландцев, 0,7% — другие скандинавы, 0,3% — прочие. Этот 1% даёт многонациональность? Не думаю. Или, скажем, население Китая по разным оценкам на 94–97% состоит из народа хань. Остальные 3–6% создают многонациональность? Какова мера определения? Согласно критериям авторитетной организации Freedom House, мононациональным считается государство, если в нём более 2/3 населения составляет одна этническая группа. По такому критерию Россия — мононациональная (хотя и полиэтническая) страна. Почему именно 2/3? Возможно, потому что эти 67% — это некое демографически устойчивое большинство. Кто-то может сказать, что это не мононациональность, а, скажем, некое демографическое доминирование. Однако как ни назови бензин или воду, они останутся теми химическими веществами, коими они являются. Названия не изменяют сущности самого явления, хотя и могут исказить его понимание.

Потом, после всех этих дискуссий, я задумался: а ведь сравнение не совсем уместно. Как можно сравнивать выходцев из обеспеченных стран с теми, кто пришёл из регионов третьего мира? Что если этническая нетерпимость есть результат плохих экономических условий и низкого уровня образования? И тогда мне пришла в голову идея для начала просто составить список многонациональных государств, которые имеют хорошие экономические показатели.

И тут-то возникла проблема: *я не мог вспомнить экономически процветающую многонациональную страну.*

Влияет ли многонациональность на экономику? Если да, то как? В положительную или отрицательную сторону? Насколько сильно это воздействие? Вот далеко не полный список вопросов, которые возникли у меня и которые, по моему мнению, должны возникать у каждого политика, желающего провести трансформацию этнического баланса в своей стране.

Бродя по просторам Интернета, я наткнулся на ещё более поразительную вещь. С 1991 г. (хотя можно ска-

зять, что и с 1917-го) нам внушали мысль о том, как хороша многонациональность. Однако не было исследований на тему влияния многонациональности на экономику. Если это так трудно найти в Интернете (я использовал самые популярные поисковые системы и ничего не нашёл), то скорее всего и диссертаций, содержащих такую информацию, не найти. Ведь это логично, что если есть диссертация на тему Древней Греции, то должны быть и статьи на эту тему. Если есть диссертация на тему протекционизма и свободной торговли, то и журнальные статьи найдутся. Соискателям ученых степеней надо где-то публиковаться и дискутировать о своих идеях, чтобы подготовиться к защите. Однако почему-то невозможно найти результаты исследований на тему влияния многонациональности на экономику.

Сразу оговорюсь, что исследуемый мною вопрос — это не одно и то же, что влияние иммиграции на экономику, т.к. далеко не вся иммиграция создаёт многонациональность. Скажем, тысячи филиппинских рабочих могут приехать в Японию, поработать месяца два-три, а потом уехать, в отличие от их мексиканских или таджикских коллег так и не получив гражданства в экономически более развитой стране. Также несколько сотен докторов наук — иммигрантов не создадут многонациональности, даже если получат гражданство.

Огласите весь список, пожалуйста...

Итак, было бы неплохо посмотреть на список стран и сравнить их по двум факторам: экономическому достатку и многонациональности. Однако возникает вопрос: по какому критерию сравнивать?

Многонациональность — это когда среди населения страны нет 2/3 одной этнической группы. А как определить достаток?

Вообще исследовать влияние одного фактора на экономику непросто, т.к.

на эту сферу влияет множество разных факторов, многие из них неизвестны, и неизвестна сила их воздействия. Но начнём с методологии оценки экономического успеха. Чем его измерять?

Достаточно популярен ВВП как фактор оценки. **Валовой внутренний продукт** — рыночная стоимость всех конечных товаров и услуг (предназначенных для непосредственного потребления), произведённых за год во всех отраслях экономики на территории государства.

Можно ли его использовать для объективного сравнения? Не уверен. Как можно сравнивать Канаду и Исландию, Австралию и Португалию?

Судите сами. Было государство — СССР. И есть Исландия. Исландия никогда не достигнет уровня производительности СССР вне зависимости от её этнического состава. Однако Исландия, несмотря на потрясший её в 2008 г. финансовый кризис, продолжает жить, и жить относительно неплохо, а вот СССР канул в лету, и до сих пор некоторые его бывшие республики лихорадит.

Я уж не говорю о разных мелочах. Например, как вычислить ВВП подстриженных лужаек? Если лужайку не подстричь, то как это отразится на ВВП?

Можно сравнить **рост ВВП в процентном соотношении**, но и тут имеются «подводные камни». В мире есть много стран, у которых ВВП не растёт быстрыми объёмами в силу их слишком сильной развитости — они достигли некоего потолка, который очень медленно пробивается. Например, какой-нибудь африканской стране, чтобы увеличить ВВП на X процентов, надо просто разработать несколько дополнительных нефтяных скважин, продать нефть и, что немаловажно, донести деньги до казны, а не разложить по оффшорным счетам лидеров господствующего племени. Этой же африканской стране можно продать нефти столько же, как и в про-

шлом году, но при этом увеличить ВВП просто за счёт роста цен на нефть на мировых рынках.

Японии это сделать намного сложнее, т.к. ей надо произвести продукции как в прошлом году плюс ещё что-то. А для того чтобы экономика «не работала на склад», надо где-то найти испытывающих дефицит потребителей в этом очень конкурентном мире (через океан — США, а под боком — Китай, Южная Корея, Вьетнам, Тайвань). Однако на сколько бы процентов ни прирастал ВВП африканского государства, экономика, социальная сфера, научный прогресс будут демонстрировать чудовищный разрыв, который будет явно не в пользу многонациональной страны с более динамично растущим ВВП.

Что если посмотреть на социальное обеспечение страны? Не на количество социальных льгот и пособий, а просто на уровень медицинского обслуживания, оснащение телефоном, Интернетом, качество питания, уровень образования и т.д.

Как показывает практика, не обязательно производить значительную часть мирового ВВП, чтобы обеспечить своё население благами современной цивилизации.

В докладе ООН на 2007–2008 гг. «О развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделённом мире» опубликован **Индекс развития человеческого потенциала** с разбивкой по странам. Индекс измеряется на основании таких показателей, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности взрослого населения, общий показатель обучающихся в начальных, средних и высших учебных заведениях, ВВП на душу населения и ряд других значений, показывающих социальную развитость государства.

Они разделены на три категории: высокий уровень развития человеческого потенциала, средний и низкий.

Есть ли смысл рассматривать все

страны, каждую страну в отдельности (всего их в мире чуть более 190)? Думаю, что нет, т.к. многие из них похожи друг на друга по основным параметрам: образование, ресурсы, территория, плотность заселения, демографический рост, ВВП на душу населения и т.д. Сомали и Гаити (в обеих странах форма правления — анархия), Руанда и Бурунди (в обеих странах идентичный этнический баланс), Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и т.д.

Итак, 30 лидеров: Исландия, Норвегия, Австралия, Канада, Ирландия, Швеция, Швейцария, Япония, Нидерланды, Франция, Финляндия, США, Испания, Дания, Австрия, Великобритания, Бельгия, Люксембург, Новая Зеландия, Италия, Гонконг (Китай, САР), Германия, Израиль, Греция, Сингапур, Республика Корея, Словения, Кипр, Португалия, Бруней.

Почти все из них — мононациональные. Однако тут сразу надо сделать оговорки.

В отношении США, Канады, Новой Зеландии и Австралии речь идёт не о демографическом доминировании этнической, а этнорасовой общности. Надо понимать, что все страны — это (в какой-то степени) страны иммигрантов, с той лишь разницей, что обычно расселение народов занимает столетия (порой и тысячелетия), а эти страны управились за пару сотен лет.

В Канаде этнорасовая общность белых не едина на уровне менталитета, политики, языка. Там силен франкофонный элемент, особенно в провинции Квебек, где высок уровень сепаратизма. Однако количество людей французского происхождения практически никогда не превышало там 20%.

И ещё оговорка по поводу США. На данный момент в этой стране белых порядка 63%, но до 1965 г. их там было порядка 90%. Такие демографические перемены произошли после принятия в 1965 г. Иммиграционного акта, который отменил квотирование по нацио-

нальному признаку и снял целый ряд предыдущих ограничений на иммиграцию. Собственно, эта политика и породила изменение баланса. Однако основа экономики США зародилась и прошла становление, когда белые были подавляющим большинством. Уже к концу 1960-х гг. США стали лидерами в области инвестиций, информационных технологий, киноиндустрии. Обе мировые войны были выиграны США, когда их население было на 90% белым. Победы в этих войнах определили статус доллара как мировой резервной валюты.

Особое слово насчёт Швейцарии (данные на 1995 г.).

— Её этнические группы — немцы, французы, итальянцы и говорящие на романшском языке — расово идентичны друг другу, и их культуры похожи.

— Швейцарские этнические группы разделены на маленькие, разделённые политические образования, называемые кантонами, каждый из которых находится под контролем своей этнической группы. Из 26 швейцарских кантонов и «полукантонов» все, кроме четырех, являются моноязычными.

— Религия переходит через этнические линии. Например, в ходе дебатов, определивших создание в 1979 г. нового франкоязычного кантона в одном из германоязычных регионов, меньшинство французских протестантов было заметно менее активным, нежели французские католики.

— В целом во всей Швейцарии доминируют германоязычные. Они составляют около 65% населения этой страны и контролируют семнадцать кантонов. Следующая крупная группа — франкоязычные — составляет менее 20% и контролирует четыре кантона. Итальяноязычных менее 15%, контролируют один кантон. Говорящие на романшском языке составляют 1%. Они разделяют один триязычный кантон. Три кантона двуязычные.

— Этнический баланс Швейцарии долгое время был стабильным.

— И в любом случае там была Швейцарская гражданская война в 1847 г.

Я думаю, что Швейцария в силу своей исключительности вряд ли может являть собой образец практической модели для этнической политики многих стран.

Итак, мы рассмотрели экономических лидеров. Мы видим, что самые развитые страны — мононациональные. В списке они в абсолютно подавляющем большинстве.

А вот 30 аутсайдеров (убывание в сторону ухудшения). Кения, Джибути, Тимор-Лешти, Зимбабве, Того, Йемен, Гамбия, Уганда, Сенегал, Эритрея, Нигерия, Танзания, Гвинея, Руанда, Ангола, Бенин, Малави, Замбия, Кот-д’Ивуар, Бурунди, Демократическая Республика Конго, Эфиопия, Чад, Центрально-Африканская Республика, Мозамбик, Мали, Нигер, Гвинея-Бисау, Буркина-Фасо, Сьерра-Леоне.

Практически все — многонациональные. Особо хотелось бы сказать про Руанду. Страна мононациональная — 75% населения составляет народность хуту, но в течение столетий там правило меньшинство тутси (20%). Это своего рода «государство-химера» (термин Л.Н. Гумилёва), в котором этническое меньшинство правит большинством. Попытки провести передел власти повлекли за собой кровавую резню в 1994 г., и в 1998 г. была вторая волна противостояний. Аналогичное происходило и в соседней Бурунди.

Будучи довольно самокритичным, я решил, что это сравнение некорректно. Ведь среди развитых — в основном страны Европы, а среди отсталых — Африки. Может, в данном случае на экономический успех/неудачу влияет не многонациональность, а отличность в культурах и расе? Тогда я решил сравнить страны по двум частям света: Европа и монголоидная Азия. Список самых развитых стран в Европе приведён выше; а какие же самые отсталые? В основном это страны Балканского

полуострова — они многонациональные, либо долгое время были многонациональными. Скажем, Сербия только недавно разъединилась с Черногорией, потеряла Косово и Метохию, и до сих пор автономный край Воеводина густо заселён венграми.

В Азии дела обстоят следующим образом. Самые обеспеченные — Япония, Гонконг (Китай, САР), Сингапур, Республика Корея.

Материковый Китай и Вьетнам относительно не очень велики по индексу развития человеческого потенциала, но темпы развития их экономик достаточно сильны. Не стоит забывать, что там, где 15–20 лет назад были рисовые деревни, сейчас стоят деревенские дома, представленные многоэтажными небоскрёбами.

Все эти страны мононациональные. А как насчёт многонациональных стран Азии? Вот аутсайдеры по убыванию: Индонезия, Киргизия, Лаос, Мьянма, Тимор-Лешти.

Низкий уровень имеют и мононациональные, но маленькие страны, расположенные близко друг к другу и входившие ранее в одно государство, — Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан.

И прошу обратить внимание, что далеко не все из них находятся в плохих геоклиматических условиях, и некоторые находятся на пересечении торговых путей и имеют природные ресурсы.

Многонациональность внутри мононациональных стран

Идя дальше, я решил проанализировать следующее. Во многих мононациональных странах есть многонациональные регионы. И тут возникает вопрос: являются ли эти многонациональные регионы образцом экономической эффективности?

Возьмём для примера Россию. Её многонациональный регион — это Северный Кавказ (хотя он и включает некоторые мононациональные республики). С чем сравнивать этот ре-

гион? Я думаю, что нельзя сравнивать Кабардино-Балкарию или Карачаево-Черкесию, с одной стороны и Республику Коми и Республику Саха — с другой. Разные территории, разные залежи ресурсов, разные структуры экономик и т.д. Поэтому надо сравнивать регионы со схожей структурой экономик. Скажем, такие во многом аграрные регионы, как Воронежская и Белгородская области, экономически явно более эффективны, нежели Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкессия. Липецкая и Ростовская области эффективнее Дагестана и т.д.

И здесь многонациональность оказывается экономической чёрной дырой, если сравнивать по производству конечного продукта для страны. А какие есть ещё критерии? Индекс развития человеческого потенциала? Данные по отдельным регионам внутри страны мне не попадались. Да и не факт, что такие подсчёты проводились. Размер зарплаты и доходов? Такой показатель во многом определяется размерами дотаций от правительства. Известен тот факт, что экономики Воронежской, Ростовской и Белгородской областей и других русских регионов дотационны лишь на 20–30%. А вот республики Северного Кавказа дотируются на 70–95%. И это говорит об их экономической неэффективности. Ведь если человек сидит на социальных пособиях, то его нельзя назвать успешным (если не брать в расчёт отдельные факты мошенничества, когда пособия получают по поддельным документам)².

² Например, Джордж Борхас (американский профессор экономики из Гарвардского института государственного управления им Дж. Ф. Кеннеди), будучи кубинским иммигрантом, особо интересуется темой влияния иммиграции на экономику США. Как-то он решил рассчитать склонность разных сообществ иммигрантов к экономическому успеху/неудаче. За расчётную меру он взял официальные статистические данные о по-

Что касается Северного Кавказа, то там на пособия живут целые регионы.

25 февраля 2011 г. Счётная палата РФ обсуждала доклад «Комплексная оценка эффективности и сбалансированности использования государственных ресурсов, направляемых на социально-экономическое развитие субъектов РФ, входящих в СКФО» (авторы — зампред Счётной палаты Валерий Горегляд и аудитор Сергей Рябухин)³. Согласно этому документу, по основным ключевым показателям (ВРП на душу населения, производительность труда, бюджетная обеспеченность, уровень развития реального сектора экономики) регионы Кавказа заметно отстают от других российских субъектов. Основной вклад (55%) в общий объём внутреннего регионального продукта (ВРП) вносит сектор госуправления и сфера социальных услуг (по РФ средний показатель — 16%). Официальный уровень безработицы в 2009–2010 гг. варьируется от 16,7% до 20% от общей численности экономически активного населения СКФО, а это в два-три раза выше среднероссийского уровня. По мнению аудиторов, одна из проблем в регионах Северного Кавказа — нереальная к взысканию дебиторская задол-

лучателях различных денежных пособий (в его расчёты не входили неденежные пособия, вроде талонов на еду и лекарства, образовательные курсы английского языка и т.д.). На 1990 г. среди выходцев из Германии и Британии таких было 4,1% и 3,7% соответственно. Среди мексиканцев — 11,3%, гаитян — 9,1%, доминиканцев — 27,9%, вьетнамцев — 25,8%. Камбоджийцы и лаосцы показали удивительное желание получать пособия — 48,8% и 46,3% соответственно.

³ Информация на сайте Счётной палаты РФ 01.03.2011. «СП: процесс позитивных преобразований на территории СКФО идет крайне медленно» (<http://www.ach.gov.ru/gu/news/archive/01032011>) или электронной версии издания «Коммерсантъ» (<http://www.kommersant.ru/Doc/1594509>).

женность и, как следствие, возможность потери бюджетных средств в сумме 664,4 млн руб., в том числе в Республике Дагестан — 405,2 млн руб., в Карачаево-Черкесии — 196,6 млн руб. Для сравнения: в Ставропольском крае эта сумма в разы меньше и составляет 62,6 млн руб.

Безусловно, я не отрицаю того факта, что Россия в целом по уровню коррупции и хищения государственных средств имеет весьма негативные показатели, но именно многонациональные регионы лидируют в этом сомнительном рейтинге.

Думаю, любой экономист согласится со мной, что в долгосрочной перспективе никакие госплановские вливания средств не помогут, если само общество не организовано на развитие экономики и создание материальных благ.

Тут также есть вот какой аспект. В любом виде бизнеса самое главное — это контроль рисков. Управленец в первую очередь должен думать о рисках, ибо если ситуация будет идти в положительную сторону, то увеличить благосостояние будет относительно легко. А что если ситуация будет развиваться в отрицательную сторону? Если бизнесмен теряет 30% от первоначального капитала, то в дальнейшем будет необходим рост прибыли на 42,8% только чтобы вернуть инвестиции к точке безубыточности. При убытках в 50% необходимо получить 100% прибыль, при 60% — 150%, и при 70% убытке точка восстановления придёт после 233,3% прибыли.

Мировые кризисы случаются примерно раз в 10–15 лет (по крайней мере, так было за историю XX–XXI вв.). В ходе кризисов цены на сырье падают. Например, в 2008 г. мировые цены на нефть падали примерно на 70–80% (в зависимости от сорта). Упав на дно, цены относительно быстро вернулись на высокие уровни. Однако будущее не может быть предсказуемым на 100%, и возможен вариант

т.н. L-образного кризиса, когда цены падают, но ещё долго не возвращаются к прежним высотам. В 2008 г. цены на нефть упали со 130–140 долларов за баррель до 45 долларов. Предположим, что вместо дальнейшего роста они держатся в коридоре 40–50 долларов в течение года или двух. Этот вариант в принципе не такой уж и фантастический. Трудно выживать в кризис, но ещё труднее в условиях кризисной турбулентности поддерживать экономику региона, если там процветает межэтническая обособленность. В конце 1980-х гг. падение цен на нефть спровоцировало смену политических режимов в Югославии, СССР и Румынии. СССР и Югославия распались по национальному признаку, а Румыния, свергнув режим Чаушеску, сохранила единство, потому что в этой стране проживает порядка 90% румын от всего состава населения.

Здесь мы видим, что мононациональный состав населения стал положительным фактором риск-менеджмента, дополнительной подушкой безопасности. Вполне вероятно, что если бы румыны не были бы таким устойчивым большинством, то ситуация бы протекла по куда более радикальному сценарию.

Рассмотрим другой пример. Ныне несуществующая Югославия. Самыми экономически развитыми регионами в этой стране были мононациональные Словения и Хорватия⁴. Кстати, там был самый низкий уровень криминала во всей стране. Что касается остальных регионов, то они не только самые бедные в Европе, но и являются зонами сильного криминального влияния.

Косово. Этот край, имевший долгий опыт многонационального общежития (сейчас там около 95% населения — албанцы, но ещё 50 лет назад они не были таким подавляющим боль-

шинством), является основным форпостом поставок героина в Западную Европу. Около 70–80% трафика героина в Западную Европу обеспечивает албанская мафия.

Босния и Герцеговина. После начала войны в Югославии выяснилось, что в этом регионе криминальные формирования всех воюющих сторон очень многочисленны, вооружены и дисциплинированы не хуже официальных армейских подразделений.

Сербия стала мононациональной совсем недавно — не так давно от неё отделилась Черногория, а затем и Косово, и кроме того, в автономном крае Воеводина проживает немало венгров, и сербы не составляют там 2/3 населения.

В этой стране только после свержения Слободана Милошевича власти начали вытеснять криминал из политики. Однако в сфере рэкета позиции мафиозных кланов до сих пор сильны, в сравнении с мононациональными Хорватией и Словенией.

Почему так? Почему такой сильно разрушающий экономику фактор как криминал оказался силён именно в многонациональных регионах? Моё предположение таково. В многонациональных обществах конфликты возникают чаще, и они более радикальны. Из-за таких конфликтов больше мужчин проходят через тюрьмы, где и впитывают соответствующую субкультуру, образ мыслей и стереотипы поведения. Национально мыслящий криминал оказывается эффективным оружием на полях сражений, но в экономической сфере в большинстве случаев бандиты тянут современную экономику на уровень феодализма.

Как же обстоят дела в центре мировой экономики — США?

Основной рост ВВП обеспечивают регионы, расположенные на побережьях. Они же и самые многонациональные. Выходит, в моей теории есть прокол? Не совсем так, если посмотреть не поверхностным взглядом, если всмотреться поглубже.

⁴ *Mills Kelly*. GDP in Yugoslavia: 1980–1989. Making the History of 1989, item #671, <http://chnm.gmu.edu/1989/items/show/67.1>

— Во-первых, как я писал ранее, США потеряли монорасовый состав не так давно. Перемены в иммиграционной политике начались после 1965 г., и правоприменительная практика по концептуально новому Иммиграционному акту была выработана примерно в 1970 г. Собственно, ко времени массового иммиграционного наплыва основа экономики и государственные богатства уже были созданы.

— Во-вторых, внутренние и внешние долги США росли пропорционально утрате демографического доминирования белых (кстати, лауреат Нобелевской премии в области экономики Милтон Фридман говорил, что для процветания капитализма в США необходимо демографическое доминирование англосаксов). Весьма примечательно, что самый многонациональный во всех США штат Калифорния стоит в лидерах по задолженности. Поскольку США — мировой поставщик резервной валюты, то им прощают такие долги. Пока прощают... Однако кто смог бы простить такие долги, скажем, России?!

— В-третьих, рассуждать о влиянии моно/многорасовости на экономику, скажем, города Нью-Йорка не совсем корректно. Неважно, сколько в Нью-Йорке будет негров или латиносов: 10, 20, 30 процентов. В этом городе есть улица под названием Уолл-стрит. На ней расположены крупнейшие в мире банки, биржи, брокерские конторы, инвестиционные компании и т.д. Рост мировой экономики обеспечит «акулам с Уолл-стрит» прибыль (скажем, среди десяти крупнейших компаний города Нью-Йорка восемь являются банками, брокерскими, инвестиционными конторами и страховыми компаниями)⁵. И негритян-

ские или латино сообщества из-за относительно невысокого уровня образованности и экономического достатка в массе своей никак не повлияют на этот процесс.

— В-четвёртых, как писал редактор журнала «Форбс» Питер Бримелоу в своей книге «Нация чужаков: здравые рассуждения об американском иммиграционном бедствии»: «Как мы видели, иммиграция бурно растёт с 1965 года, но экономический рост замедлился. В безиммиграционные 1950-е гг. экономика США росла со скоростью 4% в год. За период с 1969–1993 гг. с иммигрантами средний уровень роста был всего лишь 2,5%. Конечно, это не говорит, что именно иммиграция так ранила нас, но она и не помогла»⁶.

Соотношение национального и расового

Могут поступить возражения, относительно того, что в США основы экономики сложились пусть и монорасовой демографической среде, но всё же эта среда была многонациональной.

Каков же состав населения США сейчас?

Согласно данным Бюро переписи США, белых там насчитывается около 63% без учёта «белых испаноязычных», чёрных — 13,6%, латиносов (включая белых испаноязычных) — 16,3%, азиатов — 4,8%.

Ещё раз напомним, что до 1965 г. белых было около 90%. Из этого вытекает, что среди крупных расовых групп населения США только белые уменьшили свой удельный вес за последние десятилетия. Немаловажно также, что данная статистика не учитывает нелегальной иммиграции.

Этническую градацию относительно легко можно провести среди азиатов и латиносов, поскольку история их мас-

⁵ Our annual ranking of America's largest corporations или Fortune. Vol. 161, No. 6 (May 3, 2010) & Vol. 162, No. 2 (July 28, 2010), <http://money.cnn.com/magazines/fortune/fortune500/2010/states/NY.html>

⁶ *Brimelow Pete*. Alien nation: common sense about America's immigration disaster. Westminster, Maryland, USA.: Random House, 1995. P. 159.

совой иммиграции в США насчитывает относительно недолгий период.

Наиболее трудно градировать по этническому происхождению афроамериканцев, поскольку они были рабами, и главное, их этносы не создали письменного языка, что затрудняет исторический анализ.

Белых американцев нелегко градировать по этническому признаку, поскольку долгое время между ними происходило смешение в общность белых американцев. С уверенностью можно сказать, что самой массовой демографической основой этого смешения были англичане и немцы.

Очень часто люди судят историю по разным мифам. Относительно истории американской иммиграции мифом является утверждение, будто любой желающий мог приехать в США и просто получить гражданство, не встречая никаких существенных ограничений. Также мифом является утверждение, будто иммиграционная река постоянно, без существенных перерывов текла в Америку.

Исследователи выделяют всего две большие иммиграционные волны в США: 1890–1920 гг. и вторая после 1965 г.

В 1607 г. прибыли первые временные поселенцы на нынешнюю территорию Джеймстаун, штат Виргиния. В 1620 г. пуританские переселенцы прибыли в Плимут, штат Массачусетс.

В последующие десятилетия иммиграция представляла собой относительно небольшой ручей. Были периоды, когда этот ручей практически иссыхал. Например, иммиграция резко сокращалась во время войны за независимость 1775–1783 гг. и гражданской войны между Севером и Югом 1861–1865 гг.

При этом подавляющее большинство иммигрантов прибывало из Северной и Западной Европы.

В 1808 г. завоз рабов был остановлен. Всего было завезено менее 500 000 африканцев, которые, естественно, не

играли никакой роли в государственном управлении и бизнесе.

Основной прирост населения создавала не столько иммиграция, сколько высокая рождаемость. Например, около 90% из 37,2 миллиона чёрных американцев являются потомками примерно 427 000 рабов⁷. Рождаемость среди других расовых групп была не ниже, благодаря чему сохранялась стабильность демографического баланса.

В 1790 г. белые американцы в целом состояли на 60% из англичан, около 20% населения составляли чёрные рабы, права которых были сильно ограничены⁸. При этом доля англосаксов постепенно увеличивалась за счёт следующих факторов.

Высокая рождаемость

По некоторым оценкам 16 миллионов американцев произошли от 21 000 английских пуритан, принявших участие в «Великом переселении» в Новую Англию, которое произошло между 1629 и 1640 гг.⁹

Ассимиляция других европейцев

В своё время Бенджамин Франклин беспокоился по поводу того, что немцы концентрируются в штате Пенсильвания. По его мнению, это могло создать этнокультурное отчуждение и в долгосрочной перспективе спровоцировать сепаратизм. Однако благодаря ограничению иммиграции и доминированию английского языка и английской культуры немцы по всей стране растворились, влившись в англо-саксонскую популяцию. Ассимиляция оказалась настолько прочной, что потомки не-

⁷ Jeffrey S. Passel and Barry Edmonston. *Immigration and Race in the United States: The 20th and 21st Centuries*, 8; Thernstrom, *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*, 6.

⁸ Thernstrom, *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*, 323, 479.

⁹ David Hakket Fischer, *Albion's Seed: Four British Folkways in America* (N. Y.: Oxford University Press, 1989), 17.

мецких поселенцев даже воевали против Германии в ходе Первой и Второй мировых войн.

Также без проблем в англосаксонскую популяцию влились выходцы из Скандинавии.

Ограничение иммиграции

Первые поселенцы после примерно десяти лет со дня прибытия на территорию штата Массачусетс установили штрафы для владельцев кораблей, если они привозили преступников и нищих. Среди британцев наиболее нищими как раз-таки были неангличане.

Двумя столетиями позже, в 1839 г., после того как выяснилось, что 3/4 жителей нью-йоркской муниципальной богадельни являлись иностранными подданными, было решено возратить шотландских нищих, несмотря на то что их приезд был оплачен за счёт города Эдинбурга¹⁰.

Впоследствии на острове Эллис-Айленд, что известен многим благодаря расположенной на нём статуе Свободы, был установлен иммиграционный пункт, через который прошли многие иммигранты, но при этом многие также были депортированы.

В период 1882–1917 гг. иммиграция из Китая, Японии и других стран Азии была остановлена. Азиатов существенно ограничили в праве на получение американского гражданства.

При этом надо понимать, что имел место также отток иммигрантов, поскольку не все находили место под солнцем в конкурентной экономике, лишённой социальных пособий (например, первые общегосударственные пособия для инвалидов были введены лишь в 1950-х гг., да и то были рассчитаны на ограниченную категорию).

Как было указано выше, первая большая волна иммиграции проходи-

ла в период 1890–1920 гг. Новая иммиграция из Южной и Восточной Европы создала первую большую волну, принеся только в одном 1907 году 1,3 миллиона человек.

В период 1921–1924 гг. наступило время Великого ограничения. Акт квотирования от 1921 г., Иммиграционный акт от 1922 г. резко уменьшили иммиграцию через систему, предполагавшую национальное квотирование в получении гражданства США. Предпочтение отдавалось выходцам из Северной и Западной Европы.

По этому поводу президент Кэлвин Кулидж заявил: «Америка должна оставаться американской».

Американцы южно- и восточноевропейского происхождения в значительной степени происходят из иммиграции после 1890 г. Составляли они в 1930 г. 13 процентов от общей численности населения¹¹.

В 1929 г. началась Великая депрессия, которая затянулась более чем на 10 лет. В ходе депрессии были периоды, когда безработица возрастала до 25%. Иммиграция иссякла, и даже начался отток иммигрантов первой волны.

Из этого я делаю основные выводы:

1) основа экономической системы США была заложена и долгое время развивалась при демографическом доминировании англосаксов;

2) англосаксы создали экономическую систему под себя, а в отношении остальных иммигрантов действовал принцип «поднятой лестницы», когда первые забравшиеся на верх социума «поднимают лестницу», чтобы остальные не могли составить им конкуренцию;

3) долгое время ирландцы, итальянцы и восточные европейцы в большинстве своём были беднотой, и только в 1960-е гг. они стали в массовом порядке входить в истеблишмент.

¹⁰ *Wayne Lutton. The Myth of Open Borders: The American Tradition of Immigration Control (Monterey, Va.: American Immigration Control Foundation, 1988). 4, 11.*

¹¹ *Gibson. The Contribution of Immigration, 1973.*

Если взять усреднённую статистику по США (т.е. рассматривать общую картину, а не отдельных успешных людей), то дети иммигрантов в течение минимум трех поколений в сравнении с другими американцами показывают разрыв в сторону худших результатов по таким показателям как: доход на душу населения, криминальная активность, число людей, рождённых вне брака, безработица, уровень грамотности и образования.

Главная мысль, к которой я подвожу, в следующем: несмотря на многонациональность, в становлении и развитии управленческой и бизнес-сфер США доминирующую роль играли именно англосаксы.

Подводя черту под обсуждением роли англосаксов в истории США, стоит процитировать слова известного американского социолога, профессора, автора бестселлеров Самюэла Хантингтона: «Была бы Америка той страной, которой она была и всё ещё остаётся сегодня, если бы в 17-м и 18-м веках она была бы заселена не британскими протестантами, а французами, испанцами или португальцами? Ответ: нет. Эта была бы не Америка. Это был бы Квебек, Мексика или Бразилия»¹².

Этнические особенности Южной и Латинской Америки

Хантингтон упоминает Мексику и Бразилию, что сразу же наводит на вопрос: как насчёт стран Латинской и Южной Америки? Ведь они практически все многонациональные, и при этом некоторые из них успешно развиваются, а некоторые, хоть и остаются бедными, но в течение долгого времени умудряются сохранять некую стабильность, уклоняясь от падения в хаос.

В Бразилии около 45% населения

составляют белые бразильцы, представляющие собой смесь разных европейских народов, в культурную основу которых был заложен такие факторы, как португальский язык и католицизм. Около 10% составляют чёрные, остальные 43% — метисы, мулаты, креолы и коренные индейцы. Около 2% составляют иммигранты из Азии, численность которых в отдельные периоды уменьшалась по причине репатриации.

Несмотря на такой пёстрый этнический состав, небелые крайне скудно представлены в высших учебных заведениях. Скажем, чёрных студентов там менее 2,5% от общего числа обучающихся. В среднем менее 3% афробразильцев заняты в управлении, а 55% из них — это низкоквалифицированная рабочая сила.

Это чем-то напоминает апартеид. В такой системе подавляемое большинство не способно развивать сепаратизм, поскольку у них из-за низкого уровня образования нет интеллигенции, а также по причине высокой бедности нет национального капитала. Соответственно нет амбициозных людей, которые способны реализовать принцип Юлия Цезаря: «Лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме».

Похожее наблюдается и в Эквадоре, где 10% населения — чёрные, и по данным на 2003 г. 92% из них не имеют доступа к самым необходимым услугам типа канализации, питьевой воды, регулярного медицинского обслуживания и т.д.¹³. Аналогичный уровень бедности имеют и индейцы, в том числе и те, что не проживают в сельской местности.

Другой яркий пример — Мексика. В этой стране национальный состав примерно следующий: 10% — испанцы, 60% — метисы и 30% — индейцы. Однако властные круги и крупный бизнес

¹² Цит. по: New York Times, <http://www.nytimes.com/2004/05/02/magazine/way-we-live-now-5-2-04-questions-for-samuel-p-huntington-three-cheers-for.html>

¹³ «Afro-Ecuadorians battle against racism», 23 Apr 09. Video by AlJazeeraEnglish

представлен преимущественно испанцами.

По словам журналиста газеты *Reforma*, автора ряда книг о мексиканском обществе Гваделупы Лоаесы: «Мексиканское общество фундаментально расистское и классистское. Цвет вашей кожи — это ключ, который открывает или закрывает двери. Чем светлее ваша кожа, тем больше дверей открыто для вас»¹⁴.

Телевидение Южной и Латинской Америки и уличная жизнь — это разные этнические миры. Большинство латино телеведущих выглядят как белые (порой среди них встречаются даже нордические блондины), хотя большинство населения — смуглые. Это также заметно в «мыльных операх», где, как правило, задействуется небольшое число смуглых актёров, да и то им зачастую достаются второстепенные роли: повара, горничные, шофёры, криминал.

Это также относится и к испаноязычным телеканалам, что вещают на территории США и рассчитаны на растущую популяцию латиносов (*Azteca America, Telemundo*).

Популяризация культуры майя, ацтеков, инков, афробразильцев используется для коммерческих аспектов глокализации, т.е. извлечения прибыли через туристический бизнес посредством демонстрации древних пирамид и городов, традиционной музыки, танцев, национальной кухни, боевых искусств.

Если же в какой-нибудь латиномыльной опере и появляется сюжет на тему «мультирасового благополучия» или «борьбы с расизмом», то это может иметь три объяснения: 1) упомянутый выше коммерческий аспект глокализации, 2) деятельность воспитанных в богатстве и отсутствии стрес-

сов гуманистов или 3) попытка заретушировать расовую дискриминацию в обществе перед лицом международной общественности.

Безусловно, надо признать, что порой социальное неравенство возникает и без какой-либо целенаправленной дискриминации. Но для нас сейчас главное в том, что экономические успехи (или относительный социальный порядок) государств, не имеющих демографически доминирующего этнического ядра, как правило, были построены на следующих факторах:

— мононациональность управленческой и бизнес-среды;

— силовое подавление сопротивления (порой даже в зародыше) со стороны «этнoса-управленца» в отношении большинства населения;

— создание барьеров на пути к социальному лифту для представителей этнических групп, не входящих в элиту;

— культурная, а порой и генетическая ассимиляция близких в расовом отношении народов. Например, сюда входит ассимиляция немцев англичанами в США, смешение европейских иммигрантов в общность белых бразильцев, белых аргентинцев. В некоторых случаях ассимиляция проходила между расами и за столетия породила весьма гомогенную нацию полукровок и квартеронов, как, например, в Парагвае, где более 90% населения составляют метисы, именующие себя парагвайцами.

В некоторых случаях эти принципы применялись очень активно. В некоторых случаях — подавления и барьеры носили более мягкий характер. Однако сами достижения экономического характера были достигнуты не только, но всё же во многом за счёт мононациональности управленческого ядра.

Если Россия станет многонациональным государством, то возможно ли в стране применение латинопрактики? Ответ: нет. Не вдаваясь в рас-

¹⁴ Los Angeles Times «Mexican Postage Stamp Pushes Racial Envelope» by Chris Kraul and Reed Johnson <http://articles.latimes.com/2005/jun/30/world/fg-stamp30>

суждения о моральности апартеида, сразу назову причины этому:

— в каждом российском регионе есть крупные вузы, в которые открыт доступ всем желающим. Эти вузы вырастили достаточно квалифицированных управленческих кадров среди разных этносов;

— среди олигархов немало лиц нерусской национальности.

В случае утраты демографического доминирования русского народа русские в отличие от белых бразильцев не смогут удержать страну от распада и хаоса межэтнического противостояния.

В случае трансформации России в многонациональное государство более вероятен сценарий Югославии, где все этнические группы имели свою сформировавшуюся интеллигенцию, свой национальный капитал (зачастую криминальный), относительно равный уровень образования и экономические доходы (по крайней мере, не было такого диспаритета, какой имеется между испанцами и индейцами в Мексике).

Различие культур как фактор конфликта

В качестве возражения можно сказать, что конфликты, а следовательно, и снижение экономической эффективности возникают не только в силу этнических, но и культурных различий, которые нередко не имеют этнической основы.

Согласно такой точке зрения, конфликты могут возникать и в мононациональном сообществе, если разные его части имеют разные культуры. Отчасти это так. Например, криминал и законопослушные граждане имеют разные культурные стереотипы. Но в целом во многих мононациональных обществах уровень криминала ниже, чем в многонациональных. Как было показано выше, мононациональные страны в массе своей имеют более высокий индекс развития человеческого потенци-

ала, и в силу этой зажиточности уровень уличной преступности там ниже.

Однако культура — это не только степень законопослушности. Язык, традиционная религия, уклад быта, традиции ведения бизнеса и многое другое является частью культуры.

Есть этносы, у которых разные массы населения в течение долгого времени принадлежали к разным религиозным культурам. В некоторых случаях такой религиозный винегрет не мешал мирному внутриэтническому существованию. Среди албанцев 70% — мусульмане (большая часть — сунниты, меньшая — шииты-бекташи), 10% католиков и 20% православных. Однако религиозные различия никогда не ставились этим народом выше национального единства. Так, национальный герой Албании Георг Кастриоти (Скандербег) был рождён в православной семье, затем, поступив на службу к туркам, принял ислам. После обострения отношений между албанскими князьями и турками обратно перешёл в православие и воевал против Османской империи. После принял католичество для получения поддержки со стороны Рима.

Однако имелся и другой опыт. Тридцатилетняя война в Германии проходила между немцами-католиками и немцами-протестантами. Тем не менее в этом, казалось бы, внутриэтническом конфликте важную роль сыграло также участие других народов: французов, поляков, датчан, голландцев, чехов, англичан, испанцев, итальянцев. Даже Россия снабжала Швецию хлебом, на который та смогла сформировать войско.

Большевистская революция и последовавшая за ней гражданская война были конфликтом между разными частями русского народа, но немалую роль в нём сыграли и другие народы, представленные, например, еврейскими комиссарами и латышскими стрелками. Также немалую роль в революции сыграло участие иностранных государств и международного капитала,

финансировавших революцию в России.

Распад Югославии сопровождался расколом по культурно-религиозным линиям, которые, тем не менее, совпали с этническими. Причём в некоторых случаях происходило объединение людей разных культур против иноплеменников. Например, в ходе войны в Югославии, управляемая сербскими мафиозными кланами, партизанская группировка «Тигры Аркана» воевала плечом к плечу с милицейским спецназом.

Одним из предводителей сербской стороны был Радован Караджич, человек, который, казалось бы, по своей психологической конституции должен был быть далёк от криминала и партизанщины — он был профессором медицины.

Или вот история другого интеллигента, которому для решения вопросов защиты своего народа пришлось тесно сотрудничать с криминальными группировками. Окончил университет в Приштине, позднее изучал лингвистику в Сорбонне. Получил степень доктора литературы в университете Приштины, был профессором. Был избран председателем Союза писателей Косова. Его имя — Ибрагим Ругова, президент Республики Косово.

Если рассматривать такой фактор культуры, как традиционная религия, то надо отметить, что схожесть религиозных убеждений далеко не всегда будет означать лучшую экономическую ассимиляцию. Скажем, в США китайцы, японцы, корейцы, индусы имеют несравненно лучшие показатели по доходам на душу населения, уровню преступности, образования, нежели такие традиционно христианские народы, как пуэрториканцы, мексиканцы, халды (христиане Ирака). Хотя при этом азиаты, так же как и латиносы, в большинстве своём были выходцами из бедной сельской местности и подвергались дискриминации во времена существования сегрегационных законов.

Вполне возможен конфликт между разными группами одного этноса, имеющими разный бытовой уклад (островитяне и жители материка, жители равнины и горцы и т.д.). Однако бывают и исключения.

В своё время Л.Н. Гумилёв обратил внимание на то, что образ жизни чеченцев и казаков схож, но в плане комплиментарности русские казаки оказываются ближе к крестьянам или даже русским рыбакам поморского Севера (если северянин придет в казачьи земли для постоянного проживания), нежели к некоторым народам Северного Кавказа. Тогда Гумилёв сделал вывод, что бытовой уклад влияет на психологию этноса, но сам этнос не определяется бытовым укладом, и комплиментарность не всегда коррелирует с последним.

Более того, достаточно трудно точно определить значимость тех или иных элементов культуры. Вполне может так сложиться, что русским бизнесменам будет проще договориться с японцами или с китайцами из Гонконга или Сингапура, используя в качестве рабочего языка английский, нежели с некоторыми народами России, используя в переговорах русский язык.

Почему так? Почему культура ведения бизнеса может перевесить культурный фактор общего родного языка? Дело в том, что важную роль в развитии деловых отношений играет доверие, которое, в свою очередь, строится на, как минимум, отсутствии некомплиментарности. В государствах с отсутствием демографического доминирования какой-либо этнической группы межэтнические конфликты случаются чаще, и поэтому доверия между группами населения меньше. Соответственно в случае утраты русскими статуса демографического большинства конфликты будут сдерживать сложнее, что весьма негативно отразится на долгосрочных экономических перспективах.

Соотношение размера территории и этнического состава

Рассуждения об издержках многонациональности порой приводят к мысли о целесообразности нахождения той или иной территории в составе страны. Мысль о возможном сокращении площади государства, как правило, вызывает негативные эмоции у граждан, однако в долгосрочной перспективе территория большинства государств никогда не будет статичной. Тенденция последних полутора столетий показывает, что происходит деление многонациональных государств на национальные. Периодически появляются империи, но с такой же периодичностью они снова распадаются по национальному признаку.

Могут возразить, что в данном случае многонациональность — это точно преимущество, поскольку включение народов с их территориями в состав государства даёт новые территории с их ресурсами. Исходя из такой точки зрения, «упрощение» в сторону мононациональности ослабит экономику, поскольку экономики разных регионов зависимы друг от друга, а при распаде государства происходит разрыв старых связей.

Безусловно, вопрос оптимальности размера территории государства — очень сложный, и нет чёткой формулы или алгоритма, по которым можно рассчитать эту оптимальность. Главное, что надо уметь — различать преимущества и издержки.

Скажем, на территории Турции располагаются земли, где компактно проживает курдское меньшинство. Сама земля, степень её плодородности и стратегическое расположение — это ресурс. А вот издержка — это негативное отношение к Турции со стороны проживающего там народа. Проявление этой издержки: конфликты, теракты, теневая экономика, гибель людей, недоверие между курдским и турецким населением и как следствие этого —

невозможность развития торговли между этносами.

Поэтому в данном контексте для народа, который хочет сохранить этнополитически неспокойную территорию в составе страны, встаёт вопрос о соотношении преимуществ и издержек.

Как-то мне приходилось слышать и возражение такого рода. Мононациональные государства более простые в плане внутреннего устройства, и поэтому они дают меньше издержек. Однако более сложные механизмы (многонациональные государства), забирая больше энергии, дают и больше отдачи.

Во-первых, где предел усложнения? Безусловно, автомат Калашникова сложнее обычного ружья, но в умелых руках он даёт больше результатов. Однако, если систему усложнять и дальше, то по правилам экономической теории маржинализм издержки в какой-то момент начнут возрастать. Штурмовая винтовка М16 имеет более сложный механизм, нежели «Калашников». Однако, по мнению многих экспертов, «Калашников» всё же эффективнее и надёжнее. Мнение экспертов также разделяют американские солдаты, которые, участвуя в боевых действиях, стараются избавиться от «родной» М16, прихватив с поля боя АК-47.

Во-вторых, сами мононациональные государства не так уж и просты в плане внутренних механизмов взаимодействия. Кто сказал, что мононациональные Япония, Южная Корея, Китай, Финляндия более простые в плане внутреннего устройства, нежели многонациональные СССР, Мексика, Нигерия или Уганда?

Основной вопрос состоит в следующем: смогут ли бывшие многонациональные государства после трансформации территории воспользоваться плюсами мононациональности? Такая трансформация по возможным последствиям схожа с антиколониальными восстаниями. После исхода коло-

нистов экономика государств Африки, некоторых государств Азии ухудшилась, но ведь это не значит, что борьба с колонистами — плохое дело, особенно если учесть, что есть бывшие колонии, которые создали стремительно развивающиеся экономики.

После распада Чехия, Словакия, Словения смогли создать развитые экономические системы. У Сербии, некоторых республик бывшего СССР этого не получилось. Недостаточно иметь преимущества, но надо уметь ими воспользоваться.

В ответ на возможную критику

Я предвижу направление удара со стороны критиков и поэтому попробую заблокировать его заранее. Мне могут возразить: а ведь есть многонациональные страны, которые более развиты, нежели мононациональные!

И вправду, мононациональная Албания имеет ВВП меньше, чем у многонациональной Уганды. В списке стран по индексу развития человеческого потенциала многонациональная Индонезия стоит немного выше, чем мононациональная Монголия.

Я признаю, что национальный состав — не единственный фактор экономического успеха. Однако это фактор силы. Конечно, есть экономически отсталые мононациональные страны — например, Албания и Северная Корея. Но что будет, если сделать состав населения этих стран многонациональным? Это сделает эти страны сильными или окончательно разорвёт?

Представим, что Албания лишь на 65% состоит из албанцев, а остальные — это турки, сербы, цыгане, боснийцы, македонцы, греки и т.д. Представим, что Северная Корея также лишь на 65% состоит из корейцев, а остальные — это камбоджийцы, филиппинцы, китайцы, японцы и т.д. В таком случае многонациональность спасёт эти страны? Ответ очевиден: нет. Мононациональный состав таких стран как Албания и Северная Ко-

рея — это один из последних оплотов мирной жизни. Если многонациональность разрывала мощные империи, то бедные страны она просто взорвёт.

Что же касается многонациональных стран с относительно более высоким ВВП, то давайте признаем, что их экономики далеко не самодостаточные. Мир и относительный политический порядок в этих странах поддерживается другими государствами (например, миротворческим контингентом ООН) или политическим давлением со стороны транснациональных корпораций. Яркий пример — нефтегазовые, золотоносные и богатые рудой и другими ископаемыми страны Африки. Рассмотрим Габон и Гамбию. Габон — бывшая французская колония, в которой располагается полк иностранного легиона — элитный французский спецназ, оснащённый лучшей по мировым стандартам техникой и оружием. Эти наёмники вместе с политическими и экономическими консультантами обеспечивают порядок в стране и готовы погасить проявления этнических конфликтов в зародыше. Гамбия представляет собой тоненькую полосу территории, которую трудно найти на карте; самая маленькая страна Африки расположена посреди Сенегала. Эта страна — оффшорная зона Африки. В поддержании этого статуса заинтересованы многие транснациональные корпорации.

Если лишить подобные страны миротворцев ООН или головорезов-наёмников, охраняющих нефтехранилища или золотые прииски, то экономическая ситуация в этих многонациональных странах станет намного хуже, чем в Албании или Северной Корее.

Когда в товарищах согласия нет...

В чём же причина? Почему именно мононациональные страны вышли в лидеры экономики? Почему среди бывших колоний именно мононациональные страны показывают чудеса экономического роста? И почему сре-

ди отсталых стран именно многонациональные показывают самые плохие экономические результаты?

Для экономического процветания необходимо, чтобы население работало как единая команда. Внутренние конфликты ослабляют систему. В многонациональных обществах этносы зачастую стремятся создать свою экономику внутри государственной экономики.

Я придумал такой термин как «одеяло экономических благ». Каждый этнос тянет одеяло на себя. И чем холоднее («холод» — это символ экономических кризисов), тем сильнее этносы тянут «одеяло» в разные стороны.

Скажем, в Приднестровье распространена практика, когда русские, ведущие бизнес, выстраивают экономическую сеть только из русских или любых других немолдаван, чтобы избежать саботажа со стороны молдаван или комплиментарных им румын.

Именно по этой причине этнический криминал (общины) в большинстве случаев оказывается эффективнее группировок, построенных по территориальному принципу (бригады). Банды уменьшают издержки своего нелегального производства, предпочитая сотрудничать с теми, кому максимально доверяют. А кому этнические мафиози доверяют больше всего? Своему клану и дружественным кланам своей диаспоры. Их связывают не только юношеские годы, проведённые в одном спортзале, но и общность традиций, культуры, истории, осознание единой этничности и общности интересов. Чем больше таких связующих нитей, тем лучше работает коллектив.

Раскрыть суть проблемы просто — надо лишь проецировать вражду между «пекарем» и «владельцем элеватора» в рамки целой страны, где возможно тотальное недоверие между целыми этнически разделёнными регионами, крупными предприятиями, принадлежащими олигархам разных национальностей или рабочими и управленцами,

представленными этносами, скатывающимися в конфликтную ситуацию.

Чтобы понять, насколько трудно управлять многонациональными, лишёнными этнической доминанты, сообществами, давайте посмотрим на следующий список, взятый мною из упомянутой выше книги Питера Бриemelу (книга была написана в 1995 г., поэтому я внёс в список некоторые дополнения).

— Эритрея, бывшая итальянская колония, управлялась Эфиопией с 1952 г. Восстания начались в 1960-х гг. Отделение произошло в 1993 г.

— Чехословакия создана в 1918 г. Разделилась на Чехию и Словакию в 1993 г.

— Советский Союз основан в 1922 г. Разделился по этническому признаку на множество государств, некоторые из которых в дальнейшем могут продолжить деление по этническому признаку (например, Грузия, Молдова).

— Югославия возникла в 1918 г., разделилась по этническому признаку на множество государств в 1991 г. (ранее раскол был предотвращён в 1929 г. с помощью диктатуры).

— Ливан основан в 1920 г. Прогрессирующая дестабилизация возникла по причине быстрорастущего мусульманского компонента и привела к гражданской войне, к разделению под сирийским доминированием после 1975 г.

— Кипр получил независимость в 1960 г. Неоднократные акты насилия между греками и турками повлекли интервенцию со стороны Турции, к разделению со значительными этническими чистками в 1974 г.

— Пакистан получил независимость в 1947 г. В 1971 г. после восстаний бангла-говорящего населения Восточного Пакистана и военного вторжения со стороны Индии эта территория отделилась и стала государством Бангладеш.

— Исландия отделилась от Дании в 1944 г.

— Малайзия получила независимость в 1963 г. Политический конфликт между этническими малайцами и китайцами привёл к отделению Сингапура (в нём доминируют китайцы) в 1965 г.

— Грузия после 2008 г. в результате межэтнического обострения фактически утратила Абхазию и Южную Осетию.

— Сербия после распада Югославии утратила край Косово в результате массового волеизъявления со стороны албанцев. В это же время в результате проведённого референдума от Сербии отделилась Черногория.

— Судан в 2011 г. распался на две части в результате референдума. За отделение Южного Судана было подано 98,83% от общего числа признанных действительными бюллетеней. Независимость нового государства признал ряд стран, включая Судан, а также Организация Объединённых Наций.

И это всего лишь случаи за последние 50–70 лет, когда этнические и расовые отличия стали причиной разрушения страны.

Вот еще один список.

— Индия — сепаратистские восстания сикхов, кашмирцев и северо-восточных племён.

— Шри-Ланка — сепаратистские восстания тамиллов.

— Турция, Ирак, Иран — сепаратистские восстания курдов.

— Чад — местечковые войны между арабскими и чёрными регионами.

— Нигерия — стремление народности ибо (большинство на востоке страны) создать своё государство Биафра привело к войне 1967–1970 гг.

— Либерия — англоязычные потомки-репатрианты от американских рабов свергнуты другими племенами в 1981 г. Гражданская война сделала более половины населения беженцами.

— Ольстер — конфликт между католиками и протестантами.

Некоторые из этих конфликтов были очень жестоки — в Нигерии и Судане более 1 миллиона смертей на каждую из этих стран.

И есть ещё целая категория межэтнических разногласий, которые пока не переходят в вооружённые конфликты.

— Бельгия (фламандцы и валонцы).

— Канада (англоязычные и франкофоны).

— Бразилия (движение в преимущественно южных районах Риу-Гранди-ду-Сул, Санта-Катарина и Парана за отделение от расово смешанного Севера).

— Италия (стремление Севера взять больше автономии и по возможности отделиться от страны).

— Украина (стремление русских присоединить Крым к России; по результатам социологических опросов, которые подтверждаются результатами выборов, население западной и восточной частей страны имеют диаметрально противоположные точки зрения по поводу многих аспектов политики);

— Британия (англичане и шотландцы);

— Франция (корсиканцы и французы).

Этот список можете продолжить сами.

Безусловно, когда-то многонациональные империи процветали. Но ведь они были тираниями. Иногда примитивными, иногда сложно устроенными, но тираниями. Ибо только жёсткое правление сдерживало население от сползания в конфликты. В современном обществе экономический успех строится на обмене информацией. В жёстких автократиях такой обмен сильно затруднён.

И кроме того, в этих империях всё же доминировал главный этнос. Пусть

не демографическое, но военное или политическое доминирование было не-прерывно.

Мне могут возразить, что и в мононациональных сообществах тоже есть противоречия. Однако противоречия разрешаются легче внутри одного этноса. Скажем, мы, русские, общаясь друг с другом, не вдаёмся в подробности, чьи предки были на стороне белых, а чьи на стороне красных и кто кого раскулачивал. А вот мексиканцы до сих пор помнят, что американцы отобрали у них северные территории, которые стали юго-западом США.

Управление многонациональными обществами фактически требует минимизации демократии в пользу авторитаризма или даже жесткого тоталитаризма (посмотрите на любую многонациональную страну Африки, Азии или республики Северного Кавказа). И тут вопрос даже не в том, что такое управление порождает уменьшение воздействия рыночных механизмов и увеличение роли государственного планирования. Спор между «плановиками» и «рыночниками» — это отдельная тема.

Дело вот в чём. Документы старейшей и авторитетнейшей правозащитной организации «Freedom House» говорят: «Воистину, демократия, как правило, значительно более успешна в мононациональных обществах (то есть обществах, где есть одно доминирующее этническое большинство, представленное более чем двумя третями населения), чем в национально разделённых или многонациональных государствах»¹⁵. Исходя из этого, надо понимать, что в многонациональных регионах такие инструменты гражданского общества как профсоюзы, независимые СМИ, политическая оппозиция и т.д. становятся не орудием,

с помощью которого общество решает разногласия, а оружием, которое этносы используют в борьбе друг против друга. Именно поэтому в многонациональных обществах приходится подавлять политические свободы для сохранения единства (хотя, судя по истории распада многонациональных государств, такое подавление неэффективно в долгосрочной перспективе).

В многонациональных обществах чаще происходят войны внутри страны. Конечно, и мононациональные страны участвуют в войнах, но в случае с мононациональными странами конфликты зачастую носят приграничный характер (нельзя же допускать врага вглубь территории!). В многонациональных странах сосед идёт с ножом на соседа, и вместе они рушат дом. В таких странах одна рабочая бригада идёт с монтировками на другую рабочую бригаду, и вместе они разрушают завод. И так может быть на каждом заводе (почитайте статьи о войне в Югославии). Более того, бывали случаи, когда в многонациональных регионах в результате этнического лоббирования армейские подразделения были наполнены преимущественно одним этносом, а полиция — преимущественно другим. И после возгорания конфликта полиция и армия стреляли друг в друга.

Даже если нам удастся стать свидетелями начала экономического рассвета в многонациональных странах, то этот процесс будет проходить более болезненно, чем в мононациональных странах. Дело в том, что рост экономики сопровождается внутренней конкуренцией, которая в долгосрочной перспективе делит участников экономических отношений на лидеров и аутсайдеров. Например, среди американских этнических меньшинств экономически успешными лидерами являются евреи (особенно в Нью-Йорке), китайцы, кубинцы в Майами. Есть и полные аутсайдеры: гаитяне, хмонги (на-

¹⁵ Freedom in the World 2002: The Democracy Gap by Adrian Karatnycky, <http://freedomhouse.org/template.cfm?page=130&year=2002>

род из Лаоса), ямайцы. Естественно, что у аутсайдеров возникает зависть к лидерам, которая может подогреваться этнической неприязнью. И ведь порой эта зависть имеет прочное моральное оправдание, т.к. бизнес-лидерами становятся далеко не всегда благодаря рыночным преимуществам. Активность уличного криминала, инсайдерская торговля на бирже, политическое лоббирование — всё это эффективные инструменты, помогающие достигать успеха.

В этом отношении Америка не является исключением. Скажем, разрыв в средних доходах на душу населения между малайцами и китайцами в Малайзии или разными племенами Нигерии долгое время был (и сейчас остаётся) больше, чем между чёрными и белыми американцами¹⁶. Такой диспаритет может являться результатом государственного перераспределения благ, как, например, в нефтегазовой Нигерии. Или он может возникнуть от незримой помощи со стороны другого государства, как в случае с малайскими китайцами, получающими поддержку от материкового Китая. Также неравенство может быть результатом особой сплочённости и высокой пассионарной активности, например, в Шри-Ланке, несмотря на испытываемую дискриминацию, тамилы (18% населения) имеют более высокий уровень доходов, которого не может достичь сингальское большинство (75% населения)¹⁷.

После финансового кризиса в 1998 г. в Индонезии прошли погромы против китайской общины. Дело в том, что на тот момент 4% китайцев контролировали 80% экономики этого далеко не маленького архипелага. В долгосрочной перспективе Индонезия (и дру-

гие подобные ей страны) в любом случае будут пороховой бочкой. Ибо дело не в предприимчивых китайцах. Рано или поздно какая-нибудь этническая группа коренных жителей станет экономически доминирующей, что вытекает из т.н. закона 80/20 или правила В. Парето. Подобно тому, как 20% действий дают 80% результата, 20% людей владеют 80% капитала. В многонациональных обществах деление капитала, как правило, проходит по этническим границам. После антикитайского бунта в индонезийской провинции Ачех (север острова Суматра) продолжились столкновения регулярных войск с повстанцами, которым не нравится распределение доходов от нефтегазовой отрасли.

Мононациональные общества с куда большей вероятностью сохраняют внутреннее единство, особенно если есть механизмы, снижающие межклассовую напряжённость. Даже если многонациональному государству удастся построить процветающую экономику, то не факт, что такая система не окажется домом, построенном на зыбучем песке, как это произошло с СССР и Югославией.

Национальный состав — не единственный фактор экономического процветания. Он достаточно важен, но он не работает без других факторов: система менеджмента, внешнее давление со стороны других государств и иностранных корпораций, реализуемые правительством социальная политика, научный потенциал и т.д. Просто в мононациональных обществах при ряде других равных условий применяемые на практике экономические доктрины работают лучше, чем в многонациональных.

Ну а если кому-то не нравятся мои суждения, то пусть составит свои и докажет обратное. Мои вопросы всё те же. Влияет ли многонациональность на экономику? Если да, то это фактор силы или слабости?

¹⁶ *Thomas Sowell. Affirmative Action Around the World: An Empirical Study* (New Haven: Yale University Press, 2004). P. 67.

¹⁷ *Thomas Sowell. Economic facts and fallacies* (Basic Books, 2008). P. 169.

Александр Ермаков

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА в России: проблемы, факторы, бенефициары

Количество иностранных граждан, проживающих на сегодняшний день в России, составляет более 10 млн. Целевые отрасли экономики переключаются на использование дешевого, но низкогокачественного труда приезжих из стран СНГ. Наиболее перспективные российские специалисты в настоящее время сами предпочитают уезжать за рубеж. В 2011 г. мигранты перевели в свои родные страны около \$19 млрд — 2% ВВП России. Число преступлений, совершаемых мигрантами, растет каждый год. Национальные диаспоры являются крупнейшими поставщиками и распространителями наркотиков в России. Если количество мигрантов в России продолжит расти подобными темпами, то к 2050 г. каждый третий житель РФ будет являться либо мигрантом, либо потомком мигранта.

Миграция как попытка компенсировать естественную убыль населения России

По итогам Всероссийской переписи 2010 г., за 8 лет население страны сократилось на 2,3 млн. человек, среднегодовые темпы сокращения населения достигли 0,2%. Самым многочисленным народом в стране остаются русские (111 млн. человек), однако за 8 лет их число сократилось на 4 млн. (то есть на 3,5%) — передает ФСГС Росстат. Проблемы, которые вызваны этим уменьшением, включают в себя появление дефицита работающих граждан

и особенно — высококвалифицированного персонала. По подсчетам Центра стратегических реформ, для того чтобы Россия в ближайшие пятнадцать лет перешла в разряд экономически развитых держав, ей сейчас не хватает как минимум 8 млн. рабочих рук. Демографы же предсказывают, что к 2015 г. трудовые ресурсы в России сократятся на 8 млн., а к 2025-му — на 18–19 млн. человек.

Владимир Путин в своей статье, опубликованной в январе 2012 г., предложил свое решение демографического вопроса — ежегодно завозить в Россию 300 тыс. мигрантов. Однако уже сейчас Россия выступает вторым по величине, после США, центром притяжения мигрантов. Порядка 10 млн. мигрантов в настоящее время осуществляют нелегальную трудовую деятельность на территории России. Общее число иностранцев, ежегодно приезжающих в нашу страну на заработки, достигло астрономической цифры в 20 млн. человек, — заявил глава ФМС Константин Ромодановский. По официальным данным, только в Москве одновременно находятся до 800 тыс. иностранцев, сообщил глава столичного управления ФМС Федор Карповец. По оценкам экспертов, в летний период это число как минимум вчетверо больше.

Рубежом в истории российской миграции, по мнению специалистов, стали 2002–2003 гг. Именно в это время

массовый заезд гастарбайтеров принял свои нынешние формы. Структура этого потока, первоначально состоявшего из горожан, изменилась в пользу выходцев из сельской местности, менее грамотных и низкоквалифицированных.

В 2011 г. до 30% мигрантов из стран Центральной Азии не знали русского языка. 13 млн. постоянно проживающих мигрантов (то есть 9% населения) задействованы на самых примитивных работах. Даже потенциально они неспособны внести хоть сколько-нибудь заметный вклад в модернизацию и развитие российской экономики. Использование низкоквалифицированных мигрантов пропорционально снижает общую производительность труда и увеличивает отставание России от развитых стран. По данным Всемирного экономического форума, Россия занимает 101-е место в мировом рейтинге конкурентоспособности и продолжает опускаться вниз.

Основными центрами притяжения миграции являются крупные города, в особенности Москва. Данная тенденция приводит к перекосам в развитии регионов и способствует увеличению разрыва между крупными городами и остальной страной. Миграция, особенно незаконная, несет серьезную угрозу экономической, социальной, общественной и санитарно-эпидемиологической безопасности крупных городов. В то же время малые города и сельские регионы лишаются столь необходимых им рабочих рук.

Проблемы России, связанные с миграцией

Гастарбайтеры готовы работать за меньшую плату, что способствует росту внутренней безработицы и снижению средней покупательной способности граждан. В результате массового притока избыточной рабочей силы в крупные города нарушается регулирование рынка труда, понижается моти-

вация работодателей к внедрению новых технологий. Падение доходов населения из-за обесценивания труда ведет к маргинализации отдельных слоев коренного населения и самих мигрантов, сдерживает рост производства товаров и услуг на предприятиях. Данные факторы становятся особенно чувствительными в период кризисов и экономической стагнации. Очевидно, что любое правительство в условиях возрастающей безработицы в первую очередь должно предоставлять рабочие места гражданам своей страны. Но каких-либо мер, ограничивающих приток мигрантов в Россию, не принимается, а контроль над уже прибывшими в страну нелегалами не ужесточается. Принятый в 2006 г. закон, значительно упрощавший трудовую миграцию из государств, граждане которых въезжают в Россию без виз, продолжает действовать без изменений. Более того, в рамках Мирового политического форума в Ярославле тогдашний Президент РФ Дмитрий Медведев подчеркнул в своей речи, что он против выдворения мигрантов из страны (Коммерсант Daily. № 168. 9.09.2011).

Сочетание возможности безвизового въезда на территорию России из ряда стран СНГ с существующей системой квот на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу приводит к росту и развитию коррупционных схем. Въезжая на легальных основаниях в Россию, мигранты испытывают серьезные трудности с легальным трудоустройством. В докладе Ассоциации адвокатов России за права человека признается, что миграционная сфера в России является одной из наиболее коррумпированных. Согласно оценкам, приведенным в докладе, коррупционный оборот в этой сфере составляет \$3,5 млрд. Криминальные структуры получают из этой суммы примерно \$2,8 млрд, а правоохранительные органы — около \$700 млн (Санкт-Петербургские ведомости. № 163. 1.09.2011).

Многие экономисты, чиновники и работодатели указывают, что мигранты работают в основном в тех сферах, куда местное население якобы не хочет идти: на стройках, на транспорте, в ЖКХ. Фактически же средства, сэкономленные предприятиями на оплате труда мигрантов, чаще всего идут не на развитие производства, а поступают на счета чиновников и руководителей предприятий. То есть исключение из подобных схем коррупционной составляющей позволило бы поднять оплату труда и сделать ее привлекательной для местных жителей. Бесправное положение нелегалов позволяет работодателям не только платить им за работу минимальные деньги, но и экономить на жилье и медицинском обслуживании. Экономленные бизнесом средства ложатся дополнительной нагрузкой на федеральный и местные бюджеты, которые вынуждены тратиться на здравоохранение, обслуживание инфраструктуры, образовательные программы и т.д. Массовое привлечение низкоквалифицированной рабочей силы приводит к падению качества услуг. Данная стратегия считается «оптимизацией расходов» и стала неотъемлемой частью российской действительности. Каких-либо шагов для исправления ситуации не предпринимается.

Рост нелегальной миграции приводит к расширению теневого сектора экономики, создает основание для развития криминальных и коррупционных схем. Глава Следственного комитета Александр Бастрыкин на межведомственном совещании обратил внимание на возросший уровень нелегальной миграции в Россию, на высокий уровень коррумпированности в ФМС, отметил, что гастарбайтеры переходят на нелегальное положение, объединяются в группы, создают банды для нападений на людей и похищения имущества. По данным Следственного комитета, за 4 месяца 2009 г. 36 тысяч иностранцев совершили 54 тысячи преступ-

лений. Большая часть из них на счету представителей республик бывшего СССР — 81%. Каждое третье преступление в Москве совершается нелегальными мигрантами (Российская газета. №92. 22.05.2009). В столице количество разнообразных диаспор за последние тридцать лет выросло в 20 раз, существенно изменив этнополитическую ситуацию в городе.

Наркотоργовля в России на 90% контролируется этническими преступными группировками. Сообщества незаконных мигрантов являются питательной средой для ОПГ. Почти 90 тонн наркотиков поставляется в Россию из стран Центральной Азии, еще столько же провозится транзитом и уходит в страны Европы. Самый «убойный» наркотик — героин стал самым распространенным в Москве. Всего же по России, по данным Фонда «Город без наркотиков», героин приводит к более чем 80 тыс. смертей ежегодно.

Основные бенефициары процесса миграции в Россию

Процесс миграции на территорию России благоприятно отражается на следующих группах.

1. Мигранты

Мигранты в России значительно улучшают материальное положение за счет высокого уровня оплаты их труда в России, по сравнению со средним уровнем зарплат в государствах Средней Азии. Для примера — средняя зарплата дворника в 2012 г. составляет 18 000 рублей. Московский дворник официально получает 50 тысяч рублей. С различными московскими надбавками сумма возрастает до 70–80 тысяч рублей. В СМИ описывается случай, когда москвич через биржу труда пытался устроиться дворником в Москве в микрорайоне Солнцево и получил отказ на основании того, что он не владеет таджикским языком. В частной беседе руководи-

тель сказала, что отказ вызван тем, что ему, как русскому и москвичу, пришлось бы полностью выплачивать причитающуюся зарплату, а нелегальные мигранты из Таджикистана согласны на сумму в 20–25 тысяч (около \$700). По данным Агентства по статистике при президенте Таджикистана, средняя зарплата в республике в марте 2011 г. составила \$103. Для сравнения: средняя зарплата в соседних Узбекистане и Киргизии составляла тогда \$326 и \$158 соответственно.

2. Власти стран СНГ

Власти стран, поставляя мигрантов на российский рынок труда, решают таким образом проблему безработицы в собственных странах, получают постоянный и значительный приток средств в собственную экономику за счет денежных переводов из России.

Лидер армянской партии «Национальное единение» Арташес Гегамян в интервью агентству Regnum заявил: «Только за январь–октябрь 2010 года гражданам Армении из России было перечислено \$838 млн., что составляет 88% от всего объема соответствующих денежных переводов в республику. При этом мы прекрасно понимаем, что реальный объем денежных поступлений из России значительно выше».

По данным Нацбанка Таджикистана, объем переводов таджикских мигрантов из России в 2011 г. составил \$2,96 млрд, увеличившись на 33% в годовом исчислении. В сообщении отмечается, что объем переводов в 2011 г. составил примерно 45% ВВП Таджикистана.

По данным фонда «Миграция 21 век», в 2011 г. объем денежных средств, которые перевели трудовые мигранты из России, составил порядка \$12–13 млрд. По данным Всемирного Банка, приведенным в докладе «Миграция и денежные переводы: статистический справочник за 2011 год», за год из России было переведено \$18,6 млрд. Причем цифра из года в год растет.

В 2010 г. было переведено \$9,5 млрд, в 2009-м — \$7,6 млрд.

3. Бизнес, основанный на посреднических услугах мигрантам

Посредники из числа представителей диаспор и коррумпированных чиновников обеспечивают юридическую и организационную поддержку процесса поставки дешевой рабочей силы в Россию. По мнению правозащитницы Любови Элье, оценивавшей качество работы отделения УФМС, получить в нем, например, бланк для заполнения вручную заявления на выдачу или обмен загранпаспорта порой невозможно. Зато возможно с первого раза безошибочно заполнить его за дополнительную плату с помощью посредников, контора которых располагается по соседству с миграционной службой.

Представители ряда близких к администрации коммерческих структур Петербурга фактически сосредоточили в своих руках весь учет и регистрационные вопросы трудовых мигрантов в РФ. Одним из ярких примеров может послужить так называемый «Единый центр документов». Под эгидой ЕЦД были организованы многочисленные коммерческие фирмы, предоставляющие услуги по поиску «живого товара» на пространствах бывшего СССР, выступая вербовщиками рабочей силы и фактически позиционируя себя в качестве представителей государственных структур.

4. Бизнесмены, использующие труд мигрантов

Представители бизнес-сообщества минимизируют расходы на медицинское и социальное страхование мигрантов и поддерживают низкий уровень зарплат наемных работников. Вице-президент РСПП Игорь Юргенс в интервью газете «Комсомольская правда» заявил, что «для экономики России каждый год нужно до миллиона мигрантов. Да, часть из них остаются в России насовсем. И я, честно

говоря, за то, чтобы таких было больше — американцы так и решили свою национальную проблему».

Этот же подход обозначен в докладе ИНСОР «Обретение будущего. Стратегия 2012». Раздел доклада «Российский народ, обретение себя» полностью посвящен проблемам миграции, вопросам облегчения легализации иностранцев и защите их прав. Причины вымирания коренного населения России авторами не анализируются и вопрос о сломе негативных демографических тенденций не поднимается.

5. Правительство РФ

Российские власти, заполняющие демографическую яму с помощью миграционных потоков, экономят на реализации долгосрочных социальных проектов, поддерживающих коренное население страны. ФМС обнародовала проект концепции миграционной политики РФ на 2012–2025 гг. Сценарии миграционной политики предполагают полный отказ от квотирования иностранной рабочей силы, а также разрешений на временное проживание мигрантов. Как пояснил глава ФМС Константин Ромодановский, механизм квотирования иностранной рабочей силы якобы негативно сказывается на малом и среднем бизнесе.

6. Страны Евросоюза и США

Западные работодатели получают вытесненных из России мигрантами русских квалифицированных работников — образованных, законопослушных, воспитанных на христианских ценностях и в европейских культурных традициях. Подобная цивилизованная миграция позволяет Европе в будущем стабилизировать собственное общество, испытывающее сильное культурное и религиозное давление со стороны исламских общин, не желающих ассимилироваться.

В странах Европы все чаще поднимается вопрос о крахе модели мультикультурализма. Особенно значимы

процессы, происходящие в таких странах как Франция, Германия и Англия. Перед лицом гигантской волны иммиграции со стороны Туниса, Египта, Ливии Евросоюз говорит: «Мы не знаем что делать, может, попробуем разобраться с теми, кто приезжает нелегально?»

Член совета директоров Бундесбанка и бывший министр финансов Берлина Тило Саррацин выпустил книгу «Германия самоликвидируется», и 96% респондентов последовавшего опроса заявили, что не считают, что Саррацин зашел слишком далеко. В настоящее время канцлер Германии Ангела Меркель инициировала онлайн-дискуссию по вопросам будущего Германии, что позволило увидеть, сколь велик процент людей, недовольных политикой, проводимой чиновниками в отношении этнических диаспор.

Рост в Евросоюзе числа не поддающихся ассимиляции мусульманских диаспор неминуемо приведет к обострениям на национальной и религиозной почве. Поскольку демографические тенденции в Европе столь же печальны, как и в России, то наилучшим выходом для европейских властей будет замещение гастарбайтеров из Африки и мусульманских стран выходцами из России. Судя по неоднократным заявлениям Президента РФ Дмитрия Медведева о возможностях отмены визового режима между Россией и странами Евросоюза, подготовка данного варианта всерьез анализируется элитами европейских стран.

Издержки миграции

Кратко сформулируем основные издержки современной миграционной политики РФ.

— Снижение средней заработной платы и средней производительности труда.

— Снижение покупательной активности граждан России.

— Фиксация отраслевой структуры экономики, ориентированной на ис-

пользование низкоквалифицированного, дешевого, фактически рабского труда.

— Создание искусственных препятствий на пути модернизации национальной экономики.

— Рост преступности, создание устойчивых криминальных сообществ.

— Увеличение числа чиновников, вовлеченных в коррупционные схемы.

— Эскалация межнациональных конфликтов.

Данные издержки ложатся тяжелым грузом в первую очередь на коренное население России.

— Бесспорным интересом русского народа является сохранение себя как этнической общности в пределах своей исторически обусловленной территории, а также процветание и всестороннее развитие своей страны.

— Власти и чиновничество, напротив, заинтересованы в сохранении неподконтрольной обществу системы личной и клановой власти, обеспечивающей их собственное экономическое благополучие. Последние 10 лет они проводят осознанную политику ослабления русского этноса и усиления конфликтующих с ним кавказских и азиатских этносов. Русским максимально затруднены любые общественные, экономические и политические объединения на национальной основе. В РФ на текущий момент насчитывается более 300 национальных культурных автономий, в том числе курдская, ассирийская, корейская и армянская, но начиная с 1999 г. Минюст упорно отказывает в регистрации русской национально-культурной автономии. Вместо этого поощряется создание разнообразных конгрессов народов Кавказа, профсоюзов мигрантов и представительств национальных республик на территории русских регионов.

— Этнические диаспоры заинтересованы в приобретении с помощью коррупционных схем возможности

влиять на власть. Это помогает им захватить преимущественное положение на российском рынке, позволяет в обход российских законов осуществлять экономическую деятельность, затрагивающую интересы российских граждан, дает возможность добиваться перераспределения бюджетных потоков в интересах собственных регионов, практически лишенных славянского населения.

— Бизнес-сообщество, тесно связанное с властью, заинтересовано в максимизации прибыли за счет ухудшения положения наемных рабочих и вывод капиталов за границы России. Продавленное крупным капиталом вступление России в ВТО выгодно лишь ориентированным на экспорт транснациональным корпорациям. Без осуществления каких-либо мер по защите отечественного производителя и серьезной подготовки российской экономики к конкуренции с развитыми западными экономиками это открывает внутренний рынок для иностранных товаров и неминуемо вызовет коллапс мелкого и среднего бизнеса, разрушение сельского хозяйства, массовый отток работоспособного русского населения в экономически благоприятные страны. Их место займут выходцы из стран Средней Азии, Китая, в результате чего в течение одного-двух десятилетий Россия может утратить культурное, языковое и территориальное единство.

Проблемы, перечисленные выше, а также преступная политика российских властей становятся все более очевидными и актуальными для гражданского общества в России. Неудивительно, что активный рост числа мигрантов коррелирует с ростом ксенофобских настроений и эскалацией межнациональных конфликтов. Попытки спрятать проблемы, исключив их из информационной повестки дня, а также искусственно проводить агитацию за «толерантность и

межнациональное согласие», обречены на провал. Введение 282 ст. УК РФ, позволяющей судить любого, кто пытается привлечь внимание общества к межнациональным конфликтам, — шаг, который демонстрирует неспособность власти позитивно контролировать ситуацию.

Возможные решения проблемы миграции в России

В рамках тематических форумов и дискуссий предлагалось множество способов так или иначе повернуть текущую ситуацию в лучшую сторону. Разумеется, ни одно из предложений не было услышано правительством РФ, но тем не менее стоит упомянуть некоторые из них.

1. Введение визового режима со странами СНГ (и обязательное ужесточение контроля за границами России со странами Центральной Азии).

2. Определение территорий, в которых будет разрешен труд мигрантов и где они смогут зарабатывать свои деньги, не принося при этом сопутствующих проблем. Закрывать для въезда регионы, где рынок труда уже перенасыщен и перегрет (города-миллионники, регионы Центральной России).

3. Взять курс на скорейшую куль-

турную и языковую ассимиляцию мигрантов, жестко мотивируя их на присоединение к лидирующему (русскому) социуму.

4. Лишить влияния национальные диаспоры (кланы, группировки), которые ведут противозаконную деятельность, провоцируют коррупцию и местничество, препятствуют процессам ассимиляции мигрантов.

5. Ввести принцип «отрицательной толерантности» для мигрантов, приезжающих в Россию. При совершении любых правонарушений статус мигранта должен быть не смягчающим, а отягчающим обстоятельством. И наказание должно включать в себя возможность депортации правонарушителя на его родину, с последующим запретом на въезд в РФ.

Миграция в Россию не может быть остановлена совсем, но она может быть направлена в цивилизованное русло. Уже в ближайшее время можно решить целый ряд ключевых проблем, наиболее острых и неприемлемых для общества. Все, что для этого нужно, — политическая воля, следование законам и жесткий контроль над их исполнением. Современная власть в России несостоятельна ни в первом, ни во втором, ни в третьем.

ДОМЕТИЙ ЗАВОЛЬСКИЙ

ПРАВООЗАЩИТНИК СТАЛИН И ДИЗЕЛЬПАНК

Как ни оценивай сегодняшнюю положительную мифологизацию образа Сталина и сталинского периода, но с тем, что это явление в российском обществе непомерно разрослось, уже не поспоришь. Однако столь же опрометчиво было бы не видеть, что природа сталинского мифа отнюдь не проста. Его бытование нельзя объяснить какой-то особой русской глупостью или зловильностью. При этом он всё усложняется, захватывая для дальнейшего развития всё новые основы, как общественно-психологического, так и культурного характера. Только человек, не знающий России вообще или представляющий её по сочинениям нескольких «энциклопедистов русской души»¹, может полагать, что вся

психология тут ограничена «русской любовью к сильной руке» (а то и «к страданиям») и все культурные предпосылки сводятся к «цензуре» и «пропаганде».

Разумеется, всё сложнее. Ясно, что имеет место естественная ответная реакция на затянувшийся с конца 80-х пир пошлости и ужас национального упадка. Правильная в основе разоблачительная антисталинская кампания сплошь и рядом оказалась истерична и сверх всякой меры переплетена с антисоветской риторикой, тоже нужной, но на деле невыдержанной, часто неумной и нередко бессовестной. Немудрено, что этот винегретный антисоветизм напитался нигилизмом и русоненавистничеством, а также слащавым сердобольством и злобным образованским чванством — по происхождению совершенно советскими, застарело-невротическими. Если такая критика что и разоблачает, так это, по

¹ Тут речь идёт о советологах, считающихся русистами, и о претендующих на русскость «экспортных» советских писателях и публицистах (приставки «анти-» и «пост-» не так уж много добавляют к советской сущности многих из них). Но преодолению предрассудков также не способствуют, например, и вырванные из контекста и проиллюстрированные зарубежными интерпретаторами сочинения Достоевского, Льва Толстого, Булгакова, Пастернака, образующие непреременные русистский «малый бант». Да и при более широком выборе как будто нарочно избегается всё, что объединяет пресловутую «русскую душу» с европейской. Почти нет лиризма и романтики. Нет наслаждения бытом или хотя бы его «неэкстремальных» зарисовок. Нет спокойной любви к ближнему, детскости, плутовства, весёлого бунтарства, подвига (а не самозаклания). Очень мало

смеха, особенно добродушного. Нет даже светлого *душевного* отображения советской жизни, помогающего постичь её *рационально*. Остаётся странное, изломанное, патовое, бесприютное, гибельное.

Надо признать, что западный миф о депрессивно-мазохистской «русской душе» — серьёзная политическая проблема, ибо подобная тенденциозность исследователей-русистов не только влияет на общественное мнение, но и самовоспроизводится: в русисты специализируются люди, настроенные на работу с чем-то патологическим и не желающие принимать иную Россию.

большей части, гражданское ничтожество многих критиков.

Под «возрождением сталинизма» сегодня всё больше разумеют явление молодое и близорукое. Помнится, несколько лет назад, размышляя о духовном содержании кого-то из неполитических деятелей эпохи «вампира», некий автор особо отметил, что его герой был никак не сталинистом, но сталинцем — человеком нисколько не беспощадным, но преданным вере в вождя. К началу 90-х сталинизм если не вымер, то выродился в беззубую маргиналию — даже как симпатия лично к Сталину, а не к применявшимся в его эпоху террористическим методам². Последние активные советские функционеры из числа «не сталинистов, но сталинцев» (такие, как генералы Крючков и Варенников) были сметены со сцены вместе с партийным режимом.

Однако геополитический обвал российской державы, ужас «кипящего распада», бездарные реформы и невопадная пропаганда вызвали немалую востребованность гонимого образа. Решив от противных нелепостей, что при Сталине сажали и казнили мало и, в общем, кого надо, апологеты «обол-

ганного вождя» ограничивают сталинский террор одними расстрелами, начисто забывая хотя бы о террористических методах сталинских *реформ*, не говоря уж об упадке и разорении, которыми аукнулся тогдашний прорыв. Коллективизация, индустриализация, урбанизация, постановка быта, духовная и умственная жизнь, кадровая политика, правоохранительство и ведение войны по-сталински — всё объ- является благом, ибо сработало (тогда как у отдалённых плодов сталинской вивисекции всё сыплется и ничего не прирастает). Отдалённые «репрессии» кажутся куда менее страшными, чем «демократический геноцид», на деле являющийся чем угодно, но только не геноцидом. Предельно простая формула: «Сталин был удачливым патриотом-государственником, а те, кто анафематствует ему — неудачники и своекорыстные предатели», — *правдоподобна*, ибо содержит элементы перекорёженной правды.

При этом до сих пор дырою зияет отсутствие общедоступных, не оскорбляющих народные чувства ответов на вопрос о сущности советского периода. Понятна и несомненная трудность выработки такого ответа и его усвоения массами. Слишком уж сложны и многосоставны и революционная трагедия, и длительное бытие России в едкой оболочке революционного режима, и трагедия мирового движения за социальную справедливость. В этом нагромождении противоречий срединное место, разумеется, занимает Великая Отечественная.

Родная и близкая история не может восприниматься бесчувственно. Цинизм нигилиста или смирение философа — тоже чувства; что уж говорить о неудовлетворённости мифотворца, вынужденно клеящего свой собственный мир! **Трагизм революции и сталинщины требует либо философского принятия, либо психотерапевтического вытеснения.**

² Курьёзное впечатление производят смутные представления зарубежной общественности о подлинной судьбе «культы личности». Например, американский биолог, автор внушительных работ на стыке истории и экологии Джаред Даймонд отмечает к слову: «Разрушение аборигенами острова Пасхи созданных пращурами моаи [т.е. знаменитых статуй] напоминает мне русских и румын, свергавших статуи Сталина и Чаушеску, когда коммунистические режимы в их странах потерпели крах» (Даймонд Дж. Коллапс: Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008 (серия «Philosophy»). С. 136). Однако заблуждения такого рода, при всей их нелепости — факт международной политики. Следует не забывать и о том, насколько миф о «русском сталинизме» подкрепляется эскападами отдельных россиян.

* * *

Всячески увеличивается внимание к сталинской фигуре и остротой вопросов о необходимости срочного обновления страны, о хищничестве новодельных собственников, о порочности аппарата, о «враждебном окружении». Вопросы эти сами собой вызывают определённые ассоциации современности со сталинской эпохой. И сходство это всуе подчёркивается рядом публицистов, подталкивающих общественное мнение к выстраиванию порочного силлогизма с выводом: «Сталин хорош, ибо сделал то, что жизненно важно для нас сегодня».

Надо признать, что за этим заблуждением почти нет кровожадности. **Следует говорить не столько о неосталинизме, сколько о сталинофильстве.** В большой своей части та едва ли не половина россиян, что ныне оценивает положительно деятельность «дракона кунцевского», видит в нём почти правозащитника. И это понятно: так уж сложилась российская история, что за поколенчески обозримый срок, за якобы понятный сегодняшнему россиянину «современный» период одному Сталину подходит образ «грозного (для злодеев) царя» и «вечного работника на троне», да и просто внимчивого и победительного вождя³. И дело тут не столько в воскрешении каких-то старых пропагандистских мифов, сколько в действительном силуэтном совпадении.

«Человек великий и безмерно страшный», — вспоминал Константин Симонов⁴. Лишь первая часть этого наблю-

дения воспринимается теми, кому сейчас видится, будто перед страной стоят всё те же задачи, что якобы исключительно успешно решались Сталиным (которому, скоро, глядишь, припишут и разрешение жилищного вопроса)⁵. Нынешние наивные поклонники Сталина просто не понимают, о какой безмерности шла речь. Даже сам Симонов, глядевший изнутри ужаса на главный страх оного, вряд ли понимал, в какой мере тот ужас перечёркивает величие, какими неизбежными поражениями чреватые достигнутые таким ужасом победы. Теперь же счёт за очень относительное сталинское величие — перед нами.

Однако предпосылки сегодняшнего «красного ренессанса» (следовательно — и отсутствия адекватной и жизнеспособной русской идеологии) кроются не только в несомненных со-

---

[«Солдатами не рождаются»] *один из её героев — Иван Алексеевич — говорит о Сталине, что это человек великий и страшный. Я думаю, что это верная характеристика, и, если следовать этой характеристике, можно написать правду о Сталине. Добавлю от себя: не только страшный — очень страшный, безмерно страшный»* (Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1988. С. 17).

⁵ В действительности лобовое противопоставление «плохого» Сталина «хорошему» (или «удовлетворительному») Хрущёву неправильно даже в таком, казалось бы, прозрачном вопросе, как пресловутый квартирный. Однако почти любая попытка вскрыть неоднозначность этой проблемы (как и любой другой из «сталинских») в современной публицистике вновь и вновь оборачиваются такими выводами (и такими формами подачи материала), что лишь упрочняют миф о всепобедительном «хозяине», оболганном гадкими «ревизионистами». См., например: *Чигирин И.И.* Белые и грязные пятна Истории: О загадке смерти И.В. Сталина и некоторых обстоятельствах его правления. Великие Луки, 2007. С. 298–306.

³ В этом смысле куда более гладким материалом обеспечено государственное мифотворчество, например, в Узбекистане и Белоруссии, где нынешние идеологи могут взывать к образам послесталинских советских губернаторов, соответственно Рашидова и Машерова — «добрых правителей», «народных заступников», «демиургов» и даже «мучеников».

⁴ Точнее: «В одном месте моей книжки

циальных трудностях, подсвеченных псевдолиберальной распущенностью. Людям, даже довольным, нужен идеал, а в истории России вправду не находится другого верховного правителя, который создал бы себе реноме, сравнимое с образом «мудрого Сталина», и притом правдоподобно вникал бы в актуальные дела физиков-ядерщиков и авиаконструкторов.

И это понятно. Пётр слишком далёк и откровенно дик. Лишь как легитимация «олигархии» будет воспринята попытка создать культ Екатерины в сегодняшних условиях (когда Новороссия потеряна, социальная несправедливость подталкивает многих к мечте о Пугачёве, а вместо большого стиля царит большой блат). Последние Романовы подходят на роль масскультовых кумиров не больше, чем «добрый» Брежнев или «загадочный» Андропов, чему найдётся немало значимых для массовой культуры причин, включая их неудачничество (у каждого своё) и тот неоспоримый факт, что романовское дело в конечном счёте погибло (хотя в смысле культурного наследия и даже в материально-культурной традиции оно живёт, и мы живы им).

Также и причина непопулярности России дореволюционной в немалой мере состоит в её гибели, понимаемой как проигрыш и свидетельство нежизнеспособности несоветской России вообще, где «Гагарин бы втулки для немцев точил»⁶ (тогда как советский строй, с советофильской точки зрения, не просто пал, а был подло убит). Но всё

же основания для холодного отношения к «Руси ушедшей» отнюдь не сводятся к этой конечной гибели (и к подлинным прижизненным язвам, особенно страшно смотрящимся на идеализированном советском фоне и без учёта одновременных мировых реалий). Конечно же, по-пикулевски гнусное «тёмное прошлое» легко отождествлять с «власовским» настоящим. Однако, сверх того, резко сократившийся (после нового революционного ожога) интерес к досоветскому прошлому и малую к нему симпатию можно объяснить и тем, что Сталин попросту присвоил себе достижения царской России (всё, что так или иначе было продолжено) и целенаправленно создал себе образ квазицаря (недаром, например, такой впечатлительный сталинофил, как Александр Бушков, называет его *«быть может, лучший из русских императоров»*)⁷. Как «царь» он последней картой покрыл всех предшественников⁸. Сталин исполнил роль «героя», выигравшего последнюю отечественную и самую страшную на исторической памяти войну (вплоть до недавнего времени в просторечии именовавшуюся просто «война»), но он же сыграл «академика», «строителя» и на наших глазах увенчивается лаврами «борца с коррупцией» и чуть ли не «космонавта». Сколь бы мало ни было

⁷ Бушков А.А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб.: Издательский дом «НЕВА»; Красноярск: Бонус, 1997. С. 540.

⁸ Всё это вовсе не означает, что в предреволюционной русской истории нет материала для создания победительных культов. Необходима пропаганда и «большого XIX века» (по самую революцию), и героики XVIII столетия с римской поступью подымающейся России. Но в условиях, когда дело конструирования национальной мифологии пущено на самотёк и тороватее всего ведётся представителями антинациональных сил, а положение нации остаётся шатким, сталинский образ оказывается непобиваемой картой.

⁶ Я намеренно касаюсь условного «Гагарина» лишь в контексте «величия страны», а не вопроса о социальной справедливости, ныне сверхзапутанного (когда Сталину в заслугу, например, ставят не столько «неуклонный рост благосостояния», сколько волевое переступание через «мякенький либерализм» в ходе коллективизации — индустриализации или разрыв в уровне доходов между основной массой трудящихся и определёнными категориями специалистов).

правды в положительном сталинском мифе, именно этим мифом лучше всего иллюстрируются повесточные понятия «порядок» и «модернизация».

То, что рост популярности Сталина, «способного навести порядок», шёл и в годы «стабильности», вовсе не говорит о каком-либо насаждении сталинофильства сверху. Напротив, эта симпатия проистекает из осознания неразрешённости (и нынешней неразрешимости) внутренних пороков системы. Приятно, что у государства наконец-таки благообразное лицо и что национальное бытие освящается правильными «духовными» словами, вроде «Кто с мечом к нам придёт...», но этого, оказывается, мало. Вооружённого агрессора или мятежника можно разбить, с преступностью справится полиция, мелкую предательскую сошку, слишком вульгарно связанную с зарубежными хозяевами, выявит контрразведка. Примеры такого «наведения порядка» явились в избытке, но теперь ностальгия по «Жуковым», «Глебам Жегловым» и призрачным «Александрам Невским» себя исчерпала. Враг — это не палач в камуфляже и не хам в красном пиджаке, а начальник, поддакивающий правильным словам (краснопиджачники мимикрировали под начальников и тоже поддакивают). Чтоб уязвить врага во власти (будь он крупный предатель, крупный вор, а тем более — чистый перед законом расхлябанный дурак), нужна «сильная рука», разящая с самого верху. В новейшей российской культурной традиции такую руку зовут, разумеется, не «Франклин Делано Рузвельт», а «Сталин».

* * *

Теперь о модернизации. Сталинский миф — вернее, сталинский отрезок советского мифа простейшим (хоть и грубо-суррогатным) образом удовлетворяет общечеловеческую потребность в дальней и ближней исторической памяти — особенно в ближней,

связанной с семейной историей и осознанием физических корней современности: «Кто был дедушкин папа? Когда построили этот дом? Когда появились машины?». Ведь сталинская техническая и культурная модернизация — не просто «одна из». Она — исток явлений, актуальных по сей день и неизгладимых не только из истории, но также из повседневности. Отнеся к своей монополии всё, до чего можно было дотянуться, большевистский режим, безмерно персонифицированный в лице Сталина, послужил основоположником существенной (и капитальной) части нашей действительности. Мы живём в мире, где на полезных вещах (включая несущие балки) стоят клейма Хозяина, и ввиду невеликого выбора трудно доказать, что многие пороки материи (и духа) этого мира — тоже сталинское клеймо.

Нам никуда не деться от того, что свои второй, третий, четвёртый шаги отечественные авиа-, авто-, танко- и прочие -строения сделали именно при правлении и под вниманием Сталина. Из дореволюционной науки, теснившейся на университетских кафедрах, на квартирах профессоров и инженеров, не без сталинского соизволения разрослась мощнейшая советская система академий, институтов, «почтовых ящиков». По его приказаниям был осуществлён советский ядерный проект, зародились ядерная энергетика, ракетная техника, намечен был выход в космос.

При Сталине появилось отечественное звуковое кино и невиданный ранее характер и размах приобрело понятие популярной (т. е. общеизвестной) песни, чем определена хронологическая привязка множества устойчивых стандартов академической культуры и, главное, архетипов массовой. Долгие годы в согласии с личными сталинскими вкусами строилась культурная инфраструктура (причём в условиях тотальной культурной революции); тектонически менялся архитектурный

ландшафт. Апокрифический трюизм в отношении «сохи» и «атомной бомбы» подлежит справедливой критике, но уже не поспоришь с тем, что Сталин, приняв «губернскую Россию» деревянной и полуторазтажной «с непременным мезонином», оставил её «вампирной» и до сих пор остаётся в нашей культурной истории последним (и самым своевольным) творцом «большого стиля». Став абсолютным диктатором на время форсированного преобразования науки, техники, культуры (шедшего по всему миру, но в России сжатого с особенной яростью), Сталин превратился в абсолютного демиурга. Это очевидный и односложный факт. Те факты, что сила, кою представлял Сталин, фактически *завоевала* Россию, волей-неволей разгромив то, что бурно росло и без драконьего рачения, что сам он был не единственным демиургом, и демиургом скверным, строившим на костях и на перекрученных душах, выражаются и осознаются куда сложнее.

Беспрецедентно глубокая и затяжная революция, усугублённая невиданно широкой войной, полностью переплавилась Россия. В условиях всеобъемлющего сокрушения «старого быта» и столь же всеобъемлющей монополии государства на истину было создано общество, как будто весьма просвещённое (хотя бы в смысле «волей-неволей понахватавшееся»), но тем не менее обладающее очень короткой исторической памятью, во многом сформированной тем же звуковым кино и книжными фондами самого недавнего времени⁹.

⁹ Любопытно, что творчества многих авторов, изданных или переизданных с исключением из основной культурной жизни на доперестроечные десятилетия, стали фактами культуры с двумя либо с несколькими хронологическими привязками или вовсе со смещённой хронологической привязкой. К примеру, можно говорить о «дореволюционном» и «перестроечном» Мережковском, о Булга-

Из этой «короткой истории», порождённой буквальным «непамятованием родства», следует ещё более пугающее парадоксальное положение, образовавшееся в советские годы и не разрешённое по сей день, прямо противоестественное для такой значительной нации, как русская. Мифологизированная картина советской истории не только формирует ближнюю историческую память, но в большой мере выступает суррогатом дальней. Роль дальней исторической памяти состоит в том, чтобы нравственно связать личное бытие с общемирским, продлить семейное и товарищеское в родовое и племенное. Иначе страна воспринимается от силы как случайно подобранный командой, долг перед которой не так существен, как собственный интерес. Зачастую и перед такой командой, особенно в критических ситуациях, бывает стыдно потерять лицо, но жить с нею единым целым, тем более наперекор другим — странная блажь. Дальняя историческая память помогает обосновать значение частного *сегодня и вчера* связью с вселенскими величинами, поднять личность над прикладными частностями и сиюминутными социальными противоречиями, над пресловутой «колбасой». Без такой памяти любое сплочение остаётся потерявшейся частностью. Многие наивные постсоветские патриоты, пеняющие нелюбезным американцам на короткую историческую память последних, сами на деле оперируют отсылками отнюдь не к тысячелетней русской истории, а к пореволюционным десятилетиям и увязают в сегодняшних «колбасных» вопросах.

* * *

Вопреки усилиям тех, кто пытался воскресить «*Россию, которую мы потеряли*», внесоветской России почти не прибыло в общественном сознании,

кове 20–30-х, 60–70-х и «полном», о посмертном рождении российского Набокова.

а способности воспринять её, пожалуй, только убывают. Немногие истинные воскресители не находят доступа к народному сознанию, а многие ложные доносят до публики такое, что лучше бы вправду потерять и не находить. Дореволюционная Русь больше не демонизируется, но поклонники советских достижений (вместе со своими либеральными неприятелями) по-прежнему поплёвывают на неё, а главное — широкой публике (то есть телеаудитории) всё меньше знакомо, понятно, интересно.

По-настоящему интеллектуальные взгляды в прошлое (да хоть во что ещё!) не ценятся телевизионными продюсерами и многотиражными издателями. Ими же допускаемые исключения из правил удаются таковы, что лишь усугубляют сосущий хаос в умах. Противоборство фольклорного Сталина с полумифическим Александром Невским в профанационном проекте «Имя России» патриотизм укрепило не больше, чем кинодуэль русского ваганта с непонятным натовским гетманом в денежном пожарище, коего даже название при «продвижении» стали читать на басурманский лад — «Шестнадцать-двенадцать»¹⁰.

При такой кормёжке то игрищами, то скоморошинами, то малограмотными или натужно передёрнутыми «хождениями» и «поучениями» средний телезритель забывает уж и то, что знал. Русское богатство культурных образов тает на глазах. Всё меньше их присутствует в среднем сознании, всё

меньше считается им. Пелевинское «Generation “П”» (1999), констатировавшее моральное оскудение общества, десять лет спустя после выхода может восприниматься как свидетельство продолжающегося интеллектуального съёживания. В 90-е годы герой Виктора Пелевина, рекламщик Татарский, поражаясь торжеству пошлости (в том числе — собственной), перерабатывал в рекламу то, что казалось ему прежде культурными ценностями. И в данном случае писатель приводил подлинную ситуацию того времени к гротеску, но не к абсурду.

Лет десять–двенадцать назад в рекламе или в развлекательных телешоу, служащих для неё упаковкой, иногда использовались культурные или исторические отсылки, даже довольно сложные. Ныне в сходных материалах предельная интеллектуальная нагрузка состоит в обыгрывании образов даже не кино-, а телеперсонажей, считающихся общеузнаваемыми, либо в эксплуатации масскультовых псевдостилей, «раскрученных» прежде всего той же рекламой: лжедальневосточного (кимono, катаны, утробно-визгливые звуки), лжероманского (фламенко, мускулистые брюнеты, крикливые красотки) и т.д. Если воспользоваться строчкой Саши Чёрного, в ход уже идут «народии на народии» (рифма — «чревоугодие»). В рафинированном виде претворяется в жизнь принцип общества потребления, подмеченный Жаном Бодрийяром: идея потребления (в том числе — потребления коммерческого телепродукта) потребляется как самодостаточный продукт. И здесь уже (в отличие от опытов пелевинского героя) положение стремится к абсурду: образы, которые должны привлекать внимание к продукту за счёт своей узнаваемости, на деле обретают её, ибо мелькают на экране.

«Россия, которую мы потеряли» в этом медиапаясыне сводится всё больше к неуместному использованию

¹⁰ Судьба таких кинопроектов, как фильм Владимира Хотиненко «1612», заставляет ставить вопрос о том, что наличие идеологического заказа при полной бесконтрольности художественного (да и коммерческого) самовыражения исполнителей — ситуация, мягко говоря, причудливая и требующая создать открытое идеологическое учреждение, которое имело бы право спрашивать за производство заказных работ и обязанность выслушивать специалистов.

«і» с точкой да твёрдых знаков, к неостроумным образам каких-то купчин и «енералов», глупость которых должна потрафить нынешним «людям в бумажных воротничках» (как окрестил невзыскательных «менеджеров» тот же Саша Чёрный).

Так по-прежнему оттачивается советский взгляд на старую Россию: это нечто беспросветно убогое и скучное, далёкое и от западной экзотики, и от советской *цивилизации* (в хвалебном смысле слова). Только вот семидесятилетний советский «новый мир», несмотря на все свои достижения, плохо кончил и потонул в прошлом. Всё, что от него уцелело хорошего, осталось в нашей тысячелетней России, где нам и жить. Пребывание же в советском мифе и восприятие себя как потерявшего родину бывшего советского человека (пускай настроенного сколь угодно антисоветски) ни к чему, кроме уныния и озлобления, привести не может. Ведь одно дело жить мысленно в доме, хоть и повреждённом, но стоящем наперекор многим бедствиям, а другое — помещать себя на обломках. Одно дело признавать, что в твоей стране многое неладно и мрачно (хоть бывало и хуже); другое — жить уверенным, что её, в общем или абсолютно совершенную, «украли», «убили» или что *твоей страны* вовсе никогда не было, а был-де искони лишь какой-то «град обреченный», бестолковый и зловещий полигон, демонстрировавший миру, «как жить нельзя».

Мы же, против элементарных нужд общенациональной психики, съезжаем покуда в картину мира, где перед 1917 годом лежит ещё менее проницаемая тьма, чем это виделось при самой советской власти. Правда, теперь и Ленин с Октябрём тонут в первобытной мгле. Страна Российская Федерация началась с того, что из доисторического хаоса явился Сталин и слепил из камня трубку. И никакого, в строгом смысле, сталинизма тут нет. Чем пуще обедняется национальный мир обра-

зов и символов, тем большее место занимают в нём оставшиеся. Разрастание образа генералиссимуса есть видимое следствие культурного оскудения. Кажется, ещё немного — и молодые россияне, словно американские туристы, будут приписывать любое красивое здание «сталинскому стилю».

Если же генералиссимус — не просто свинцово-тяжёлая фигура русской истории, но её чуть ли не единственный главный герой, действительный «символ России», то остаётся либо отнестись к отечеству всё с тем же слюнявым сердобольством и «цивилизованным» презрением, либо (в психотерапевтических целях) нарисовать собственного Сталина. Можно пригладить, обобычить его вместе с большевизмом, отождествив их, например, с Наполеоном и французской революцией (кои, по правде, вряд ли достойны продолжающихся почестей, но всё же смотрятся бледными набросками рядом с апофеозом «Русского бреда» и «Чингисхана с телеграфом»). Можно сделать из Сталина стихийную, безличную, неподсудную морали силу¹¹ или же вовсе жертву предательского злословия.

Иными словами, сталинофильство

¹¹ Пример чего нередко дают эпигоны Вадима Кожинова, пришедшего к своему «национал-стоицизму» отнюдь не от цинизма, но от застарелой боли. Впрочем, то же кредо (вовсе его не разделяя) ещё раньше публично сформулировал Григорий Горин в пьесе «Тиль» (1970):

Ф и л и п н. ...Но подумай: а вдруг это всё естество? Ты же не испытываешь ненависти к землетрясению или к извергающейся лаве вулкана? При этом тоже гибнут люди... Ну и что? Природа, уничтожая, обновляется... Короли — тоже порождение природы... За что же ты ненавидишь меня? И вообще, что ты знаешь обо мне?.. О моих мыслях? О моих бессонных ночах? О моих страданиях?.. Почему нам не попытаться понять друг друга? (Горин Г.И. Шутовские комедии. М.: Эксмо, 2005. С. 119–120).

в значительной мере является не причиной, но следствием сверхвнимания к Сталину, опустошительного по отношению к остальной исторической картине. Ведь если это единственный заслуживающий внимания персонаж отечественной истории, а вся она едва ли не исчерпывается его ролью, никак нельзя позволить, чтоб он был негодяем¹².

* * *

Однако есть и ещё одна причина «историоощущенческого» характера. Неотъемлемой частью европейского массового сознания уже несколько десятилетий является ретро — игра с образами прошлого небольшой удалённости. Картины прошлого привлекательны экзотической красотой «винтажных» деталей, а также иллюзией некоего стилевого единства (создающего обманчивое впечатление упорядоченности и благоустроенности). Недалёкое прошлое тем более притягательно сочетанием сходств и различий с настоящим. Ретро существует в различных временных диапазонах (допустим, полувековой или вековой давности-дальности), и мода на эти диапазоны меняется. Дело тут и в объективных культурных тенденциях (возникают новые стилевые направления, «рифмующиеся» с определёнными старыми), и в том, что фокус ретромифологии смещается с ходом современности, одно модное *позавчера* сменяется другим.

Понятно, почему в брежневские годы в советской культуре возник миф о нэповском «золотом веке» — «*нашем, советском*», но «старинном», по-старорежимному элегантно, а главное — вольном. Без ретро совре-

менный человек жить не может; обделённый же и прошлым, и «красивой жизнью» советский человек без ретро не мог тем более. Конфетка «старого *рояля*» стала допустимой компенсацией за рыбий жир «революционной романтики».

Понятно, почему к серому концу застоя¹³ появилась мода на начало оттепели. Волей-неволей, скепсис не только возрастной природы слышится в предупреждении героини Инны Ульяновой, обращённом к молодому герою Меньшикова — Козакова — Зорина: «*Поговорим лет так через двадцать пять!*» Оттепельное второе дыхание советской утопии стремительно выдохлось, романтики стали скептиками, уставшими от «*проворных кляузников*».

Нэповский миф увял на наших глазах, но фильмы и музыка четверть- или третьвековой давности, эксплуатирующие светлые образы 50-х, и сегодня весьма популярны, теперь идя не за «ностальгию» старшего поколения, а за «настоящее ретро». Правда, молодой аудиторией они уже не воспринимаются как оттепельные. Скорее, как охвостье «*великой эпохи*» (что должно бы привести в ужас настоящих пятидесятников).

Условно говоря, для воплощения в ретро крайне благодатен временной отрезок, когда детьми были отец нестарого режиссёра и дед молодого кинозрителя. Исключениями подтверждается правило: заметное в советской культуре 60-х — начала 80-х гг. отношение к реалиям какой-нибудь «поколениелетней» давности как к ретромифу (сначала героико-романтическому,

¹² Надо заметить, насколько схожи культурные основы, с одной стороны, положительной мифологизации Сталина как «русского демиурга» и «архетипического русского вождя», а с другой — очернения России через его же абсолютизирование.

¹³ Серому — отнюдь не по модам, не по возможностям следования оным и даже не по привычному быту, но по ощущениям от зримых перспектив. Стало ясно, что советский прогресс непоправимо экстенсивен и выдыхается, что расширение советского мира закончилось — этот мир давал надежду лишь на косметические улучшения и был удручающе узок.

а позже сентиментальному) — это всё же следствие укороченной и спрессованной советской истории, социальных потрясений («до войны» — словно в прошлом веке) и резкого перехода от архаики, подрасцвеченной «штучным» классицизмом, к «типовой», «панельной» современности. Теперь, по мере удаления от революционно-военной эпохи и удлинения послесталинской «нашей эры», всё стало на свои места. В массовой культуре произошло достаточно чёткое разделение хронологически отдалённого ретро и близкого «винтажа», «ностальгии» по недавнему прошлому (всё больше — по своему личному). Для ретро желательна дистанция не менее 40 лет, а лучше — 50–70. За годы, прошедшие от позднесостойного умиления нэповскими «старыми ролями» до наших дней, основной фокус ретромифологии естественным путём сместился с «золотых» 20-х годов на «стальные» 40-е.

Вернее, в 70–80-е годы ретромифология обращалась к 1900-м — 30-м годам, реалии коих путались до полного «сюра». Иного и быть не могло — слишком коротки (и однобоко «оборудованы для веселия») были и нэп, и предвоенный, когда «*жить стало лучше*», отрезок¹⁴, и «цивилизован-

ный» телефонно-автомобильный серебряный век¹⁵, сюжеты которого очень хотелось легализовать через советскую действительность. Ныне же игра перешла на более цельный период 30–50-х, теперь однозначно понимаемый как сталинский (тогда как в позднесоветскую эпоху сама власть всячески стремилась если не умолчать о сталинском единовластии, то убавить роль вождя и внимание к нему).

* * *

Что особенно важно: если старый сентиментальный миф в какой-то мере противостоял официальному — революционному и военному, то новый миф о «глянцевом сталинизме» объединяет героическое с легкомысленным, трагедийное с «красивым», архаическое с прогрессистским.

Новый миф забрал у позднесоветской химеры «ильфопетровского»¹⁶

нительно к полному набору штампов вообще хронологическая нелепость, ибо на «веселую жизнь» остаётся какой-то год), а с другой — на время «репрессий» и «культы». Теперь же это время относительной бытовой и культурной стабильности (совпавшее с истреблением советской элиты и фактическим возобновлением массового красного террора) превращается то ли в первый, то ли во второй акт уже сталинского «золотого века». «Растягивание» исторических этапов (или даже моментов), понимаемых как «классические», и, тем более, фантазийное конструирование «классики» (к примеру, стереотипов «рыцарского средневековья») из хронологически разнородных элементов — вообще крайне интересное свойство культурной ретроспекции.

¹⁵ В исконном смысле, данном Гумилёвым-сыном.

¹⁶ Можно вспомнить о том, что «Золотой телёнок» (1931), замысленный сразу после «Двенадцати стульев» (публиковались с начала 1928 г.), писался (с перерывами) и тем более вышел уже в совершенно другой, «переломленной» реальности. Этим стремительным переменам уклада и быта, катастрофичным для всей страны, Константин Симо-

¹⁴ В послесталинскую эпоху этот период 1934–1941 гг. («съезда победителей», второй пятилетки, когда «*жить стало веселее*», и кануна войны) воспринимался (порой удлинённый за счёт голой первой пятилетки) как «предвоенная классика»: были сняты общеизвестные звуковые фильмы, написаны книги, якобы запечатлевшие время, сложилась сталинская архитектура, появились воинские звания и установились традиции награждения «знатных людей», промелькнули красноармейские, осоавиахимовские, пионерские и прочие картины «гайдаровской, добротной и загадочной жизни». Для сведущих «предвоенная классика» была разделена, с одной стороны, на подлинную «гайдаровскую жизнь», безжалостно разрушенную «тридцать седьмым годом» (что приме-

«золотого века» музыку 30-х и комедии Александрова (разумеется, попавшие туда по вынужденной ошибке).

Новый миф вошёл в резонанс с героической мифологией Великой Отечественной и вобрал в себя пафос «ледовых подвигов» и Осоавиахима. Дмитрий Быков в романе «Оправдание» (2001) замечательно описал родившуюся в 70–80-е годы из дачных вещей и старых журналов (причём не только сталинского времени, но и позднейших — «Юности» 60-х) детскую иллюзию «Империи», в которой шла «гайдаровская, добротная и загадочная жизнь»¹⁷. Игровая, мультипликаци-

нов в новом издании романов, реабилитированных (после странного разноса 1948 г. — о чём см. *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Легенда о великом комбинаторе (В трёх частях, с прологом и эпилогом) // *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой телёнок: Первый полный вариант романа. М.: Вагриус, 2000), дал выверенно-сухое определение: «*Отошли в прошлое остатки нэпа*» (*Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев. Золотой телёнок. М.: ГИХЛ, 1959. С. 10).

¹⁷ «В Империи, как она представлялась Рогову, стояла вечная ночь. Представление это, по-видимому, сформировалось не без влияния единственной довоенной книжки, которая была у них в доме, — полярных дневников Кренкеля. <...> Эта полночная страна рисовалась Рогову в виде огромной живой карты, на которой таинственно перемигивались телебашни, радиовышки, кремлёвские звёзды и летящие в низких тучах военные самолёты. <...> по засекреченным адресам отбывали поезда, в которых пили чай немногословные светловолосые военные. Глубоко под землёй строили метро <...>, тайное, резервное, на какой-то особенный случай. <...> Эта же советская жизнь смотрела на Рогова с обложек старой «Юности» <...>. С каждой обложки смотрели огромные пустые пространства <...>. Теперь Империя исчезла, и природа задним числом мстила ей, расправляясь с нею так же легко и нерассуждающе, как и та когда-то с природой» (Быков Д.А. Оправдание. Эвакуатор:

онная картинка героической, «страшно секретной» и «крепкой»¹⁸ державы, где «*всё было чёрное и белое <...>; только поезда были голубые, а самолёты зелёные*», не существовала раньше вне детского обобщения и неведения. Сегодня же она, распространяющаяся по всем видам «экранов» и «текстов», от компьютерных игр до монографий, становится ретроспективным¹⁹ мироощущением вполне взрослых людей.

Если в упомянутом романе слово «Империя» — явно из лексикона уже взрослого героя-историка, в 90-е годы вспоминающего свои детские фантазии, переводя советские исключения из правил на усреднённый, общечеловеческий (то есть внесоветский) язык, то ныне даже безусловные знатоки истории и культуры, не вдумываясь, всерьёз именуют «*имперским стилем*» создававшийся под сталинским художественным руководством антураж нигилистической утопии²⁰.

Романы. М.: Вагриус, 2008. С. 44–46).

Здесь, в частности, очень показательна та деталь, что в московской квартире интеллигентной семьи (дед героя — репрессированный учёный) хранится лишь одна довоенная книга.

¹⁸ Чрезвычайно популярное словечко из «весомого, грубого, зримого» языка той эпохи, отнюдь не только гайдаровское: «*крепко бить фашистов*» — частотнейший риторический оборот военных лет.

¹⁹ Стоит оговориться, что под *ретроспективной* здесь понимается буквально *видение минувшего* (вообще), в то время как *ретро* — это всё же культурная игра (в смысле *развлечение*).

²⁰ При всём уважении к гуманным идеалам советской утопии (равно как и при неуважении к методам их воплощения), нужно признать, что поиск «национальных» или «консервативных» оснований того и другого бесплоден. Безусловно, определённые паттерны русского характера возымели серьёзное влияние на судьбу (и облик) утопии. Причём это стереотипы отнюдь не только властные и подданные, но также авантю-

Наконец, если советскую космическую эпопею не без участия послесталинской пропаганды (но и не без искренности) воспринимали как нечто новое, рождённое «победившей страхи Россией»²¹, а сталинизм отождествляли с «трудностями» (проще говоря, с нищетой) и со всяческой нелепой архаикой (не говоря уж о спазмах, стиснувших к началу 50-х любую мысль)²², то теперь советские

ристические (от «лихих людей» Гражданской до выхлеста «романтики» в 60-е), правдолюбческие (от иссякшего левачества крестьянского до мутировавшего левачества интеллигентского), просветительские и т.д. Однако сущность утопии оставалась «интернациональной», то есть анти- или, в лучшем случае, вненациональной и вообще агрессивнo-антитрадиционнoй, т.е. нигилистической. Советская (она же партийная) власть, а по сути — революционная диктатура положила немало сил, чтобы русская государственность не воспринималась как русская (прежде всего самими русскими). Та русская культура, гарантом и проводником коей выступало советское государство, — это всё же не вполне русская культура. Русская (вернее, советская) революция уникальна тем, что стала первой (и, пожалуй, единственной) антинациональной.

²¹ Из стихотворения Евгения Евтушенко «Страхи»: «Нас не сбили и не растлили; // и недаром сейчас во врагах // победившая страхи Россия // ещё больший рождает страх!» (Евтушенко Е.А. Катер связи. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 193).

²² «...они в раннем детстве пережили войну с Германией, потом гражданскую войну, потом вторую мировую войну, а в промежутках голод, нэп, нехватку жилья и одежды. Иные из них без вины лишились свободы, других постигла смерть на войне», — обращаясь к читателям молодёжной книжной серии, говорил о поколении героев «медицинской» трилогии Юрия Германа («Дело, которому ты служишь» — «Дорогой мой человек» — «Я отвечаю за всё») консультант писателя, генерал медслужбы (Арьев Т. Врачи и медицина в трилогии Ю.П. Германа //

научно-технические завоевания на наших глазах становятся «сталинско-бериевскими», а внимание молодого поколения фиксируется не на демократичных бытовых достижениях оттепели или застоя, но на материальной культуре «советского ампира», в реальности, за редкими исключениями, являвшейся скудным коммунальным достоянием²³.

* * *

Как уже говорилось, актуальность ретромифов не определяется только дистанцией. Кое-что диктуется просто модой. В последние два десятилетия на Западе стали популярны стили стимпанк и дизельпанк — фантазии на темы, соответственно, машинной революции XIX века и рождения нынешней технологической цивилизации в 20–40-е годы XX века. Причины этой моды, пожалуй, очевидны. Технологическое общество уже достаточно старо. С одной стороны, техника сама по себе стала чем-то затрапезным. Как предмет игры она уже не слишком интересна. Нереальный гоночный автомобиль, гружённый секс-символами обоёго пола, ещё прокатит, но «электричество на оглобелях» — давно уже не экзотика, а скучный быт. С другой стороны, без техники и разных иных явлений, давно ставших привычными, играть уже неудобно. Платить на героях будет пускай старинное,

Герман Ю.П. Я отвечаю за всё. М.: Молодая гвардия, 1967 (серия «Тебе в дорогу, романтик»). С. 925).

²³ Ответом на этот тезис напрашивается то возражение, что «красивости» любой исторической эпохи — лишь яркая заплатка на фоне бесправной нищеты или, в лучшем случае, унылой «бытовухи». Однако сталинский «ампир» уникален тем, что был именно декорацией (зачастую — в прямом смысле — без задника), а не полноценной жилой средой для сколь угодно узкого слоя «лучших людей» в стране, «вздёрнутой на дыбы» с беспрецедентной беспощадностью.

но желательно, чтоб имелись удобства. В-третьих, технологическое общество прошло уже достаточно длинный путь, чтобы обзавестись собственным ретро. Сорок лет назад паровоз был противным вчерашним днём, сегодня же воспринимается как благородная экзотика. Для коллекционера ретроавтомобиль — сам по себе ценность; а кинорежиссёру, ставящему «костюмный» фильм, желательно достать «много машинок», чтобы сыграть в настоящее «старинное» автодвижение.

Получается, что своего стимпанка у нас нет (слишком запоздала и жидковата российская «чугунка» перед англо-американским пароэлектрическим Вавилоном). Зато наш дизельпанковый период (тоже запоздалый и, признаться, разрежённый) приходится на сталинское время. Конечно, и последнее, чтоб набрать материала, придётся растягивать на все 50-е годы²⁴, но

²⁴ Например, систематическое снабжение советской милиции авто- и мототранспортом началось только в 1956 г.:

«1. ...выделить и поставить Министерству внутренних дел СССР в IV квартале 1956 г. ...для милиции 200 легковых автомобилей (ГАЗ-69 — 100 штук и М-20 [“Победа”] — 100 штук)...

2. ...предусмотреть в плане на 1957 год поставку... для милиции... 2000 легковых и 1400 грузовых автомобилей, в том числе ГАЗ-69 — 1300, ЗИМ-12 — 50, М-20 — 650, ГАЗ-51Р — 1400 (без счётчика)...

3. ...поставить... для милиции 500 мотоциклов М-72... а также предусмотреть... на 1957 год выделение МВД СССР мотоциклов М-72 — 4000 штук».

Особо следует отметить, что Госэкономкомиссии и Министерству автомобильной промышленности СССР приказывалось осуществлять эти форсированные поставки «за счёт уменьшения рыночного фонда». Предписано также было «разработать... опытные образцы мотоциклетной и переносной радиостанций, а также малогабаритной радиостанции весом от 1,0 до 1,5 кг вместе с источником питания и обеспечить выпуск

ведь с советским канотейно-вуалевым «золотым веком» и не такое проходило!

Полуфантастическая дизельпанковая стилистика избавляет фантастическую «гайдаровскую империю» от малосюжетья, неактуального аскетизма и слишком заметной детскости, даёт возможность завернуть самые разные (и «красивые») сюжеты в чрезвычайно тесную обёртку сталинского «регулярства». Едва ли не первым из заметных опытов дизельпанкового слияния «детских» ощущений «ночной империи» со «взрослыми» штампами «золотого века» советского ретро стал печально знаменитый мюзикл «Норд-Ост». Пожалуй, общеизвестных удачных произведений в этом стиле пока не создано — всё больше корявистые монографии о сталинской обороне либо сталинской оборонке да проходные беллетристика и сериальщина, штампы которых вышибают смех и слёзы. Однако находится достаточно вещей, способных быть прочтёнными в ключе «сталинского романтизма» — от компьютерных «стратегий» и справочной литературы о технике военных лет до таких достойных (и глубоко человеколюбивых) произведений, как фильм

первой партии их для милиции в 1957 г.», «разработать типовые схемы проводной связи и радиосвязи для органов милиции». (См. приложение №1 «Мероприятия по техническому оснащению милиции» к постановлению Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР» от 25 октября) (Бегда А.М. Советская политическая культура через призму МВД: От «московского патриотизма» к идее «Большого Отечества» (1946–1958). М.: Мосгорархив, 2002. С. 235–237).

Что примечательно, первые советские кинофильмы «о героических буднях работников милиции» — «Дело №306» (1956), «Ночной патруль» (1957), «Дело пёстрых» (1958) — были созданы тогда же (два последних — как частный итог этих мер).

Владимира Машкова «Папа» (2004)²⁵ или скорбная вокальная композиция Ирины Богушевой «Рио-Рита». Заронённый в сознание публики миф о глянцевице сталинском дизельпанке начинает питаться далёкими от всякого сталинизма сюжетами; фантазийно их интерпретируя, он заполняет мироощущение бывших советских людей. Ведь основную ткань любого исторического мифа составляют не столько факты (хоть научные, хоть легендарные), не столько даже художественные образы, сколько субъективно воспринимаемый вкус времени.

²⁵ В фильме Владимира Машкова, поставленном по пьесе Александра Галича «Матросская тишина», нет репрессий, эта сторона реальности не затронула персонажей. Юный герой живёт в мире, похожем на мостик, перекинутый от Шагала к Искандеру, защищает этот мир с оружием в руках и, видимо, не испытывает никаких сомнений в справедливости «Советской Родины». Здесь авторы фильма следуют не только букве пьесы, но и доносят до зрителей определённую сторону исторической правды: факт неведения значительной части общества, которую нельзя упрекать в лицемерии и, тем более, в потворстве всеильной тирании. Однако не попадающее в кадр вовсе не отсутствует в реальности фильма. В ней тонко создаётся ощущение напряжённости. Например, в сцене, где старший герой, старик-еврей, «подозрительно» заплутавший в предвоенном московском метро, привлекает к себе внимание дежурной и милиционера, но его куда не забирают и, разумеется, не должны были бы забрать — за такое не забирали. Однако, по зримой авторской идее, зал должен чувствовать напряжение: ничего страшного в кадре не происходит, но страшное творится совсем рядом с этими людьми, словно беспечными, лишь изнывающими, будто дети, «от мелких своих катастроф». Тем не менее эта напряжённость, очевидная для зрителя, знакомого с неоспоримыми историческими реалиями того времени, не обязательно заметна и понятна зрителю, хотя бы просто не посвящённому в оные.

Беда, конечно, не в том, что кто-нибудь возьмётся и создаст в ретродефективном или ретрофантастическом жанре отдельное остроумное произведение, подобное квазидокументальному фильму Алексея Федорченко «Первые на Луне» (2005) либо роману Ильи Бояшова «Танкист, или “Белый тигр”» (2007), а оно возьмёт и прогремит на всю страну. Пускай себе гремит, утоляя застарелый уже культурный голод по новым образам. Но куда стихийная сталинофилия остаётся общим поветрием, и «Первые на Луне», и «Папа», и «Звезда» (2002) Николая Лебедева волей-неволей будут подкреплять миф о «гайдаровской империи», где шла «добротная», а то и «совсем хорошая» жизнь. Появись новые «Покровские ворота» — и они будут восприниматься как аргумент в пользу этого мифа.

Теперь, обнаружив в Интернете или в журнале подборку чёрно-белыхню под названием «Тайны сталинского дома», нужно понимать, что «сталинский» уже означает всего-навсего «старинный». На первом плане здесь нет никакой идеи, но исподволь «у воды» продвигается тот же миф о «Сталин Live Forever», который «наше всё».

Таким образом, шаг за шагом, фигура Сталина превращается уже в некий квазинациональный идентификатор. Ведь мы не имеем даже общепризнанных слов, обозначающих единую национальную идентичность. Понятия «советский», «российский», «русский» — все, так или иначе, не работают. «Советское» уже мертво. Но и «российское» воспринимается как «россиянское», «эрэфовское», пораженческое. А до сих пор не реабилитированное «русское» — это либо паспортно-бюрократическое, либо неполиткорректное и неприличное, либо совсем уж сегрегационное, «полусахалинское», «националистическое» (в ругательном смысле, но с намёком не на «погромность», а ско-

рее на разгромленность). Русские называют себя «своими» и «нашими»²⁶. В этих простейших определениях не было бы ничего дурного, если бы за ними скрывались какие-то согласованные понятия (Русская Императорская армия — тоже «наша», даже у Брокгауза)²⁷. Но вместо гражданского символа веры — вавилонское смешение языков. Эта потерянная, сложенная с российской небрежной *унылостью*²⁸ (издавна играющей на руку соблазнам недосыгаемого и преодолимой только мощнейшими государственными усилиями), естественным образом вызывает острое желание обрядиться в какие-нибудь победительно-яркие цвета. А нынешняя *российская культура* и в целом обстановка в русском мире не предоставляют нуждающим-

ся выбора, если только не углубляться в мудрствования, порождающие всё больше мелкодробных (и враждебных друг другу) идентификаций.

* * *

В отсутствие ёмкого и ясного образа России лик вождя и эпитет «сталинский» превращаются в символ — но только не России, а потерявшейся нации и запутавшегося государства. Европейски сшитая публика и заграничные медиа в этом нам пособят. Западной публике много лучше, чем нашей, известно, что символ России — Сталин, что её вооружённые силы называются «*русская Красная армия*», а тюрьмы — «*русский ГУЛАГ*». Обретающий европейскую известность диджей Леонид Руденко явно далёк от тоски по железной руке, но и видео-ряд собственного клипа «*Everybody*» (2009) наверняка разрабатывал щепетильно. Как прикажете понимать взирающий на потных полуголых девиц портрет генералиссимуса? Двадцати-четырёхлетний музыкант, очевидно, счёл, что это — общепонятный знак «*Made in Russia*».

Если в популярном искусстве тон задаёт пока что даже не сталинофилия, а квази сталинизм, произрастающий не столько из авторской неловкости, сколько из предвзятости публики, то книги, не скупящиеся на похвалы Сталину, давно уже выпускаются мощнейшими издательствами. Юрием Мухиным и Юрием Жуковым дело не ограничивается.

Хотя всё не так просто: порою как «сталинистские» воспринимаются работы авторов, ничуть не собиравшихся лить воду на мельницу «культы». Если эти авторы в чём виноваты, так это в том, что не столько с исторической, сколько с литературной точки зрения недорасставили акценты, стараясь подать материал во всей физической и нравственной противоречивости. Эта не до конца реализованная заявка на диалектическую сложность

²⁶ Иные советологического пошиба параноики (позволим себе воздержаться от приведения имён и цитирования площадной брани) уже обнаруживают «*расистское*» значение в разговорном понятии «*наши*», хотя в действительности оно скорее обозначает «*те, кто живёт тем же, чем я и мои близкие, кто поймёт, не обидит, не предаст*». Понятно, что человек, отрицающий общую идентичность с русскими, не является «*нашим*», хоть и может быть принят за такового. Однако инкорпорированный в русское общество еврей, армянин, дагестанец (не говоря уж о «славянине») тоже сознаёт себя «*своим*», ибо оперирует теми же понятиями.

²⁷ Например: «*наши войска*», «*наши кавказские войска*», «*обмундирование нашей армии*» (Энциклопедический словарь (Брокгауз — Ефрон), т. 36, статья «*Форма обмундирования войск*» (Носович А.). СПб., 1902. С. 279).

²⁸ Будучи мощными действующими лицами русской истории, *скука* или *тоска* и часто отождествляемая с ними *унылость* — давящая монотонность и малая благоустроенность российского пространства (природного, инфраструктурного, жилого) представляют особый интерес как объект исследования с высокой степенью практического приложения.

понимается превратно и советофилами, и радикалами-обвинителями, повсюду ищущими сталинизм. Например, таковы трудноуловимые, но оставляющие неприятный осадок риторические недочёты спорной, но добротной книги Юрия Шевцова «Новая идеология: голодомор»²⁹.

С другой стороны, никаких сомнений в позиции составителя (и в терпимости издательства) не вызывает, например, аннотация к энциклопедии «Иосиф Виссарионович Сталин»³⁰: «...впервые сделана попытка собрать сведения из жизни И.В. Сталина, руководителя государства, при котором Россия из разграбленной и разрушенной аграрной страны, пройдя через горнила великой войны, превратилась в великую космическую державу». Как видим, автор вынужден работать с понятием «Россия», гримируя лидера антинациональной революционной диктатуры под национального героя. Однако можно быть уверенным, что подача материала «с позиции уважения к личности великого человека, которым, безусловно, являлся И.В. Сталин», всё-таки довольно безобидна, если обременена замшелой риторикой в стиле «сталинских кочетов» застоя.

Куда лучше сталинский миф глотается в такой современной упаковке, как монография Юрия Тихонова «Афганская война Сталина». Автор чётко высказывает своё мнение в аннотации на фронтисписе и на последней странице обложке: «...Сталин не жалел ни сил, ни средств для защиты советских интересов в этом регионе. Битва за Афганистан — эта великая тайная война, в которой, кроме СССР, участвовали еще и Британия, и Третий Рейх, и США, — затянувшаяся на весь XX век, не закончена до сих пор. И если

*мы не хотим вновь проиграть в схватке за Азию, нам есть чему поучиться у И.В. Сталина, сумевшего, не вступая в прямой вооруженный конфликт, не только отстоять, но и упрочить влияние России в этой зоне наших национальных интересов»*³¹.

Имя Сталина привлекает взгляд и хорошо продаётся. Изгонять его коммерчески неоправданно. В энциклопедических изданиях «Москва сталинская» и «Победы сталинских соколов»³², пожалуй, нет апологетики генералиссимуса. Наверное, в них смотрелось бы неуместным и недавнее дежурное ниспровергательство, напоминающее пресловутый советский «вопрекизм»³³. Но когда имя используется как лобовая реклама то пятой,

³¹ Тихонов Ю. Афганская война Сталина: Битва за Центральную Азию. М.: Эксмо, Яуза, 2008 (серия «Сталин: Великая Эпоха»).

³² Быков М. Победы сталинских соколов. 1941–1945. М.: Яуза, 2009; Вострышев М. Москва сталинская. М.: Алгоритм, 2009.

³³ В данном случае я подразумеваю, скорее, советскую идеологическую посылку о трудносовместимости полноценной жизни с несоциалистическим строем, встречающуюся в советских текстах любого жанра (хотя, разумеется, отнюдь не повсеместно). Однако не следует забывать и об «академическом» варианте этой посылки. О нём, отстаивая свои консервативные предпочтения, упоминал Вадим Кожинов: «В советское время была популярна даже своего рода “концепция” так называемого вопрекизма, с помощью коей пытались доказывать, что исповедовавшие безусловно “консервативные” и “реакционные” убеждения великие мыслители, писатели, деятели науки — такие, как Кант, Гегель, Гёте, Карлейль, Бальзак, Достоевский, — достигли величия в силу некоего парадокса — “вопреки” своим взглядам» (Кожинов В.В. Россия. Век XX-й. Серия «Классика русской мысли». М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. С. 169.). Справедливости ради стоит отметить, что к «вопрекизму» склонны прибегать не только социалисты и либералы, но и консерваторы.

²⁹ Шевцов Ю.В. Новая идеология: голодомор. М.: Европа, 2009 (серия «Холокост»).

³⁰ Иосиф Виссарионович Сталин: Энциклопедия / Сост. В.В. Суходеев. М.: Алгоритм, 2009.

то десятой, то сотой книги (как, например, в заголовке монографии Евгения Подрепного «Реактивный прорыв Сталина», по правде посвящённой «истории отечественного самолётостроения в 1946-м — середине 1960-х годов»)³⁴, книжные ряды превращаются в непрерывную рекламу имени. Закономерным следующим этапом будет: «А куда ж без него?».

«Как сказал Сталин — история не знает сослагательного наклонения. Ну а фантастика — знает. Так что добро пожаловать в новый мир. Мой новый мир...» Так открывается аннотация к фантастической книге Романа Злотникова «Царь Фёдор. Ещё один шанс...». А дальше начинается монолог нахрапистого олигарха, попадающего в прошлое, чтоб избавить Россию от Смуты и вздёрнуть на дыбы... Сталинское имя на обложке купно с объяснением того, что такое марина (то бишь стоянка для яхт), на первой же странице — это прямо-таки выжимка взрослого за последние годы в медиасреде безумного представления о народно-завлекательном³⁵.

Издательская «простота» порою смотрится жутче писательского сталинизма. Сомнительно, чтоб известные публицистки Ирина Медведева и Татьяна Шишова, творчество коих обычно посвящено заботе о правах ещё не рождённого человека, знали, что в аннотации на обложке их книги будет напечатано: «Что это? Сталин был прав и заговор врачей существует?»³⁶. Похоже, это преуспел редактор.

Ничем не лучше рекламной стали-

нофилии рекламный антисталинизм. «Если вы верите, что сталинизм может вернуться, не храните эту книжку дома. Иначе вы и ваши родственники окажетесь в ГУЛАГе. Я считаю, что здесь впервые на документальной основе раскрыт механизм создания культа личности средством визуального искусства», — даёт завлекательную аннотацию для русского перевода монографии Яна Пламера нью-йоркский художник Виталий Комар, участник арт-группы «Комар & Меламид»³⁷. Техника в книге и вправду раскрыта, но, как видно, и неформал-эмигрант, привыкший, что кругом ни к месту поминают «бренд» ГУЛАГ, и российские редакторы в равной мере не понимают, что подобная «страшилка» бестактна, ибо безосновательна, зато в силу своей бестактности невольно подпитывает сталинофилию. Сталин, гонимый и «свой», да вдобавок создавший такие впечатляющие механизмы, видится куда симпатичнее шалопаев-«демократов». Антисоветская горе-пропаганда на фоне закоренелого неудачничества «несоветской» власти (и беспомощности вываленного из колодок общества), как могла, распространила в массах сталинофильский лозунг: «Сталин мог, а вы не можете!»

С другой стороны, задевать нежные чувства сталинистов многим кажется «нетолерантным». Помню, в «Литературной газете», когда я несколько лет назад предложил туда свою статью «Не поминайте к ночи!»³⁸ о корнях наивного неосталинизма, мне ответи-

³⁴ Подрепный Е.И. Реактивный прорыв Сталина. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 568 (Серия «Советская авиация»).

³⁵ Злотников В.Р. Царь Фёдор. Ещё один шанс: фантастический роман. М.: Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2010 (Серия «Фантастическая история»).

³⁶ Медведева И., Шишова Т. Спецмиссия антихриста. М.: Алгоритм, 2009 (Серия «Школа злословия»).

³⁷ Пламер Ян. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве (авторизованный пер. с англ. Н. Эйдельмана). М.: Новое литературное обозрение, 2010 (Серия «Очерки визуальности»).

³⁸ Позднее опубликована с сокращениями, см.: Завольский Д. Неосталинизм — торжество расслабленного невежества // Невское время, 2008, 24 декабря (<http://www.nvspb.ru/stories/neostalinizmtorzhestvo>).

ли: «Мы стараемся, чтоб у нас были представлены разные мнения». Имелось в виду: «Мы не хотим отталкивать наших постоянных авторов и читателей репликами, которые будут им неприятны».

Генералиссимуса поминают бесцельно, из дурного вкуса, из безответственности, из лени искать других «celebrities». Для журналиста, берущегося за тему «лимузины» или «трубки», Сталин — обязательный VIP: ну не на Мэрилин же Монро ссылаться, если нужен в меру историчный и светский материал о папиросах! И уж оскомину набило непременно упоминание «сталинских яблонь» при всяком журналистском касательстве здания МГУ на Воробьёвых горах.

* * *

Продолжать список примеров можно долго, да и взятый наугад сюжет «X на фоне Сталина» или «Сталин в контексте Y» наверняка окажется уже востребованным или востребуется в ближайшем будущем. Ведь как диктатор и как основоположник-демиург Сталин всеобъемлющ, относительно современен и ярок. Но актуальная бестактность или популярная форма членовредительства от попадания в общую струю благом не становится. Сталин — это рана. Нелеченная, плохо затянувшаяся и вновь раскрывшаяся. В рану не лезут пальцами.

Беда сталиниста, даже самого радужного, состоит в том, что сталинская действительность, по сути, отрицает Россию — не только предыдущую, но и последующую. России жизненно необходимо, чтобы патриоты не столько «всех победили», сколько нашли бы меж собою общий язык и объяснились с «нашими» и «не нашими». Сталинофилия делает диалог с мудрым и

спокойным оппонентом невероятно трудным, а с обычным, тем более с предвзятым — просто невозможным. Сталинисты не могут бороться ни против «фальсификации истории», ни за «улучшение имиджа России за рубежом» — в том числе за ближним и мало кому нужным. **Сталинофильством не сплотишь нации. Фантомным советизмом, всепожирающей ностальгией по Советскому Союзу, принципиально неповторимому, ограниченному хронологически и онтологически, не проложишь путь ни в какую модернизацию, ни к какой «империи».**

Навязчивые игры с советским прошлым, всё дальше уводящие от реальности, что насущной, что исторической, — это не национальная идея, а национальный наркотик, и зависимость от него всё усугубляется. Уже несталинская советская действительность окрашивается в сталинские тона. Русское по сей день до предела отождествлено с советским; теперь же советское на наших глазах отождествляется со сталинским. Красный морок, в который до сих пор окрашен русский мир, принимает кроваво-багровый оттенок. *Фантомный советизм*, имеющий всё больше целого с глянцевой сталинианой, вытянул из русского патриотизма немало соков.

Альтернатива советофильской химере очевидна — это здоровый национализм, почитающий национальное бытие на всём его историческом протяжении, отрицая благость изуверства и людоедства. Однако сейчас уже можно с уверенностью сказать, что расплатой за длительное засилье как бесплодной советофилии, так и явлений, в последние годы её поддерживавших, становится новый откат к антидержавному нигилизму. Национальной мысли предстоит справиться и с этой болезнью.

МАКСИМ ЖИХ

НАРОД И ВЛАСТЬ В КИЕВСКОЙ РУСИ (ДО КОНЦА XI ВЕКА)

Сейчас, когда российское общество занято поиском оптимальных форм общественно-политического устройства, как никогда актуальным становится обращение к истории России в поисках ответов на злободневные вопросы современности. Чтобы понять, кто мы, куда идём и что нам нужно, следует прежде всего взглянуть в собственную историю, понять её особенности и связанную с ними ментальность народа. Прошлое нередко становится полем битвы сторонников разных общественно-политических проектов современности, ищущих историческое обоснование своему видению будущего России. При этом, к сожалению, уровень собственно исторической подготовки политиков и общественных деятелей, увлечённых спорами о «судьбах России», в большинстве случаев невысок, соответственно, оперируют они зачастую лишь разного рода мифологемами. Соответственно, их споры на исторические темы превращаются в «дискуссии мифологем», имеющих весьма опосредованное отношение к историческим реалиям.

Очевидно, что к настоящему моменту авторитарные формы правления показали свою неэффективность в сравнении с демократическими, и будущее России народное большинство связывает с подлинной демократизацией её общественной жизни и политической системы. Но в то же время очень живой является запущенная «либералами» мифологема о России как о стране якобы «тысячелетнего рабства», с которой связано представление о том,

что в «этой стране» никакой демократии и вообще ничего хорошего быть не может. Своеобразным зеркалом этого представления является мифологема, популярная у части «патриотов», в соответствии с которой нашей стране необходима «сильная рука», при наличии которой только и может существовать Россия. Хотя те, кто исповедует эти мифологемы, друг друга обычно, мягко говоря, не жалуют, являются они, в сущности, двумя сторонами одной медали, так как из обоих вытекает, что наш народ органически не способен к демократии и самоуправлению. Но что стоит за подобными тезисами? Имеют ли они какие-либо исторические основания? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к истории нашего Отечества, и в первую очередь — к историческим истокам Руси-России.

* * *

С момента первого появления славян на страницах письменных источников в VI в. мы видим существование у них институтов общественного самоуправления. Византийский историк Прокопий Кесарийский писал о славянах и антах, что они «не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща»¹, и описывал принятие антами, вероятно, на народном собрании, решения о договоре с Византией².

¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1995. С. 183.

² Там же. С. 183–184.

В то же время из византийских источников мы знаем о существовании у славян и антов VI–VII вв. знати и князей. Однако, по всей видимости, княжеская власть в этот период ещё не превратилась в наследственную, и князь избирался народным собранием, преимущественно из представителей знатных семей, для управления племенем или племенным союзом и ведения военных действий против врагов. Но знать не была замкнутой стратой, оторванной от народа, пополнить её ряды легко мог любой храбрый воин или искусный в каком-либо деле человек. Существование свободно пополняемой прослойки знати, представители которой осуществляли оперативное управление на определённых участках, было необходимым элементом функционирования сложного социального организма, каковым было «племя», а тем более — «союз племён», особенно если он имел прочный и долговременный характер³. Точно так же необходимым было существование князя, осуществлявшего общее оперативное управление. Но все принципиально важные для общества дела решались на народном собрании, значимость которого определялась не в последнюю очередь тем, что всё взрослое мужское население представляло собой «вооружённый народ» и в случае необходимости готово было выступить в военный поход (хотя существовали и, так сказать, «силы постоянной боевой готовности» в лице дружины).

То есть славянское общество догосударственной эпохи стояло на той стадии общественного развития, которую Л.Г. Морган назвал «военной демократией». Расселение славян, борь-

ба их с Византией и кочевниками способствовали сохранению той системы, при которой любой взрослый мужчина в случае необходимости должен был быть готов идти на войну. Не случайно славяне длительное время не знали «внутреннего» рабства: длительное время рабами в славянском обществе были пленники-иноземцы, захваченные в войнах, именовавшиеся челядью. «Внутренние» рабы — холопы, лишившиеся своей свободы за долги, появляются в каком-либо значительном количестве в древнерусском обществе только с XI в.⁴. Характерно, что договоры Руси с Византией X в. знают в русском обществе только челядь, то есть рабов-пленников.

Таким образом, славянское общество предгосударственного времени предстаёт перед нами обществом если и не полностью, то в значительной степени равных и свободных людей, сообща решавших важные общественные вопросы. Таким его знают не только современные ему иностранные источники, таким его помнят и древнерусские летописи, которым известны крупные славянские этнополитические объединения догосударственной поры: поляне, древляне, кривичи, вятичи и т.д., каждое из которых в свою очередь состояло из ряда более мелких этнополитических единиц, в силу своей локальности не попавших на страницы летописей.

Нам представляется, что наиболее корректно называть летописные группировки восточных славян этнополитическими объединениями или союзами (для краткости — этнополитиями), так как они обладали политическим и, в известной мере, этническим единством и состояли из более мелких структурных единиц, которые несколько условно можно называть «племенами». Как справедливо, на наш взгляд, полагает

³ Такие устойчивые этнополитические объединения славян византийские источники именуя «славиниями» (*Литаврин Г.Г.* Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья.* М., 1984).

⁴ *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 227–229 и сл.

А.П. Новосельцев, «древляне, поляне и т.д., по-видимому, идентичны таким германским “племенам”, как франки, саксы, бавары и т.д. которые на деле представляли уже союзы племён, хотя и сохранили наименование одного (господствующего) племени»⁵.

В летописях сохранились сведения о том, каким образом осуществлялось принятие важных решений на уровне восточнославянских этнополитических объединений. Конечно, вопрос о том, насколько надёжным источником при характеристике восточнославянского общества являются древнерусские летописи достаточно сложен, но, во-первых, археология подтвердила в общих чертах этнографическую карту, нарисованную в Повести временных лет (ПВЛ)⁶, во-вторых, первые летописцы ещё застали славянские этнополитические союзы на завершающей стадии их существования⁷, в-третьих, летописные известия можно проверять данными иностранных источников и сравнительно-историческими материалами, а в-четвёртых, даже если летописцы экстраполировали на предгосударственную эпоху реалии своего времени, то это очень важно для понимания этих реалий.

Рассказывая о нападении хазар на

полян, потребовавших дани, летописец говорит о том, что «Съдумавше поляне и вдаша от дыма меч»⁸. Легенда о дани, которую поляне выплатили хазарам мечами, имеет много интерпретаций, но для нашей темы важно то, что в представлении летописца соответствующее решение было принято полянами коллективно. Видимо, это мыслилось ему совершенно естественным делом.

Следующим свидетельством, интересующим нас, является знаменитая легенда о призвании варягов, читающаяся в Повести временных лет под 862 годом:

[славянские и соседние с ними «племена», до того платившие дань варягам: словене, кривичи, чудь и меря] *Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами в себе володети, и не бе в нихъ правдѣ, и въста родѣ на родѣ, быша в нихъ усобице, и воевати почаша сами на ся. Реша сами в себе: «Поищемъ собе князя, иже бѣ володельъ нами и судилъ по праву». И даша за море къ Варягомъ, к Руси⁹.*

Здесь мы не будем вдаваться в напряжённую дискуссию, идущую вокруг этого летописного рассказа. Для нас важно то, что для летописцев XI–XII вв., зафиксировавших эту легенду, «призвание» князя словенами — предками новгородцев и их союзниками — выглядит как совершенно нормальное и «законное» явление. Причем принятие решения об этом «призвании» летописцы представляют именно в качестве «коллективной воли» словен, кривичей, мери и чуды.

Стоит ли за этими двумя известиями память о древних «племенных» народных собраниях, или же летописцы автоматически перенесли в древность реалии своего времени — в данном контексте непринципиально. Важно то, что с точки зрения древнерусских

⁵ Новосельцев А.П. Восточные славяне и образование древнерусского государства // История России с древнейших времён до конца XVII в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. М., 2000. С. 49.

⁶ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; Он же. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.

⁷ Мы считаем убедительно доказанной датировку начала древнерусского летописания как постоянного явления концом X века (А.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, А.Г. Кузьмин). При этом отдельные славянские этнополитические союзы как реальность существовали и позднее — вплоть до XI, а то и до XII вв. (вятичи).

⁸ ПСРА. Т. I. Стб. 17.

⁹ Там же. Стб. 19.

книжников с самой глубокой древности важные решения предков киевлян и новгородцев имели «коллегиальный» характер, и, видимо, соответствующий характер имела и их политическая организация, основанная на самоуправлении («почаша сами в себе володети»). Мнение М.Б. Свердлова о том, что в «племенных» народных собраниях славян участвовали «лишь отдельные представители, вероятно племенная знать»¹⁰, ни на чём не основано. Историк приводит примеры из летописи, где коллективное принятие решений приписывается обществам, заведомо не имевшим народных собраний («почаша греци мира просити»), но это имеет совсем другое объяснение. Ю.В. Андреев заметил, что древние греки представляли свой полис единственной возможной формой человеческого общежития, поэтому Гомер «поселяет» в полисах все известные ему народы вплоть до киммерийцев¹¹. По всей видимости, аналогично мыслили и в Древней Руси, представляя свои порядки единственно возможными.

При этом летописец указывает и на существование института княжеской власти в восточнославянском обществе, отмечая, что после смерти легендарных основателей Киева — Кия, Щека и Хорива «держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане»¹², однако, как мы увидим по рассказу о борьбе Киева с древлянами, вплоть до конца существования восточнославянских этнополитических союзов княжеская власть не оторвалась от народа, принцип взаимных обязательств между ними не был разрушен. Сохранению социального един-

ства внутри древлянского (кривичского, вятического и т.д.) общества способствовало начавшееся покорение Киевом всех восточнославянских земель. Понятно, что оно «не являлось делом рук исключительно князей и дружины. Для покорения соседних племенных княжений и удержания их в даннической зависимости сил одной дружины явно не хватало. Только народное войско... в состоянии было сделать это»¹³.

То есть покорение восточнославянских этнополитий — это дело вовсе не только киевских князей с их дружинами, а и рядовых полян, объединенных в ополчение. Соответственно и собранная с покоренных «племен» дань шла не только князю и его дружинникам, но и всей киевской полянской общине¹⁴. Характерно и то, что дань побеждённая Византия должна была платить не только князю и его дружине, но и главным городам Киевщины: Киеву, Чернигову и Переяславию¹⁵. Таким образом, если внутри киевской общины принцип взаимных обязательств между правителем и народом продолжал соблюдаться, то по отношению к покорённым славянским этнополитическим союзам она выступала в качестве коллективного завоевателя и экзоплоуататора. Земли, попадавшие под власть Киева, сохраняли первоначально значительную автономию: собственных князей, знать и народные собрания. Главной формой их зависимости была в первую очередь выпла-

¹³ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. СПб., 2001. С. 501–502.

¹⁴ Ср. слова Константина Багрянородного о том, что в полуострове «архонты выходят со всеми росами из Киавы (Киева; курсив мой. — М.Ж.)» (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 51).

¹⁵ ПСРА. Т. I. Стб. 31. Упоминание в этом месте других городов является позднейшей вставкой.

¹⁰ Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. М., 1983. С. 51.

¹¹ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб., 2003. С. 69–70 и сл.

¹² ПСРА. Т. I. Стб. 10.

та дани, состоявшей главным образом из продуктов, вывозившихся затем киевской военно-торговой верхушкой в Византию и страны Востока и Европы. Разумеется, сохранение отдельными славянскими этнополитиями огромной автономии приводило к острым конфликтам, ибо Киев хотел укрепить свою власть, а подчиненные ему восточнославянские этнополитические объединения — вернуть полную независимость.

Самый серьёзный конфликт такого рода произошёл в 945 г., когда князь Игорь попытался собрать дань с древлян сверх установленной нормы, за что был ими жестоко убит. В связи с этим в летописи имеется более подробный рассказ о механизмах принятия древлянами важных решений и об их общественной структуре в целом, чем в известиях о полянах и словенах. Вот как летописец описывает принятие древлянами решения о восстании против произвола Игоря:

Слышавше же древляне, яко опять идетъ, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въвадитъ волкъ в овце, то выносить все стадо, аще не убьютъ его: тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идиши опять? Поималъ еси всю дань»¹⁶.

Как видим, здесь идёт речь о том, что древлянский князь обсуждает сложившуюся ситуацию со всем народом, по всей видимости, на народном собрании. Игорь не прислушался к возмущению древлян и тогда

вышедше изъ града Изъкорѣстена древлене убиша Игоря и дружину его; бе бо ихъ мало¹⁷.

То есть военная организация древлян соответствовала стадии «воору-

жённаго народа», соответственно не удивительна ключевая роль народного собрания в общественно-политической жизни древлянского общества.

Расправившись с Игорем, древляне решают отправить к его вдове Ольге сватов с предложением выйти замуж за их князя Мала. Видимо, они рассчитывали перенять у полян главенство в восточнославянском мире. Древлянские послы заявили Ольге:

Посла ны Дервьвска земля, рѣкуще сице: «Мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за князь нашъ за Малъ»; бе бо имя ему Малъ, князю дервьвску¹⁸.

То есть они выражали волю не только своего князя, но и всех древлян. Таким образом, мы видим, что в древлянском обществе середины X в. сохранялось социальное единство князя и народа, ключевые для жизни древлян вопросы решались на народном собрании, а войско представляло собой ополчение взрослых свободных мужчин. Знать у древлян, также как и князь, не была оторвана от народа:

Пославши Ольга къ древлянномъ, рече имъ: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велице чти приду за вашъ князь, еда не пустятъ мене людье киевьстии». Се слышавше древляне, собращася [в Радзивилловской, Академической и Ипатьевской летописях написано «избраша», что, по всей видимости, является правильным. — М.Ж.] лучьшише мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню¹⁹.

Ольга и киевляне жестоко расправились со своими врагами — древлянами, — утопив антикиевское восстание в

¹⁶ ПСРА. Т. I. Стб. 54–55.

¹⁷ Там же. Стб. 55.

¹⁸ Там же. Стб. 56.

¹⁹ Там же. Стб. 56–57.

крови. И это стало рубежом в отношениях между Киевом, с одной стороны, и покоренными им восточными славянами — с другой. Ольга осуществляет важную реформу, создавая в землях покоренных славянских этнополитических союзов собственные административные центры и опорные пункты киевской власти: становища и погосты²⁰. Соответственно происходит постепенное замещение киевскими наместниками и их административным аппаратом местных князей и знати, которые либо физически истребляются, либо рвут с местным обществом и входят в состав киевской администрации, а также подавление народных собраний уровня этнополитий. Археологическое отражение эти процессы нашли в так называемом «переносе городов», в ходе которого на рубеже X–XI вв. множество некогда процветающих поселений приходит в упадок, а рядом с ними появляются и вырастают новые центры, растущие, по всей видимости, из созданных киевской властью опорных пунктов²¹.

В результате происходит структурная перестройка восточнославянского общества: старые этнополитии исчезают и на их месте формируются новые общности, построенные по территориальному принципу, которые древнерусские источники называют «землями» и «волостями»²². Этот процесс

²⁰ Жих М.И. «Реформа Ольги» и создание сети киевских опорных пунктов — «погостов» на Руси // <http://www.ruspole.info/node/2353>

²¹ Жих М.И. Об археологических следах «реформы Ольги»: к вопросу о «переносе» древнерусских городов // <http://www.ruspole.info/node/2354>

²² Жих М.И. О понятиях *волость* и *земля* в Древней Руси (предварительные замечания) // Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка: XVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского, 15–17 апреля 2009 г. Часть 2. Нижний Новгород, 2009. С. 9–14. В Интернете: <http://hrono.ru/statii/2010/zhih07.php>

нашёл своё отражение в произошедшей смене этнополитонимии: старые «племенные» названия постепенно исчезают и им на смену приходят новые имена, производные от названия главного города той или иной земли: кияне, смоляне, новгородцы и т.д.

Таким образом, произошёл своеобразный исторический парадокс: разрушив этнополитическую структуру восточнославянского мира для укрепления своей власти, Киев запустил процесс становления новых социально-политических организмов, по мере своего оформления бросавших ему вызов и со временем свергнувших его господство. Из созданных им опорных пунктов выросли со временем их главные города, а из его наместников — новая местная знать, возглавившая антикиевскую борьбу.

Но прежде чем продолжить рассказ об этом, коснёмся судьбы вятичей, которым одним удалось сохранить свою самобытность и независимую социально-политическую организацию вплоть до XII в. С ними вёл борьбу Владимир Мономах²³, а в 1147 г. в ходе борьбы Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича против Изяслава и Владимира Давыдовичей

Они (Давыдовичи. — М.Ж.) же слышавша, оже Гюрги прислал к немуо (Святославу. — М.Ж.) в помощь, и не сместа по немъ ити, но съзваша вятиче и реша имъ: «Се есть ворогъ нама и вамъ, а ловите его на полъ вама [в Хлебниковском и Погодинском списках читается “на полон вам”. — М.Ж.]», и тако възратистася ис Дедославля²⁴.

Как видим, и в середине XII в. вятическое общество сохраняет определённое социальное единство и коллективный принцип принятия решений, которые вырабатывались, по всей видимости, на народном собрании. Высказыва-

²³ ПСРА. Т. I. Стб. 248.

²⁴ ПСРА. Т. II. Стб. 338.

вавшееся мнение о том, что Давыдовичи обратились не к народному собранию, а к вятической знати²⁵, не находит опоры в тексте летописи.

В историографии не раз поднимался вопрос о соотношении между восточнославянскими «племенными собраниями» и «классическим» древнерусским вече. Причём решения предлагались полярные: по мнению И.Я. Фроянова²⁶, древнерусское вече представляло собой прямое продолжение догосударственных народных собраний, а согласно П.В. Лукину, это были совершенно разные явления²⁷.

В пользу этого тезиса Лукин приводит аргументы, которые, на наш взгляд, являются неубедительными. Во-первых, как он указывает, при описании «племенных собраний» ни разу не употреблён собственно термин «вече», из чего исследователь заключает, что «это понятие по отношению к “племенам” не употреблялось сознательно (курсив П.В. Лукина. — М.Ж.)». Мы бы не рискнули на основании всего четырёх известий делать такой радикальный вывод, так как *совершенно одинаковые* явления древнерусской политической жизни XII–XIII вв. могут как называться, так и не называться в источниках «вечем», и нет каких-либо оснований разграничивать их и говорить о том, что в зависимости от наличия/отсутствия в описывающем их источнике термина «вече» данные явления имели разную институциональную основу. Достаточно сказать о том, что при описании *одного и того же события* в одних летописях слово «вече» может употребляться, в то вре-

мя как в других мы его не находим²⁸. И в большинстве случаев применительно к народным собраниям «классического» времени летописцы не применяли термин «вече», что и не удивительно: они писали не для современных историков, а для своих современников, которым и так всё было понятно. Такие термины как «ръша», «сдумавше», «собрашася» летописцы традиционно применяли именно к вечевой деятельности древнерусских горожан, и эти же самыми терминами они описывают восточнославянские «племенные собрания».

Второй аргумент П.В. Лукина состоит в том, что «гипотетические “племенные собрания” никак не связываются летописцами с городами»²⁹. Но и он очень шаток. Само существование «градов» у восточнославянских «племен», бывших, очевидно, их политико-административными центрами, не раз подчёркивается летописью³⁰. При этом характерна взаимозаменяемость понятий «град» и «род»: если ПВЛ в легенде о призвании варягов говорит о том, что из-за бескняжья «въста родъ на родъ», то в Новгородской Первой летописи сообщается, что «въсташа градъ на градъ»³¹. И из того, что в четырёх наших известиях о «племенном вече» *специально* не отмечена его связь с городами, не следует ровным счётом ничего. При этом, если мы внимательно вчитаемся в рассказ о восстании древлян против Игоря произвола, то увидим, что сначала они «сдумавше со княземъ своимъ Маломъ», а затем «вышедше изъ града Изъкорьстенья», в котором, очевидно, и происходило их «племенное собрание».

²⁵ Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв.: Избранные труды. М., 2009. С. 93.

²⁶ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 633–634.

²⁷ Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004. С. 85–86.

²⁸ Подборку соответствующих примеров и их анализ см. в работе: Вилкул Т.А. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009. С. 26–31.

²⁹ Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские»... С. 86.

³⁰ ПСРА. Т. I. Стб. 6, 9, 10, 55, 58.

³¹ ПСРА. Т. III. С. 106.

Но в то же время в свете сказанного выше о перестройке социально-политической структуры древнерусского общества на рубеже X–XI вв., о «переносе городов», о разгроме «племенных» князей и знати можно полагать, что определённая дискретность между «племенными собраниями» и «классическим вечем» всё же имела место. На какое-то время, по всей видимости, деятельность народных собраний замерла, чтобы затем вспыхнуть с новой силой.

* * *

Рассмотрим имеющиеся данные о коллективных социально-политических акциях жителей древнерусских городов и их общественном самоуправлении домонгольской эпохи. Первые данные о городских вечевых общинах, с которыми вынуждены считаться князья-Рюриковичи, относятся к концу X в.

В 968 г., когда Святослав вёл борьбу с Византией и Киев был осаждён печенегами,

Собращешя людье оная страны Днепра (Левобережья. — М. Ж.) в лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бе лъзе вни ти в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онемъ. Въстужихша людье въ граде и реща: «Не ли ли кого, иже бы могль на ону страну дойти и рече имъ; аще кто не приступитъ с утра, предатися имамъ печенегомъ?». И рече единъ отрокъ: «Азъ преиду». И реща: «Иди»³².

Благодаря помощи с Левобережья удалось отогнать печенегов, после чего

Послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чужоя земли ищещи и блюдеши, а своя ся охавивъ, малы бо насъ не взяша печенези, и матерь твою и дети твои. Аще не поидеши, ни обратиши насъ, да наки ны возмутъ. Аще ти не жаль очины сво-

ей, ни матери, стары суца, и детей своих»³³.

Здесь впервые перед нами предстаёт достаточно организованное общество «киян», которые обороняют город, совместно принимают важное для города решение и в качестве самостоятельного субъекта политической жизни направляют посольство к Святославу с изъяснением своего недовольства его политикой. Самостоятельной силой предстают и «людье оная страны Днепра».

В это же время явственно обозначилось и структурирование новгородской городской общины. В 970 г. в Киев к Святославу

придоша людье Ноугородъстии, просяще князя собе: «Аще не поидете к нам, то налезем собе»³⁴, —

иначе говоря, найдем себе князя, по всей видимости, вне рода Рюриковичей. Здесь перед нами впервые в источниках предстают «людье Ноугородъстии» в качестве самостоятельной политической силы. Даже если этот летописный пассаж и носит на себе черты эпического повествования³⁵, то в целом он все равно верно передает возросшее значение Новгорода и его общины, процесс структурирования которой к тому времени зашел уже достаточно далеко. Новгородцы стремились обрести собственного князя и тем самым ослабить свою зависимость от Киева, а в перспективе и ликвидировать ее вовсе³⁶. Основанный как опор-

³³ Там же. Стб. 67.

³⁴ Там же. Стб. 69.

³⁵ Пархоменко В.А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Ученые записки Ленинградского университета. Серия исторических наук. 1941. Вып. 8. С. 206.

³⁶ Ср.: Фроянов И.Я. Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 131.

ный пункт киевской власти на севере Руси, по мере своего роста и структурирования собственной волости, Новгород превратился со временем в главный центр сепаратизма в регионе³⁷. И опять-таки мы видим «коллегиальный» характер воли новгородцев: ничего о том, что посланцы — это выразители интересов верхушки новгородского общества, в источнике не сказано. Видимо, они выражали волю всей формирующейся новгородской общины. И летописец представляет соответствующее их обращение к Святославу как абсолютно правомерное и «законное».

По мере структурирования городских вечевых общин («городов-государств») они начинают борьбу за свою независимость от Киева, в которой принимали активное участие их князья. Именно потому, что появление собственного княжеского «стола» было важным атрибутом независимости, на начальном этапе своего становления вечевые общины непременно хотели обзавестись «своим» князем, выражавшим их, а не киевские, интересы. Но в дальнейшем, по мере завоевания независимости, пути князей и вечевых городов начали расходиться: князь обычно стремился подмять общину под себя, а община — ослабить власть князя и укрепить своё самоуправление.

Так возникла система, которую А.Е. Пресняков охарактеризовал как своеобразный дуализм князя и веча. Эта система содержала в себе одновременно две тенденции: монархическую и демократическую, ни одна из которых не возобладали в масштабах всей Руси к моменту монголо-татарского нашествия. Если в конце X — начале XII в. основным содержанием политической борьбы на Руси была борьба формирующихся городских вечевых общин во главе со своими князьями за независимость от Киева (а позднее — «моло-

дых» городов от «старых»), то с середины XII по середину XIII в. — противостояние между княжеской и вечевой властями (хотя, естественно, чёткого разграничения нет, оба процесса «налегали» друг на друга).

В то же время, несмотря на неоднозначность своих взаимоотношений, князь и вече были составными частями единого социального организма города-государства. Князь являлся как бы лидером «своей» общины, её высшим чиновником, военачальником и верховным судьёй, он олицетворял и отстаивал её интересы при столкновении с другими общинами. Усиление общины вело и к усилению влияния её князя. При этом все важные дела князь должен был решать с санкции веча. Потеря князем доверия со стороны «вечников» могла привести к тому, что они просто указали бы ему «путь чист» и пригласили другого, готового больше прислушиваться к их мнению. Одна городская община во главе со своим князем могла выступать по отношению к другим городским общинам завоевателем и экзотэксплуататором.

После смерти Святослава «кияне» и их позиция стали важным фактором в борьбе за власть между его сыновьями. Подкупленный Владимиром воевода Ярополк Блуд

мысля убити Ярополка; гражаны же не бе лъзе убити его. Блудъ же не възмогъ, како бы погубити ѿ, замысли лествю, веля ему ны излазити на брань изъ града. Льстече же Блудъ Ярополку: «Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: “Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка”’. Побегни за градъ»³⁸.

Ярополк послушал предателя и поплатился за это жизнью.

Отмечается в летописи и роль «людей» в вопросе о принятии Русью Христианства. По словам ле-

³⁷ Жих М.И. О происхождении Новгорода и начале новгородской государственности: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/2351>

³⁸ ПСРА. Т. I. Стб. 77.

тописца, Владимир обсудил вопрос выбора веры с «боярами и старцами градскими»³⁹, которые предложили ему отправить в разные страны посольства для того, чтобы лучше ознакомиться с их религиями и эти их слова оказались по нраву «князю и всемъ людемъ»⁴⁰, которые по представлению летописца, видимо, тоже принимали участие в обсуждении. И это не случайно, ведь унификация религиозной жизни Руси, сначала через «реформу» язычества, а затем и через введение «заимствованной» монотеистической религии была одной из важных мер, предпринятых Киевом для укрепления своей власти над восточнославянскими этнополитиями⁴¹, выгоды от которой, как мы помним, имела вся киевская община.

Характерна и отмеченная в летописи роль «старцев градских» в принятии решения. «Старцы градские» — высшие должностные лица восточнославянских этнополитий (из источников не совсем понятно, были ли это представители наследственной родовой знати или просто уважаемые люди, получившие соответствующий статус по решению народного собрания), упоминания о которых исчезают со страниц источников после того, как уходят в прошлое сами эти этнополитии⁴². В данном случае речь идёт, очевидно, о полянских «старцах», представлявших на княжеском совете интересы всей полянской общины. Видимо, именно в силу последнего обстоятельства окончательное решение о принятии Русью Христианства Владимир, согласно летописи, принимает на совещании лишь с «бояры своя и

старца»⁴³. «Старцы» представляли всё полянское общество.

Впервые слово «вече» употреблено в летописи при описании коллективной социально-политической деятельности древнерусских горожан под 997 г. в знаменитой легенде о белгородском киселе. Печенеги осадили Белгород, и тогда

створиша вече в городе и реша: «Се уже хотимъ померети от глада, а от князя помочи нету. Да лучше ли ны померети? Въдадимся печенегомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираем от глада». И тако советъ створиша»⁴⁴.

Один «старец» придумал, как обмануть печенегов с помощью колодца, наполненного киселем, после чего на вече было принято другое важное решение:

горожане же реша, шедше к печенегом: «Поимете к собе таль нашъ, а вы поидете до 10 мужъ в градъ, да видите, что ся дееть в граде нашем»⁴⁵.

Как видим, не только киевляне и новгородцы продвинулись по пути развития институтов своего общественного самоуправления, но и городская община Белгорода конца X в. предстаёт перед нами вполне организованной социальной единицей, способной коллективно принимать важные для города решения и исполнять их. Упоминаются и её лидеры — уже знакомые нам «старцы»⁴⁶. Характерно и то, что модель принятия решения печенегами летописец изображает близкой к той, что существовала у белгородцев: они «избраша лучшие мужи» для посольства⁴⁷. Это вновь возвращает нас к

³⁹ Там же. Стб. 106–107.

⁴⁰ Там же. Стб. 107.

⁴¹ Фроянов И.Я. Начало Христианства на Руси. Ижевск, 2003.

⁴² Мавродин В.В., Фроянов И.Я. «Старцы градские» на Руси X в. // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л., 1974.

⁴³ ПСРА. Т. I. Стб. 108.

⁴⁴ Там же. Стб. 127.

⁴⁵ Там же. Стб. 128.

⁴⁶ Там же. Стб. 127.

⁴⁷ Там же. Стб. 128.

тому, что русские летописцы мыслили «свои» вечевые порядки чем-то самим собой разумеющимся.

* * *

Первыми начали свою борьбу за независимость от Киева новгородцы. К тому времени старые «племенные» князья были ликвидированы уже практически повсюду, и Владимир сажает своих сыновей в качестве наместников по всем основным городам Руси. Так в Новгороде князем⁴⁸ оказывается сначала Вышеслав, а после его смерти Ярослав⁴⁹, при котором недовольство новгородской общины своей зависимостью от Киева впервые отчетливо выплеснулось наружу. В 1014 г.

Ярославу же сущю Новегороду и оу рокомъ дающе Киеву две тысяче гривне от года до года, а тысячу Новегороду гридемъ раздаваху. А тако даяху [вси] посадници Новъгородъстии, а Ярославъ сего не даяше [к Киеву] отцю своему. И рече Володимеръ: «Требите путь и мостите мостъ», — хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего⁵⁰.

Очевидно, что за этим поступком Ярослава стояла воля всего новгородского общества: не имея поддержки в Новгороде, Ярослав едва ли мог бы решиться на войну с отцом. При этом важно подчеркнуть, что речь шла именно об отказе Новгорода платить дань, а стало быть, подчиняться Киеву, а не о желании Ярослава перебраться на более «престижный» стол или захватить

Киев. И ради достижения независимости от Киева новгородцы были готовы на борьбу, равно как и на значительные затраты — в город был приглашен нанятый варяжский отряд⁵¹. Очевидно, что столь серьезные решения не могли быть приняты лишь верхушкой новгородского общества, а предполагали согласие всей общины.

Однако Владимир вскоре умер, и в Киеве власть захватил Святополк, расправившийся со своими братьями Борисом и Глебом. В Новгороде между тем произошли очень интересные события, в описании которых применительно к этому городу в источниках впервые фигурирует слово «вече», а именно конфликт новгородцев с нанятыми Ярославом для борьбы с Киевом варягами, последующая «разборка» с ними Ярослава, а затем — примирение Ярослава с новгородцами⁵²:

В Новегороду же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насиле деяти на мужатых женахъ. Ркоша новгородци: «Сего мы насилья не можемъ смотрити»; и собрашася в ноць, исекоша Варягы в Поромоне дворе; а князю Ярославу тогда в ту ноць сущу на Ракоме. И се слышавъ, князь Ярославъ разгневался на гражаны, и собра вои славны тысящу⁵³, и, обольстивъ ихъ, исече, иже бяху Варягы ти исекле; а друзии бежаша изъ града⁵⁴.

Вскоре, однако, Ярославу от сестры

⁵¹ Там же.

⁵² Вопрос о соотношении этого рассказа в ПВЛ и НПЛ сложен. По ряду признаков (например, в ПВЛ указана явно фантастическая численность новгородского войска) версия НПЛ является первичной, однако в то же время в версии ПВЛ есть ряд любопытных моментов, которые могут отражать какие-то иные древние источники.

⁵³ В ПВЛ они названы иначе — *нафочитыми мужами*: ПСРЛ. Т. I. Стб. 140.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 174.

⁴⁸ А точнее — посадником — наместником Киева и его князя. Для этого времени князья, сажаемые в Новгород из Киева, фактически и были его посадниками. Нам неизвестно для времени до 80-х гг. XI в. того, чтобы князь управлял Новгородом одновременно с посадником (Янин В. А. Новгородские посадники. М., 2003. С. 64–78).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 121.

⁵⁰ Там же. Стб. 130.

Предславы пришли известия о смерти отца и расправе Святополка над братьями, после чего он

заутра собра новгородцовъ избытокъ, и створи вече на поле⁵⁵, и рече к ним: «Любимая моя и честная дружина, юже вы исекохъ вчера въ безумии моемъ, не топерво ми ихъ златомъ окупите». И тако рче имъ: «Братъе, отецъ мой Володимиръ умерлъ естъ, а Святополкъ княжить в Киеве; хоцю на него поити; потягнете по мне». И реша ему новгородци: «А мы, княже, по тебе идемъ». И собра вои 4000: Варягъ бяшетъ тысяща, а новгородцовъ 3000; и поиде на нь⁵⁶.

Рассказ этот весьма сложен и содержит ряд смысловых пластов, анализ которых сейчас не входит в наши задачи⁵⁷. Для нас важно то, что в данном летописном повествовании впервые угадывается разделение коллективных социально-политических акций новгородцев на «законные» и «незаконные»: нападение на ярославовых варягов, вероятно, имело характер спонтанного «бунта» и не имело вечевой санкции⁵⁸, стало быть, не воспринималось как вполне «законное» деяние. Именно это обстоятельство, вероятно, отчасти способствовало тому, что новгородцы легко простили Ярослава за суровое наказание «бунтовщиков». Не менее любопытно и их стремление любой ценой покончить с зависимостью от Кие-

ва, для чего было необходимо преодолеть все внутренние разногласия.

При этом серьезного внимания, на наш взгляд, заслуживает гипотеза А.В. Петрова, согласно которой в расправе над варягами приняла участие не вся новгородская община, а лишь ее часть — старая «родовая аристократия», не заинтересованная в полном разрыве с Киевом и тем противостоящая интересам формирующегося новгородского народовластия⁵⁹, а потому и не могущая заручиться поддержкой вече, ведь в пассаже о «мести Ярослава» сказано лишь о его расправе над «воев славных тысячей»/ «нарочитыми мужами», которые, видимо, и составляли ядро «бунтовщиков». А.В. Петров, на наш взгляд, прав в том, что «бунтовщики» были связаны с Киевом, но речь тут должна идти не о «родовой аристократии», а скорее о поставленной после «реформы Ольги» в Новгороде киевской администрации.

На следующий же день князь апеллировал ко всей новгородской общине, что ясно из того, что новгородцы выставили в его поддержку трехтысячное войско (дружина заведомо не могла иметь такую численность)⁶⁰ и наняли новый варяжский отряд. Созыв вече князем — это, как мы знаем по ряду позднейших известий, его неотъемлемое право, а созданное князем вече рассматривалось как абсолютно «законное». Такой же статус имели и его решения. В нашем случае вече — после вероятной расправы Ярослава над «прокиевской» знатью — приняло решение о начале войны с Киевом.

Со своим новгородско-варяжским

⁵⁵ В ПВА о том, что вече было собрано именно «на поле» не сказано: ПСРА. Т. I. Стб. 141.

⁵⁶ ПСРА. Т. III. С. 175.

⁵⁷ См. его наиболее убедительную интерпретацию: Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 93–101.

⁵⁸ Как мы знаем по ряду последующих случаев, расправа с кем-либо по решению вече считалась абсолютно правомерной и «законной».

⁵⁹ Петров А.В. От язычества... С. 97–99.

⁶⁰ Вспомним и насмешки киевлян над новгородскими воинами Ярослава («а вы плотници суще; а мы приставимъ вы хоромовъ рубить»: ПСРА. Т. III. С. 175), которые, по справедливому замечанию П.В. Лукина, «вряд ли могут относиться к дружинникам» (Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские»... С. 97).

войском Ярослав победил Святополка и занял Киев, однако тот бежал в Польшу и призвал на помощь войска польского князя — своего тестя — Болеслава Храброго (992–1025), который пошел войной на Ярослава, разгромил его и вновь посадил в Киеве Святополка. После этого Ярослав бежал в Новгород, откуда

хотяше бежати за море. И посадникъ Коснятинъ сынъ Добрынь с Новгородъци расекоша лодье Ярославле, рекуще: «Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ». Начаша скотъ събирати: от мужа по 4 кунъ, а от старостъ по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен. И приведоша Варягы [и] вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ вои многы⁶¹.

Здесь мы опять видим коллективное решение всего новгородского общества, полного решимости любой ценой бороться с Киевом. Ясно, что без общего (очевидно, вечевого) решения большинства новгородцев предпринять описанные летописью меры было невозможно, тем более что летописец указывает именно на их добровольный характер. Данный летописный рассказ указывает на уже весьма серьезную зрелость общинной организации Новгорода.

В результате в правление на Руси Ярослава Мудрого роль Новгорода существенно усилилась, а его зависимость от Киева ослабла (достаточно сказать, что и впоследствии Ярослав немало времени проводил в этом городе⁶², он был как бы второй столицей страны и опорой Ярослава).

К концу XI в. новгородцы уже прочно осваивают практику изгнания из города неугодных им князей и приглашения тех, которые больше их устраивали⁶³. Так в 1070-е гг. они

Глеба, и выгнашия из града, и бежа за Волокъ, и убишиа и Чюдъ⁶⁴.

Перед нами первый достоверно известный случай изгнания новгородцами своего князя, причем изгнания, имевшего место, по всей видимости, в результате каких-то «чрезвычайных» акций новгородской общины⁶⁵, подобных, возможно, ситуации 1071 г. или последующим событиям 1136 г. При этом отметим, что изгнание новгородцами Глеба в летописи изображено в качестве достаточно заурадного события.

А в 1095 г.

сего же лета исходяща, иде Давыдъ Святославичъ из Новагорода Смолинъску; Новгородци же идоша Ростову по Мъстислава Володимерича. [И] поемше ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: «Не ходи к нам». [И] пошедъ Давыдъ, воротися Смолинъску, и седе Смолинъске, а Мъстиславъ Новогороде седе⁶⁶.

ниях в средневековом Новгороде. Первый этап (от начала политической истории Новгорода до конца XI века) // Новгородика–2010. Вечевой Новгород: материалы Международной научно-практической конференции 20–22 сентября 2010 г. Ч. 1 / Сост. Д.Б. Терешкина. Великий Новгород, 2011. В Интернете: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2366>

⁶⁴ ПСРА. Т. III. С. 470. Совершенно непонятно, почему В.А. Янин рассматривает произошедшее позже (в 1095 г.) изгнание из города князя Давыда Игоревича в качестве «беспрецедентного случая» и «первых политических успехов борьбы новгородцев за городские вольности» (Янин В.А. Новгородские посадники. С. 82).

⁶⁵ Только этим можно объяснить бегство князя в столь «дремучий» край с его последующим там убийством. Ясно, что бежать туда он мог только в условиях серьезной для него опасности со стороны новгородцев, что справедливо отмечал И.Я. Фроянов (Фроянов И.Я. Мятельный Новгород... С. 179–180).

⁶⁶ ПСРА. Т. I. Стб. 229. В НПЛ это известие читается довольно кратко: «Давыдъ при-

⁶¹ ПСРА. Т. I. Стб. 143.

⁶² Там же. Стб. 147, 148, 150.

⁶³ Подробнее см.: Жих М.И. К вопросу о «законных» и «незаконных» вечевых собра-

Здесь впервые новгородцы мало того что изгоняют одного неугодного им князя, но и приглашают княжить в Новгород другого, не считаясь при этом с мнением Киева. И летописец описывает эти их действия как совершенно правомерные.

* * *

На путь политического самоутверждения уверенно встала и киевская община. Так, в 1024 г., когда в ходе войны между Мстиславом Тмутараканским и Ярославом Мудрым первый подступил к Киеву, желая сесть в нём на княжеский стол

не прияша его кыяне: Онъ же, шедъ, седе на столе Чернигове⁶⁷.

По всей видимости, соответствующее решение было принято киевлянами на вече. И даже такой прославленный воитель как Мстислав вынужден был с ним смириться, не решившись на противостояние с вечевым городом.

В 1068 г. киевское вече впервые произвело полноценный политический переворот: сместило с княжеского стола старшего сына Ярослава Мудрого Изяслава, оказавшегося неспособным организовать оборону против половцев, и возвело на него плененного Ярославичами Всеслава Брячиславича Полоцкого. Княжеский двор был разграблен, сам Изяслав бежал в Польшу. Согласно Повести временных лет, после разгрома Ярославичей половцами на Альте

Изяславу же со Всеволодомъ Киеву побегшу, а Святославу Чернигову, и людье киевстии прибегоша Киеву, и створиша вече на торговищи, и реша, пославшесе ко князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними».

Изяслав же сего не послуша. И начаша людие говорити на воеводу на Коснячъка; идоша на гору, съ веча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обретше его, сташа у двора Брячиславля и реша: «Пойдем, высадим дружину свою ис погребя». И разделишася надвое: половина ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же седящу на сенехъ с дружиною своею, начаша претися со княземъ, стояще доле. Князю же из оконця зрящю и дружине стоящи у князя, рече Туку, братъ Чюдинъ, Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли; поели, атъ Всеслава блюдутъ». И се ему глаголющю, другая половина людий приде от погребя, отворивше погребъ. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; поели ко Всеславу, атъ призвавшие лествю ко оконцю, пронзуть ѿ мечемъ». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша, и идоша к порубу Всеславу. Изяслав же се видевъ, со Всеволодомъ побегоста з двора, людье же высекоша Всеслава ис поруба, въ 15 день септября, и прославиша ѿ среде двора къ княжа. Дворъ жь княжь разграбиша, бецисленое множество злата и сребра, кунами и белью. Изяслав же бежа в Ляхы⁶⁸.

Из этого рассказа видно, что князь уже давно вошёл в конфликт с киевлянами: какая-то их часть («дружина», вспомним, что именно так обращался Ярослав Мудрый к новгородским вечникам), видимо, настроенная оппозиционно, была заточена князем «в погреб». И в чрезвычайной ситуации этот конфликт обострился. Характерно и то, что князь отказался предоставить людям оружие, видимо, опасаясь, что при определённых условиях оно может быть ими повёрнуто против него. Но это только обострило ситуацию: отчуждение князя и киевлян достигло своего апогея и вылилось в полномасштабное восстание, которое, видимо,

иде к Новгороду княжить; и по двояу лету выгнаша и» (ПСРА. Т. III. С. 161, 470).

⁶⁷ ПСРА. Т. I. Стб. 147.

⁶⁸ ПСРА. Т. I. Стб. 170–171.

началось по решению веча. Организovanность киевского общества, его способность на организацию масштабных коллективных акций отчётливо здесь видны.

Для того чтобы вернуть Киев под свой контроль, Изяслав в следующем году привёл польское войско. Всеслав бежал в родной Полоцк, и киевляне оказались в растерянности. Чтобы решить, как быть в сложившейся ситуации, они вновь созвали вече, на котором приняли решение обратиться за посредничеством к братьям Изяслава — Святославу и Всеволоду, а если тем не удастся отговорить князя от расправы над ними, то пригрозили, что сожгут свой город и уйдут в Византию:

*мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавши, а се ведет на ны Ляцьскую землю, а поидета в град отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя; зажегше град свой, ступим в Гречьску землю*⁶⁹.

Святослав ответил киевлянам, что если Изяслав с поляками пойдет губить их, то он с братом пойдет их защищать, и они не дадут ему погубить город их отца — Ярослава Мудрого, а если Изяслав идёт с миром, то пусть придёт в Киев с малою дружиной⁷⁰.

Сожжение имущества и изгнание — одна из форм наказания в Древней Руси⁷¹. И перед лицом возможной расправы со стороны князя Изяслава и приведённых им поляков киевляне выразили намерение наказать как бы сами себя.

Изяслав сделал вид, что согласен

на предложение киевлян и Всеволода, но тем не менее послал в город вперёд себя сына Мстислава, который сурово расправился с зачинщиками изгнания своего отца и теми, кто освободил из тюрьмы Всеслава: они были частью казнены, частью ослеплены⁷².

Характерно, что летописец пишет о действиях киевлян, включая «коронацию» ими Всеслава («прославиша й среде двора кнѣзя») как о чём-то совершенно нормальном и скорее даже симпатизирует им (так, по его словам, те, кто освобождал Всеслава из поруба, наказаны были «без вины»). Не случайно М.Н. Тихомиров даже предположил, что «само повествование о киевском восстании 1068 г. возникло в среде горожан»⁷³. Как бы то ни было, а современники не видели в произошедшем чего-либо неправомерного. Киевляне действовали в соответствии со своим правом изгнания и призвания князя, которое летописец не ставит под сомнение. Только угроза расправы заставила их признать содеянное как бы «незаконным». Так впервые в истории Киева столкнулись княжеское и вечевое право. В этот раз общине не удалось взять верх над князем, так как он опирался на силу внешних интервентов, но она проявила себя готовой к этому и достаточно политически зрелой для достижения поставленной цели, которой ещё добьётся.

Изяслав принимает меры к тому, чтобы поставить вече под свой контроль и тем обезопасить себя от повторения подобных событий. Для этого он «възгна торг на гору»⁷⁴ — туда, где находился княжеский дворец. Как мы помним, именно «на торговищи» состоялось вече, принявшее решение о начале восстания против Изяслава. Очевидно, что центральный рынок был

⁶⁹ Там же. Стб. 173.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Чебаненко С.Б. О связи остракизма и кровной мести в Древней Руси: «поток и разграбление» и «убиение за голову» // Университетский историк. Альманах. СПб., 2005. Вып. 3; Он же. «Поток и разграбление» у восточных славян в IX веке // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2006. Вып. 4.

⁷² ПСРА. Т. I. Стб. 174.

⁷³ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 104

⁷⁴ ПСРА. Т. I. Стб. 174.

в Киеве не только местом торговли, но и важным социальным центром: местом общения людей, обмена новостями и их обсуждения, а также, по всей видимости, проведения «оперативных» вечевых собраний, в случае если эти новости вызывали соответствующую необходимость. Видимо, именно такое «оперативное» рыночное собрание и представляло собой киевское вече 1068 г., постановившее свергнуть с княжеского стола Изяслава Ярославича и возвести на него Всеслава Полоцкого.

Несмотря на принятые Изяславом меры, достаточно быстро киевляне вновь заявили о себе как о самостоятельной политической силе. В 1097 г. Святополк наряду с боярами советуется с простыми «людьми» о том, как поступить с Васильком Теремовльским⁷⁵. Затем, когда Владимир Мономах, Олег и Давыд Святославичи двинулись в поход на Киев, чтобы отомстить Святополку за ослепление Василька, «кияне» не дали ему бежать из города и отправили посольство к его врагам, дабы заключить мир перед лицом половецкой угрозы⁷⁶, то есть вновь действовали как самодостаточная организованная сила, равный князьям субъект политической жизни.

* * *

Есть в летописях данные о становлении вечевого самоуправления и в других древнерусских городах в XI веке. Так, в 1067 г. жители Минска отказались капитулировать перед войсками Ярославичей, сохранив верность своему князю Всеславу, и приняли, очевидно, на вече, решение оборонять город до последнего, за что жестоко поплатились:

Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полоцьске, и зая Новъгородъ. Ярославичи же тріе, — Изяславъ,

Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше вой, идоша на Всеслава, зиме суци велице. И придоша ко Меньску, и менияне затворишася в граде. Си же братья взяша Менескъ, исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты⁷⁷.

В аналогичной ситуации оказались в 1097 г. и жители Владимира-Волынского, который был осаждён Васильком и Володарем Ростиславичами, желавшими отомстить волынскому князю Давыду, а также Туряку, Лазарю и Василю — по всей видимости, приближённым Давыда или «должностным лицам» Владимирской земли, которые стояли за ослеплением Василька, подкавав соответствующую идею Давыду. Не имея возможности взять Владимир штурмом и понимая бессмысленность требования о выдаче Давыда, Ростиславичи обратились к владимирцам с требованием выдать трёх названных людей, на что владимирское вече согласилось ради прекращения войны. Обращает на себя внимание то, что при наличии в городе князя Ростиславичи ведут переговоры не с ним, а напрямую с горожанами, которые выступают, таким образом, в качестве совершенно самостоятельной политической силы, диктующей свою волю князю:

придоста к Володимерю. И затворися Давыдъ в Володимери. И си оступиша град. И послаша к Володимерцем глаголя: «Не ве ли придохом на град вашъ а не на вас, но на врагы своя: [на] Туряка и на Лазаря и на Василя. Ти бо суть намолвили Давыда и техъ е послушалъ Давыдъ и створилъ се зло. Да аще хочете за сих битися, да се мы готови, а любо даите врагы наша». Гражане же се слышавъ, созваша вече. И реша Давыдови людье: «Выдаи мужи сие: не бьемъся за сихъ, а за тя битися можем. Аще ли то от-

⁷⁵ Там же. Стб. 259–260.

⁷⁶ Там же. Стб. 263–264.

⁷⁷ Там же. Стб. 166.

ворим врата граду, а сам промъ шляи [о] собе»⁷⁸.

Впоследствии, когда Святополк Изяславич выбил Давыда из Владимира и посадил в городе своего сына Мстислава, уже Давыд подступил к его стенам, желая восстановить свою власть над городом. Мстислав погиб в бою, и горожане вновь собрали вече, на котором решили просить Святополка о помощи, угрожая в противном случае сдачей города⁷⁹.

В 1078 г. черниговцы в отсутствие своего князя Олега приняли решение сражаться с подошедшими к городу войсками Изяслава и Всеволода Ярославичей⁸⁰. В 1096 г. смоляне отказались принять у себя на княжение Олега Святославича⁸¹, Мономашичи заключают с рязанцами мир как с равноправными политическими партнёрами⁸². Как видим, процесс утверждения вечевого народовластия охватил всю Русь. И везде, во всех рассмотренных случаях городская вечевая община действует как единое целое. Вопреки распространённому в советской и современной историографии мнению⁸³, в источниках нет и намёка на то, что участие в вечевых собраниях и коллективных социально-политических акциях — это прерогатива общественной элиты. Можно лишь полагать, что последняя осуществляла какое-то организационное управление вечевыми собраниями, если те проходили, так ска-

зать, в «штатном режиме», но не более. Характерно и то, что для XI в. в источниках практически не нашла отражения классовая борьба и её включение в деятельность веча. Видимо, для этого периода социальное расслоение ещё не достигло значительного размера, единство городской общины, её коллективные интересы ещё преобладали над интересами составлявших её социальных страт.

Некоторые историки указывают на то, что известия о вечевых собраниях и различных коллективных социально-политических акциях древнерусских горожан связаны обычно с какими-то чрезвычайными ситуациями (нападение врагов, междукняжеская борьба, восстание), их как бы нет в контексте «нормальной» жизни⁸⁴. Но подавляющее большинство развёрнутых летописных повествований как раз и связано преимущественно с какими-то экстраординарными событиями, а о «повседневной жизни» вообще и о том, как осуществлялось повседневное управление в частности, в них нет практически никаких сведений. В то же время по ряду признаков становится очевидно, что вечевое самоуправление было регулярно функционирующим институтом древнерусского города:

— «чрезвычайные» действия веча описываются летописцами без всякого осуждения, как явление совершенно нормальное, что было бы немыслимо в том случае, если бы количество вечевых собраний соответствовало количеству рассказов о них в летописях;

— летописи пестрят указаниями на разнообразные коллективные действия древнерусских горожан, для которых была необходима высокая степень общественной самоорганизации (сбор средств на общественные нужды; решения принять или не принять князя, что делать в случае внешней опасности

⁷⁸ Там же. Стб. 267–268.

⁷⁹ Там же. Стб. 271–272.

⁸⁰ Там же. Стб. 201.

⁸¹ Там же. Стб. 231.

⁸² Там же. Стб. 240.

⁸³ См. напр.: *Толочко П.П.* Вече и народные движения в Киеве // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 142; *Свердлов М.Б.* Генезис и структура... С. 48–56; *Янин В.А.* Новгород как социальная структура // *Феодалы в городе: Запад и Русь.* М., 1996; *Вилкул Т.А.* Люди и князь... С. 226–282.

⁸⁴ *Свердлов М.Б.* Генезис и структура... С. 52–53; *Лукин П.В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские»... С. 105–106.

и т.д.). Совокупность подобных сведений рисует нам домонгольский русский город высокоорганизованным социальным организмом с развитыми институтами самоуправления и избираемыми им должностными лицами, могущими воплотить в жизнь принятые решения.

По-прежнему ополчение вооружённых «вечников» оставалось основной военной силой той или иной земли, того или иного князя. С новгородцами Ярослав Мудрый завоевал Киев, киевляне не пустили в город Мстислава Тмутараканского, за своего князя Давыда готовы были биться жители Владимира Волынского, за своего князя Всеслава до последнего сражались минчане. «Русская правда» упоминает кражу оружия наряду с кражей коня и одежды, согласно её данным рядовой общинник обладал конём и оружием (ст. 12, 13). В приписке к Уставу князя Всеволода Мстиславича говорится о том, что если у свободного человека родится сын от рабыни, то ему достаётся скудное наследство («мал живот»): «конь, да доспех»⁸⁵, что определённо говорит о степени вооружённости рядового свободного населения Руси. При раскопках древнерусских городов археологи постоянно находят не только орудия труда, но и оружие, бывшее, по всей видимости, атрибутом отнюдь не только знати и дружинников. Понятно, что не все жители древнерусских городов имели боевых коней, во время войны они выполняли роль пешеходов. Так, например, Изяслав Мстиславич, призывая киевлян к походу против черниговских Ольговичей, сказал:

*Поидете по мне Чернигову, кто имеет конь, ли не имеет кто, ино в лодье*⁸⁶.

В летописях содержится множество

указаний на участие в войнах с внешними врагами и в межволостных, междукняжеских конфликтах народного ополчения⁸⁷, бывшего основной военной силой домонгольской Руси.

О важной роли простого свободного населения Руси в её политической жизни свидетельствует и следующее летописное известие. В 1096 г. Святополк Изяславич и Владимир Мономах предложили мир Олегу Святославичу Черниговскому:

*Святополкъ и Володимеръ посла к Олгови, глаголюща сице: «Поиде Киеву, да порядъ положимъ о Русьстей земли пред епископы и пре игумены, и пред мужи отецъ нашихъ, и пре людьми градъскими, да быхом оборонили Русьскую землю от поганыхъ»*⁸⁸.

«Люди градские» названы здесь наряду с духовенством и княжескими «мужами» как свидетели и гаранты междукняжеской договорённости.

* * *

Подведем некоторые итоги. Период конца X–XI вв. характеризуется следующими чертами в развитии практики коллективных социально-политических акций древнерусских горожан:

1) подобные акции становятся регулярными и постепенно начинают охватывать достаточно широкий круг вопросов:

- борьбу за независимость от Киева;
- борьбу против власти неугодных князей;
- призывание в город угодных князей;
- вопросы ведения войны и заключения мира;

⁸⁷ См. например: ПСРА. Т. I. Стб. 320, 341, 389, 394–395, 397, 400, 444, 497, 506; Т. II. Стб. 294, 427, 434, 540, 557–558, 608, 625, 641–642, 645, 741–742, 767–768 и т.д.

⁸⁸ ПСРА. Т. I. Стб. 229–230.

⁸⁵ Древнерусские княжеские уставы. М., 1976. С. 158.

⁸⁶ ПСРА. Т. I. Стб. 316.

— сборы средств на нужды городской общины;

— избрание общинных чиновников;

— вопросы церковного управления и т.д. Видимо, в круг «коллегиально» решаемых древнерусскими горожанами вопросов входили все ключевые для города и его земли дела. Важно подчеркнуть, что в источниках *ни разу* не сказано о том, что данные акции предпринимали только лишь верхи древнерусского общества. Напротив: в источниках городские вечевые общины этого времени предстают как единое целое, связанное общими интересами;

2) вырабатываются определенные представления о «законности» подобных акций. Очевидно, их должно было санкционировать вече в соответствии с принятыми в указанный период нормами вечевой законности, которые в источниках, к сожалению, четко не описаны, но по некоторым их намекам мы можем понять, что они существовали

(события в Новгороде 1016 г.). В случае если какая-то часть горожан предпринимала действия, на совершение которых была необходима санкция веча, произвольно, то они могли рассматриваться как «незаконные» и караться соответствующим образом.

Таким образом, проведенный анализ источников, содержащих сведения об общественном устройстве славян и Древней Руси с VI по конец XI в., показывает, что свой исторический путь Россия начала не со становления авторитарической или олигархической власти, а с последовательного развития различных форм народовластия и самоуправления, активного участия простых людей в политической жизни. Свободные общинники Киевской Руси отнюдь не были статистами на представлениях, разыгрываемых князьями и знатью, они были полноправным субъектом общественно-политической жизни, голос которых мог и перевесить голос князя.

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
Константина Крылова «Прогнать чертей»**

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

Запрещенный в официальных СМИ, он сумел завоевать популярность и внимание читателей благодаря электронным сетям. Личный интернет-дневник www.krylov.livejournal.com — один из самых популярных блогов Рунета.

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

ИВАН РУСАКОВ

«...НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ...»

Статья третья. «ДЕМОКРАТИЯ МАЛЫХ ПРОСТРАНСТВ»

Одной из устойчивых тенденций последнего десятилетия является все более четко оформляющееся отчуждение государства от российского общества. Социологи регулярно фиксируют с каждым годом все возрастающий рост недоверия населения ко всем институтам современного российского государства, желание держаться от него подальше, как от источника всех проблем, и в первую очередь самых что ни на есть житейских. Жители крупных городов говорят о системном противоречии между социальной зрелостью общества, с одной стороны, и существующей архаической государственной политической и административной системой — с другой.

За последние двадцать лет российское общество претерпело существенные трансформации, оно все меньше напоминает «новую социальную общность — советский народ», пусть с большими издержками и общественными шоками, но оно постепенно становится частью мирового глобального сообщества развитых индустриальных стран, основанного на европейских ценностях, в нем все явственнее проявляются элементы гражданского общественного постмодернизма.

Маленький, но характерный пример. Посмотрим на образованную молодежь крупных городов. В ней все менее и менее проявляются такие характерные традиционные российские ментальные установки, как сакральное восприятие верховной, а тем более местной государственной власти. Да и

людей среднего возраста, прошедших успешную социальную адаптацию, все трудней убедить, что у государства есть монопольное право диктовать обществу, какие общественные и социальные интересы предпочтительны для российского народа в целом.

К сожалению, за эти же десятилетия само государство практически не изменилось, оно остается таким же примитивно-советским, со всеми организационными и идеологическими чертами и признаками еще того, даже домодернистского уклада (вспомним все эти назойливые здравницы Петру I). Да, в 90-е оно слабо финансировалось, его репрессивные функции ограничивались, с ним можно было вступить в спор, иногда отстоять свои интересы, но не более. Предшествующий опыт оказался сильнее того первичного реформаторского настроя, и в «нулевых» все демоны примитивно-чекистского этатизма вернулись.

Именно это противоречие между обществом (или, по крайней мере, большей частью общества, как минимум его третью), устремленным в современность, и отсталым архаическим государством — и есть главное социальное противоречие современной России.

— Обществу нужна современная конкурентная, европейская политическая система — она отсутствует.

— Обществу нужна система, в которой действуют законы, равные для всех, — этот механизм деградирует на глазах.

— Обществу требуется современная, конкурентная и инновационная

экономика — налицо монополизм, госкомпании, деиндустриализация и вывоз сырья

— Обществу требуются открытый доступ к институтам частной собственности — ему предлагают феодальное всевластие чиновников и силовиков.

— Обществу требуется вложение в человеческий капитал, здравоохранение и образование — партией власти принимается милитаристский и полицейский бюджет.

Вследствие этого все возрастающего противоречия мы имеем очередной раунд разрушения общественных институтов, которые совершенно не представляют интересов населения, а всего лишь имитируют эти функции, по сути являясь эдакими политическими клубами для правящего класса современной России. Дegradiрует, а на больших территориях, особенно в малых городах и сельской местности, фактически исчез институциональный капитал и опыт его использования. «Осколки» этих институтов в виде узких модернизированных слоев населения, например, фермеров, существуют только на сетевом уровне.

Самое печальное: не менее трети населения, самого малообеспеченного и малообразованного, находится по отношению к силовым структурам и чиновничеству на уровне массового бытового бесправия. Под страхом политической и экономической конкуренции система все более явно блокирует стремления все большего количества различных социальных страт к расширению своих социальных возможностей. И не об одних предпринимателях идет речь.

Все это формирует много раз описанный социологами эффект психологической неопределенности, где существует доверие исключительно к самым близким человеческим институтам (родственники, семья, землячество) и недоверие ко всему, что находится на какой-то социальной дистанции. Именно так исторически суще-

ствовало традиционное общество — с крестьянскими и посадскими общинами и царями-батюшками да псами-боярами и, конечно, со сторонними и внутренними супостатами. И пользу из такого положения дел извлекает исключительно наш правящий класс.

В какой-то момент этот столетиями существующий порочный круг необходимо разрывать, и сделать это смогут исключительно русские националисты. Мы уже об этом говорили. Вот еще одна перезревшая проблема. Территориально-административное устройство, в том числе и административно-этническое, созданное исключительно для нужд социалистического государства и на сегодняшний день полностью потерявшее связь с реальностью и не позволяющее создать современную, актуальную, «плоскую систему власти», ориентированную на общественные интересы населения. Давайте посмотрим, что мы можем сделать в этом вопросе, когда придем к власти.

* * *

Для начала обратимся к текстам недавно ушедшего от нас крупнейшего современного русского националиста А.И. Солженицына: «Конечно, постепенно мы будем пересоставлять государственный организм. Это надо начинать не все сразу, а с какого-то края. И ясно, что: *снизу, с мест*. При сильной центральной власти терпеливо и настойчиво расширять права *местной жизни*» («Как нам обустроить Россию»).

Мы будем говорить о местном самоуправлении. Без этого института, чуть поднявшего голову при последних царях, полностью уничтоженного большевиками, профанированного современными бесталанными ментами на троне, невозможно гармоничное развитие русских территорий, русской провинции, этого естественного «резервуара» национальной самобытности, ареала потенциального де-

мографического роста и культурного противостояния модернизированным городам. Мы должны помнить: русское гражданское общество начала XX в. кануло в небытие, когда его всего лишь не поддержала провинция, погруженная в химеры Крестьянской войны.

Мы уже говорили, что в нашем обществе существует огромная политическая и общественная неопределенность, формирующая общее недоверие к насущной социальной реальности, наши граждане в своем большинстве пытаются избежать любого разговора о целеполагании, утилитаризме, здоровой самооценки окружающей социальной реальности (в этом, кстати, и есть главная цель «сурковской пропаганды»). Самое главное: российских граждан собственное государство в лице чиновничества *целенаправленно развращает, лишая опыта своего личного выбора, так как любой выбор — это гражданская и человеческая ответственность.*

Лишая социального опыта управления своей персональной частной собственностью через барьеры допуска к самим институтам частной собственности, лишая социального опыта рационального политического выбора («голосуем сердцем») через профанацию самих институтов публичной демократии, путем недопущения политической конкуренции.

Внутренняя ответственность индивидуума, в том числе и за свое социальное окружение, рождает самостоятельного гражданина, а это и есть самый страшный сон любого государственника, потому что следующий шагом будет уже требование ответственности и отчета за свои профессиональные действия с чиновников, с этого и начинается «растворение» традиционного общества и государства, настоящего языческого идола любых форм этатизма.

Солженицынская «демократия малых пространств» — это и есть первый шаг к преодолению этих традициона-

листских ментальных моделей, этого внутреннего «крепостного права», до сих пор живущего в душах наших людей, этого «питательного бульона» легитимности любых авторитарных режимов — от пошлейшего путинского до любого латиноамериканского.

Социологи говорят: возврат к рациональности возможен только через доверие. Разрушенное, потерянное доверие к социальным иерархиям возможно восстановить только на локальном, местном уровне. Самый короткий путь — местные муниципальные выборы, начиная от старшего по подъезду, председателя ТСЖ, члена Совета микрорайона, депутатов районного, городского и областного уровней. На этих выборах дистанции доверия наиболее коротки, так как все друг друга знают в лицо, есть возможность выстраивания вертикалей вверх через выявление реальных лидеров, отобранных на опыте решения рациональных задач (согласитесь, на уровне микрорайона трудно решать глобальные задачи например, по недопущению расширения блока НАТО). Пусть наши будущие лидеры тренируются на обустройстве детских площадок и принятии муниципальных бюджетов, затем на определении размеров налоговых ставок частновладельческих земель в разных районах области; глядишь, после этого и с американским ПРО уже на всероссийском уровне разберутся.

Муниципальные и региональные выборы — это система выстраивания политического доверия, основанного на опыте местной деятельности, где формируются позитивные или даже отрицательные, но реальные и рациональные результаты.

Это и есть социальный опыт, а этот опыт является фундаментом для всех остальных общественных институтов более высокого уровня.

«Из высказанных выше критических замечаний о современной демократии вовсе не следует, что будущему Российскому Союзу демократия не нуж-

на. Очень нужна. Но при полной неготовности нашего народа к сложной демократической жизни — она должна постепенно, терпеливо и прочно строиться *снизу*, а не просто возглашаться громковещательно и стремительно сверху, сразу во всем объеме и шири. Все указанные недостатки почти никак не относятся к демократии малых пространств: небольшого города, поселка, станицы, волости (группы деревень) и в пределе уезда (района). Только в таком объеме люди безошибочно смогут определить избранцев, хорошо известных им и по деловым способностям, и по душевным качествам... Демократия малых пространств тем сильна, что она *непосредственная*. Демократия по-настоящему эффективна там, где применимы *народные собрания*, а не представительные...» (А.И. Солженицын. «Как нам обустроить Россию»).

Поэтому на следующий день после прихода к власти русские националисты займутся в том числе и формированием «демократии малых пространств» через свободные выборы ответственных представителей муниципальных сообществ. И уже сегодня надо понимать, что это не такие уж и «малые» пространства.

* * *

Местные бюджеты (муниципальных районов, городских округов, поселений) сформировали свою доходную часть в 2011 г. в размере 2961 трлн руб., региональные бюджеты (областной уровень) в размере 7641 трлн руб., при том, что на федеральный уровень поступило 11 366 трлн руб. Итого в консолидированном российском бюджете доля муниципалитетов и регионов составляет не менее 49%, с учетом трансфертов из федерального бюджета — не менее 1,1 трлн рублей.

Странно, не правда ли, почему это так: чуть отъехал от любого областного центра (конечно же, не Кавказа, а исторической России) — и попадаешь в зону жуткой нищеты и неустро-

енности и реально понимаешь — бюджеты любого уровня каким-то мистическим образом здесь отсутствуют. Ответ прост. Бюджетная составляющая городских и сельских поселений (села и малые города) составляет всего лишь 12% от всей доли местных бюджетов, при том, что в малых городах и селах в нашей стране проживает чуть менее половины населения страны (!). Не верите, посмотрите сами любой стандартный статистический сборник. Этих денег практически хватает только на финансирования местной бюрократии и освещение местных поселковых администраций.

Но почему так мало? И вот здесь, господа, мы сталкиваемся с одним из главных российских проклятых вопросов — вековой нищетой русской провинции. Будем честны и объективны — и до современных коленоподъемных чекистов и приснопамятных коммунистов, во времена, столь милые для поклонников «России, которую мы потеряли» — не блистала роскошью русская глухомань, не купались в мещанском благополучии милые урюпински и мышкинны. И причина одна, сквозная через десятилетия и даже столетия — **нет денег, не хватает, нет, и хоть ты тресни.**

Забудем про необъятные шири, трескучие морозы, вековечную лень — пусть об этом «перетирают» меж собой путинисты с имперцами, паршевы и кургиняны, петровцы и либералы — что с убогих взять — пустота рождает только пустоту. Давайте посмотрим в корень вопроса — **в деньги**. Сегодня главным фискальным источником для муниципальных бюджетов является налог на доходы физических лиц, он составляет не менее 70% налоговых доходов.

Мы здесь даже не рассматриваем проблему того, что огромная часть сельчан и жителей малых городов зарабатывает и платит эти налоги в крупных городах, мы не втягиваемся в любимую дискуссионную тему всех рос-

сийских бюрократов от Николая I до Путина III о перераспределении доли федеральных налогов и объемах трансфертов от вышестоящих «вертикалей». Это все порожнее, мы фиксируем другой факт, так радикально нас — как государство и общество — отличающих от любой другой передовой страны сегодняшнего глобализованного мира. В России доля местных налогов (на землю и имущество) составляет всего лишь — **4%** (111 млрд руб. за 2011 г.) от всех доходов муниципальных бюджетов. Доля же таких поступлений в странах Запада и передового Востока и догоняющих их Чили и Бразилии **60%** по каждой стране. И самое главное, эти поступления формируются от абсолютно, просто тотально количественно расходящихся налоговых баз, по-русски говоря — **количества объектов, подлежащих налогообложению**, в провинциальной России их меньше на несколько порядков (!).

Причина? Господа, каждый из нас волен выбирать для себя те ценности, которые он считает нужным, и идеи личного нестяжания не самые худшие из них. Кому-то претит излишняя, по их мнению «суетливая деловитость» мелких и крупных «нуворишей», кто-то замечает отсутствие «духовного загара» на лицах добытчиков рубля и доллара. А эти почему-то всегда «потные руки и бегающие глаза» базарных теток и мужиков! Все это, конечно, так — и я вас уверяю: все это в реальности значительно карикатурней, а часто просто «нерукопожатней». Но именно этот «питательный бульон» провинциальной предпринимательской «суеты» в странах открытого доступа варится на «огне» частной собственности, всех этих объектах — real estate и private property, — а их облагают налогом, которые поступают в местные бюджеты, а эти бюджеты перераспределяют их в дальнейшем в общественных интересах данной территории. И этот нескончаемый финансовый круговорот идет десятилетиями, а во мно-

гих странах и столетиями, и именно в этом феномен общеевропейской и американской сельской местности и малых городов, где значительно чище и уютней, чем в любом мегаполисе.

Всего этого была лишена наша Россия. У дворян только при Екатерине Великой появилась частная собственность, в том числе и земельная, но дворяне **не платили налогов**, как особое привилегированное сословие, а крестьяне вплоть до начала XX в. даже теоретически, по закону не имели права владеть частной собственностью и, соответственно, **не могли платить местных налогов**. Земские сборы были ничтожны, так как брались они с тех институтов, которые появились только после реформ Александра II, у них была низкая база и для их развития нужно было элементарное время. Историческое время — очередной проклятый русский вопрос, на фоне тысячелетней истории всегда не хватает нескольких поколений для утверждения очевидных европейских ценностей.

Советскую власть обсуждать не будем, там все понятно. Почему либералы не допустили народ к институтам частной собственности в 90-е, мы тоже знаем — боялись «народной стихии», как сегодняшние чекисты-путинисты боятся этой же стихии, только в политической сфере. Таким образом, и не сложилась в России **традиция и практика самофинансирования провинции**, нет институтов частной собственности, нет налогов с нее, нет самоуправления, а есть жестко вертикальное бюджетирование сверху — вниз и, конечно же, по остаточному принципу. Ну, право же, куда пустить деньги — на обустройство гарнизонов в Польше или Финляндии при императорах, на атомный проект при Сталине, построить самую крупную в России мечеть в Грозном при Путине или пустить деньги на водопровод в Козельске и канализацию в Бологом? На этом фоне вообще становятся бессмысленными разговоры про сельские дороги до бесчислен-

ных Ельцовок, Поповок и Кудряшей. Вот отсюда и вытекают проблемы вековой заброшенности русской провинции. Вот поэтому и нет у нас до сих пор налогооблагаемой базы, цифры частной земельной и имущественной собственности (мы их в предыдущих публикациях уже неоднократно приводили) просто ничтожны — в среднем в несколько раз меньше, чем до октября семнадцатого года. А нет собственности — нет и налогов, значит, не будет развития территорий, и никакие масоны здесь ни при чем.

Произведем самый примитивный расчет. Мы уже приводили эти данные — 4% и 111 млрд руб. местных налогов (земельный и имущественный) за 2011 г. — так вот, доведем эти цифры до средневропейского уровня — 60%, т.е. умножим 4% на 15 и получим — 1665 трлн рублей, это фактически второй бюджет, и так каждый год, да с возрастанием. «Опять мужик срезал», — скажете вы. Придется не согласиться. Обратимся к легкодоступным цифрам Всемирного банка. В странах Третьего мира, где существует реальное оформление прав частной собственности и открытый доступ к этим институтам, все это приводит к кратному росту экономической эффективности уже в первые годы, следовательно, и к росту налоговых поступлений (сказывается в том числе и эффект низкой базы). Безусловно, в наших условиях очень сложно посчитать еще один эффект, это рост т.н. market power, но он также будет кратный, так что я уверен: через несколько лет можно выйти на эти расчетные цифры, они реальны.

Как некоторые еще помнят, в советское время были так называемые предприятия и хозяйства — «маяки», лидеры «социалистического соревнования»; главная особенность их была в том, что они были не типичные, они ярко выделялись на общем неприглядном экономическом фоне. Ничто в России не меняется, сегодня в Красноярском крае есть район-

«маяк» (Емельяновский), только «капиталистического соревнования», и возглавляет его глава администрации Николай Шилов. Вот выдержки из его интервью: «Да, земельные отношения ныне активно развиваются. Мы пока вроде стесняемся этого слова, но уже появился новый вид собственника — землевладелец... Так что спрос на землю растет, и он рождает не феодалов, а вполне цивилизованных, служащих и общему благу пользователей земли... за последние годы нам удалось вернуть в оборот 25 тысяч гектаров. С востребованием земли многие начали оформлять свои доли, проводить межевание. Кто-то берет ее в аренду, кто-то покупает и продает. Общими усилиями запустили землю в работу. Она стала приносить доход в бюджет» (курсив мой. — И.Р.).

Далее идет рассказ о районировании земель, генпланах, желании «подогреть, развить предпринимательский интерес», о том, как отсутствие административных барьеров (насколько это возможно на районном уровне) при выделении земли и наличии ее в свободной продаже позволило за счет горожан удвоить (!) население района: «Так городские переселенцы возродили многие наши деревни. В иных заново отстроены целые улицы, приятно посмотреть». Более того, «мы сами за счет бюджета оформляем участки и выставляем на аукцион... Надеюсь, что в течение 2–3 лет вся свободная земля будет на вторичном рынке. В распоряжении собственника или арендатора. Будет распахана, застроена, станет залогом при получении кредита, предметом торговли, наконец. И все — по законам, по правилам ее отчуждения и использования. А вот за соблюдением этих правил следить будем строго» (журнал «Российская Федерация сегодня». 2010. №5). Вот это и есть «плодская власть», действующая на Западе столетиями, а у нас только в отдельном взятом Емельяновском районе Красноярского края.

Спрашивается: почему это не происходит повсеместно, почему только наш «автор-маяк» замечает эту проблему и ее решает, а где эксперты и ученые, где наша правящая элита, как недавно заметили — «наша гениальная власть»?

* * *

Наш сегодняшний правящий класс плоть от плоти вышел весь из серой коммунистической шинели и ондатровой буденновки на не всегда трезвой голове. наших сегодняшних глав администраций, мэров, губернаторов воспитывали на Павликах Морозовых и Павках Корчагиных, когда они делали карьеру и вступали в КПСС, идеалом для них в лучшем случае был Киров и Орджоникидзе. Затем они в начале 90-х вместе со своими старшими товарищами «слили» и свою партию, и свою идеологию, и свою страну под названием Советский Союз. «Красная империя» пала, пали и они в большинстве своем в своих же глазах и были вынуждены пойти в «услужение» новой реальности: кто к Собчаку, кто растворился в безликом «ельцинизме», кто припал к индустриальным остаткам бывшего советского ВПК. Они выжидали. И вот наконец сегодня они чувствуют свой реванш, они видят, как стремительно возвращаются практики советской власти, опять появился знакомый сивушный запах совдеповской пропаганды, опять в ходу гэбэшные страшилки — они вернулись в такую знакомую, комфортную реальность. И любые общественные ценности, связанные с частной собственностью, конкурентной экономикой и политикой, беспристрастной и обезличенной судебной системой, общественными и политическими объединениями, не связанными на государство (ценностями модернизированного общества) — все это вызывает у них сверхнегативные реакции, так как именно эти ценности стали для них символом их собственного, личного поражения и развалом той общественной системы, иде-

алы которой они воспринимали как должные с самого детства.

Далее, воспитанные на талмудическом марксизме, где все и вся должно концентрироваться во имя грядущей победы социалистической производительности труда над капитализмом, где любые мелкобуржуазные ценности рассматривались как адская смесь, ведущая к хаосу и кризисам. И это все на уровне ощущений, ведь они самые яркие и последовательные представители традиционного общества (кстати, его реальная политическая элита), они всегда «голосуют сердцем», а не на основе общественного целеполагания или социального утилитаризма. Единственное, что они усвоили на рациональном уровне, так это то, что ни в коем разе нельзя отдавать собственность, их власть только тогда сила, когда она — **власть-собственность**, а без этого они никто, они просто **шпана**, пробравшаяся к «корыту». Они реально осознают, что они жулики и воры и только этим они и могут жить, господствуя над обществом. Хотите примеры? Пожалуйста.

Если вы следите за перипетиями введения налога на землю и имущество, то заметите такую странность: этот закон обсуждают уже с начала 2000-х годов, но никак не могут его ввести. В середине 2011 г. президент Медведев заявил о вводе этого налога к началу 2013 г., но уже через полгода министр Набиуллина заявила о невозможности ввода этого закона раньше... 2017(!) г., мол, кадастр не поспевает. Вряд ли кого-то стоит убеждать в том, что современное путинское государство если что с удовольствием делает, так это **вводит налоги**, а здесь какие-то сомнения да рефлексии... Сначала даже казалось, что вся проблема в том, что в большинстве своем у граждан собственность не оформлена и поэтому и налоги начислять затруднительно. С другой стороны, советская власть и без кадастра «драла» с крестьян налоги и не чувствовала

никакого сомнения. В чем секрет таких тонких настроек?

Ответ пришел с неожиданной стороны. Беседуя как-то об этих проблемах с одним близко знакомым высокопоставленным чиновником (обсуждая проблему отсутствия инвентаризации жилого фонда для дифференцированных налоговых ставок в зависимости от качества жилья), я услышал буквально следующее: «Не морочь мне голову, все это будет очень долго разрабатываться и внедряться. Этот же налог коснется практически всех, включая и нас. Ты что, думаешь, мы, люди государевы, платить должны как вы — предприниматели? Живем-то в одних домах, и не самых маленьких, а я вот недавно на свою матушку землицы пару гектар оформил; и что же, буду с нее платить, как какой-то фермер. Так что сам понимаешь...» Никогда не думал, что стану свидетелем сценки из учебника по экономической истории позднего феодализма.

А вот еще один пример из этой же эпохи, протекающей в наше время и в нашей стране. 23.04.12 нашим правительством подписано постановление о критериях, по которым муниципалитеты могут изымать (!) у частных собственников земли сельхозназначения; я обращаю ваше внимание: **изымать — частную собственность**. Действительно, во всем цивилизованном мире власти не любят, когда земля, предназначенная для сельского хозяйства, по каким-то причинам простаивает, и если нет внятного, описанного в законе объяснения, почему это происходит, включается налоговый счетчик: не обрабатываешь без причины — плати больше налогов или продавай землю более эффективному производителю... и кто скажет, что это несправедливо. Почему у нас как-то по-другому? И земли после изъятий продавать, кстати, будут не по рыночной стоимости, а по кадастровой. Все объяснимо. В газете «Ведомости» от 11.05.12 и не скрываются причины принятия таких

решений: «Земля изымается не безвозмездно... и у чиновников будет интерес заниматься этим, только если есть покупатель». Далее еще более конкретно: «К серьезным проблемам для крупных землевладельцев появление критериев не приведет...». Понятно, крупные латифундисты всегда смогут решить свои вопросы на уровне своего организационного и финансового ресурса, а под удар будут поставлены мелкие собственники фермеры и условные владельцы неразделенных участков, находящихся в коллективно-долевой собственности бывших простых колхозников. Очень пикантна фигура автора поправки — это член Совета Федерации С. Лисовский. Помните знаменитые «коробки из-под ксерокса»?..

Как видите, власть под «треп» об экономической и политической модернизации и о том, что «свобода лучше, чем несвобода», даже не законами, а своими постановлениями вводит самый натуральный, самый примитивный феодализм, и Ходорковский просто «пустосвят» с какими-то смешными утверждениями о неизбежности прав частной собственности.

* * *

Какая при таких условиях может быть «плоская власть», какое развитие провинции? Да я совсем и не удивлюсь, если в скором времени эта феодальная система сожрет полностью нашего передового главу администрации из-под Красноярска, ведь он так наглядно показывает, что, оказывается, можно жить и по-другому. И ведь в других регионах такое тоже случается, как и очередные примеры «тихой войны» чиновников со своим народом за собственность. Эти примеры были озвучены на XIII Апрельской конференции «Модернизация экономики и общества», проходившей в этом году в ВШЭ в г. Москве.

Вот, например, данные из доклада Е. Хмельницкой. На конец 2011 г. в Ленинградской области число владельцев

садовых участков, оформивших свою землю в частную собственность, составило 77%, сказывается высокий уровень социальной модернизации жителей крупного мегаполиса. (Кстати, в Московской области по этим же причинам уже 62% вообще всех земельных угодий находится в частной собственности, поэтому там, по постановлению Путина, будет изыматься частная земельная собственность в пользу чиновников.) Большинство питерских садоводов оформило свои участки со времени запуска т.н. «дачной амнистии», благодаря получению информации при освещении этой реформы в СМИ и реального упрощения процедур оформления своей дачной собственности. В докладе есть любопытные ремарки, подтвержденные статистическими выкладками, что стоимость оформления собственности за прошедшие годы не изменилась, а только увеличилась, и единственная причина, почему это происходит, — массовая низовая чиновничья коррупция, сопровождающая этот процесс. Далее, абсолютное большинство переоформивших собственность граждан в качестве главного мотиватора для принятия этого не самого дешевого решения называют высокий уровень юридических гарантий закрепления недвижимости за ними, при правильно оформленной собственности. Как видим, население демонстрирует совершенно рациональное поведение, даже несмотря на чиновно-коррупционные преграды.

Наиболее интересен для нашей темы доклад Т. Интигриновой, в начале которого рассматривается гипотеза о «низкой активности населения в отношении приватизации и государственной регистрации земель сельхозназначения... как результата осознанного неприятия приватизации ее населением...». Неожиданными оказались выводы, сделанные после многочисленных полевых социологических исследований: оказывается, существен-

ное влияние на формирование свободного земельного рынка сельской России оказывает **неопределенность**, связанная с **недостатком информации**, вокруг формирования и функционирования институтов частной собственности на селе. «Только 16% респондентов проведенного в рамках данного исследования опроса имели (хотя и крайне расплывчатое) представление о процедуре регистрации прав частной собственности на земельные участки, при этом абсолютное большинство из них знали об этой процедуре как относящейся сугубо к регистрации приусадебных участков. Важно отметить, что термин “частная собственность” подавляющему большинству респондентов был **неизвестен** (выделено мною. — *И.Р.*), суть явления выражалась фразой “моя земля навсегда”...».

И самый главный вывод: «Непонимание сути долевой собственности и незнание законодательства, регулирующего процедуры распоряжения земельными долями, позволило местным управленческим элитам распоряжаться земельными ресурсами по собственному усмотрению» и «намеренно манипулировать информационными потоками и местными административными кадрами». Спрашивается, для чего? Для ответа на этот вопрос не надо заканчивать Стэнфорд или Гарвард, на худой конец даже экономфак МГУ, а для практики надо всего лишь окончить совпартшколу, а еще лучше Краснознаменный институт КГБ: «...в рассматриваемом сельском сообществе *de facto* земельными ресурсами распоряжаются единицы из числа местных административных элит. Отсутствие знаний по данному вопросу не позволяет большинству населения участвовать в процессе управления земельными ресурсами».

Не правда ли, простые слова, о простых людях, но не о простых процессах, когда именно современное актуальное государство в лице своего традиционалистского (и только потом

коррупцированного и прочего) политического класса является тормозом социальных модернизаций, а значит, прямым виновником нищеты и запустения русской провинции.

* * *

Мы все являемся современниками процесса, когда за последнее десятилетие буквально на наших глазах, благодаря целенаправленной политике лично г-на Путина, на Северном Кавказе было воссоздано и даже во многом воскрешено традиционное общество. Для этого, конечно же, существовало множество предпосылок, но пример того, как в Чечне была сознательно создана территория, на которую совершенно открыто не распространяются современные (не самые продвинутые) российские законы и социальные практики и где местный политический класс публично воссоздает традиции мюридов XIX столетия. Кадыров с благословения своего «верховного» патрона стал эдаким кавказским Хомейни. Этот пример является очень заразительным для политических классов других республик Северного Кавказа, способом канализировать протестные настроения «кавказской улицы» в сторону от предъявления счетов себе любимым за распад общественной ткани местных институтов и так не самого передового российского социального государства.

И это произойдет, в этом нет никакого сомнения. На фоне русских территорий, стремящихся к общественной модернизации, возникнет — да уже возник! — совершенно явственный тренд погружения в традиционное общество нерусских (пока только кавказских) территорий РФ (не надо забывать, в России есть еще и национальные республики Поволжья!). Именно эти взаимоисключающие тренды разных ментальных общественных установок и образов, взаимоисключающие векторы существования общественного модерна и традиции и взорвут

территориальное единство РФ, а не пресловутая межнациональная рознь или «тень Манежки» с призывами «не кормить Кавказ». Надо только крепко помнить имя автора — **настоящего**, а не мифического развала РФ, и не дать себя обмануть при очередной попытке Кавказской войны.

Так вот, для сведения убежденных имперцев, «нашистов», коммунистов, государственников и прочих любителей «единых и неделимых территорий», для того, чтобы удержать Северный Кавказ в составе РФ, необходимо демонтировать «кадыровщину» как систему общественных отношений и постоянно подтягивать уровень модернизации кавказского общества хотя бы до уровня провинциального — среднероссийского. Например, по мнению руководителя центра социально-экономических исследований регионов Ramcom Д. Соколова («Ведомости» от 15.09.10), приватизация земли должна стать пусковым комплексом реформ на Северном Кавказе: «Земля — основной и дефицитный ресурс на Северном Кавказе. Для формирования частной собственности и создания залоговой базы в регионе необходимо оперативно провести разграничение государственной собственности на землю, границы опубликовать; определить принципы приватизации земли для каждого муниципального поселения. Согласовать их на сельских сходах и опубликовать. Отменить мораторий на приватизацию земель сельскохозяйственного назначения и провести эту приватизацию... Земля, введенная в оборот, позволит преодолеть дефицит финансирования экономики республик и заменит госгарантии».

Хотелось бы еще раз обратить ваше внимание: есть в мире всего несколько **неевропейских территорий**, которые успешно «привили» на своей земле европейские общественные системы и вошли список передовых стран: Япония, Южная Корея, Тайвань, и все они начинали с земельной реформы

введением частной собственности на землю среди крестьян. Чили и Бразилия сегодня идут именно этим путем. Единственной мусульманской страной, хоть каким-то образом прошедшей этап модернизации, является Турция, где частная собственность на землю как общественный институт, пусть не так развернуто, как в Японии, но все же существует. Судьба мусульманских модернизаций, характеризующихся только отменой института монархии, без построения институтов права и свободного рынка, совершенно наглядна: Ирак, Иран, Ливия, Египет, Йемен... наш Кавказ стремительно движется по этому пути.

Остановить это движение, канализировать общественную энергию **вовнутрь самого Кавказа** можно только сгенерировав процессы, которые захватят всю «кавказскую улицу», которые станут настоящим **модернизационным потрясением** для Кавказа, ибо на этой территории никогда, даже среди правящего класса, частная собственность как законченный институт не существовала во все исторические времена. Сложно не согласиться и с таким мнением Д. Соколова: «Действующий на Кавказе мораторий на приватизацию земли прикрывает свершившийся земельный передел в интересах чиновников, и это **минное поле** (выделено мною. — *И.Р.*)». Пусть на этом «минном поле» рвутся горячие кавказские ребята, это их земля, это их судьба, к русским делам это не имеет никакого отношения. Если кому-то хочется в этом поучаствовать, я думаю, можно набирать добровольцев из числа «нашистов», а если это сорвется, я думаю сыновья членов «Единой России» под предводительством своих отцов заложат на Северном Кавказе основание фундамента Евразийского союза (с дальнейшей эмиграцией на эту благословленную землю, оставив нас сирых один на один с «агрессивным» блоком НАТО). В конце концов, что мы хотим иметь у *границ русских земель* (не об-

суждаю сейчас вопрос о *государственных границах РФ*): условную Турцию или условную Ливию с Йеменом?

* * *

Современная русская провинция представляет собой территории с многоукладной социально-экономической структурой, где в радиусе примерно 50–60 км от областных центров существуют различные жизнеспособные социальные практики, основанные прежде всего на обслуживании потребностей близлежащего города. Рядом друг с другом могут существовать и современная ферма с высоким уровнем технического обеспечения, и поселок, где местные жители занимаются собирательством дикоросов и экономическим отходничеством.

Совершенно логично, если в эту сетевую структуру не будут втягиваться малые города, которые станут центрами социально-экономического притяжения, центрами сервиса по получению государственных услуг для окрестного сельского населения. Конечно же, для такой сетевой структуры необходима особая налоговая политика, где предприятия, ориентированные на переработку и упаковку сельскохозяйственной продукции и сервиса сельскохозяйственной техники, будут иметь особый статус налоговых преференций, и даже те не самые многочисленные налоги, которые им будут причитаться, они должны будут уплачивать местным муниципалитетам. Таким образом начнет работать экономическая, а затем и неминуемая социальная связка между деревней и малым городом на уровне небольших организационных форм. Такая практика неизбежно будет мотивировать территории на поощрение любой хозяйственной инициативы, и наряду с «демократией малых форм» наконец-то, очень медленно и постепенно начнет формироваться новая модернизированная социальная общность, давно уже успешно десятилетиями суще-

ствующая на Западе как провинциальное community.

«Community — это когда местные жители участвуют в перераспределении ресурсов на территории. Решают, у кого и что покупать сообща. Управляют местным рынком, в том числе через финансовую кооперацию. Это позволяет местному сообществу решать, сколько денег оставлять внутри территории, сколько платить местным поставщикам. И главное, как организовать жизнь и сделать из территории привлекательное место. Если этим занимается местное сообщество — оно превращается в серьезного игрока. Через местный бизнес оно управляет кругооборотом товаров, ресурсов, услуг. И этого достаточно, чтобы у территории появились ресурсы для развития. Постепенно происходит капитализация местных активов — той же земли. И даже только продавая эти активы, территория будет богата» (журнал «Эксперт». 2012. № 5).

Будет жива русская провинция — будет жить и вся Россия, для этого требуется всего-то немного, и фундаментом этих изменений станут институты частной собственности, к коим наконец-то будут допущены широкие слои русского народа. Невозможно удержаться, что бы еще раз не процитировать А.И. Солженицына, его «Как нам обустроить Россию»:

«...Независимого гражданина не может быть без частной собственности».

«Отказать деревне в частной собственности — значит закрыть ее навсегда».

«Нас ведет убеждение, что *свобода* связана с нашими обязательствами и самосодержанием».

Так уж сложилась мировая историческая динамика, что прорывы к этим новым общественным практикам на Западе прокладывали местные националисты. Так будет и в России — иного не дано. Видимо, сегодня пришел и наш черед.

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
великого русского мыслителя
Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»**

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

«НАИБОЛЕЕ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК»

К 190-летию Аполлона Григорьева (1822–1864)

Аполлона Григорьева наиболее чуткие современники и потомки единодушно воспринимали как фигуру глубоко национальную, как один из ярчайших символов русскости.

Сразу же после его смерти Достоевский написал в своём журнале «Эпоха», где Григорьев был ведущим критиком: «Может быть, из всех своих современников он был наиболее русский человек как натура», оговорившись, правда: «не... как идеал; это разумеется».

Яков Полонский, на склоне дней вспоминая своего друга юности, настаивал на том, что он «был чисто русский по природе своей — какой-то стихийный мыслитель, невозможный ни в одном западном государстве».

Александр Блок закончил знаменитую свою статью «Судьба Аполлона Григорьева», столь много способствовавшую воскрешению григорьевского наследия, такими словами: «Я приложил бы к описанию этой жизни картинку: сумерки; крайняя деревенская изба одним подгнившим углом уходит в землю; на смятом жнивье — худая лошадь, хвост треплется по ветру; высоко из прясла торчит конец жерди; и все это величаво и торжественно до слез: это — наше, русское».

Отражение некоторых черт личности Григорьева в таких знаковых персонажах русской классики, как Митя Карамазов и Федя Протасов, в данном отношении тоже весьма характерно.

Да и сегодня «последний романтик» продолжает волновать сердца — люди, хотя бы в общих чертах знакомящиеся с его биографией и творчеством, не

могут остаться к нему равнодушными. Это я наблюдал, преподавая современным студентам — по распространённому мнению, всецело прагматичным — историю русской культуры.

Легче всего списать это притяжение на якобы онтологически присущую русским любовь к пьяному цыганскому разгулу, игравшему в жизни Аполлона Александровича (ему бы по-хорошему Дионисом называться!) роль поистине ритуальную («Уж коли пить — так выпить океан! /Кутить — так пир горой и хор цыган!»), к метаниям из крайности в крайность, к надрывам и срывам...

Но ведь далеко не все поклонники Григорьева — трагические кутилы, сжигающие свою жизнь в огне страстей и противоречий, большинство из них, напротив, скорее согласятся с Достоевским, что «идеальным» такой стиль жизни назвать, «разумеется», никак нельзя.

Речь, думаю, о другом. О том, что русские чувствуют в авторе «Цыганской венгерки» своего, русского человека, осмелившегося попытаться быть свободным в системе, главным структурным элементом которой является русская несвобода, а потому обречённого на поражение и гибель. Мы переживаем, вникая в «мучительные строки» этой судьбы, не только восхищение, но и сострадание и страх, т.е. пресловутый катарсис.

Конечно, нет ничего более пошло-го, чем видеть в каждой григорьевской рюмке водки «протест против гнусной российской действительности», очевидно, что с годами вакханалии рус-

ского Аполлона/Диониса всё более приобретали страшные очертания неизлечимой болезни. Но само зарождение этой болезни всё-таки напрямую связано с радикальным конфликтом безоглядно свободолюбивой личности и социума, построенного на постоянных и унижительных компромиссах, предписанных подавляющему числу индивидов¹. А с компромиссами у Григорьева органически не ладилось. О, сколько людей, считающих себя образцами принципиальности, должны положить руку на сердце признать себя банальными конформистами, читая его письма! «Пусть я слаб, как ребенок, иногда пусть я падаю на всякие жизненные увлечения — но никакой слабости и никакому увлечению не отдаю я того, что считаю правдою», — он не только так говорил, он так жил.

Плохо сгинуть во цвете лет в алкогольном омуте, но прожить долгую жизнь с обязательным условием — «мириться со знакомым злом» — *тошно*. Может, есть какой-нибудь иной вариант? Например, изменить систему? Сделать её структурным элементом *русскую свободу*?

Кажется, именно об этом мечтал «последний романтик», в этом суть его мировоззрения.

---

¹ В самом начале своего литературного поприща Григорьев столкнулся с этой обязательной практикой. Будучи ещё студентом-первокурсником Московского университета (и интеллектуальным лидером своего курса), он написал по какому-то предмету блестящее сочинение на французском языке. Преподаватели не верили, что юноша написал его самостоятельно. Возмутителя спокойствия вызвал к себе попечитель университета, весьма просвещённый аристократ граф С.Г. Строганов. Убедившись из разговора (шедшего, естественно, по-французски), что авторство Григорьева несомненно, Строганов, тем не менее, заключил беседу так: «**Вы заставляете слишком много говорить о себе, вам надо ступать**».

* * *

Национализм Григорьева — вещь настолько очевидная, что не заметить его нельзя (само слово он, правда, употреблял редко, но оно в ту пору и вообще редко употреблялось). О нём писал ещё в начале прошлого столетия один из первых биографов основателя «органической критики» В.Ф. Саводник, о нём же неоднократно упоминает наиболее авторитетный современный григорьевед Б.Ф. Егоров. Но своеобразие этого национализма совсем не в том, в чём его обычно видят.

Не в детски-восторженной любви к *своему*, потому что оно *своё*, и порождаемыми этой любовью «ксенофобскими» или «шовинистическими» репликами, нередко выкрикнутыми подшофе:

«Для нас и [русский] жулик получше любого заморского чухонца»; «Шекспир настолько великий гений, что может стать уже по плечо русскому человеку»; «люди... право же, все гнусны, кроме славян»; «глубоко сочувствуя... всему разноплеменному славянскому, мы убеждены только в особенном превосходстве начала великорусского пред прочими и, следственно, здесь более исключительны... исключительны даже до некоторой подозрительности, особенно к началам ляхитскому и хохлацкому»; Гоголь — «чисто хохлацкая натура», а потому и «великий ненавистник великорусского начала и племени» и т.д. — Сказано ярко, но чувство здесь явно преобладают над мыслью.

И не в чётком предпочтении народного как *национального* народному как *социально-низовому*:

«Под именем народа, в обширном смысле, разумеется целая народная личность, собирательное лицо, слагающееся из черт всех слоев народа, высших и низших, богатых и бедных, образованных и необразованных, слагающееся, разумеется, не механически, а органически, носящее общую, типическую, характерную физиономию, фи-

зическую и нравственную, отличающую его от других, подобных ему собирательных лиц. Что такая личность слагается органически, а не механически, это я, кажется, напрасно и прибавил. Государства, как Австрия, могут слагаться механически, народы — никогда, они могут быть плохие народы, но никогда не бывают сочинённые народы.

Под именем народа в тесном смысле разумеется та часть его, которая наиболее, сравнительно с другими, находится в непосредственном, неразвитом состоянии.

...Первого рода народность есть то, что на точном и установившемся языке цивилизации зовется *nationality*, второго рода — то, что на нём же в не слишком давние времена получило определенный термин: *popularite*... В первом² смысле народность... как национальность является понятием безусловным, в самой природе лежащим». — Нечто подобное писал и Белинский.

Совершенно новым было, например, то, что Григорьев в отличие не только от Белинского, но и от славянофилов, и предвосхищая Данилевского, радикально отказывался от понятия «человечества», «которого, в сущности, нет, ибо есть организмы растущие, стареющиеся, перерождающиеся, но вечные: народы»³.

Но это новое вытекало из более общей установки мыслителя, символом веры которого было поклонение «жизни, а не теории, типам и народностям, а не отвлеченному мундирному единству», а следовательно, *свободе, а не несвободе*.

«Человечество» именно тем ненавистно Григорьеву, что оно «абстрактное чудовище», требующее «жертв никак не менее древнего Ваала». Этой унифицирующей абстракции «жерт-

вуется всем народным, местным, органическим». Т.е. это один из уровней (самый высокий) насильственной, деспотической, «мундирной» несвободы, стремящейся свести всё разнообразие жизни к одному сухому знаменателю. Но есть и другие уровни — пониже, но не менее — а гораздо более — «мундирные».

В отличие от своих консервативных последователей вроде Константина Леонтьева, клявшегося именем отца-основателя «почвенничества», но ревизовавшего его наследие до неузнаваемости, Григорьев не ограничивался манифестацией свободы лишь «межцивилизационной», он полагал, что и во внутренней своей жизни народы должны быть свободны. Ибо народ многосоставен, в нём существуют различные «типы», «веяния», наконец, «личности», которые своим свободным взаимодействием только и творят народную жизнь. (Леонтьев тоже ратовал за разнообразие, но — парадоксально — посредством деспотизма.)

Всё иное — «теория», а стало быть, «деспотизм», «мундир», будь то «казармы» «незабвенного императора Николая Павловича»; «формализм государственный и общественный», ведущий к уничтожению «народностей, цветов и звуков жизни» у западников; «социальная блуза» и «фаланстер» социалистов — «в сущности, это одно и то же».

* * *

В тот же «мундирный» список попало и славянофильство, которому Григорьев, разумеется, отдавал должное и всегда с почтением произносил имена Киреевского и Хомякова. Но и у них он видел господство теории над жизнью и даже находил в их учении «социализм»:

«Славянофильство... как и западничество, не брало народ, каким он является в жизни, а искало в нем всегда своего *идеального* народа, обрезывало по условной мерке побег этой

² Курсивы в цитатах везде Григорьева. — С.С.

³ Выделения в цитатах везде мои. — С.С.

громადной растительной жизни. *Своего, идеального* народа оно отыскивало только в допетровском быту и в степях, которых не коснулась еще до сих пор реформа... Они не верят в *настоящее* жизни, т.е. любят не народ, по законам бытия своего развившийся... а народ, который может еще пойти по теории. Они не верят в силу, т.е. в *двойственность*... а **верят в искусственное единство**... Славянофильство подвергает *народное* обрезанию и холощению во имя узкого, условного, почти пуританского идеала».

Характерно одно из самых главных разногласий Григорьева со славянофилами:

«Убежденные... что залог будущего России хранится только в классах народа, сохранившего веру, нравы, язык отцов, — в классах, не тронутых фальшью цивилизации, мы не берем такими исключительно одно крестьянство: в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую извечную Русь, с ее дурным и хорошим, с ее самобытностью и, пожалуй, с ее подражательностью... Славянофильство видит *народное* начало только в одном крестьянстве (потому что оно у *них* связывается с старым боярством), совсем не признавая бытия чисто великорусской промышленной стороны России».

Основой нации, по Григорьеву, идущему здесь след в след классическому европейскому национализму, может быть только «средний класс», купечество — русское «бюргерство», потому что нация может вырасти только из свободного социального слоя. Крестьянство же, превозносимое славянофилами, — крепостное ли, государственное ли — таким свободным слоем не было.

Есть у Григорьева интереснейшее размышление на тему: почему «из крестьянского быта нельзя писать драмы» и почему А.Н. Островский (любимый драматург основателя «органической критики») пишет пьесы почти исклю-

чительно «из купеческого быта», — оно не только не об этом, но и том, как автор видит русское националстроительство:

«Драма, как искусство вообще — увековечивает коренные, стало быть, нормальные органические типы народной жизни — порочные или добродетельные — это ей совершенно всё равно; увековечивает притом *sine ira et studio*...

Коренные же, органические типы бытовой жизни могли сложиться, во-первых, только в свободном сословии и, во-вторых, только в таком свободном сословии, которое могло, так сказать, поверить их крепость или слабость в столкновении с цивилизацией. Из драматических воспроизведенных крепостного быта выходило — и выходит всегда или жалостно сентиментальное — как покойные повести об Антоне Горемыке и проч. — или нечто доступное только мери, веси и чуди до слияния их с славянами — стало быть вообще нечто чуждое сущности драмы — как трагедии, так и комедии. Из драматических воспроизведенных идеальной неприкосновенности крестьянского быта — выйдет всегда или нечто идиллическое — и это еще в лучшем случае — или нечто уже совсем натянутое.

Драма, то есть серьезная, **национальная драма — есть культ национальности**, воспроизведение ее цельных, полных типов как в добре, так и в зле. Типы, развившиеся в односторонне напряженном состоянии народного быта и народной истории, как бы они ярки ни были — хоть бы например Стенька Разин или протопоп Аввакум, не могут быть взяты драмою, культом общим, исключительно, единично... Драма есть культ национальности, а не культ известного напряжения национальности, известной, так сказать, партии... факты крепостного быта могут со временем проходить, и проходить очень ярко, в нашей будущей исторической драме, но сами по

себе, без связи с общими типами общерусской жизни, столь же мало могут послужить предметом для драмы, как физическая болезнь, например, или голые факты уголовного... Драма с другой стороны — не идиллия и не проповедь чистой нравственности... Ей нужна национальность в коренных, органически сложившихся типах добра и зла.

В силу особенности нашего бытового и исторического развития, единственная среда, в которой наша национальность развилась совершенно свободно, как в добре так и в зле — есть та среда, из которой не выходит, вероятно не выйдет да и не может выйти наш народный драматург [А.Н. Островский]...

С чего взяли, что купцов изображает Островский? Русских людей он изображает, типы русской жизни — а уж он не виноват, что свободно и оригинально до дикости и чудноты развились они только в этой среде... С чего, наконец, взяли, одни — что он идеализирует национальные типы, — другие, что он самодурство казнит? Ничего этого не бывало — хоть и формула темного царства и формула почвы, извлеченные, так сказать, мыслителями из его произведений, имеют для себя в его творчестве большие опоры, и притом, формула «почвы» конечно несравненно более».

Странно, но факт: «последнего романтика» совершенно явственно тянет к такой неромантической вещи как «средний класс», вообще к середине! Но логика понятна: дворянство свободно, но только благодаря крепостному праву, его изуродовавшему и сделавшему неспособным к национальному лидерству, к тому же оно слишком «оевропеилось»; крестьянство, в силу своей структурной несвободы, пусть и подавляющее большинство русских, но «своего слова» не несёт, оно в конечном счёте будет подражать тем, кто выше по социальной лестнице, тем, кто свободнее. А купечество (не будем

здесь обсуждать правоту этого взгляда, история по нему уже вынесла приговор) — и свободно, и национально-самобытно, и уже искушено «европеизмом».

Славянофильство, апеллирующее к крестьянству и не замечающее «промышленный класс», на самом деле идеология не народная, а дворянская, «барская», «боярская», для которой те же крестьяне нужны лишь в роли огромной толпы молчаливых статистов, покорного объекта управления, не более. Поэтому славянофилы «не имеют права даже на русскую одежду (т.е. демократическую — ибо как *таковую*, а вовсе не как старообрядческую — я ношу ее и буду носить до конца жизни)», — т.е. если для Григорьева «русское платье» (которое он подчёркнуто носил) есть реальная связь с живым народом, то для славянофилов, с его точки зрения, это лишь «старообрядчество» — эстетический архаизм.

* * *

Иначе чем славянофилы, а тем более официозные охранители понимал Аполлон Александрович и православие.

Для него оно было не строгим догматическим учением, напротив, оно **«еще ist im Werden»** (находится в становлении). И главная его ценность в том, что оно, перефразируя одного из персонажей Достоевского, — важнейший «атрибут» русской народности:

«Дело православия слилось для восточно-славянского племени с делом его народности.»

Еще более слилось оно с делом народности для нас русских, в частности. Все связи наши с историей, с стариной — поддерживаются церковью... Приезжаете Вы, примерно, в один из старых городов старой Руси: в Тверь, Новгород, Суздаль, Переяславль, Володимир; тщетно искали бы Вы следов старого города (во многих, как в Твери, кремля, кремлика не уцелело), ко-

его имя напоминает Вам столько великого и говорящего сердцу: общий уровень казенщины прошел надо всем — и старое, и связь, и предание встают перед Вами только иконостасом векового собора, более или менее однотипного со всеми другими, — святынею какого-либо монастыря или пустыни».

Русское народное православие не тождественно православию официальному:

«Православие народное *выросло* как растение, а не *выстроено* по русской земле: оно не тронуло даже языческого быта, когда он радикально ему не противодействовал... Все, что было в язычестве старом существенно-народного, праздничного, живого, даже веселого без резкого противоречия духу Того, Кто Сам претворял воду в вино на браке в Кане галилейской — все уцелело под сенью этого растения, в противоположность давившему и уничтожавшему все католицизму».

В конечном итоге, православие, по Григорьеву, скорее не «вселенская истина», а некое (великое) культурно-историческое явление:

«Под православием разумею я сам для себя просто известное, стихийно-историческое начало, которому суждено еще жить и дать новые формы жизни, искусства, в противоположность другому, уже отжившему и давшему свой мир, свой цвет началу — католицизму. Что это начало, на почве славянства, и преимущественно великорусского славянства, с широтою его нравственного захвата — должно обновить мир,— вот что стало для меня уже не смутным, а простым верованием — перед которым **верования официальной церкви иже о Христе жандармствующих стали мне положительно скверны...**».

***

Итак, «и славянофильство, и западничество суть продукты головные, рефлективные», а «правда», отстаиваемая Григорьевым — «порожде-

ние жизни». И с невероятно горделивой претензией он формулирует своё и своих единомышленников кредо: **«Мы не учёный кружок, как славянофильство и западничество: мы — народ».**

А народ как «живой организм» не есть что-то застывшее, статичное, он **«старый и новый вместе»:**

«Когда мы говорим здесь о русской сущности, о русской душе, мы разумею не сущность народную допетровскую, и не сущность послепетровскую, а органическую целость: **мы верим в Русь, какова она есть**, какую она оказалась или оказывается после столкновений с другими жизнями, с другими народными организмами, после того, как она, воспринимая в себя различные элементы, — одни брала и берет как родственные, другие отрицала и отрицает как чуждые и враждебные...»

Поэтому-то олицетворением русскости для Григорьева в итоге станет Пушкин («наше всё», — кстати, именно григорьевская формула), который «и есть наша такая, на первый раз очерком, но полно и цельно обозначившаяся душевная физиономия, физиономия, выделившаяся, вырезавшаяся уже ясно из круга других народных, *типовых* физиономий, — обособившаяся сознательно именно вследствие того, что уже вступила в круг их. Это — наш самобытный тип, уже мерявшийся с другими, европейскими типами, проходивший сознанием те фазисы развития, которые они проходили, но боровшийся с ними сознанием, но вынесший из этого процесса свою физиологическую, типовую самостоятельность».

По сравнению с Пушкиным даже Островский кажется критику недостаточным:

«Если бы я верил только в элементы, вносимые Островским... Но я же верю и знаю, что одних этих элементов недостаточно... что полное и цельное сочетание стихий великого народного духа было только в Пушкине, что могучую односторонность исключительно на-

родного, пожалуй земского, что скажется в Островском, должно умерять сочетание других, тревожных, пожалуй бродячих, но столь же существенных элементов народного духа в ком-либо другом. Вот когда рука об руку с выражением коренастых, крепких, *дубовых* (в каком хочешь смысле) начал пойдёт и огненный, увлекающий порыв иной силы, — жизнь будет полна...».

Григорьев в поисках определения русскости пришёл к выводу, что она не может быть выражена каким-то одним началом, что, как минимум, она дуалистична:

«Народное наше, типическое — не есть одно только старое, но и старое и новое — или лучше та двойственность, которая всюду у нас проглядывает в старом и новом (князя дружинники и охранники и князя промышленники-вотчинники, — святость Ильи Муромца и ёрничество Алеши Поповича, — земледельческое население и купеческое, — покорность семейному началу в одной песне и *загул* в отношении к этому началу в другой и проч., и проч., и проч.)».

Этот русский дуализм критик сформулировал в результате как сосуществование в рамках одного народа двух основных типов: «смирного» (пассивного) и «хищного» (активного). Высоко оценивая «смирный» тип (фундамент народной жизни), Аполлон Александрович не принимал его абсолютизации, свойственной славянофилам и Толстому и позднее ставшей господствующим описанием русского характера вплоть до наших дней. Без активного, иногда даже бунтарского начала народ развиваться не может:

«...мы были бы народ весьма не щедро наделенный природою, если бы героями нашими были Иван Петрович Белкин и Максим Максимыч... Максим Максимыч и капитан Толстого, конечно, люди очень честные и без всякой похвалы храбрые... — но ведь согласитесь, что с ними *немыслима никакая история*. Из них не выйдут, ко-

нечно, Стеньки Разины, да зато не выйдут и Минины. *Увы! на одних добрых и смирных людях... — далеко не уедешь. Для жизни страстное начало нужно, закваска нужна*».

В отличие от позднейших «почвенников» родоначальник этого направления, особенно в последние годы жизни, отстаивал огромную важность героического и вообще личностного начала в русской жизни: «Мысль об уничтожении личности общностью в нашей русской душе — есть именно *слабая* сторона славянофильства».

Характерна его апология Чацкого как «нашего единственного героя», «единственно положительно борющегося в той среде, куда судьба и страсть его бросили», как «прямого сына и наследника Новиковых и Радищевых, товарища людей вечной памяти двенадцатого года, могущественной, еще глубоко верящей в себя и потому упрямой силы, готовой погибнуть в столкновении с средою, погибнуть хоть бы из-за того, чтобы оставить по себе «страницу в истории»».

Здесь очевиден прозрачный намёк на декабристов.

* * *

Политическим революционером Григорьев, конечно же, не был. Но ощущение неразрывной связи *нации и свободы* — ключевого у декабристов — и ему в полной мере было свойственно. Как и они, он разделял культ домонгольской, «вечевой», свободной Руси.

Ещё в начале своего литературного поприща он написал стихотворение, явно перекликающееся с «псковско-новгородской» темой у декабристов, Пушкина, Лермонтова⁴:

⁴ По свидетельству Афанасия Фета, ближайшего его друга в студенческие годы, перу Григорьева принадлежала и стихотворная драма «Вадим Новгородский» — излюбленный тогдашними русскими национал-либералами сюжет. Но она была очень несовершенна и, видимо, уничтожена автором.

Когда колокола торжественно
звучат
Иль ухо чуткое услышит звон их
дальний,
Невольню думую печальною объят,
Как будто песни погребальной,
Весёлым звукам их внимаю
грустно я,
И тайным ропотом полна душа моя.

Преданье ль тёмное тайник
взволнует груди,
Иль точно в звуках тех
таится звук иной,
Но, мнится, колокол я слышу
вечевой,
Разбитый, может быть,
на тысячи орудий,
Властям когда-то роковой.

Да, умер он, давно замолк язык
народа,
Склонившего главу под тяжкий
царский кнут;
Но встанет грозный день, но
воззовет свобода
И камни вопли издадут,
И расточённый прах и кости
исполина
Совокупит опять дух Божий
воедино.

И звучным голосом он снова
загудит,
И в оный судный день, в расплаты
час кровавый,
В нем новгородская душа заговорит
Московской речью величавой...
И весело тогда на башнях и стенах
Народной вольности завеет красный
стяг...

Это пристрастие сохранилось у него до конца дней. В одной из своих поздних статей (рецензии на драму Л.А. Мея «Псковитянка») находим такой восторженный пассаж:

«Спросить читателей, знают ли они что такое наши вече вообще, набат которых неумолчно гудит не в одном только государе великом Новгоро-

де и в брате его младшем Пскове, и во всех городах и пригородах дотатарской Руси, — гудит, а во время татар не только в Твери, в самой Москве до казни последнего тысяцкого, — гудит, наконец, уединенно в Новгороде и Пскове, в Новгороде, пока не свезли вечевой колокол в Москву и не повесили гудеть с остальными московскими колоколами в один тон; дозванивает в Пскове до самого Грозного; беспорядочным и мятежным набатом пробуждается в эпоху междуцарствия и торжественно сзывает всю землю на охрану и оборону земли в Новгороде Нижнем...».

Для Григорьева гибель вечевых, демократических устоев Киевской Руси — национальная трагедия: «Татарское и московское иго, оба в сущности равносильные, оторвали нас от них». Но прошлое в григорьевском мировоззрении никогда не исчезает бесследно, вспомним, его народ «вечно старый и новый вместе» и потому «коренной русский человек остался всё такой же, какой он был во времена Мстиславов — стоятелей за вольную жизнь старой Руси».

Так что вечевое начало тоже не умерло и способно в новом облики воскреснуть:

«Что татары оторвали нас от XII века и от нашего федеративного будущего, что северо-восточные князья-приобретатели, пользуясь татарским игом, централизовали и вместе кристаллизировали жизнь, это было конечно исторически-необходимо, т.е. проще говоря, это — произошло. Но ведь произошло также и то, что в эпоху междуцарствия вдруг раскрылись все язвы общественные, на время заглушенные хитрыми мерами Калиты и Ивана III и грозной централизацией Ивана IV, вдруг отозвались все подавленные стороны жизни и выступили под знаменами бесчисленных самозванств. Равномерно и в духовном процессе нашем совершаются такие факты, которые показывают, что связь

наша с историей и бытом народа во все не так разорвана, как это казалось лет за пятнадцать назад, что кругом нас в тишине совершается жизнь, вовсе не так далекая от жизни даже XII столетия, как это кажется с первого раза», — писал Аполлон Александрович под впечатлением от начала реформ 1860-х гг.

Недаром историографические симпатии Григорьева были не на стороне его бывшего товарища юности С.М. Соловьёва («Историю России» которого он весьма критически рецензировал) с его культом государственной централизации, а на стороне, говоря его словами, «школы федералистов» (Н.И. Костомаров, А.П. Шапов, П.В. Павлов, Д.И. Иловайский и др.) с их интересом к местной, областной истории, попыткой отказаться от «московоцентризма». Подробному (и сочувственному) разбору костомаровских «Северно-русских народоправств во времена удельно-вечевое уклада» критик посвятил отдельную большую статью.

* * *

Не знаю, получилось ли у меня выстроить более-менее систематический свод григорьевских воззрений на русскую национальную проблему. Ведь, во-первых, он был прежде всего литератором (поэтом, критиком), а не политическим мыслителем. А во-вторых, принципиальный анти-теоретизм Аполлона Александровича не слишком благотворно отражался на форме его работ, из их хаоса не так уж просто выбрать фрагменты по нужной нам теме, а затем соединить их между собой в нечто последовательное.

Но, думаю, суть дела, так или иначе, ясна. Национализм Григорьева носил ярко выраженный демократический характер, он сам собственно опреде-

лял своё направление как «народность демократическую и прогрессивную», нация и свобода были для него вещами нераздельными. Но трагедия григорьевского национализма состояла в том, что в последекабристский период эти понятия в русской политической мысли соединялись с трудом и чем дальше, тем больше расходились на противоположные концепции — не-свободной нации и безнациональной свободы.

Почему так случилось — долгий разговор, но одно сразу бросается в глаза: блистательное отсутствие того самого «свободного среднего класса», который Григорьев, романтически выдавая желаемое за действительное, увидел в купцах Островского. Личный жизненный срыв неистового Аполлона, кроме всего прочего, ещё и от этого: на самом деле его общественно-политические идеалы более чем умеренны, он просто хотел европейской нормы, но в русском оригинальном облики. Но именно путь нормы в России всегда был (и остаётся) самым сложным, удававшимся только исключительным по волевым качествам и хладнокровию натурам. «Последний романтик» был для него слишком хрупок...

Но его интуиции, неприменимые к той эпохе, могут заиграть новым светом сегодня. Как современно звучит, например — «чувство патриотизма, очищенное от татарщины или китаизма, чувство простое и искреннее, без апофеозы кулака и бараньего смирения», или — «идеалы самобытного народного протеста». Не говорю уж о «свободном среднем сословии» и «нашем федеративном будущем»...

Но самое главное — «григорьевский канон» для любого честного русского мыслителя: «чувство живого в жизни, любовь к жизни в жизни — и отвращение ко всякой мертвечине...».

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ИДОЛЫ КОНСТРУКТИВИЗМА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Был выбран некто в боги:
 Имел он голову, имел он руки, ноги
 И стан;
 Лишь не было ума на полполушку,
 И деревянную имел он душку.
 Был — идол, попросту: Болван.
Александр Сумароков

I. «Немытая Россия» и «солнце конструктивизма»

Презумпция отсталости отечественного и прогрессивности западного обществознания, вошедшая в моду с крушением диктата «научного коммунизма», не имеет под собой, как всякая мода, никаких незыблемых оснований. Поскольку картина развития советской науки вовсе на однозначна: наряду с областями, где царили застой и косность, были и области, в которых шла напряженная работа мысли и борьба идей, далеко не всегда заглушаемая «марксизмом-ленинизмом». Не говоря уже о том, что и в самом марксизме-ленинизме существовали весьма прогрессивные достижения и верные методологические установки, к каковым я отношу диалектический и исторический материализм.

Однако что есть — то есть: вышеуказанная презумпция сложилась и действует.

Что же приходит на смену советской школе научной мысли, поспешно выброшенной в наши дни на свалку вместе со всеми ее плюсами и минусами? Я имею в виду в первую очередь интересующую нас область национальных отношений, этнополитики.

В 1980–1990-е гг. на Западе сложилось целое направление под названием «конструктивизм», которое вообще отрицает реальность таких феноменов, как раса, этнос или нация, но полагает их некими «воображаемыми сообществами», своего рода виртуальной реальностью, существующей лишь в нашем сознании в качестве сотворенных «конструктов», а не в реальной жизни. Или, как вариант, существующих (постольку, поскольку они уже воображены) в виде социальной проекции интеллектуальных проектов.

Конструктивизм пользуется колоссальной политической поддержкой, всемерно пропагандируется и распространяется по всему миру, а с 1990-х гг. и в России. Причина проста: это опорная теоретическая база для наступления на идейные основы национального суверенитета, национальной государственности, на саму идею наций и национализма, в чем кровно заинтересованы влиятельные международные силы, за которыми стоит транснациональный капитал. Конструктивисты — вольно или невольно, сознательно или несознательно — повсеместно выступают как ценные агенты процесса глобализации¹. В этом главный секрет их непрерывно растущей популярности в разных странах.

Рубежными событиями в исто-

¹ О вреде глобализации см.: *Севастьянов Александр*. Глобализация и интересы России. Как нам выжить в ситуации транзита глобальных проектов // Политический класс. 2006. № 8.

рии вопроса считаются выход в свет основополагающей работы Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983), сборника «Изобретение традиции» под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера (1983) и монографии Эрика Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 года» (1990)². Адепты этого направления, помимо названных, в разной мере его разделяющие и развивающие, — Э. Геллнер, Ф. Барт, Э. Смит, К. Дойч, П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдьё, Э. Гидденс и др. Коллективным манифестом этой группы называют сборник «Нации и национализм», опубликованный левым издательством «Версо» в 1996 г. в Лондоне.

До недавнего времени конструктивизм фронтально противостоял отечественной школе мысли в области этнологии и нациеведения как в методологии, так и в выводах. Но с недавних пор он и у нас становится интеллектуальной модой и попросту вытесняет нашу школу напором модной новизны, занимает ее нишу, так и не преодолев теоретически.

Мне это кажется несправедливым и опасным по своим последствиям.

² *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London, 1983 (1991); *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; *Hobsbawm E. and Ranger T.* (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge, 1983; *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, 1990; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. К этим основным публикациям следует добавить: *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий XX век (1914–1991). М., 2004; *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002; *Хобсбаум Эрик.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность (Интернет-версия) и др.

«Святее папы римского» — марксисте Карла Маркса

Бросается в глаза парадокс: основные идолы конструктивизма — Геллнер, Хобсбаум, Андерсон³ и др. — все прочно позиционированы в марксистском секторе политологии⁴. Как пишет главный редактор авторитетного журнала «Nations and Nationalism» Энтони Смит в своей работе «Национализм и модернизм»:

«В основе... книг лежала марксистская традиция, но в них содержалась попытка перейти от традиционного исследования политической экономии к сфере культуры, доработав и дополнив их темами из анализа нарративов и дискурса, разработанного “постмодернистской” деконструкцией. В обоих случаях это привело к пониманию нации и национализма как основного текста Нового времени, которые необходимо было разоблачать и деконструировать. В обоих случаях нации и национализм — это конструкции и культурные артефакты; задача исследователя заключается в том, чтобы раскрыть их формы и содержания, показать потребности и интересы тех элит и страт, которые извлекают выгоду из этих нарративов или используют их»⁵.

³ Я намерен ограничить свой анализ этими тремя главными именами; противное потребовало бы объема монографии, но ничего не добавило бы по сути. Критический разбор книги Андерсона «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» см. также в кн.: *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С. 64–82.

⁴ Работа, в значительной степени посвященная этому парадоксу: *Земляной Сергей.* Камень преткновения для марксизма. Нации и национализм в XX веке // Интернет-версия.

⁵ *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 220. Типичным для этой группы и их эпигонов является утверждение норвежца Ф. Барта: «Этниче-

Из этой точной характеристики сразу видно основное противоречие с отечественной этнологией и нациеведением (если не считать экзотика Льва Гумилева с его фальшивым «этногенезом»), всегда рассматривавшим этносы и нации как реальные естественно-исторические общности.

Чем-то необыкновенным и шокирующим представляется попытка конструктивистов выглядеть еще большими и лучшими марксистами, чем советские марксисты, выступая при этом с диаметрально противоположных позиций. Это крайне удивляет еще и потому, что с философской точки зрения все конструктивисты открыто представляют собой течение сугубо («до мозга костей») идеалистическое, причем с уклоном в субъективный идеализм классического берклианского толка. Будучи плотью от плоти западной научной школы, представляющей в социальных дисциплинах типичную «науку мнений», конструктивисты не только не знают, не понимают и не принимают ни диалектического, ни исторического материализма, но даже не отдают себе в этом отчета. То есть — перед нами «марксисты», из коих выхолощена главная суть марксистской философии. Таков их врожденный порок, делающий априори невозможной какую-либо результативность научного поиска.

Помимо того, в конструктивизме вполне отчетливо отмечается разлагающее влияние философии и эстетики постмодерна с его отвратительным релятивизмом, игрой в «черное — это белое, белое — это черное» и манерой отрекаться от любых констант и универсалий⁶.

ность — это форма социальной организации культурных различий».

⁶ Биологизм как метод и как принцип конструктивистами не берется в рассмотрение вообще, представляя собой фигуру умолчания, как будто нет на свете тысяч добросовестнейших исследований серьезных ученых

В чем особенная парадоксальность ситуации?

Во-первых, никакой марксист в принципе не может быть националистом (и наоборот), поскольку акцентирует и эксплуатирует принцип не национальной, а классовой солидарности. Эти принципы несовместимы и находятся в антагонистическом противоречии друг с другом, вытесняют друг друга как тезис и антитезис⁷. В политологии нельзя быть строгим марксистом и сознательным националистом одновременно, нельзя даже и пытаться концептуально понять национализм через марксизм⁸. (Это не значит, что син-

---

биологического профиля, в том числе этологов, антропологов, генетиков и в значительной мере этнологов, чьи труды помогают разобраться в феноменах расы, этноса и нации.

⁷ См. об этом: *Севастьянов Александр*. Диалектика социального и национального. К постановке вопроса // Вопросы национализма. 2010. № 1.

⁸ Ср. характерную своей запредельной нелепостью попытку американского марксиста Иммануэля Валлерстайна переосмыслить понятия «раса», «нация», «этническая группа», глядя через призму социально-экономических отношений: «Каждая из этих трех категорий зиждется на одной из основных структурных черт капиталистической мировой экономики. Концепция “расы” соотносится с осевым разделением труда в мировой экономике, антиномией центра и периферии. Концепция “нации” имеет отношение к политической надстройке этой исторической системы, суверенным государствам, берущим свое начало в общегосударственной системе. Концепция “этнической группы” проистекает из появления хозяйственных структур, допускающих большую долю неоплачиваемого труда в процессе накопления капитала. Ни одна из трех категорий не соотносится прямо с категорией “класс”» (*Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 94). Иначе как политэкономическим кретинизмом такой пассаж не охарактеризуешь.

тез невозможен, но — не для последовательного марксиста.) Тот факт, что основной фронт борьбы против наций и национализма доверен именно марксистам, заведомо лишенным ключа к тайне данных феноменов, о многом говорит наблюдателю.

Во-вторых, в плане интеллектуального инструментария миром пока не выработана философская система более актуальная и действенная, совершенная, нежели диамат и истмат, освобожденные от призм классового подхода. Эта школа системного мышления недаром впитала в себя все самое лучшее, что в методологии выработано мировой философией вплоть до Маркса. Ее пока никто не опроверг и не превзошел (именно системно). Не стоит выплескивать с водой ребенка, отказываясь от этой школы вместе с отказом от обанкротившегося принципа примата классовой борьбы в истории.

И уж во всяком случае, нам никуда не деться от кричащего факта полной беспомощности идеалистического подхода в науках, основанных на знаниях и фактах: истории, социологии и т.д. Идеализм для серьезного, уважающего себя и свою дисциплину ученого — абсолютное табу.

Для тех, кто попадает под обаяние конструктивистов, нарушение данного табу становится не просто нормой, а категорическим императивом. Нельзя принимать полностью или хотя бы частично доктрину андерсонов-геллнеров-хобсбаумов, не заражаясь при этом сущностно идеалистическим взглядом на мир вообще и избранный предмет исследования в частности. Что влечет за собой тяжелые последствия как в констатирующей части такого исследования, так и — еще более тяжелые! — в результирующей.

Марксисты-идеалисты

Конструктивисты, как читатель убедится, топчутся в истертом и затоптанном кругу национальных эпифеноменов, таких как язык (в т.ч. «печат-

ный»), религия, культура, гражданство, династическая принадлежность (подданство) и т.д. При этом сам первичный феномен — нация — безнадежно ускользает от них. Они изучают — порою с лупой! — следствия вместо причины, предикаты вместо субъекта, пойму вместо русла, части вместо целого, схему вместо живой жизни. Словом — все вторичное вместо первичного. Деревья напрочь заслоняют от них лес.

Все они — гуманитарии, влачащие на своих ногах тяжелые гири весьма несовершенной и приблизительной методологии, приверженцы аргументации *ad hominem*. Они не проходили школу серьезной мысли. Вообще, никогда. Здесь их общая ахиллесова пята. Они придают решающее значение отражениям реальности (феноменов, в нашем случае) в сознании, но при этом не желают в упор видеть саму реальность (феномены), ибо примат сознания над материей для них аксиома. Клеймо идеализма выжжено на этих лбах, а девиз «казаться и слыть — важнее, чем быть» горит в этих сердцах.

К примеру, для Андерсона нации — всего лишь «культурные артефакты», и он обещает «доказать, что сотворение этих артефактов к концу XVIII века было спонтанной дистилляцией сложного “скрещения” дискретных исторических сил, но стоило лишь им появиться, как они сразу же стали “модульными”, пригодными к переносу (в разной степени сознательному) на огромное множество социальных территорий и обрели способность впалять в себя либо самим впаляться в столь же широкое множество самых разных политических и идеологических констелляций» (29)⁹.

Тут-то его и подстерегает очередное противоречие. Он подтверждает: «Она [нация] воображается как общество, поскольку независимо от

⁹ Здесь и далее указываются страницы русского перевода «Воображаемых сообществ».

фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество. В конечном счете именно это братство на протяжении двух последних столетий дает многим миллионам людей возможность не столько убивать, сколько добровольно умирать за такие ограниченные продукты воображения».

При осознании этого факта Андерсону изменяет выдержка, и он задает негодующий вопрос, дающий нам понять всю степень его внутреннего непонимания и неприятия национализма, его глубочайшее возмущение самим фактом его существования и триумфа: «Эти смерти внезапно вплотную сталкивают нас с главной проблемой, которую ставит национализм, а именно: что заставляет эти сморщенные воображения недавней истории (охватывающей едва ли не более двух столетий) порождать такие колоссальные жертвы?» (32).

Да уж, за артефакты как-то не принято умирать с охотой! Мы все это понимаем, понимает и Андерсон, но отказаться от идеи «нация как артефакт» уже не может.

Национализм — есть сильнейший мотив, побуждающий к действию, в чем мы постоянно убеждаемся на практике. Но глубинные мотивы такой силы, учит нас этология, бесполезно искать в сфере рационального: нужно обратиться к сфере аффектов, рефлексов и инстинктов, которую обслуживает наш *ratio*. Только тогда можно что-то понять.

Вместо этого все вообще марксисты-конструктивисты склонны понимать национальность по Веберу (поскольку у Маркса–Энгельса–Ленина тут зияет провал, абсолютная пустота), что более чем устарело и мало соответствует действительности: все-таки Вебер, как и Маркс, мыслит в категориях политэкономии, а не этнополитики. И не сегодня, а в позапрошлом веке.

Характерная эта связь раскрывается С. Баньковской в предисловии к «Воображаемому сообществу»:

«Посмотрим теперь, например, на то, как определялась “национальность” в классическом сочинении Макса Вебера “Хозяйство и общество”. Ввиду принципиального характера рассуждений Вебера, процитируем его подробно: “С «национальностью», как и с «народом», в широко распространенном этническом смысле, связано, по меньшей мере, нормальным образом, смутное представление, что в основе того, что воспринимается как «совместное», должна лежать общность происхождения, хотя в реальности люди, которые рассматривают себя как членов одной национальности, не только иногда, но и весьма часто гораздо дальше отстоят друг от друга по своему происхождению, чем те, кто причисляет себя к различным и враждебным друг другу национальностям¹⁰... Реальные основы веры в существование «национальной» общности и выстраивающегося на ней общностного действующего весьма различны”. В наши дни, продолжает Вебер, в век “языковых битв”, важнейшее значение имеет “языковая общность”, а помимо этого возможно, что основой и критерием “национального чувства” будет результат соответствующего “общностного действующего” (т.е. поведения, основанного на эмоционально переживаемом чувстве общности, *Gemeinschaft*) — образование “политического союза”, прежде всего государства. Мы видим здесь все достоинства и недостатки классической постановки вопроса. Вебер, конечно же, рассматривает “нацию” как “воображаемое сообщество”... Это, в общем, классическая европейская постановка вопроса, продолжение которой мы нашли в социологических формулировках Вебера» (8–9).

Вот таков он во всей красе, духов-

¹⁰ Убийственно голословное, но категорическое утверждение, просто на редкость! — А.С.

ный отец конструктивистов, столп западной «науки мнений». Безответственный и амбициозный вещатель истин в последней инстанции, ничем, однако, не подкрепленных, кроме, очевидно, узенького личного опыта и круга общения самого вещателя. А то и просто высосанных из пальца.

И они еще будут глубокомысленно глаголать нам о важности «языковой общности» — нам, русским, которые уже сегодня с оружием в руках опровергают эту «общность» в отношении ряда народов бывшего СССР, начиная с грузин и кончая чеченцами, входивших некогда в псевдонацию «советский народ»! Нам, которым, весьма возможно, предстоит в будущем широко распространить этот печальный опыт и на другие народы...

Язык не производит наций: для нас, постсоветских русских, это ясно и непреложно и доказано практикой, как дважды два = четыре. Но конструктивисты все как один обожают обсуждать языковой фактор, сильно преувеличивая при этом его нациеобразующее значение.

Обидно сознавать, что, хотя люди Запада оперируют словами «нация», «национализм», совершенно не понимая их смысла, искажая его, они при этом берутся нас учить, что и как надо думать на этнополитические темы!

Вот, например, откровения Дэвида Роули: «Я покажу, что русские не были способны развить национальное движение потому, что дискурсивный аппарат не включал концептов, которые являются неотъемлемыми для националистической мысли... Это доказывает, что основа национализма образуется не материальными особенностями социальных, политических или экономических структур или «аутентичной» этничностью, но современным европейским мышлением»¹¹.

Уверенно, чтобы не сказать нагло! Но ни теоретические, ни практические достижения западной мысли не вызывают желания учиться у таких учителей. Поскольку, во-первых, пресловутые «неотъемлемые концепты», как я надеюсь убедить читателя, гроша ломаного не стоят. А во-вторых, плачевные итоги «современного европейского мышления» мы видим воочию на улицах Европы: европейцы без боя сдали свои страны цветным пришельцам, они успешно погубили свои нации, и не им учить других национализму.

Порочный дух порченого времени

Все сказанное заставляет меня с большой тревогой относиться к тому импорту конструктивизма в отечественную социо- и политологию, который мы можем массово наблюдать в постсоветской России. Указанная экспансия при этом еще и преподносится как «завоевание научной мысли», будучи на деле ее деградацией и тотальной ретирадой! От такого признания за версту веет комплексом неполноценности относительно молодых российских научных дисциплин, не имевших легитимности (или имевших ее очень ограниченно, как социология) при советской власти: политологии, этнополитики и научного национализма¹².

Русские доверчивые неопиты, вместо того чтобы биться с теорией «воображаемых сообществ» и «изобретенных наций» как научно ошибочной и политически вредной для дела национализма, восхищенно и трепетно транслируют ее в еще менее просвещенные круги, иногда даже как бы против своей воли, в упор не видя ее кричащих противоречий или не вполне отдавая себе отчет в содеянном. Они

¹¹ Роули Дэвид Г. Имперский versus национальный дискурс: случай России / Пер. А. Храмов // Вопросы национализма. 2011. № 5. С. 214.

¹² Новейшее направление отечественной научной мысли. Главный орган — журнал «Вопросы национализма» (главный редактор Константин Крылов, научный редактор Сергей Сергеев).

так азартно пропагандируют глупости и пошлости господ конструктивистов, что воленс-ноленс сами становятся их заложниками.

Впрочем, в ряде случаев надо вести речь не о комплексе неполноценности или доверчивости неофитов, а об оголтелом карьеризме прожженных и небескорыстных циников, чутко уловивших политически значимый «мейн-стрим». Или о добровольных не менее оголтелых агентах западного жизнеустройства, стремящихся привить нам смертельные болезни Запада (увы, безуспешно). Иногда эти «полезные» свойства соединяются. В первую голову тут следует назвать философа Владимира Малахова¹³ и директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ИЭА РАН)¹⁴, бывшего гайдаровского министра по делам национальностей Валерия Тишкова.

Малахова, к примеру, сильно тревожит «этническое понятие нации, тоже с поразительной настойчивостью воспроизводимое подавляющим большинством русскоязычных работ на эту тему. Очень мало кто у нас понимает нацию в политическом смысле — как гражданское сообщество. Для русскоязычных авторов нация — явно или неявно — есть этническая общность»¹⁵.

¹³ Автор книги с конъюнктурным названием «Скромное обаяние расизма» и другие статьи» (М., 2001). Его монография «Национализм как политическая идеология» рекомендована в качестве учебного пособия для вузов.

¹⁴ Некоторым аспектам деятельности этой деградирующей под руководством Тишкова научной инстанции мною были посвящены статьи: 1) Шорных дел мастера // «Наш современник», №7 за 2007; 2) Битому неймется // интернет-сайт АПН, 6 марта 2009: <http://www.apn.ru/publications/article21410.htm>, а также раздел в книге: *Авдеев В.Б., Севастьянов А.Н.* Раса и этнос. М., 2007.

¹⁵ Расизм на языке социальных наук. СПб., 2002. С. 11–12.

Здесь Малахов встает плечом к плечу не только с Тишковым, чьи хлопоты по внедрению в России концепции политической нации настойчивы и велики, но и с В.И. Лениным, который прямо утверждал: «Нации — выдумка буржуазии».

Малахов с сердечным сокрушением признает: «Как с этим бороться? Если вы видите в девяноста случаях из ста, что под нацией понимают этнос, или под этносом понимают кровнородственное сообщество, или считают этнос автономным агентом социального действия, самостоятельной либо коллективной персоной — чисто теоретически это опровергнуть невозможно». Поэтому он предлагает делать это по-партизански, «перформативно», т.е. массированно используя ключевые слова в превратном контексте («агент национальной безопасности», «национальный интерес»), размывая смысл слов, прививая им двусмысленность в массовом сознании. И выражает надежду, что ориентированные подобным образом ангажированные журналисты смогут сделать то, чего «ни ученые, ни педагоги прямым образом достичь не могут»¹⁶.

Что, кроме брезгливого отвращения может вызвать «ученый», в открытую призывающий СМИ фальсифицировать научные данные и манипулировать общественным сознанием?!

Но Малахов просто младенец рядом с Тишковым. Одиозная фигура последнего, всюду твердящего, что никаких этносов и тем более наций нет (публично заявившего, например, — в Государственной Думе! — что никаких русских в природе не существует)¹⁷, заслуживает внимания.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Некоторые труды Тишкова называются очень характерно и вызывающе, то есть — если учитывать должности автора — программно: «Забыть о нации» (журнал «Вопросы философии», 1998), «Реквием по этносу» (М., 2003) и проч.

Самое поразительное, что открывается при чтении работ Тишкова, это его принципиальное нежелание хоть как-то подкреплять аргументами свои основные тезисы. И выход из этого тупика он находит самый примитивный. Не в силах ничего доказать на деле сам, он взывает к тем самым авторитетам: Барт, Дойч, Геллнер, Хобсбаум и др. Показательным является выбор Тишковым цитат для подкрепления своей позиции. Но, на мой взгляд, они скорее разрушают ее, сами нуждаясь в подкреплении, которого не в силах дать никто. Я привожу цитаты именно в тишковском контексте, демонстрируя их порочное, но органическое единство:

— «Понятие нации требует коренного пересмотра в нашем общественном сознании, а вместе с этим — в общественно-политической и конституционно-правовой практике. Распутать этот клубок чрезвычайно сложно. В этой связи Э. Геллнер, на мой взгляд, справедливо замечает: “У человека должна быть национальность, как у него должны быть нос и два уха... Все это кажется самоочевидным, хотя, увы, это не так. Но то, что это поневоле внедрилось в сознание как самоочевидная истина, представляет собой важнейший аспект или даже суть проблемы национализма. Национальная принадлежность — не врожденное человеческое свойство, но теперь оно воспринимается именно таковым”. Причем добавим, что воспринимается не просто в бытовом, массовом сознании, но и даже профессиональными философами, пишущими, что “национальность дана человеку от рождения и останется неизменной всю его жизнь. Она так же прочна в нем, как, например, пол” (Ю. Бромлей)»¹⁸;

— «Не среди наций рождаются национальные движения, а, наоборот, на почве национальных движений,

достигших определенного развития народов, оформляется идея нации. Нельзя не согласиться с Э. Геллнером, что “нации создает человек, нации — это продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей. Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории, носителей определенного языка) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого товарищества и превращает их в нацию, а не другие общие качества, какими бы они ни были, которые отделяют эту группу от всех стоящих вне ее”. У этого же автора есть еще более лаконичное определение нации, заимствованное у Карла Ренана, — это своего рода “постоянный, неформальный, извечно подтверждаемый плебисцит”»¹⁹.

Явно преждевременно настаивая, что «нищета примордиализма и демистификация этнических привязанностей» (Эллер, Коуглан) стали общепризнанными в науке, Тишков вслед за Ричардом Дженкинсом считает, что важность этих дебатов сохраняется, поскольку «грубый примордиализм — это в основном обидный взгляд, но обладающий огромной силой в современном мире»²⁰.

Досада горе-теоретиков на факт явного массового человеческого здравомыслия вполне понятна. И что же им остается еще в таком случае, как не ссылаться друг на друга до бесконечности? Например, так: «В этой ситуации вполне справедливым представляется замечание одного из специалистов по проблемам этничности и национализма Томаса Эриксона: “На уровне самосознания национальная принадлежность — это вопрос веры. Нация, то есть представляемая национа-

¹⁹ Там же. С. 38–39. Эрнест Ренан поименован Карлом, возможно, по недоразумению.

²⁰ Там же. С. 52.

листами как «народ» (*Volk*), является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое городской элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне»²¹.

Цитировать можно было бы долго. Тишков не брезгает опираться даже на давно развенчанные, невежественные и пустые бредомствования сороковского любимчика Карла Поппера. Любовь понятна, ибо своими псевдонаучными теориями об «открытом обществе» Поппер торил Соросу путь к национальным сокровищам многих государств, России в частности. Широковещательная поддержка Соросом Поппера носит знаковый характер, ярко показывая, какие силы выступают заказчиками конструктивистского дискурса. Ведь Поппер, оказывается, «еще в 1945 г. писал в своей работе “Открытое общество и его враги”:

“Попытка отыскать некоторые «естественные» границы государств и, соответственно, рассматривать государство как «естественный» элемент, приводит к принципу национального государства и к романтическим фикциям национализма, расизма и трайбализма. Однако этот принцип не является “естественным”, и мысль о том, что существуют такие естественные элементы, как нации, лингвистические или расовые группы, — чистый вымысел”²².

Легко видеть, что авторитеты, к которым Тишков апеллирует за отсутствием своих убедительных доводов, тоже вовсе не блещут аргументацией и логикой.

Однако высокое общественное положение Тишкова и его возможности

влиять на политическую ситуацию, которыми он пользуется по мере сил, не позволяют пренебрегать необходимостью его разоблачения. Очень важно дезавуировать его собственные, не блещущие основательностью теории. Но, учитывая их вторичность, гораздо важнее дезавуировать первоисточник: западный конструктивизм. Поэтому необходимо всячески приветствовать редкие попытки это сделать²³.

Так, актуальной критике конструктивистских концепций нации и национализма в книге Сергея Сергеева «Пришествие нации?» посвящены главы «Организм или конструкт?» и «Миф о гражданской нации»²⁴. Основные аргументы весьма достойны внимания.

Во-первых, Сергеев наблюдательно отмечает: «Ныне в мировом научном сообществе конструктивизм явно занимает ведущие позиции, что на мой взгляд отнюдь не свидетельствует об его истинности, а скорее — о серьезной болезни современной западной мысли, окончательно утратившей способность к онтологическому видению бытия и с маразматическим восторгом погружившейся в субъективистское своеволие»²⁵. Воистину так, субъективный идеализм давно утвердился в качестве ведущего метода науки Запада, все тупики и ловушки которой проистекают из данного факта. И вот уже «наиболее последовательный конструктивист — английский исследователь Эрнст Геллнер договорился до того, что не нации порождают национализм, а наоборот, последний сам “изобретает нации”»²⁶.

²³ На одну из них — книгу В.В. Коротеевой — я уже ссылался.

²⁴ *Сергеев Сергей*. Пришествие нации? Книга статей. М.: Скимень, 2010. Мою развернутую оценку книги см.: *Александр Севастьянов*. Новые мехи для нового вина // Вопросы национализма. 2010. № 4.

²⁵ Там же. С. 133.

²⁶ Там же. С. 132.

²¹ Там же. С. 85.

²² Там же. С. 102.

Во-вторых, Сергеев не без ехидства задает риторический вопрос: «Конструктивисты, отрицая этническую природу наций, не могут объяснить, почему для их “изобретения” понадобилась апелляция именно к чувству этнического родства, а не, скажем, к простой социальной солидарности или к экономическим интересам. Значит, этническая мобилизация более действительна, чем абстрактно-социальная. Не потому ли, что этничность представляет собой некое онтологическое свойство человеческой природы?»²⁷. Ответ слишком ясен.

В-третьих, развенчивая адептов «гражданской нации» (упомянутого Тишкова и иже с ним), Сергеев с историческими фактами в руках пытается обосновать именно этническую первооснову даже таких сложносоставных наций, как французы, англичане и американцы, завершая свой экскурс эффектным выводом: «Приходится с грустью констатировать, что “гражданских наций” в природе не существует, их место обитания — головы либеральных идеологов»²⁸.

Я бы предложил публике совсем другие примеры и аргументы, но вывод готов подтвердить.

В свете всего вышеизложенного трудно передать все мое изумление и разочарование, когда тот же самый научный редактор «Вопросов национализма» Сергей Сергеев, неожиданно вдруг заявил о своем пиетете по отношению к конструктивистам и призвал работать «в терминологии мейнстрима» (читай: конструктивизма)²⁹. Я даже не поверил своим глазам, расценив сказанное как совершенно необъяснимое самопредательство. Ужас и сострадание вызвали у меня эти плачевно капитулянтские строки...

Это стало последней каплей, скло-

нившей меня засучить рукава и вплотную заняться упомянутым «мейнстримом».

Сергеев аргументирует: «Игнорировать описанную ими практику нациестроительства значит сознательно зауживать и обеднять себя как исследователя и оставаться на научном уровне позапрошлого столетия... Севастьяновский биомат ничуть не лучше так обрыдшего людям, выросшим в СССР, диамата».

Я так не думаю. Во-первых, критику модных ныне конструктивистов я веду с позиций не прошлых, а грядущих лет, когда биологизм (сдвиг в сторону которого уже наметился, хотя еще очень осторожно, в работах наиболее продвинутых исследователей, к примеру, Валерия Соловья) неизбежно утвердится в качестве основного метода в исторических науках. Ибо чем дальше, тем больше становится ясно, что главная наука о жизни — не социология, культурология или политология и даже не история, а в полном соответствии с номинацией: *биология*. И именно с ее изучения должен начинать свой путь будущий историк, социолог, культуролог, политолог и т.п. А в первую очередь — националист-теоретик. Правда, это не всегда помогает (пример: Александр Храмов), но оставляет, по крайней мере, надежду.

Во-вторых, сравнение с диаматом мне лично кажется в высшей степени лестным: в мире до сих пор пока не появилась более убедительная и совершенная система научного мышления. И даже просто мало-мальски пригодная к употреблению альтернатива. Недооценка диамата и истмата «обкормленными» этим блюдом (притом порой насильно) бывшими советскими студентами, а также вовсе не вкусившими его постсоветскими выпускниками вузов — это тяжелейший удар по отечественной умственной сфере, который еще не раз отольется нам горькими сожалениями. Соединение диамата и истмата с биологизмом, чего марккси-

²⁷ Там же. С. 133.

²⁸ Там же. С. 148.

²⁹ *Сергеев Сергей*. Апология конструктивизма // Вопросы национализма. 2010. № 4.

сты напрасно избегали и чему автор этих строк посвящает усилия, уверен, будет высоко оценено ближайшими поколениями ученых.

Но — к делу. Сергеев полагает, что «теоретические и фактологические наработки конструктивистов заслуживают самого серьезного внимания». Что ж, придется и впрямь оказать им такое. Посмотрим, чего стоят на деле те достоинства, которые коллега взялся защищать столь рьяно и столь, по моему, опрометчиво.

Кстати, Сергеев правильно понимает главную суть конструктивизма, пропагандирующую национальное мифотворчество. За это он ее и ценит. Но не бывает полезных мифов, как не бывает хороших наркотиков: одурманивший себя «ярким и заразительным национальным мифом» (Сергеев) неминуемо проснется в кровавой грязи. С русским народом такое уже бывало. Допустить этого в очередной раз мы не имеем права.

Но ни с Сергеевым, ни с другими русскими последователями западных конструктивистов я всерьез полемизировать не собираюсь, ограничусь кратким очерком в конце, только чтобы читатель почувствовал реальность и опасность заразы. Как говаривал Пушкин, расчет должен производиться с барином. Важно научно и морально уничтожить хозяев лжедискурса — сателлиты разбегутся сами. Надеюсь, что когда они дочитают настоящий труд до конца, они немедленно так и поступят.

Анализировать чужой бред всегда очень трудно и неприятно, не покидает ощущение, что жизнь при этом проходит зря. Но в данном случае моей рукой водит чувство долга и горькое сознание того, что кроме меня эту архинужную работу сделать некому.

В битве Дон Кихота с мельницей я — на стороне испытанного и необходимого людям механизма, а не сумасбродного и агрессивного визионера. Моя задача — отбросить своим крылом его как можно дальше с пути рус-

ского национализма.

II. Парад инвалидов

Сам Бог не сумел бы создать ничего,
Не будь у него матерьяльца!
Генрих Гейне

Нации — буржуазные выдумки.
Владимир Ульянов (Ленин)

Апологеты конструктивизма главным образом опираются на труды трех наиболее авторитетных в данном кругу авторов: Эрнеста Геллнера, Эрика Хобсбаума и Бенедикта Андерсона. В соответствии с этим я и выстроил свою критику данного направления. Утопив этих трех китов в море их собственного изготовления, я надеюсь закрыть данную тему навсегда. Очередность определена их внутренним рейтингом по восходящей.

II.1. Эрнст Геллнер — мастер негодных определений

Недооценка национализма —
это общая слабость
духа традиций, марксистской
и либеральной,
и в этом заблуждении они
единодушны.
Эрнест Геллнер

Первая ласточка, возвестившая темным советским научным работникам весну конструктивизма, — это Эрнест Геллнер³⁰.

Его книгу, на которую сегодня всем так любо ссылаться, издали на излете советской власти по трем причинам:

1) автор известен как марксист; вот характерные цитаты: «Основная идея книги является частью исторического

³⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. Ссылки на страницы данной книги даются в скобках в конце цитат.

материализма» (6)... «Основное доказательство здесь есть не что иное, как применение основного положения марксизма о решающем влиянии способа производства на другие стороны общественной жизни» (8); и т.д.;

2) автор еврей, то есть — частица (по умолчанию) могущественного международного лобби, характеризуемого, в частности, резкой ненавистью к любому национализму, кроме своего собственного;

3) автор — большой авторитет на Западе, в силу первых двух причин в основном.

Было и еще одно важное обстоятельство, вытекающее из всех вышеперечисленных: Геллнер был приглашен с визитом в качестве гуру в поздний СССР. Он был официально принят в стране пока еще победившего марксизма. О том, чтобы на его месте оказался не то чтобы проповедник действительно националистических идей, вроде Дэвида Дюка, но хотя бы более-менее нейтральный ученый, вроде Энтони Смита, речи, конечно, идти не могло. Волею этого случая европейская теория национализма впервые предстала перед нами в лице еврея-марксиста, которому и досталась вся наша идеологическая девственность в данном вопросе. Его бастардами с тех пор все полнится отечественная общественная мысль.

Для высокообразованной, продвинутой, слегка диссидентствующей интеллигенции, группировавшейся тогда вокруг издательства «Прогресс», издание книжки Геллнера было безопасной возможностью выпустить джинна из бутылки — легально открыть новый для советского обществоведения, острый и не совсем «советский» дискурс национализма. Заодно потрафив влиятельной группе еврейских советников и консультантов перестроенного толка, в том числе околокремлевских, околонуточных и околоиздательских. Послесловие к Геллнеру не случайно написано одним из таких — И.И. Крупником, энтузиастом геллне-

ризма, убежденным в том, что «с трагическим запозданием мы начинаем свое знакомство с западной теорией национализма» (318).

Трагедия, однако, скорее состояла в том, что это знакомство было чрезмерно суетливым, восторженно-доверчивым и некритичным, притом что сама теория, преподанная нам западными марксистами, — чрезмерно поверхностна и ошибочна по сути. «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно» — эта ленинская фраза только что заборы не украшала в СССР. Но на деле оно казалось верным, только пока было всеильным в одной отдельно взятой стране. В вопросах же наций и национализма это учение всегда было сугубо ложным по причинам онтологического порядка³¹. Брать марксизм любой разновидности за ориентир в национальных вопросах — все равно что идти к священнику за сексологической консультацией. И доверять западным марксистам (а уж тем более — вместо марксистов отечественных, по крайней мере идеологически жестоко выверенных) следовало бы в последнюю очередь.

Но наши мальчики в розовых штанишках от национализма с восторгом бросились конспектировать это марксистское светило³², залетевшее в Москву, и дружно сели в здоровенную лужу махрового идеализма, напряженную им под собственные причитания о верности истмату.

Бросим взор на этот краеугольный камешек конструктивистов, чтобы убедиться в сказанном.

* * *

Первая глава книги весьма порядочно и дельно именуется: «Определения». Но не спешите радоваться, ибо

³¹ Подробнее см.: *Севастьянов Александр*. Диалектика социального и национального...

³² Думается, именно знакомство с подобными «марксистами» заставило некогда Маркса воскликнуть, что он — не марксист!

сами определения никакого повода для радости не дают, а дают — только для недоуменных вопросов. Определениями (всякий раз новыми, но одинаково безапелляционными и бездоказательными) полна вся книга от начала до конца. Погрузимся же, сняв розовые очки и надев защитный скептический скафандр, в мир геллнеровских дефиниций.

Национализм

Вообще-то в мировом дискурсе термин «национализм» используется весьма давно, успешно и с твердыми положительными коннотациями.

Популярный «Словарь Вебстера» определяет национализм двояко: как «преданность своему народу» и как «защиту национального единства или независимости».

Не менее популярный «Американский политический словарь»: «Национализм отождествляется с социальными и психологическими силами, которые зародились под действием уникальных культурных, исторических факторов, для того чтобы обеспечить единство, воодушевление в среде данного народа посредством культивирования чувства общей принадлежности к этим ценностям. Национализм объединяет народ, который обладает общими культурными, языковыми, расовыми, историческими или географическими чертами или опытом и который обеспечивает верность этой политической общности».

«Японская энциклопедия»: «Национализм — всеобщая приверженность и верность своей нации».

«Британская энциклопедия»: «Национализм — это верность и приверженность к нации или стране, когда национальные интересы ставятся выше личных или групповых интересов».

Все эти и другие аналогичные определения были даны в эпоху, когда глобализация а-ля США еще не стояла на повестке дня. С некоторых пор такая трактовка национализма переста-

ла устраивать сильных мира сего и для названного феномена потребовалось переопределение. Геллнер уловил это негласное требование лучше многих.

Еще в предисловии он честно нас предупредил: «Термин “национализм” используется в книге в значении, которое он имеет в английском, а не в русском языке... Он употребляется в книге для обозначения принципа, требующего, чтобы политические и этнические единицы совпадали, а также, чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу» (5).

Вполне вразумительно сказано, чтобы не переносить это значение и это учение на русскую почву, не так ли? Хотя бы по причине терминологической нестыковки, дабы не породить цепочку недоразумений. Куда там!.. Оно уже стало расхожим в определенной среде, которая ширится с каждым днем.

В разделе «Определение» Геллнер вновь подтвердил, что «национализм — это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать» (23).

Интересно, что сказали бы на это цыгане, поголовно являющиеся крутыми закоснелыми националистами? Да и известные своим национализмом соплеменники Геллнера, две трети коих вовсе не собираются менять свое диаспоральное бытие на израильское гражданство³³...

Но не ищите каких-либо обоснований этому определению: их нет и не предвидится. Просто так хочется видеть дело Геллнеру, или/ибо Геллнер в это верит — как угодно. И мы, конечно же, тоже должны ему верить, поскольку больше ничего не остается.

В сущности, достаточно прочесть слова: «национализм — это прежде

³³ Знакомые американцы шутят, что мечта каждого американского еврея — отправить в Израиль другого еврея на деньги третьего.

всего политический принцип...», чтобы отложить книгу и дальше уже не читать. В чем бы этот принцип ни состоял, ошибка метода уже налицо³⁴. Подход Геллнера явно неглубок: ведь феномен не сводим к отвлеченным принципам. Да и откуда берется сам этот принцип? По каким мотивам возникает? О том ни слова.

Следующая фраза, призванная подкрепить данную дефиницию, уже способна рассмешить: «Национализм как чувство или как движение проще всего объяснить, исходя из этого принципа. Националистическое чувство — это чувство негодования, вызванное нарушением этого принципа, или чувство удовлетворения, вызванное его осуществлением».

Не то чтобы Геллнер тут был совсем неправ. Спору нет, такой частный случай возможен. Но представить себе массовое движение столь продвинутых политически и непрерывно рефлектирующих на эту тему особ (а национализм интересен именно своей массовостью и длительностью переживания, за счет чего совершаются, по большей части вполне стихийно, революционные преобразования) я лично, уже двадцать лет близко наблюдающий русское национальное движение, не могу. Чисто кабинетный, умозрительный подход Геллнера не может не вызвать улыбку.

И вообще, так ограничивать национализм, сводить его, тем более в его массовой, основной и главной чувственной форме, к подобному рациональному обоснованию представляется несообразным с практикой. Разве нет поводов поважнее для возникновения и проявления национального чувства (национализма), среди которых

главнейшим и очевиднейшим я бы назвал этнические войны, вечно сопровождающие весь род *homo*?!

Формулировки Геллнера продолжают вызывать недоумение: «Короче говоря, национализм — это теория (?) политической законности (?), которая состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться (?) с политическими, и в частности, что этнические границы внутри одного государства — вероятность, формально исключаящаяся самим принципом в его общей формулировке, — не должны отделять правителей от основного населения» (24).

Думаю, что подавляющее большинство русских националистов с изумлением узнало бы о причислении себя к разряду политических теоретиков. Возгордились бы, чего доброго. Нужно ли доказывать, что это утверждение беспочвенно?

Несомненно, теория национализма существует: национализм — это и теория тоже. Но провозглашать первичность идеи национализма, какова бы она ни была, по отношению к его реальной биопсихологической основе — инстинкту (комплексу инстинктов) — есть нонсенс, для материалистически мыслящего ученого недопустимый, отрывающий мир идей от их реальной, материальной основы — бытия. Доискиваясь до корней и причин, бессмысленно исследовать одни только идеи: исследуйте в первую очередь бытие, их породившее. Но марксиста Геллнера это основополагающее для истмата соображение не останавливает. Он смело подменяет феномен — идеей. А за ним этот трюк повторяют и его последователи.

Геллнеру и того мало. Не в силах дать сколько-нибудь основательное определение национализма, он делает подход за подходом, как штангист-неудачник, все надеясь выжать заветный вес, но безуспешно: штанга опрокидывает его на помост. Под занавес Геллнер сбивчиво разражается

³⁴ Сравним с геллнеровским прототипом название вузовского учебного пособия отечественного присяжного либерала-конструктивиста и геллнерианца В.В. Малахова «Национализм как политическая идеология».

еще одной, новой, дефиницией в бесплодной надежде что-то объяснить, в конце концов, хотя бы самому себе:

«В этой книге утверждается лишь то, что национализм является очень специфической разновидностью патриотизма, которая распространяется и начинает доминировать только при определенных социальных условиях, и что эти условия реально господствуют в современном мире и больше нигде. Национализм — это разновидность патриотизма, имеющая несколько очень важных отличительных особенностей. Прежде всего, сообщества, которым такой вид патриотизма, а именно национализм, дарит свою преданность, должны быть культурно однородны и зиждиться на культуре, стремящейся быть “высокой” (то есть письменной) культурой. Они должны быть достаточно велики, чтобы чувствовать себя в силах содержать собственную образовательную машину, способную развивать эту культуру, иметь мало четко разграниченных внутренних подгрупп и, напротив, анонимное, текучее и подвижное население, к которому индивид принадлежит непосредственно в силу своего культурного стиля, а не в силу своей принадлежности к составляющим его подгруппам. Однородность, грамотность, анонимность — вот ключевые черты таких сообществ» (280).

Все это, по обыкновению, голословно. Нет сомнений, что при желании Геллнер мог бы нависасывать из своих пальцев еще энное количество все новых таких же любительских определений³⁵. Но разберем последнее, что осталось.

В русском националистическом поле дискуссия о противоречии и даже

противоположности между национализмом и патриотизмом прошла еще во второй половине 1990-х. Никому среди причастных к оному полю лиц уже давно не нужно разъяснять, что национализм — это не патриотизм и не его разновидность. Но для стороннего читателя повторю аргументацию:

«Отличие националиста от патриота именно и только в том, что националист уже осознал, глубоко и непоколебимо, что нация — первична, а государство — вторично. Они диалектически неразрывны, как содержание и форма, но осознанный приоритет должен быть всегда у содержания. Нельзя решать проблемы государства в обход проблем нации. Бессмысленно надеяться, что можно укрепить государственность, не укрепив государствообразующий народ, собственно нацию...

Как только патриот проникается этими простыми истинами, он автоматически превращается в националиста. Обратный метаморфозис невозможен, как невозможно бабочке вновь стать куколкой или гусеницей. Преображение истиной необратимо»³⁶.

Ну, а что такое «анонимное, текучее и подвижное население, к которому индивид принадлежит непосредственно в силу своего культурного стиля, а не в силу своей принадлежности к составляющим его подгруппам» и почему «однородность, грамотность, анонимность — вот ключевые черты таких сообществ», которым национализм «дарит свою преданность», я, как ни бился, объяснить себе и людям не в силах. По-моему, это просто бред сивой кобылы. Где Геллнер видел такое население и такие сообщества, я не знаю, а сам он не сообщает.

Что же можно построить на таком гнилом фундаменте? Только театр те-

³⁵ Я намеренно опускаю некоторые из них, даже потрясающе нелепые, ни с чем не соотносимые, например: «Национализм, организация человеческих групп в большие централизованно обученные, культурно однородные сообщества» (87). Как всегда, ни аргументов, ни примеров. Просто голимая чушь.

³⁶ *Севастьянов Александр*. Национализм как он есть. Дистилляция термина — единственный путь к «хорошему национализму» // Политический класс. 2008. № 8.

ней.

Нации

Самое главное, конечно, это исходное понимание и определение нации.

Геллнер пытается давать его тоже много раз, а впервые на с. 34. Оно, увы, совершенно ни на чем не основано, перед нами простая декларация:

«Фактически нации, как и государства, — всего лишь случайность, а не всеобщая необходимость. Ни нации, ни государства не существуют во все времена и на любых условиях (интересное открытие! да, в первобытном обществе, где отсутствует жесткое разделение труда и нет эксплуатации, государства нет и быть не может. Но с появлением этих факторов государство — неизбежно, по большей части именно национальное, этническое, во всяком случае вначале. — А.С.). Национализм стоит на том, что они предназначены друг для друга; что одно без другого неполно; что их несоответствие обрачивается трагедией. Но прежде чем они стали предназначенными друг для друга, они должны были возникнуть, и их возникновение было независимым и случайным. Государство, безусловно, возникло без помощи нации. Некоторые нации, безусловно, сложились без благословения своего собственного государства» (34).

Можно ли это назвать дефиницией? Вряд ли, но и другие (ниже) не лучше.

Не отличающиеся обязательностью рассуждения Геллнера фронтально противоречат отечественной научной традиции как в плане теории государства, так и в плане теории нации. О русском понимании нации, о нашей традиции, нашем вкладе в мировой этноведческий дискурс мне приходилось подробно писать в другом месте³⁷. Поэтому здесь просто обозначу наши расхождения.

Если, как Геллнер, считать нации и

государства случайностью, тогда уж надо договаривать: это особая, всеобщая случайность. Практически перед каждым племенем однажды встанет стандартная дилемма: создать свое государство и стать нацией — или мириться со своим ничтожеством, а то и погибнуть. Многие выбирают второе, но и в этом ни случайности, ни добровольности никакой нет: просто не каждому по силам первое.

Геллнер неправ, утверждая, что нации и государства создаются независимо друг от друга: это зачастую именно две стороны одного процесса. Нация возникает на базе народа именно в ходе обретения им государственности. И национальные государства (как частный вид государства вообще) возникают именно и только в связи со становлением народа как нации. Хотя в принципе возникновение государства также есть результат универсальной необходимости, пусть и другого происхождения. (Марксисту Геллнеру неплохо бы ознакомиться с марксистской теорией на данный счет.) Но в любом случае утверждать, что «государство, безусловно, возникло без помощи нации», неправильно, так как процессы создания того и другого синхронны, они коррелируют, и государство вольно или невольно создается всем народом, а не из воздуха берется.

И уж вовсе шокирует неправдой утверждение, что «некоторые нации, безусловно, сложились без благословения своего собственного государства»: ведь если нет своего государства — нет и нации. Геллнер не случайно не приводит ни одного (!) примера, ибо их нет в природе.

Автор все бьется в попытках нащупать определение нации:

«Что же, в таком случае, представляет собой эта случайная, но в наш век, по-видимому, универсальная и нормативная идея нации? (NB: он предлагает обсуждать не “нацию”, а “идею нации”). Как это характерно для идеалиста, как это характерно для западной науки —

и как недопустимо с точки зрения истмата! Снова нам идею выдают за феномен... — А.С.) Обсуждение двух очень приблизительных, предварительных определений поможет добраться до сути этого расплывчатого понятия.

1. Два человека принадлежат к одной нации лишь в том случае, если их объединяет одна культура, которая в свою очередь понимается как система идей (кругом одни идеи! А куда же артефакты и технологии девать, на которых вся культура держится? — А.С.), условных знаков, связей, способов поведения и общения.

2. Два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если они *признают* принадлежность друг друга к этой нации (не встречал более идиотской постановки вопроса. Да кто же спрашивать будет-то? Это уже вообще что-то невиданное: мы, оказывается, — даже не то, что сами о себе думаем, как уверяют обычные конструктивисты, а куда круче: мы — то, что о нас думают другие! Я — русский, если NN признает меня русским? Какой-то субъективный идеализм в квадрате... Это истмат??!! — А.С.). Иными словами, нации делает человек; нации — это продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей» (34–35).

Удивительная настойчивость! Поражает нелепость подхода. «Два человека» нас, как понимает читатель, вообще не интересуют и не могут интересовать, это не статистическая величина, нации не измеряются «двумя человеками». Два человека могут принадлежать к одной общности в силу недоразумения, аберрации сознания и т.п. Перед нами полное торжество идеализма и псевдонаучная болтовня. Как Геллнер ухитрился затесаться в ученые с таким багажом и такими методами?

А вот уж и новая попытка определить нацию:

«Обычная группа людей (скажем, жители определенной территории или носители определенного языка) становятся нацией, если и когда члены

этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого объединения и превращает их в нацию, а не другие общие качества...» (35).

Если перевести это на нормальный русский язык и применить к России, то получится так: «все население или все русскоязычные России имеют шанс договориться о согражданстве, чтобы пользоваться равными правами и обязанностями».

Все, более ничего тут нет, никакого другого смысла.

При чем тут нация?!!! Какой националист под этим подпишется?

Сделав несколько заходов в попытке определить нацию, и все неудачные, Геллнер, однако, бросается в бой против ложной, как ему кажется, националистической трактовки нации. Он возражает против «молчаливого, косвенного» признания «самой неверной посылки националистической идеологии, будто бы “нации” заложены в самой природе вещей, что они только ждут, когда их “пробудят” (излюбленное националистическое выражение и сравнение) от прискорбного сна при помощи националистического “будильника”. Именно неспособность большинства потенциальных наций когда-либо “очнуться от сна”, отсутствие в них глубинного брожения, которое могло бы выплеснуться наружу, наводят на мысль, что национализм, в конце концов, не так уж важен. Приверженцы теории социальной запрограммированности “наций” замечают, возможно, не без удивления, что некоторым из этих “наций” недостает силы и решимости, необходимых для выполнения миссии, возложенной на них историей (обратим внимание на упорное ироническое заковычивание Геллнером слова “нация”. — А.С.).

Но национализм — это *не* пробуждение древней, скрытой, дремлющей силы, хотя он представляет себя имен-

но таковым. В действительности он является следствием новой формы социальной организации, опирающейся на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством» (112).

В связи с тем, что Геллнер прочно запутался в определениях национализма, обсуждать последний абзац, категорический, как обычно у него, я смысла не вижу. Но его замечание о том, что далеко не все этносы способны перейти в фазу нации, вполне верно. Только из этого не следует, разумеется, тот вывод об отсутствии реальных наций и о «неважности» национализма, на который подался Геллнер.

Да, не каждый этнос и не в каждый момент ощущает потребность в собственном государстве и стремится его заполучить. До этого надо дозреть. Скажу больше: не все из тех, кто дозрел — ощущает и стремится — способны это сделать, а потому и не пытаются. И этого мало: не все дозревшие хотят — к примеру, две трети евреев всего мира палкой не загонишь на ПМЖ в Израиль, ибо они вовсе не желают лишиться преимуществ проживания в диаспоре в обмен на гражданство своего национального государства. Хотя при этом и лишиться Израиля не желают...

Ну и что из этого следует? Каждый протягивает ножки по одежке и не предпринимает непосильных авантюр — что тут удивительного? Наглядная аналогия — половая жизнь человека, к которой стремится как к величайшему благу всякая нормальная особь... кроме тех, кто либо еще не дозрел до нее, либо уже расстался с такой возможностью (то и другое в силу возраста).

Но марксист Геллнер так увлекся им обнаруженным простеньким фактом, что на этой основе решил замахнуться (карлик на титана!) на авторитет самого Гегеля, лежащий в фундаменте марксистской философии:

«Большой процент погруженных

в непробудный сон “наций”, которые никогда не встанут и не воссияют (почему бы это знать Геллнеру? — А.С.) и которые даже не желают просыпаться, позволяет нам критиковать националистическую доктрину с ее же собственных позиций. Национализм считает себя естественным и всеобщим регулятором политической жизни человечества, только скованным этим длительным, упорным, мистическим сном. Вот как это представление выражено у Гегеля: “Нации могут пройти большой исторический путь, прежде чем они осуществят свое предназначение — оформить себя в виде государства”³⁸. Тут же Гегель заявляет, что этот догосударственный период на самом деле можно назвать “доисторическим” (sic): таким образом, у него получается, что настоящая история нации начинается тогда, когда она обретает собственное государство» (113).

Геллнер почему-то вообразил, что против гегелевской концепции достаточно выставить «существование наций — спящих красавиц, не имеющих своих государств и не ощущающих потребности в них», и этим по национализму вообще и по Гегелю в частности будет нанесен сокрушающий удар! Но это вовсе не так, ибо мы даже на примере ряда бывших социалистических наций отлично видим собственными свидетельскими очами, что этносы действительно могут «спать» и «не чуют» никакой потребности в собственном государстве, а потом вдруг «проснуться», как это сделали, скажем, казахи, вовсе не существовавшие как нация в досоветский период, и выстроить не просто националистическое, но даже жестко этнократическое государство. Прав, конечно, титан, а не карлик³⁹.

³⁸ *Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of World History*, tr. H.B. Nisbet, Cambridge, 1975. P. 134.

³⁹ Замечу, кстати, что отечественная концепция нации как этноса, обретшего собственную государственность, полностью

На самом деле из геллнеровских рассуждений ясно одно: наступление такого момента, когда потенциальная нация устремляется к обретению своего национального государства, явно зависит от неких условий. Каковы же они? Если бы Геллнер так поставил вопрос (что и подобало бы настоящему ученому, а не шарлатану), то он вскоре нашел бы ответ⁴⁰. Он этого не делает — пусть сие останется на его совести...

И вот, уже после всего сказанного, отмахав полкниги, он вдруг начинает раздел, который так и озаглавлен: «Что такое нация?». Видно, неполноценность собственных рассуждений автора подспудно ощущалась им и не давала покоя. Внимательно следя за ходом мысли Геллнера, мы без труда найдем корни его ошибок.

Геллнер кладет в основу образования наций два краеугольных камня: «Мы говорили о двух наиболее реальных основаниях, на которых можно было бы построить теорию национальности, — это добрая воля и культура» (122).

Для конструктивиста, конечно, важнее всего именно первое: «Нет сомнения, что добрая воля, или согласие, является существенным фактором в формировании большинства групп, как больших, так и малых. Человечество всегда было организовано...».

Перед нами — та самая полуправда, что хуже отпетой лжи. Потому что в мире есть явления природные, а есть

искусственные, созданные доброй — или недоброй — волей человека. Как известно, новые общности живых существ (виды и породы) возникают периодически путем как естественного, так и искусственного отбора, да вот только первый — это закон и функция природы, а второй — дело рук человека.

То же и человеческие общности: есть природные, первичные — например, этносы (род, племя, народ, нация), а есть антропогенные, вторичные (партии, клубы, религиозные общины и т.д.). Есть, наконец, и такие, которые, не будучи напрямую сотворены природой, не зависят и от воли человека, являясь плодом естественно-исторического процесса: например, классы. То, что сотворил человек по своей воле, он и отменить может своей волею. Но естественную общность ни создать, ни отменить не может никто — ни нацию, ни класс.

Раз допустив ложную посылку, Геллнер обречен и дальше двигаться путем лжи.

Любопытная подробность: определяя нации как «группы, которые сами *желают* существовать как сообщества» (123), автор ссылается не на кого иного, как на Эрнеста Ренана⁴¹, знаменитого своей сумасбродной и отчаянной попыткой подвести теоретический фундамент под явление так называемой «французской нации», на деле являющейся конгломератом этносов (который каких-то 250 лет назад и франкофонным-то был не более чем на 50%)⁴², затиснутым в общее согражданство. Эта ссылка многое объясняет: Геллнер даже не оригинален в своих заблуждениях.

А они множатся: «Как бы это ни

согласуется с Гегелем, что не может не радовать. См. об этом: *Севастьянов А.Н.* Этнос и нация.

⁴⁰ Часть этого ответа содержится-таки даже в собственных рассуждениях Геллнера, который отмечает: «Жизнеспособное, поддерживающее высокий уровень культуры современное государство не может быть меньше определенного размера... а на Земле есть место только для ограниченного числа таких государств» (113). Он, однако, предпочитает не замечать собственный довод, чтобы не ломать концепцию.

⁴¹ Э. Ренан сегодня стал широко известен своей абсурдной формулой «нация — это ежедневный плебисцит», которая стала главным слоганом конструктивизма.

⁴² Причем на правильном французском говорило не более 13% населения.

казалось парадоксальным, но факт остается фактом: определение наций может отталкиваться только от реальностей эпохи национализма, а не, как можно было бы предположить, от противоположного. “Век национализма” — не просто итог пробуждения и политического самоутверждения той или иной нации...

Культуры теперь представляются хранилищами политической законности. (?) Только в такой ситуации начинает казаться, что всякое игнорирование их границ является беззаконием.

Исходя из этих условий — хотя только из этих условий — нации действительно могут определяться на основании как доброй воли, так и культуры и на основании их совпадения с политическими единицами. В этих условиях люди желают быть политически едиными со всеми теми, и только теми, кто принадлежит к той же культуре. Соответственно государства стремятся совместить свои границы с границами своих культур и защищать и внедрять свои культуры в пределах своей власти. Слияние доброй воли, культуры и государства становится нормой... Эти условия отнюдь не характерны для человеческого общества как такового, но исключительно для его индустриальной стадии» (126–127).

Столь наивно-идеалистические, мифологизированные представления о государстве особенно неожиданны в устах марксиста. (Зацикленность Геллнера на культуре я разберу ниже.)

Геллнер завершает ход мысли знаменитым тезисом, принесшим ему мировую известность:

«Именно национализм порождает нации, а не наоборот» (127).

Нетрудно видеть, что он буквально ничем — НИЧЕМ! — не подтвержден, не обоснован. А если в эту формулу подставить то значение национализма, которое Геллнер ему придал выше, абсурдность этого утверждения просто бросится в глаза. Характерно, что Геллнер, не имея исторических, фактиче-

ских подтверждений, прибегает — и на много страниц — к вымышленным литературным образам Мегалломании и Руритании как к аргументам. Каковые и анализирует усердно. Поистине, выдумки для выдумок!

Если бы такую ерунду написал средний советский социолог или политолог, его в пыль бы растерли коллеги, в грязь бы вмесили, сделали изгоем — и поделом! А английскому еврею-«марксисту» — все можно, ему мы в рот смотрим! (Как и Попперу, и Хобсбауму, и другим точно таким же умникам.) Досадно.

Классы

Среди рассуждений Геллнера небольшое, но важное место занимает тема класса, которую он — марксист ведь как-никак! — связывает с темой нации:

«Националистические теории обычно рассматривают нации как устойчивые, естественные социальные общности, которые лишь начинают действовать, или, используя любимое выражение националистов, “пробуждаются” в эпоху национализма. “Национальное пробуждение” — горячо любимое определение националистов. Здесь прослеживается заметная аналогия между этой идеей и марксистским разграничением между “классами в себе” и “классами для себя”. Но я не верю, что нации существуют в том же самом смысле, что и классы» (12).

??? Казалось бы, при чем тут классы вообще? Кто говорит здесь и сейчас про классы? И кому, в конце концов, какое дело, во что верит г-н Геллнер? Уж потрудился бы подкрепить свою веру чем-то более истматическим... Но нет, он просто счел своим долгом так подтвердить свое исповедание марксистской веры (Владимир Ульянов-Ленин: «нации — буржуазные выдумки»). Лишь для того, впрочем, чтобы тут же опорочить ее собственной ни с чем не сообразной выходкой:

«Только когда классу удается в той

или иной степени стать нацией, он превращается из “класса в себе” в “класс для себя” или “нацию для себя”. Ни классы, ни нации не являются политическими катализаторами, ими являются лишь “нации-классы” или “классы-нации”» (252).

Что это?! Очевидно, такой... марксизм. Как говорилось выше, ждать от марксистов вообще каких-то осмысленных предложений по теории наций не следует: это не их ампула. Комментировать сказанное невозможно: сие за гранью смысла.

Но хотел бы я, чтобы мне кто-нибудь показал такую нацию, которая состояла бы из одного класса! (Это невозможно по определению: нация — это все классы одного этноса вместе. Хотя отзвук этого миленького геллнеровского «открытия» мы недавно наблюдали в попытке Валерия Соловья выдать русский народ за некий однополярный «этнокласс».)

Государство

Марксистскую теорию классов Геллнер обогатил также еще и своей теорией государства. Для начала, впрочем, он ссылается на Макса Вебера (странно, почему не на Маркса или Энгельса, посвятившего данному вопросу как-никак монографию):

«Государство... это такая организация внутри (?) общества, которая владеет монополией на законное насилие» (27).

Определение, как видит читатель, очень плохое. В нем нет ни слова об организующей, регулирующей функции государства, о защите безопасности, об исполнении общих нужд, о патронаже и проч. Государство невозможно без насилия, верно, но если государство — это только насилие, то зачем оно нужно людям, почему за него идут в бой?

Геллнер пытается уточнить и развить Вебера:

«Государство — это институт или ряд институтов, основная задача ко-

торых (независимо от всех прочих задач) — охрана порядка. Государство существует там, где из стихии социальной жизни выделились специализированные органы охраны порядка, такие, как полиция и суд. Они и есть государство» (29).

Типичный, наследственный взгляд потомственного хазарина! Забыть об армии! (А ведь это первейшее условие *sine qua non*: не будет армии — не будет и государства.) Забыть о таможне! О МИДе! Как будто государство возникает в ответ лишь на потребность верхов эксплуатировать низы, а не в ответ на необходимость защищать все сообщество от внешней угрозы, в том числе экономической. Но уж для кого иного, а для нас, русских, всю свою историю подвергавшихся нашествиям извне и именно против них создававших и укреплявших свое государство, этого объяснять не надо.

А как вам такой перл: «Государство в первую очередь является защитником не религии, а культуры» (231)? Хороша постановка вопроса?! Нам предлагают выбирать из двух вариантов, из которых ни один не является истинным. При чем тут вообще защита религии? Культуры? Государственная защита нужна непосредственно людям, властям и населению, народу в целом, а также территории, в первую очередь. Что-то мне не припоминается ни одной войны, которую вело бы какое-либо государство в защиту культуры вместо вышеназванных вещей.

Для чего Геллнер в очередной раз взялся рассуждать о том, что явно выше его понимания? Да вот ради такой ценной мысли:

«Всякий разумный подсчет покажет, что число потенциальных наций по всей видимости намного, намного больше, чем число жизнеспособных государств. Если этот аргумент, или расчет, верен, то не все националистические интересы могут быть в равной степени соблюдены, во всяком случае одновременно. Удовлетворение одних

приведет к ущемлению других» (26).

Скажите, какое открытие! Но такие вопросы испокон веку решаются не расчетами за столом кабинета, а с оружием в руках на поле боя. Только силой! Кто силен, тот и прав, тому и владеть государством. Геллнер этого не знает?

Нацией, как говорилось выше, народ только и становится в ходе обретения своего суверенитета, своей государственности. Часто это происходит в ходе войн, которые не каждому народу по силам. Но поскольку Геллнер верит в иное, объяснить несовпадение числа народов с числом национальных государств он, конечно, не в состоянии.

Датировка наций и национализма.

Аграрное и индустриальное общество

Наиболее важный идейный узел книги связан с датировкой Геллнером феноменов нации и национализма. Он оперирует расплывчатыми понятиями «эпоха наций», «век национализма», подразумевая главным образом XX век. Попробуем разобраться, как он это обосновывает. Почему это важно? Потому что любое явление следует понимать от истоков, а значит — надо верно эти истоки определить.

Геллнер пытается делать это через привязку, во-первых, к культуре (письменности), а во-вторых — к индустриальному обществу. Рассмотрим то и другое по порядку.

1. Нации и культуры

Чтобы убедить нас в наличии такой связи, Геллнер в очередной раз дает новую дефиницию: «Национализм — это то, что относится к сообществам, объединенным общей культурой и отличающимся от соперничающих или враждебных сообществ различиями в культуре» (9).

Ясно, что он вполне произвольно берет только частный случай национализма. Но чем он объясняет свой выбор? Он пишет:

«Основное предназначение и иден-

тификация человека связаны теперь с письменной культурой, в которую он погружен и внутри которой способен успешно функционировать. Это — высокая культура, передаваемая не путем неформального общения с непосредственным окружением, а при помощи формального обучения. На мой взгляд, именно этот фактор лежит в основе современного национализма и определяет его силу» (7).

Понять ход мысли Геллнера почти невозможно, настолько он примитивен и ошибочен, настолько ниже уровня понимания. Какая тут связь? Обучение высокой культуре на национальном языке влечет за собой национализм — и это весь секрет? Но так было всегда — и в дописьменный период, может быть, еще успешнее, потому что на стадии господства фольклора уж точно ничего, кроме живой национальной традиции, изустно не передавалось, причем в масштабах всего народа сразу, а нынешняя письменная культура несет в себе, образно говоря, «сказки разных народов», что вовсе не способствует развитию такого уж мажорного национализма. Да и усваивается населением по стратам крайне неравномерно, в отличие от дописьменной эпохи, не только не объединяя, но скорее маркируя и разъединяя разные страты единой нации.

Интересно вот еще что. Геллнер всячески старается нас убедить на всем протяжении книги в том, что и нации, и национализм — это-де исключительно порождение XX века, «индустриальной эпохи». А вот в предшествующую ей «аграрную эпоху» национальные государства-де были лишь «время от времени», что не оставляло места ни для наций, ни для национализма. Поэтому-то он и выдумывает какие-то несуразные условия насчет «высокой культуры», которая на поверку оказывается просто «письменной культурой».

Ему бы не мешало знать, если говорить даже только о европеоидах, что

письменная культура восходит у них к изобретению алфавита, вначале финикийского, ок. XIII в. до н.э., а от него производного греческого (ок. 800 г. до н.э.), затем этрусского (ок. 700 г. до н.э.) и, наконец, латинского (ок. 400 г. до н.э.). За это время мы свидетельствуем ряд высокоразвитых национальных государств, какими, вне всякого сомнения, были Египет и Афины, Рим и Спарта, Вавилон и Иран и т.д. Национальным русским государством была Древняя Русь как минимум с XV века, а высокой письменной культурой, распространенной в широких общественных слоях, русские обладали с X века.

И если не все государства Древнего Мира и средневековья были национальными, так ведь и сегодня не все таковы. Попытка Геллнера записать национальные государства, а с ними нации и национализм в узкую временную нишу современности беспочвенна и неубедительна. Он просто не знает истории.

Но наш некультурный культуролог продолжает свои откровения.

В качестве «национальных границ» он рассматривает только «заметные культурные различия между крупными человеческими общностями», принципиально игнорируя «смежные разветвления родства, занятий, расселения, политического союзничества, социального статуса, религии, сект и ритуалов», которые-де образуют «крайне запутанную структуру» (13). Не видя, что именно эта структура являет собой живую плоть этничности, без которой нет и не может быть нации.

Но он делает из этого радикальный вывод: раз в доиндустриальном мире нет «заметных культурных различий» (вот тебе раз! Это вопиющая неправда: достаточно сравнить средневековый Китай, арабский Восток и европейский Запад, не говоря уже о мезоамериканских культурах или Египте), то-де и «попросту не существует “наций”, способных “пробудиться”» (13). Он не видит эти различия у себя под носом,

но талдычит об их сверхценности как этномаркеров, вновь и вновь утверждая, что необходимы «глубокие культурные различия, определяющие границы чего-то подобного современной нации» (13). Что неверно само по себе даже логически (феномен не определяется через эпифеномен).

Что тут скажешь? Как говорил Лао Цзы, «незнающий, делающий вид, что знает, — болен».

Возникает настоящий парадокс: если для национальной дифференциации как основы национализма так уж важны культурные различия, то чем же объяснить, что современное падение, омертвление национальных культур, их активная диффузия, глобальное взаимопроникновение, наступление массовой (безнациональной, наднациональной) культуры — вовсе не ведет к исчезновению наций, а напротив, сопровождается бурным ростом национализма?

Видно воочию, что тезис Геллнера не стыкуется с жизнью, ее правдой.

А в том-то все и дело, что по мере облетания, опадения культурной, религиозной и прочей эпифеномальной мишуры на свет все более ясно выступает, выпирает подлинная основа национализма — кровь⁴³, общее происхождение! Первичная суть вытесняет вторичные признаки⁴⁴, которые

⁴³ Заклинаю читателя не вкладывать в слово «кровь», употребляемое мною, никакого «духовного» или, тем более, мистического содержания (такую ошибку однажды уже совершил мой уважаемый оппонент С.М. Сергеев). Кровь — это кровь: эритроциты, лейкоциты и т.д. Кровь — вполне материальная субстанция, ее можно исчислить и измерить, взять на анализ, в том числе генетический, эти анализы можно сравнить. Кровь — один из весьма важных расо- и даже этноразграничительных маркеров.

⁴⁴ Помню, как был изумлен, узнав в детстве из книг, что зримые гениталии человека, как и молочные железы женщин, — есть «всего лишь» вторичные половые признаки, а

разрушаются, ветшают, девальвируют. Перефразируя известный стих: «Культура — штамп на золотом, а золотой — мы сами!».

В малокультурном, архаическом обществе зримые, яркие вторичные признаки — вера, гражданство, культура, идеология — могли порой заслонять первичную, племенную суть национального (к примеру, русские крестьяне-партизаны 1812 года не всегда поднимались до племенного национализма). Но сейчас — другое дело. Чем культурней человек, тем очевидней для него вторичность культуры и первичность крови и плоти. Лишь лицо выражает органическую природу, ибо ею сотворено, а маска творится человеком из картона, бумаги, клея и красок, что бы ни понимать под этой метафорой. Культура — маска, но не лицо.

Геллнер нарочито «не замечает» это противоречие, проходит мимо него, будучи не в силах объяснить. Он продолжает утверждать, вопреки сказанному, что «современный человек... является в первую очередь подданным своей культуры» (10).

Но всмотримся: как же так! Русская культура, к примеру, деградировала и редуцировалась до неузнаваемости, порой до своей противоположности (пример: Владимир Сорокин), русская православная вера перестала консолидировать нацию, т.н. «русская идея», выпестованная лучшими умами XIX–XX вв., непоправимо пала — а русский

первичные скрыты внутри, в железах секреции. Хотя, казалось бы, что уж первичнее, нежели, скажем, член и яички мужчины! Так и с культурой, религией и т.д.: они производят на незрелые, не оснащенные наукой умы впечатление чего-то первичного, критериального, как член. Ан нет! Источник различий лежит гораздо глубже, на уровне биологических параметров, в т.ч. крови. Японцы отличаются от китайцев не потому, что у них культуры разные: ровно наоборот, у них разные культуры — потому что японцы биологически не китайцы. Но об этом — в другом месте.

национализм при этом растет, как на дрожжах?!

Геллнер и ему подобные не в силах объяснить подобное развитие событий. Его слепота объясняется просто: он считает «зов крови» — чем-то «мистическим» и «атавистическим» (15), как и некоторые его ученики (С.М. Сергеев, например)⁴⁵. Явно путая атавизм и этнический архетип.

Изобретательству Геллнера на тему нации и культуры нет конца. Оказывается:

«Основной обман и самообман, свойственный национализму, состоит в следующем: национализм, по существу, является навязыванием высокой культуры обществу, где раньше низкие культуры определяли жизнь большинства, а в некоторых случаях и всего населения» (130). «Суть национализма — в приобщении, причастности, принадлежности именно к высокой письменной культуре, охватывающей население всей политической единицы и обязательно соответствующей тому типу разделения труда и способа производства, которые лежат в основе данного общества» (203).

Интересно, сам-то Геллнер понимал, что написал? Ну, про разделение труда и способ производства — это чтоб не забывали, что имеем дело с марксистом. Но к какой, интересно, высокой письменной культуре приобщает русский национализм одноименное население России «ан масс»?! И с каких пор? Мне как участнику процесса было бы любопытно это узнать, но Геллнер, уверяющий нас, что национализм есть массовое стремление неких людей защитить свою культуру политическими средствами, что существует «национа-

---

⁴⁵ См.: *Сергеев Сергей*. Апология конструктивизма... Между тем нет ничего более материального и актуального, чем кровь. И те ее секреты, которые предстают профанам как «мистика» или «атавизм», на деле имеют меру и вес, укладываются в четкие научные формулы.

листическое требование соответствия политической единицы и культуры» (232, 251), не утруждает себя ни ссылками, ни доказательствами. Ну хоть бы один исторический примерчик привел! Нет, его излюбленные умозрительные модели — Мегалломания и Руритания — так и остаются умозрительными моделями и ничем более⁴⁶.

Наконец, вот финальная фраза, итог книги, ее квинтэссенция. Общая высокая культура-де «определяет “нацию”. Тогда, и только тогда, такая нация/культура становится естественной единицей и не может нормально функционировать без собственной политической раковины — государства» (289).

Можно подумать, что свои государства были и есть только у высококультурных наций! (Уж не были ли таковыми вновь образованные латиноамериканские государства?) Конечно, образованность может открыть нации глаза на собственное существование. Но она не может сделать нацию нацией.

Между тем характеристика современной европейской «высокой» культуры, которую дает Геллнер, на деле — просто убийственна:

«Век всеобщей высокой культуры... Средний университетский профессор или учитель может быть заменен человеком преподавательской профессии с необычайной легкостью и без большого или вообще без всякого ущерба для дела» (88–89).

Хороши же преподаватели на Западе! Но это свидетельство лишь ужасной профанации, снижения уровня западной профессуры — не более того. Если разница между учителем и уче-

ником пропадает, это значит, что учитель просто перестал расти, и его пора менять.

Геллнер не знает ничего, о чем берется судить: ни истории культуры (письменности, книги, образования), ни истории общественно-исторических формаций, ремесел, промышленности, науки. Он путает не только «нацию» и «национальность», а также нацию и национальную культуру, но и нацию и государство, что вообще типично для англосаксонской лингвистической, а вследствие того и научной традиции. Он не способен оперировать фактами, примерами. Он не дает ссылок (почти) или ссылается на таких же выдумщиков. Кругом — одни выдумки! Руритании с Мегалломаниями... При этом Макса Вебера, на которого он опирается, сам же Геллнер тоже характеризует как выдумщика. Смех и грех...

Вот вам лицо и плоды западной «науки мнений»!

Нет, привязка к современной культуре явно не годится для датировки наций и национализма, это ложный критерий.

2. Нации и индустриализм

Переходим ко второму критерию.

Геллнер вновь напоминает нам о своем марксизме. Ключ к пониманию национализма, уверяет он нас, — «в способе производства, преобладающем в данном обществе» (8). Он считает, что «накал национализма в девятнадцатом и двадцатом столетиях есть отражение и следствие индустриализма — способа производства, возникшего и распространившегося именно в этот период» (6).

Геллнер разделяет историю человечества на «три основные стадии: доаграрную, аграрную и индустриальную. Племена, живущие охотой и собирательством, были и остаются слишком малочисленными, чтобы у них развился тот тип политического разделения труда, продуктом которого является государство... Напротив,

⁴⁶ Занятно, что Андерсон, как и Геллнер, апеллирует к «Руритании» из романов Энтони Хоупа. Что за странная мания эта Руритания — тоже мне аргумент! Уважающий себя ученый не прибегнет к аргументации *ad hominem* и не станет учитывать мнение романиста Хоупа при всех его дарованиях.

аграрные общества — хотя и не все, но в большинстве своем — оформлены государственно»⁴⁷.

Национализм по Геллнеру, якобы, невозможен «в условиях аграрной эпохи» (43).

Заявление как минимум нелепое. Вся история аграрной эпохи стоит на этнических войнах, сопровождавшихся таким подъемом национализма, что хоть куда! Одна Столетняя война, окончившаяся тем, что гигантская волна поднявшегося во весь рост французского национализма смела англичан с земли Франции, чего стоит! В середине XV века вопрос национальной принадлежности (англичанин или француз) был вопросом жизни и смерти. Привести массу других примеров, когда национальность становилась поводом для убийства или порабощения, ничего не стоит с самых первых свидетельств истории. А разве не в этом состоит максимальное выражение национализма?

Но даже если исходить из определения национализма, данного Геллнером, придется признать, что установление национальных культур и национальных государств ведет свой отсчет с глубокой античности. Такие государства устанавливались не везде и не всегда — но ведь и сегодня они существуют не всегда и не везде. Количественная оценка тут никак не влияет на качество феномена.

Все написанное Геллнером (а написано много, чуть ли не полкниги) про

⁴⁷ Такой подход лишь затемняет суть вопроса. Дело не в малочисленности или многочисленности (бывают племена в десятки тысяч людей), а в разделении труда, без которого невозможно государство. А разделение труда невозможно без эксплуатации человека человеком, в частности без рабовладения. Рабовладение же появляется лишь на определенной стадии развития производства, которая позволяет содержать раба хотя бы минимально. Вот в чем корень! Если уж рассуждать по истмату...

аграрное и индустриальное общества я не нашел в себе духа конспектировать и считаю, что даже обсуждать это незачем. Поскольку все просто из пальца высосано, аргументов — ноль! Безответственная болтовня; ниже уровня какой бы то ни было критики.

Благо нашелся фанат Геллнера И.И. Крупник, который попытался в послесловии «Об авторе этой книги, нациях и национализме» своими словами изложить учение мэтра:

«Национализм, по Геллнеру, — особое историческое состояние, наиболее соответствующее периоду активной индустриализации. Это вовсе не признак отсталого общества; он расцветает в условиях достаточно высокой грамотности, средств информации и коммуникации, появления национальной элиты, потребности общества в квалифицированных кадрах (все это, как и сам национализм, легко обнаруживается уже в античном мире. — А.С.). Национализм — движение больших городов и индустриализирующихся масс; на отсталых окраинах, в сельской местности, где национальная культура воспроизводится повседневной средой, для него нет почвы и простора» (314)

Пусть бы он это объяснил узбекам Ошской области, в основном именно сельских районов, когда их громили там киргизы. Да и статистика это опровергает: русский национализм растет сегодня сильнее всего именно на селе и в малых городах.

Не буду задерживать на данной теме внимание читателя, но замечу лишь одно.

Каким мне представляется нормальный ход мысли? Поставим правильные вопросы. Допустим, нация появляется в индустриальном обществе. Но — не на пустом же месте, из ничего! Что же ей предшествовало исторически? Что именно? Какими свойствами это «что-то» обладало? И т.д. Тогда бы сразу выяснилось, что нации возникают из народов, народы из племен —

и т.д., то есть в основе нации всегда лежит этнос, чистый или метисированный. Без понимания природы этноса нельзя понять природу нации, эти понятия неразрывны.

Идея стадийного исторического развития этноса — от первоначального родо-племенного состояния до состояния суверенной нации — позволяет исследователю более исторично подходить и к явлению национализма, предполагая в нем такую же стадийность.

Соответственно, это дало бы возможность более верно датировать как появление наций, так и появление национализма. А для начала — перестать увязывать эти два появления, которые вовсе не обуславливают друг друга. Якобы национализм появляется только на стадии наций. Эта навязанная конструктивистами ложная взаимосвязь — лишь плод недоразумений, как исторического, так и лингвистического. Необходимо сказать об это несколько слов.

Трайбализм — начальная фаза национализма⁴⁸

Начнем, по завету Конфуция, «исправлять имена». Все дело в том, что этимологически «национализм» связан не только и не столько с «нацией», сколько с «национальностью» (этничностью). Если следовать отечественной традиции нациеведения, наиболее истинной и прогрессивной на сегодня, массовое явление национализма следует понимать как действие инстинкта самосохранения этноса.

Национализм, естественно обостряющийся в народе, движущемся к обретению своей государственности и тем самым к преобразению в нацию, вовсе не принадлежит только этому периоду

развития этноса. Поскольку является ничем иным как актуализацией этничности, которая происходит по самым разным поводам, особенно если эта этничность оказывается под угрозой.

Геллнер и иже с ним, как мы убедились выше, неглубоко копают, не смотрят в суть вещей. Они неправильно датируют национализм, каковой уходит корнями в трайбализм, а тот — еще далее, в инстинкт продления рода, защиты территории и своего племени, разделения всех на своих и чужих и т.д., равно присущий как первобытным общинам, так и разнообразным популяциям животных, живущих стаями. Это явление описано еще у Дарвина: 1) «Поступки рассматриваются дикарями как хорошие или дурные единственно смотря по тому, влияют ли они очевидным образом на благо племени — но не вида и не отдельного члена племени»⁴⁹; 2) «Животные, одаренные общественными инстинктами, находят удовольствие в обществе, предостерегают друг друга об опасности, оказывают товарищам разными способами защиту и помощь. Эти инстинкты не распространяются на всех особей данного вида, но только на членов одной и той же общины».

Вот в этом всем и состоит извечная глубинная, природная суть как трайбализма, так и национализма. Ее замечательно выразил еще сто лет назад великий китайский мудрец и общественный деятель Сунь Ятсен: «Смысл термина “национализм” понятен без особых разъяснений. Например, человек всегда узнает своих родителей и не спутает их с прохожими, так же как и не примет прохожих за родителей. То же следует сказать и о чувстве национализма — оно у каждого в крови. Хотя с тех пор, как маньчжуры вторглись в Китай, прошло уже более 260 лет, любой ханец, даже ребенок, встретив

⁴⁸ Трайбализм — чувство племенной солидарности, заставляющее предпочитать членов своего племени чужакам, а традиции, интересы и права своего племени ставить выше таковых у окрестных племен.

⁴⁹ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1908. С. 107.

маньчжура, сразу узнает его и никогда не примет за ханьца. В этом — суть национализма»⁵⁰. Не думаю, что суть трайбализма можно выразить адекватнее, нежели в тех же словах.

Не то чтобы Геллнер не догадывался о существовании у национализма своего «бэкграунда»: «Националистический принцип как таковой... имеет очень глубокие корни в наших общих современных условиях. Поэтому он вовсе не случаен и не может быть с легкостью отброшен» (128). Но где эти корни? Какие? В чем эта неслучайность?

Конкретного толкового и ясного ответа на эти вопросы Геллнер не дает, багажа не хватает. И превратно устроен его личный интеллект, иначе он не написал бы, к примеру, что в «безгосударственных обществах проблема национализма не возникает. Если нет государства, естественно снимается вопрос о совпадении государственной границы с границами нации» (29). Как видим, все поставлено с ног на голову! Борьба безгосударственного народа за свой суверенитет и государственность как раз и составляет самое главное содержание национализма во всех таких случаях. Но раз приняв за национализм отвлеченный рассудочный принцип, Геллнер, не желая упор видеть очевидного, теперь везде ищет этот принцип — и ничего более. Найти, конечно же, не может...

Он продолжает потрясать умом: «Если же нет государства, нет и правителей, а значит, вопрос об их национальности тоже сам собой отпадает» (299–300).

Смешно, не правда ли? Во-первых, государства может не быть, а правители найдутся: наместники другого государства или вожди догосударственных племен. Во-вторых, встречаются некоронованные короли — неформальные главы национальных сооб-

ществ типа цыганских баронов или руководители любых диаспор. В-третьих, бывают предводители непризнанных «государств в государстве», к примеру, председатель нигде не зарегистрированного меджлиса крымских татар, чье слово, однако, — закон для всей 250-тысячной общины. Или тайный еврейский национальный суд Бет-дин, действующий даже в Израиле, приговоров которого трепетно боятся все евреи. И т.д., и т.п. Во всех подобных случаях (а я еще не все перечислил) вопрос о национальности правителя не только не «отпадает», но становится во главу угла! И как прикажете относиться после этого к нашему премудрому корифею?

Корифей тем временем перечисляет разновидности национализма — патриотизм, национализм, трайбализм — и пишет: «Трайбализм никогда не бывает процветающим, потому что когда он действительно становится таким, все относится к нему с уважением, как к истинному национализму, и никто не рискует называть его трайбализмом» (188).

Непонятно: откуда такое пренебрежение свысока? Что же плохого или недостаточного в трайбализме, почему он и сам по себе не заслуживает уважения? Довольно нелепо получается. Ведь по сути даже сам Геллнер признает, что перед нами одно и то же, просто трайбализм — это национализм на ранней, племенной стадии развития этноса, а национализм — это трайбализм на поздней стадии его развития, в том числе на стадии народа и нации.

В свете сказанного повисает даже не в воздухе, а поистине в безвоздушном пространстве тезис Геллнера, оброненный им как обычно походя, безапелляционно, но бездоказательно, да еще и в противоречии самому себе: «Вопреки убеждению людей и даже специалистов, национализм не имеет глубоких корней в человеческом сознании» (87). Имеет, еще какие. И даже не только в сознании, но и гораздо глубже, в ма-

⁵⁰ *Сунь Ятсен*. Три народных принципа и будущее Китая. Выступление 21 декабря 1906 г.

трице инстинкта, заложенной в представителе вида еще при зачатии.

Итак: может ли быть национализм, если еще не сформирована нация? Конечно! В том числе, вопреки утверждению Геллнера, в аграрных обществах. Ведь, как сказано выше, слово «национализм» напрямую коррелирует не с понятием «нация» (тут связь только чисто лексическая), а с понятием «национальность», т.е. этничность. Национальность-этничность есть и у члена племени (ирокез, дакот, дрегович, вятич и т.д.), хотя до нации этому племени еще расти и расти. Ирокезы, дакоты и сиу, тутси и хуту, и т.д. и т.п. — не нации, а племена и народы, но национализма у них хоть отбавляй! И рубятся-режутся, и умирают они за этот национализм самым примерным образом.

Замечу, что главный тезис Геллнера о том, что нации порождены национализмом, тоже предполагает первичность национализма, существующего до образования наций. Перед нами очередное противоречие корифея...

Итак, расстанемся с заблуждением, будто национализм есть что-то новое, сугубо современное. Ибо он сопровождает род *homo* с тех самых незапамятных пор, как на Земле образовались первые племена.

Общая оценка

Надеюсь, после такого внимательного рассмотрения первоисточника читатель будет со здоровым скепсисом воспринимать максимы Геллнера (по обыкновению, бездоказательные), подобные этой: «Национальная принадлежность — не врожденное человеческое свойство, но теперь оно воспринимается именно как таковое» (34).

Но дело не в отдельных максимах.

Как относиться к «евангелию от конструктивизма» в целом — сиречь, к книге Эрнста Геллнера «Нации и национализм»?

Например, И.И. Крупник видит заслугу Геллнера в том, что он проти-

вопоставил «четырёхчленному сталинскому определению» — «иное понимание нации» (306).

Одному злокачественному заблуждению — другое: скажу на это я.

На мой взгляд, жанр данной книги — «сочинение» или «рассуждение». Другого определения этот труд не достоин. Автор не снисходит до аргументов, не приводит примеров, кроме самых примитивных и неубедительных, не оперирует фактами и их совокупностью, не делает обобщений на их основе. Убогий до неприличия аппарат сочетается с широковещательными тезисами и выводами. Его «типология» национализма вряд ли может быть названа таковой из-за своей очевидной нелепости (200), ее даже внятно пересказать невозможно, настолько она нелепа⁵¹. Какое-то бредоумствование недоучившегося школьника насчет обществ аграрной и индустриальной культур (якобы национализм возможен только во втором). Непонимание того, что т.н. «трайбализм» — это и есть национализм доаграрного и раннего аграрного общества. И т.д.

Трудно найти случай менее систематического и логического мышления, чем у Геллнера. Редкостный пример, образцово-показательный!

Кстати, вообще для «науки мнений» характерен пиетет перед авторитетами, никому порой вообще не известными, — например, какой-нибудь никому, кроме Геллнера, уже не ведомый «судья Оливер Уэнделл Холмс», который что-то там такое «однажды заметил». Типичная аргументация *ad hominem*, недопустимая ни в приличном тексте, ни в приличном научном обществе.

Этой аргументацией у многих деятелей западной науки принято при-

⁵¹ Пусть уважаемый коллега Сергей Михайлович Сергеев, специалист по декабризму, объяснит, к примеру, что у Геллнера означает «декабристская революционная, но не националистическая ситуация» (200), а я — не в силах.

крывать свою неосведомленность в источниках. Геллнер, как и прочие конструктивисты, вынужденно ссылается на Вебера, ибо Маркс не дал такой возможности, а больше им не на кого ссылаться. Вот Геллнер и признается с самоуверенностью невежды и верхогляда:

«Автору, придерживающемуся мнения, что история националистических идеологий и учений не способствует пониманию национализма, возможно, и не стоит вступать в споры о его интеллектуальных истоках. Поскольку учение не имеет достойной внимания родословной, стоит ли обсуждать, кто представлен, а кто — нет, в его генеалогии» (267).

И с таким мнением он посмел приехать со своими пустыми проповедями к нам, в Россию, где традиция националистической мысли включает в себя такие блестящие, глубокие умы, как Пестель и Рылеев, славянофилы, Михаил Меньшиков и Петр Ковалевский, не говоря уж о многих более современных авторах! Ему бы русский язык выучить, да засесть за серьезные книжки, поучиться национализму у русских авторов...

К сожалению, этим верхоглядным хамством ему удалось заразить многих и многих в нашем отечестве.

II.2. Эрик Хобсбаум — канонизированное недоразумение

Перед нами, как на грех, еще один английский еврей-марксист: Эрик Хобсбаум⁵². Между Геллнером и Хобсбаумом очень много общего, что отмечал еще Энтони Смит: «Как и Геллнер, Хобсбаум утверждал, что нации — это продукт национализма как в концептуальном, так и в историческом отношении. А затем он перешел к доказатель-

ству того, что основная особенность и цель национализма, равно как и его собственное притязание, которое следует принимать всерьез, заключалось в его стремлении построить “национальное государство”»⁵³.

Но основное преимущество этого конструктивиста, с точки зрения тех, кто его пропагандирует, состоит в том, что сей блестящий ум нацию искал, но не нашел (в отличие от Геллнера, который их нашел легион и все разные). Более того, вызрела целая генерация авторов, пытающихся, вослед Хобсбауму, убедить нас в том, что при нащупывании этого понятия «и субъективные, и объективные определения несовершенны и ставят нас в тупик»⁵⁴. Отрицание объективной природы этносов и наций стало модным в определенных научных и околонучных кругах в большой мере благодаря Хобсбауму.

Но как же в таком случае быть? Перед нами — методологический и терминологический коллапс?

Не нашедший нацию

Хобсбаум уверяет, что так оно и есть:

«Проблема в том и заключается, что мы не способны растолковать наблюдателю, как *apriori* отличить нацию от других человеческих сообществ и групп — подобно тому, как можем мы ему объяснить различие между мышью и ящерицей»⁵⁵. В итоге, убоившись бездны премудрости, Хобсбаум гордо заявляет, выдавая свою слабость за силу: «Самой разумной переходной установкой для исследователя является в данной области агностицизм, а потому мы не принимаем в нашей книге никакого априорного определения нации»⁵⁶. Многочисленные рос-

⁵³ Смит Э.Д. Указ. соч. С. 227.

⁵⁴ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. С. 17.

⁵⁵ Там же. С. 12.

⁵⁶ Там же. С. 17.

⁵² Мне о Хобсбауме приходилось писать и ранее; эти материалы отчасти использованы в данном очерке.

сийские и западные адепты этого гуру (конструктивисты всех сортов) охотно множат подобные заявления.

Остается загадкой: как, отказавшись принципиально даже от попыток определить нацию, можно писать книги и статьи на тему «нация и национализм». Уму непостижимо!

Столь горделивый отказ использовать свои мозги ради поиска истины сравним только с так называемыми «парадами гордости гомосексуалистов», хотя нормальному человеку невозможно постичь, какая может быть гордость у мужчины, предоставляющего себя в сексуальное пользование другому мужчине. Точно так же непонятна мне «гордость» ученого, расписавшегося в собственном научном бессилии.

Причина такого бессилия понятна: это отказ исследовать сам предмет от его истоков (то есть этногенез как таковой), но исследование вместо того различных точек зрения на предмет. Этому пороку подвержена вся западная идеалистическая общественная наука, давно превратившаяся из науки знаний и фактов — в науку мнений.

Отказ Хобсбаума от поиска объективного критерия нации во многом связан также с тем, что в качестве наиболее известного (читай: авторитетного) он рассматривает определение нации, данное... Сталиным⁵⁷. Оно уже давно и достойно развенчано в целом и по частям, однако Хобсбаум предпо-

читает отталкиваться именно от него. Надо ли говорить, что ошибки Сталина не должны вводить современного ученого в научный ступор и что Хобсбаум в своем разочаровании зашел излишне далеко.

Отчасти, как для любого западного исследователя, для Хобсбаума дело привычно осложняется лексическим убожеством англоязычия: единым словом *nation* обозначается и собственно нация, и народ, и национальность, и даже, отчасти метафорически, государство, как это видно на примере ООН. Но при этом тот же язык дает и ключ для выхода из тупика, ибо корень латинского слова *natio* — а именно, *nat* — означает не что иное как «род».

Точно так же, как русское слово «народ», латинское слово *natio* (оригинал, многочисленные копии с которого вошли едва ли не во все языки мира) четко и ясно обнаруживает этимологическую связь, указывающую на кровную, племенную сущность этого понятия. «Народ» и «нация» изначально тождественны. И в античные времена этим словом обозначалось именно племя⁵⁸.

Но в наши дни неразбериха с самыми насущными понятиями «народ» и «нация» достигла в западном мире таких масштабов, что даже работа над основополагающими документами ООН, включая Устав этой организации, оказалась сильно затруднена⁵⁹. Во многом, как выяснилось, это связано с тем, что оба термина имеют разные смысловые оттенки в английском, немецком, французском и русском язы-

⁵⁷ Там же. С. 12. Как видим, определенная заикленность на Сталине свойственна английским марксистам, что Геллнеру, что Хобсбауму. Между тем в отечественной науке уже давно высказано предложение отказаться от представления, будто бы Сталин дал адекватное определение нации (*Бурмистрова Т.Ю.* К вопросу о формировании и развитии русской нации // *Русская нация в союзе народов СССР: (М-лы научно-практич. конференции).* Куйбышев, 1990. С. 22. Ныне это предложение успешно реализуется в России.

⁵⁸ *Оль П.А., Ромашов Р.А.* *Нация (Генезис понятия и вопросы правосубъектности).* СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2002. С. 6–7.

⁵⁹ *A. Rigo Sureda.* *The Evolution of the Right of Self-Determination: A Study of United Nations Practice (Leiden: A.W. Sijthoff, 1973).* Обзор точек зрения четырех государственных инициаторов и других участников в майской дискуссии 1945 года см. в: *Ibid.* P. 97–120.

ках. В итоге остановились на формулировке: «[термин] “нации” используется применительно ко всем политическим образованиям, государствам и негосударствам, в то время как [термин] “народы” относится к группам людей, которые могут составлять или не составлять государства или нации».

Как видим, практическая потребность политиков хоть как-то договориться заставила разработчиков расширить понятия до полной неопределенности содержания. Жертвой чего стали многие деятели науки, Хобсбаум в том числе.

Наука, однако, не может следовать подобным путем, это очевидно.

К счастью, российскому ученому нет никакой необходимости оглядываться на Запад. Ему не столь трудно определиться по поводу нации и ее отграничения от других сообществ, поскольку в России есть достаточно крепкая, сложившаяся научная традиция, подвергать которую пересмотру я не вижу оснований. Еще знаменитый «Толковый словарь» Даля разъяснял: «Нация *ж. франц.* Народ, в обширном знач., язык, племя, колено; однородцы, говорящие одним общим языком, все сословия». Все четко, строго, ясно, понятно и вполне приемлемо в качестве отправной точки для современных размышлений, поскольку прямо подчеркивает этничность как основу нации.

К сожалению, в дальнейшем развитии верных представлений о нации в отечественной науке долгое время мешал диктат антинаучных представлений, выработанных школой т.н. марксизма-ленинизма, начисто отвергавшей биологическое содержание понятия нации. О том, какие грандиозные политические ошибки были заложены этим подходом, легко судить, читая хрестоматийные марксистские описания нации. Например, в одном из последних советских изданий БЭС философ-марксист С.Т. Калтахчян указывал: «Общность территории как

условие существования социалистических наций также приобретает новое качество. Границы национальных республик, например, в СССР не имеют уже своего бывшего значения, не ведут к обособлению наций». Или — еще того пуще: «Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, можно предвидеть, что полная победа коммунизма во всём мире создаст условия для слияния наций и все люди будут принадлежать к всемирному бесклассовому и безнациональному человечеству, имеющему единую экономику и единую по содержанию богатейшую и многообразную коммунистическую культуру».

Жизнь убедительно показала все историософское ничтожество подобных установок и перспектив, разбивала вдребезги прекраснодушные и беспочвенные мечтания марксистов-ленинцев. Сегодня мы вспоминаем о них только как о курьезе, уже не способном влиять на развитие науки. Но и забывать о них и их бесславном развенчании нельзя, ибо теперь наше сознание вновь атакуют современные марксисты, на сей раз уж не изнутри страны, а с Запада. Сбитые с толку собственными языковыми трудностями, они дружно пытаются переложить их на плечи читателей.

Но если англоязычный читатель еще может отнестись к этому с пониманием, сам будучи в той же ситуации, то с какой же стати нам следовать тем же путем? У нас, к счастью, есть своя собственная традиция нациеведения.

Как резюмировал, с соответствующими ссылками, в своей докторской диссертации историк А.И. Вдовин (МГУ): «В отечественной обществоведческой традиции советского периода под нацией чаще всего понимали *определенную ступень в развитии народа (этноса)*, историческую общность, результат развития капиталистических отношений, приводящих к экономическому, территориальному, культурному, языковому и социально-психологическому единству опреде-

ленной совокупности людей, стремящихся обеспечить интересы своего дальнейшего независимого развития *непрерывно с помощью обособленного национального государства*»⁶⁰ (выделено мной. — А.С.).

Оставив в стороне историю вопроса, подчеркну, что для современного нам круга российских ученых, за вычетом экзотистов-конструктивистов, это понимание в своих главных, опорных тезисах — 1) нация есть фаза развития этноса, в которой он 2) создает свою государственность, обретает суверенитет — утвердилось до степени постулата.

Хобсбаумы, конечно, российских источников не изучают, а зря. Потому что представляется совершенно непонятным, как можно писать книгу о нациях и национализме (названия у Геллнера и Хобсбаума практически дословно совпадают), не разобравшись в основном понятии.

У кого что болит, тот о том и говорит

Зачем вообще Хобсбаум взялся за трудную тему, в которой не преуспел даже по собственному признанию? Что его заставило вновь и вновь пытаться по-донкихотски наскокивать на действующие в тысячелетиях константы наций и национализмов, пытаясь их дезавуировать?

Пафос Хобсбаума, в конечном счете, — не более и не менее как вполне ожидаемая, закономерная рефлексия на Холокост, память о котором кипятком обжигает каждого настоящего еврея. Сверхзадача, которой подчинены его тексты, — вскрыть корни этнической нетерпимости и этнических чисток с целью их профилактики в будущем. В этом же секрет мощнейшей поддержки конструктивизма и лично Геллнера и Хобсбаума могуществен-

ным мировым научным еврейским лобби.

К примеру, Хобсбаум отпугивает читателя от любого национализма: «У людей, которые всегда встают перед выбором “или/или”, политика ведет или может вести к геноциду». Это, понятно, не аргумент в научном споре: какая разница ученому, как будет утилизирована научная истина. Но перед нами — истинный мотив Хобсбаума.

Он, конечно, неправ с точки зрения как истории, так и политики. Ведь выбор приходится делать все время, причем выбирать надо либо своих, либо чужих, *tertium non datur*. Поэтому надо честно признать, каким должен быть ответственный выбор: лучше геноцид чужих, чем национальное самоубийство! О том, что лежит на другой чаше весов, свидетельствует жалкая судьба европейских народов, бесславно и бессильно сходящих со сцены истории, оставляя все великолепное наследство предков — всю эту мощь, богатство, красоту, созданную былой витальной силой европейца, — народам, которые не сделали (и не могли сделать) ничего для утверждения этой славы.

Снова и снова возвращаясь мысленно на излюбленное пепелище, Хобсбаум склонен объяснять все главные, на его взгляд, беды XX века «крахом многоэтничных Австро-Венгерской, Османской и Российской империй в 1917–1918 гг. и характером мирных послевоенных решений относительно пришедших им на смену государств. Сутью этих решений являлся план Вильсона по разделу Европы на этноязыковые территориальные государства — проект столь же опасный, сколь и непрактичный, и реализуемый разве что за счет насильственного массового выселения, принуждения и геноцида, за которые впоследствии пришлось расплачиваться»⁶¹.

⁶⁰ Вдовин А.И. Российская нация. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М.: Либрис, 1995. С. 28.

⁶¹ Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. С. 337.

Вот где он, корень неприятия самой идеи национального государства! А отсюда уж и стремление запутать, затушевать, извратить — и в любом случае поставить под сомнение базовые понятия, обуславливающие такую идею. А именно: нации и национализм.

Понятна также тревога Хобсбаума по поводу того, что «сейчас историки делают для национализма то же самое, что производители мака в Пакистане для наркоманов: мы снабжаем рынок основным сырьем».

Но как запретишь ученым двигать вперед науку? Если объективные научные данные (исторические, культурологические, лингвистические, этолого-психологические, да какие угодно) свидетельствуют в пользу национализма, значит любые попытки его подрывать — есть ничто иное как мракобесие и обскурантизм. Для человека, причисляющего себя к миру науки, — поступок отвратительный и постыдный.

Напротив, встав на поприще служения знанию, надо не прятать голову в песок и не плевать против ветра, а смело ставить все паруса и мчаться на том самом ветре к пределам научной истины. В нашем случае — честно исследовать феномен нации и национализма как объективную реальность, а не как некий конструкт, который не может ее заменить.

Главная проблема Хобсбаума в искусственно зауженных горизонтах мышления. Ведь он не случайно берет в рассмотрение только поверхностный пласт проблемы, обращая лишь к политическим событиям и решениям. В конце концов, очевидно, полагают он, события создают и решения принимают люди — может быть, удастся их уговорить чего-то не делать? Не правдой (правда на стороне националистов) — так полуправдой, сеющей сомнения.

Но все дело в том, что рациональный слой национальных отношений — ничтожно тонок. Ибо они как таковые являются результатом куда более глу-

бинных мотиваций, восходящих, как и положено, к основным инстинктам. А инстинкты даны нам природой, и не человеку их отменять. Подавленный инстинкт — гарантия в лучшем случае невроза, в худшем — психоза. От чего упаси нас бог.

Метания ошпаренного

Конечно, Хобсбаум несколько основательнее уж совсем голословного Геллнера. Но предвзятые установки порождают такую его характерную черту мышления как непоследовательность. Он то подходит довольно близко к верному пониманию нации, то вновь отступает. Поведение Хобсбаума в пространстве нациеведения, напоминающее движение броуновской частицы в проруби, представляет некоторый интерес отдельными попытками связать концы с концами, исторические факты и политический опыт — с собственными навязчивыми идеями. Он, то хочет казаться объективным, то снова бросается в полыню идеализма и субъективизма, донкишотствуя в мнимо благородной битве с нациями и национализмом. Бросим взгляд на некоторые из этих попыток.

1. Вот он утверждает, что «современная нация» может пониматься «и как отдельное государство, и как народ, стремящийся подобное государство создать». Вроде бы — долгожданный позитив. Но тут же следует ссылка на классика конструктивизма Бенедикта Андерсона, что-де нация есть «воображаемая общность», годная только, чтобы «заполнить эмоциональный вакуум, возникший вследствие ослабления, распада или отсутствия реальных человеческих сообществ и связей»⁶².

Или вот еще: Хобсбаум считает единое территориально-политическое образование — «важнейшим критерием того, что мы сегодня понимаем под “нацией”»⁶³. Вроде бы это про государ-

⁶² Там же. С. 74.

⁶³ Там же. С. 75–76.

ство? Опять горячо! Но тут же указывает на «элементы, которые для нашего современного понимания “нации” являются чрезвычайно характерными, если не центральными: язык и этнос»⁶⁴. Небрежности, неувязки, слабая логика, нечеткое мышление... Достаточно, чтобы не искать в этом источнике ничего, кроме случайной фактуры.

Робкий путаник Хобсбаум признает, что для того, чтобы тот или иной народ мог быть причислен к нациям, он должен перешагнуть некий «порог», каковой он определяет по трем критериям: 1) историческая связь народа с современным государством или с государством, имевшим довольно продолжительное и недавнее существование в прошлом; 2) существование давно и прочно утвердившейся культурной элиты, обладающей письменным национальным языком — литературным и административным; 3) способность к завоеваниям⁶⁵.

На мой взгляд, если первый пункт и впрямь решительно необходим, а второй желателен, то последний пункт — столь же решительно ошибочен. Скажем, Грузия, Азербайджан и Молдавия после распада СССР стали, без всякого сомнения, национальными государствами соответственно грузинской, азербайджанской и молдавской нации. При этом вполне ярко и однозначно проявив минусовую способность к завоеваниям: первая потеряла Абхазию и Южную Осетию, второй — Нагорный Карабах, третья — Приднестровье (де-факто). Есть и другие примеры.

В этой связи нельзя еще раз не отметить гораздо большую четкость и глубину отечественных формулировок, не валящих в одну кучу главное и второстепенное, исходное и производное...

2. Далее, Хобсбаум, возможно, тайно сознавая убудочность француз-

ской концепции нации, а возможно, желая поддержать свою репутацию марксиста, пишет: «Нации существуют не только в качестве функции территориального государства особого типа (в самом общем смысле — гражданского государства Французской революции) или стремления к образованию такового; они обусловлены и вполне определенным этапом экономического и технического развития»⁶⁶.

Пытаясь доказать этот тезис с помощью примеров Германии, Италии и Венгрии, Хобсбаум впадает в очередное противоречие. Ему кажется, будто в этих странах максимально созидательно, креативно проявил себя «истинный национализм», построенный по модели гражданской нации, созданной Французской революцией. Что резко противоречит общеизвестному: по крайней мере в двух из трех названных стран (в Венгрии и Германии) торжествовал махровый этнический национализм, в корне противоположный гражданскому национализму а-ля Франция. (У итальянцев, испытывающих большие проблемы с этнической гомогенностью и, соответственно, этнической идентичностью, картина несколько смазанная, но и у них при Муссолини был порыв к этнократии.)

Неудачно избранные примеры не мешают Хобсбауму пойти еще дальше, заявляя о некоем «принципе порога»: якобы только в странах, обладающих территориями и населением, достаточными для поддержания крупной капиталистической рыночной экономики, нации имеют основания для самоопределения в качестве суверенных, независимых государств.

И это, как легко может видеть читатель, никуда не годное положение, ибо, во-первых, суверенные национальные государства были и в докапиталистическом мире, а во-вторых, как заметил анализирующий конструктивизм в связи с марксизмом Сергей Земляной,

⁶⁴ Там же. С. 81.

⁶⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. С. 61–62.

⁶⁶ Там же. С. 20.

его опровергает феномен так называемых «несостоявшихся государств» (сегодня их около 60).

«Истинному» национализму, какковым он вовсе, как мы видим, не является, Хобсбаум противопоставляет этнолингвистический национализм, именуемый им «ложным» — и тоже всуе. Ибо речь идет о малых народах в составе империй, потребовавших самоопределения и суверенитета на основании этнического и языкового единства.

Но что же тут ложного? Хобсбаум требует поверить ему: «Апелляция к этносу или к языку не дает никаких ориентиров на будущее. Это всего лишь протест против существующего положения, а точнее, против “других”, которые каким-то образом угрожают данной этнической группе»⁶⁷.

А так ли это? Критерий истины, как известно, — практика. Критерием же практики является успех. Успешно — значит истинно: албанское Косово, Южная Осетия, Абхазия, де-факто Приднестровье, де-факто Чечня... Сколько же надо еще примеров, чтобы убедиться в том, что такой «этнолингвистический» национализм не менее истинен, чем любой другой!

Самокастрат

Метания Хобсбаума, на мой взгляд, вызваны тем, что у него еще осталась некоторая совесть ученого, которая периодически вынуждает к компромиссам между научной истиной, состоящей в признании подлинности наций (и всего комплекса аффилированных понятий), и собственной позицией, резко заявленной еще в 1983 году на страницах подготовленного им сборника «Изобретение традиции»⁶⁸ (с чего, собственно, и началась его известность как конструктивиста). Заняв — и жестко — эту позицию, Хоб-

сбаум как историк оскопил сам себя:

«Изобретенная традиция» означает совокупность практик, как правило, ограниченных открыто или молчаливо признанными правилами ритуального или символического характера, направленных на привитие определенных ценностей и норм поведения путем повторения, которое автоматически подразумевает преемственность с прошлым. В сущности, там, где это возможно, они обычно пытаются установить преемственность с соответствующим историческим прошлым». Таким образом, традиция (в том числе национальная традиция) предстает в интерпретации Хобсбаума как нечто исключительно рукотворное, как некий артефакт, созданный людьми. Как будто на самом деле у этносов нет ни досоциального прошлого, ни идущих из него традиций.

И далее автор перебрасывает мостик непосредственно к нациям и всему, что с ними связано. А именно, он утверждает, что изучение изобретенных традиций «крайне важно для относительно недавнего исторического нововведения, “нации” и связанных с ней явлений: национализма, национального государства, национальных символов, историй и т.д. Все они основаны на упражнениях в социальной инженерии»⁶⁹. Аргумент Хобсбаума (постройка в XIX в. здания британского парламента в псевдоготическом стиле⁷⁰) слабават и не тянет на столь реше-

⁶⁹ Ibid. P. 13–14.

⁷⁰ Стиль «эkleктика» (и производный от него «историзм»), господствовавший в ту эпоху и определивший, в частности, обращение к готике в данном частном случае, связан не столько с тем, о чем думал Хобсбаум, сколько со своеобразным «подведением итогов» в европейской эстетике, когда актуализировались лучшие достижения прошлого со времен античности, что выражалось, в частности, в массовом создании реплик во всех родах искусства. Особой популярностью пользовались Готика и Ренессанс. Такой ре-

⁶⁷ Там же. С. 278.

⁶⁸ *Hobsbawm E. and Ranger T. (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.*

тельное обобщение. Но он продолжает развивать свой тезис или, лучше сказать, свое мнение.

Он утверждает, что изобретение традиций стало особенно популярно и востребовано в Новое время, ибо «стремительное преобразование общества ослабляет или разрушает старые модели, для которых были предназначены “старые” традиции, создавая новые, к которым они неприменимы, или когда такие старые традиции и их институциональные носители или распространители оказываются недостаточно приспособляемыми или уничтожаются»⁷¹.

И вот, наиболее активные националисты используют-де реальное прошлое своего народа как своего рода кладовую, где хранятся исторические заготовки для новых традиций. В результате чего создается как бы «с чистого листа» новая священная история нации-государства — мощная основа для национализма и нациестроительства со всеми вытекающими последствиями (читай: этническими чистками, холокостами и пр.).

Примеры Хобсбаума, однако, и тут не слишком убедительны. По его мнению, на этой стадии должна быть «изобретена историческая преемственность, например, путем создания древнего прошлого, не связанного с действительной исторической пре-

емственностью, при помощи полувымысла (Верцингеторикс, Арминий Херуск) или подделки (Оссиан, чешские средневековые рукописи)»⁷². Рядом с Верцингеториксом и Арминием Хобсбаум поставил и Рюрика, при этом утверждая почему-то, что писанная история Руси-России начинается вовсе не с летописей, а с так называемой еврейско-хазарской переписки середины X в.

Уж лучше бы он не трогал историю Руси! А то ведь трижды соврал в коротком абзаце. Ибо, во-первых, есть памятники и более ранние. Во-вторых, значение летописей как исторического источника несопоставимо ни с каким другим. А в-третьих, мифология исторической преемственности у нас, конечно, существует, но только не с летописного Рюрика (тут мифического, как утверждает наука, мало), а с генеалогии российских государей от четвертого (!) сына Ноя — Арфаксада, египетских фараонов, Александра Македонского и римского цезаря Августа, которая изобретена и пропагандируется в «Послании о Мономаховом венце», созданном монахом Спиридоном-Савой между 1513 и 1523 гг.⁷³. Однако данная «мифология с генеалогией» русскими националистами последних трехсот лет, насколько я знаю, в пропаганде не используется.

Но суть дела в другом: хотя подделки национального исторического прошлого встречались и встречаются (взять хоть «Велесову книгу»), это не отменяет наличия самого национального исторического прошлого. Больше того, не было бы его — нечего было бы и подделывать. Кому нужны были бы макферсоновские «Песни Оссиана», если бы в реальности не существовали шотландцы? Кого волновали бы пасти-

пликой был и Вестминстерский дворец. Хотя обращение в данном случае к высокому Средневековью, несомненно, позволяло напомнить нации об исторических корнях (явление того же рода — здание Городской думы в Москве и мн. др.). Но только английских ли? Ведь если уж на то пошло, то импульс к готическому зодчеству Англия получила из Франции, яркое свидетельство чему — строительство Вестминстерского аббатства в Лондоне (образцом служил, в первую очередь, Нотр-Дам де Пари; при этом даже камень, желто-серый песчаник, везли из Франции, чтобы все было «как там»).

⁷¹ Ibid. P. 4–5.

⁷² Ibid. P. 7.

⁷³ Подробнее см.: *Филошкин А.И.* Василий III. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 140–144.

ши Ганки, если бы не было в мире такого народа, как чехи?

Аргументация Хобсбаума негодна в принципе.

Отрицательные плюсы Хобсбаума

Не все так уж плохо и неверно у Хобсбаума. Иногда он пишет и дельные вещи. Правда, при чтении его сочинений мне не раз вспоминалась нотация профессора студенту из анекдота: «В вашей работе много нового и верного. К сожалению, то, что в ней верно, — то не ново, а то, что ново, — то неверно». Приведу пару примеров из статьи о языках.

1. Важный неважный язык. Хобсбаум правильно отмечает: «Изначально введение стандартного языка преследовало исключительно демократические, а не культурные цели. Как гражданам могли понимать правительство своей страны, не говоря уже о том, чтобы участвовать в нем, если правление осуществлялось на непонятном языке — например, на латинском, как в венгерском парламенте до 1840 года? Не создавались ли тем самым условия для правления элитарного меньшинства? Этот довод был выдвинут аббатом Грегуаром в 1794 году. Поэтому обучение на французском было очень важно для французских граждан, на каком бы языке они не говорили у себя дома. По сути, таким же остается положение в Соединенных Штатах, возникших в ту же эпоху демократической революции. Чтобы стать гражданином, иммигрант должен пройти проверку на знание английского языка.

Вспомним, что даже в 1970-х годах — то есть до начала нынешней волны массовой иммиграции — 33 миллиона американцев, а также неизвестный процент от еще 9 миллионов, не ответивших на соответствующий вопрос, сказали, что английский язык не был для них родным. Более трех четвертей из них принадлежали ко второму или третьему поколению, родившихся в Америке».

Ну и что? Мы и так знаем о том, что язык — не критерий этничности. Да и о том, что американцы — не нация, а конгломерат этносов, стиснутый общим согражданством, по французскому примеру. И то, что единый язык есть хорошее средство гражданской унификации — это тоже не новость. Так что Хобсбаум, конечно, ломится в открытую дверь, делая это с приятной убедительностью.

Однако замечу, что по преданию преимущество английского языка перед немецким в Конгрессе США было установлено ничтожным большинством в один голос, настолько велика и влиятельна была немецкая община того времени. Но если бы немецкий взял верх, то какова была бы затем этническая идентичность американцев? И как бы пошла мировая история в XX веке — с учетом того, что обе мировые войны были инициированы немцами? Это большой вопрос. Недооценивать связь языка и этничности не стоит, как не стоит и переоценивать.

2. Язык и суверенитет. В сущности, Хобсбаум это признает, подчеркивая важную и несомненную взаимосвязь политической и языковой эмансипации народов:

«Целью всех языков, стремившихся в прошлом обрести статус национальных и стать основой национального образования и культуры, было превращение во всеобъемлющие языки на всех уровнях, равноценные языкам крупных культур. И в особенности, конечно, доминирующему языку, вопреки которому они пытались утвердиться. Таким образом, в Финляндии финский должен был заменить во всех отношениях шведский, а в Бельгии фламандский заменить французский. Поэтому настоящим триумфом языковой эмансипации должно было стать создание университета с преподаванием на родном языке: в истории финского, валлийского и фламандского движений дата основания такого университета является зна-

менательной датой в национальной истории. Множество менее крупных языков пытались добиться этого на протяжении прошлых столетий, начиная, наверное, с голландского языка в XVII веке и кончая — пока — каталонским. Некоторые, подобно баскскому, не оставляют попыток и по сей день... Все языки содержат в себе элементы подобного политического самоутверждения, поскольку в эпоху национального или регионального сецессионизма естественно существование тенденции к дополнению политической независимости языковым сепаратизмом».

Наблюдение правильное и вполне научное, если только не ставить телегу впереди лошади и не пытаться изобразить языковую эмансипацию в качестве локомотива эмансипации национально-политической. Первая сопровождает вторую и служит подчас ее верным индикатором, но — не первопричиной.

Отметим приятное здравомыслие автора в данном вопросе, но опять-таки, что тут нового? А главное, наш ошпаренный заяц тут же метнулся в обратную сторону, в очередной раз противореча сам себе. А именно.

3. Язык и сепаратизм. «В заключение сделаем несколько замечаний относительно того, что можно назвать чисто политическими языками, то есть языками, специально созданными в качестве символов националистических или регионалистских устремлений и сепаратистских или сецессионистских замыслов. Никаких оснований для их существования нет (?!). Крайним примером служит попытка воссоздания корнуоллского языка, на котором в последний раз говорили в середине XVIII века, не имеющая никакой иной цели, кроме отделения Корнуолла от Англии».

А что, разве этой цели недостаточно? Или она заведомо недостижима? Так ли? Я лично думаю, что Англия, пошедшая плачевным путем Франции в

плане разрушения государствообразующего этноса англичан (с помощью неконтролируемой иммиграции), развалится на части еще до конца XXI века. Ирландию она уже потеряла; сепаратизм Шотландии вновь набирает силу на наших глазах, почему бы и Корнуоллу не задуматься о полном суверенитете? Сам же Хобсбаум чуть ниже совершенно правильно выражает обеспокоенность:

«Появляется призрак повсеместной балканизации. Реальность проблемы становится очевидной, если принять во внимание проводимую Европейским союзом политику поддержки регионов в существующих национальных государствах, которая *de facto* представляет собой политику поощрения сепаратизма⁷⁴, что быстро поняли шотландские и каталонские националисты».

Что поняли шотландцы, поймут и корнуольцы⁷⁵.

В этом историческом контексте утверждать, будто бы для возникновения «политических языков» нет оснований, я бы не стал.

Ошибки и ошибки

Наряду с позитивной непоследовательностью, творчество Хобсбаума, увы, отмечено и очевидными характерными ошибками.

1. Французская колдобина. Теоретическая телега Хобсбаума не могла, конечно, не застрять во французской колдобине — так я называю парадоксальную ситуацию, в которую неизбежно попадают все, кто принял на

⁷⁴ Правильная бдительность! Жаль, Хобсбаум не задается вопросом, кто стоит за этой политикой поддержки языкового, а с ним и политического сепаратизма. Узнал бы много нового и интересного о собственных соплеменниках.

⁷⁵ Рекомендую читателю блистательную статью на сей счет Олега Неменского «Европейские нации и кризис системы международных отношений» (Вопросы национализма. 2010. № 4).

веру т.н. «французскую» концепцию нации.

Хобсбаум замечает в статье «Все ли языки равны», что «с конца XIX столетия, жители государства отождествлялись с “воображаемым сообществом”, как бы исподволь сплавляемым такими вещами, как язык, культура, этническая принадлежность и т.п. Идеалом такого государства было этнически, культурно и лингвистически однородное население».

Как мы уже знаем, для Хобсбаума такой подход категорически неприемлем в морально-политическом смысле, поскольку чреват этническими чистками («холокостами», да простится мне такое уподобление). Против него он выдвигает, как ему кажется, капитальное обвинение — несоответствие первообразу нации:

«Подобная программа вызвала бы удивление у основателей первых национальных государств. Для них единство нации было политическим, а не социально-антропологическим. Оно состояло в решении суверенного народа жить под общим законом и общей конституцией, независимо от культуры, языка и этнического состава. “Нация, — говорил аббат Сийес со свойственной французам прозорливостью, — это общество людей, живущих под общим законом и представленных одним законодательным учреждением”».

Этот аргумент кажется мне крайне неудачным. Насчет прозорливости французов, которых всегда упрекали скорее в легкомыслии, можно было бы поспорить, видя тот жалкий результат, к которому они скатились уже к 1940 г. (когда немцы поставили их на колени и лишили суверенности всего за сорок дней), а в особенности в наши дни, утратив уже с 1960-х гг. тысячелетнее лидерство в культуре и общественной мысли, утратив свой национальный и расовый облик и вообще встав на край вырождения и гибели. А все потому как раз, что за сто пятьдесят лет перед этим приняли в ходе

Великой Французской революции согражданство за нацию, в полном соответствии с формулой Сийеса.

Французам было бы легко своевременно обезопасить себя от такого зловещего развития событий, загодя исключив предоставление гражданства этническим нефранцузам. Вместо этого они совершили акт национального самоубийства, закрепив в Конституции 1791 г. правовое понятие нации именно как единой общности формально равноправных граждан. С этого момента французская национальность, как на сей раз совершенно верно заметил Хобсбаум, стала означать французское гражданство.

Распространенная и грубая ошибка многих пишущих на тему нации: почему-то принято трактовать французов чуть ли не как первую нацию, а Францию чуть ли не как первое «национальное государство». Но вещи надо называть своими именами: этнический конгломерат, стиснутый рамками общего согражданства, на деле нацией не является. А ведь «французы», окрещенные Сийесом «нацией», были именно таковы. Возведение ложного «принципа Сийеса» в ранг нациестроительного привело только к тому, что французская нация, так и не успев сложиться, сегодня уже настолько размыта и растворена в пришельцах, что не способна ни на какую осмысленную национальную политику, не говоря о национальном сопротивлении. И тихо продолжает растворяться в цветных инородцах и деградировать во всех отношениях.

Уж если искать пример раннего и весьма успешного создания современной нации и национального государства, то обращаться следует не на Запад, а на Восток. Сегуны клана Токугава, закрыв Японию на 300 лет от внешнего мира⁷⁶, гораздо точнее и эф-

⁷⁶ Был установлен т.н. «режим Бакуфу» — изоляции от внешнего мира и внутреннего замирения и усмирения.

фективнее решили эту задачу. К тому моменту, когда пришло время открыть внешний мир для страны, перед этим внешним миром предстала глубоко самобытная и верная крепким традициям, выварившаяся в самой себе, однородная в этническом (генетическом) и культурном отношении, консолидированная духовно и политически нация. Которая именно поэтому, осваивая одно за другим европейские достижения, но оставаясь при этом собой, не теряя национального лица, за какие-то полвека ворвалась в группу мировых лидеров, нанеся попутно тяжелое поражение России, захватив часть Китая и Кореи, а там посягнув и на США.

Национальных государств, приведенных, как Япония, в соответствие с собственным генезисом, пока что не очень много, но есть и такие. Их численность будет непременно расти, в эту лигу национальных государств будут добавляться все новые члены. Тот же Хобсбаум, например, насчитывает не менее двенадцати государств, население которых соответствует идеалу этнической, культурной и лингвистической однородности. Важно, что некоторые образовались сравнительно недавно (как Израиль), указывая дорогу остальным. Хобсбаум приводит и другой пример: Польша, имевшая в 1939 г. треть польского населения, сегодня почти полностью населена поляками, потому что немцы были изгнаны из нее в Германию, литовцы, белорусы и украинцы вошли в состав СССР, затем обретя суверенитет, а евреи были истреблены⁷⁷.

⁷⁷ Тут Хобсбаум излишне драматизирует. Сотни тысяч польских евреев эмигрировали в СССР в начале Второй мировой войны, а после нее весьма многие — в Израиль, чему польское правительство, в отличие от советского, не только не препятствовало, но всячески способствовало. Сегодня еврейская популяция в Польше, насчитывавшая к 1939 г. около 3 млн. чел., насчитывает менее 10 тыс.

К вящему моему удовольствию, в мире наблюдается абсолютное большинство стран, в которых нации создавались не в ходе скоротечного политического момента, как во Франции, и не в результате хаотичного заселения эмигрантами всех мастей, как в Америке (Джон Кеннеди не зря говаривал: «Мы — нация иммигрантов»), а естественным путем длительного развития того или иного этноса. К таким странам относятся, к примеру, Китай, Россия, Туркмения, Киргизия, Грузия, Германия и мн. др. Все они имеют добрую перспективу, подобную японской, израильской или польской, если не позволят растворить в пришельцах свой государствообразующий этнос: истинную нацию.

2. Еще одна неважная важность. Стремясь опорочить нации и национализм — обостренное чувство национальности, конфликтное по своей извечной биологической природе, а на почве этого — все производные ононого чувства, включая национальные государства, Хобсбаум применяет известный прием, разработанный профессором Гумбольдтского университета Клаусом Оффе и детально описанный в учебнике Татьяны Сидориной и Тимура Поляникова «Национализм. Теории и политическая практика» (М.: ВШЭ, 2006)⁷⁸. Это — смена/подмена идентичностей. В чем она состоит? Позволю себе автоцитату:

«Среди “средств предотвращения этнополитики”, педантично разработанных Клаусом Оффе и блистательно изложенных Сидориной, одним из наиболее опасных для нас я считаю “увеличение числа идентичностей”.

“Этот путь, — указывает Оффе, — заключается в изменении такого положения дел, когда принадлежность человека к определенной этнической

⁷⁸ Обстоятельное исследование источника см.: *Севастьянов Александр*. Учиться, учиться и учиться... национализму! // Вопросы национализма. 2010. № 4.

группе составляет сущность его идентичности, чтобы перейти к ситуации многообразия идентичностей — в ней и сам человек, и другие люди, с которыми он связан, в зависимости от конкретных условий считают особо значимыми либо его свойства и качества как человеческого существа, либо его идентичность как члена национальной, профессиональной, этнической или религиозной общности”.

То есть: следует акцентировать, преувеличивать значение все новых общностей (конфессиональных, профессиональных, половых, возрастных и т.д.), чтобы среди них растворилась, затерялась, показалась менее важной — наиболее из всех важная, самая первичная, изначальная, наиглавнейшая: *национальная*.

И еще: следует выстраивать все новые и новые иерархии общностей, но только так, чтобы национальная не оказалась там, где ей положено быть, — на самом верху»⁷⁹.

А теперь сравните со сказанным подход Хобсбаума к «основной теме статьи»:

«Представление об одной-единственной, исключительной и неизменной этнической, культурной или иной идентичности связано с опасным заблуждением. Ментальные идентичности человека — это не ботинки, которые мы можем носить за раз только одну пару. Мы многомерные личности. Чтобы господин Патель начал считать себя прежде всего индусом, британским гражданином, индуистом, человеком, говорящим на гуджаратском языке, выходцем из Кении, представителем определенной касты или родственной группы или носителем какой-то иной роли, он должен столкнуться с представителем иммиграционных властей, пакистанцем, сикхом или мусульманином, человеком, говорящим на бенгальском, и так далее. Нет никакой однозначной платоновской идеи Па-

теля. Все это присутствует в нем одновременно».

Ну, все просто по учебнику!

Однако допустим даже, что мы многомерны. Но ведь никогда все идентичности не работают одновременно в полную силу. Всегда в данный момент доминирует что-то одно. Осуществляя свою мужскую функцию, человек вряд ли задумывается в этот момент о том, например, что он мексиканец и полковник ВВС. И наоборот, командуя полком, он вряд ли проявляет свою сексуальность, хотя по большому счету в нас все взаимосвязано. Та или иная идентичность актуализируется под воздействием благоприятных обстоятельств и временно подавляет другие. Это нормально. Уж конечно, наличие других идентичностей не ставит под сомнение важность, значительность идентичности этнической, которая так же первична, а подчас и так же важна, как половая. И все-таки проявляется, хотя бы стилистически, и в сексе, и по службе.

3. Об этом еще не все знают. Среди ошибок Хобсбаума не все носят злостный характер, некоторые вполне простительны в ситуации почти всеобщего неведения. Например, он пишет о множественной идентичности, лежащей (якобы!) в основе современных наций, приводя в пример, весьма неудачно, немцев:

«Исторически даже в основе национальной однородности лежит такая множественная идентичность. Каждый немец в прошлом и даже сегодня, хотя и все реже, обладал одновременно двумя или тремя идентичностями: будучи представителем “племенного” — саксонского, швабского, франкского — немецкого княжества или государства и лингвистической культуры, сочетавшей единый для всех немцев стандарт письменного языка с множеством разговорных диалектов, причем некоторые из них также начали создавать письменную литературу. (Во время Реформации Библия была переведена

не на один, а на несколько германских языков). В действительности, до Гитлера люди считались немцами в силу того, что они были баварцами, саксонцами или швабами, которые зачастую могли понять друг друга только тогда, когда говорили на стандартном письменном языке культуры».

Акцент на мнимой разнородности немцев — расхожий прием критиков нацизма. До недавнего времени он воспринимался с почтением. Однако новейшие исследования показали, что в реальности немцы — генетически очень однородный народ. В книге антрополога Елены и генетика Олега Балановских «Русский генофонд на Русской равнине» есть роскошная таблица «Генетическая гетерогенность русского народа и других народов Евразии»⁸⁰. Вот некоторые коэффи-

циенты из нее в порядке возрастания гетерогенности: англичане = 0,15; немцы = 0,43; русские = 2,0; тофалары = 7,76. Как видим, немцы, хотя и уступают англичанам, все же почти в пять раз генетически однороднее, чем русские, и в восемнадцать (!) раз — чем тофалары.

Все познается в сравнении. Все немцы, как утверждает сегодня генетика, весьма однородный народ, они все одного германского племени. Не надо преувеличивать их племенные различия, это нечестно. Хобсбаум этого знать не мог, я не обвиняю его в подлоге, но отечественных обществоведов считаю своим долгом предупредить на будущее.

При желании можно было бы без труда еще наковырять ядовитых изюминок из невкусной булочки под именем «Хобсбаум». Но достаточно и этого, чтобы никогда не пытаться опираться в своих трудах на сие не по уму канонизированное недоразумение.

⁸⁰ Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М.: ООО «Луч», 2007. С. 126–127.

КОГДА МАССЫ ВЕРНУТСЯ...

Казинцев А.И. Возвращение масс. Дневник современника. М.: Наш современник, 2010. — 688 с.

Бурные события, перетряхнувшие прошлой весной и летом весь Ближний Восток, для многих оказались сюрпризом. Сонное царство застоя и анабиоза, каким представлялся арабский мир (за исключением вечно бурлящих и воюющих Ливана и Палестины), вдруг предстало перед наблюдателями клочущим вулканом политических страстей. Вулканом, чьи извержения (Тунис, Египет, Йемен, Ливия) угрожают непредсказуемыми последствиями всему миру, поскольку их последствия могут радикально изменить баланс сил в никогда не затихающей борьбе цивилизаций за глобальное лидерство. Возможно, перед нами — прелюдия к грандиозным событиям, когда арабский (а с ним и мусульманский в целом) мир попытается вернуть себе ту роль мощного локомотива истории, которую он играл в VII–XIII вв. На фоне социально-политической нестабильности, которая, похоже, назревает в Китае, не могущем справиться с последствиями форсированного раскрестьянивания, все это сулит остальному миру не самые легкие годы жизни.

Характерно, что и в том, и в другом случае решающую роль в тектонических сдвигах вновь, как в былые века, играют колоссальные человеческие массы, хотя с середины XX века этот актер (фактор) был уже, казалось, списан ведущими политологами в утиль.

Но — не всеми. Передо мной книга, которую, с учетом происходящего на наших глазах, можно было бы назвать пророческой: Александр Казинцев, «Возвращение масс». Она посвящена именно указанному фактору, про-

зорливо отслеженному и осмысленному Александром Ивановичем, заместителем главного редактора журнала «Наш современник», на протяжении ряда лет. Расскажу о книге, поскольку не часто приходится иметь дело с исследованиями, так точно предугаывающими ближайшее будущее (ссылки на страницы книги даются в скобках).

Книга «Возвращение масс» осознанно перекликается со знаменитым трудом Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», это фундаментальная попытка оппонировать испанскому мыслителю.

Ортега утверждал: «Массы по определению не должны и не могут управлять даже собственной судьбой, не говоря уже о целом обществе».

Казинцев попытался опровергнуть этот тезис как историк и как теоретик. Получилось ли?

А.И. пристально всматривается в судьбы современных стран, где внезапные и стихийные (на первый взгляд) взрывы активности масс приводили к радикальным политическим результатам: Аргентина, Венесуэла и Уругвай, Чили и Боливия, Иран и арабские страны... Он прямо считает, что «особую значимость приобретает латиноамериканская альтернатива, более органичная для европейской цивилизации и России» (344).

Автор особо останавливается не только на уличных эксцессах, но и на вполне цивилизованных проявлениях политической активности масс, приводя в пример Бразилию, где простой народ с четвертой попытки добился избрания президентом Луиса Игнасиу Лула де Силва, рабочего. Или Венесуэлу, где народ отбил своего любимца Уго Чавеса у путчистов, уже было брошенных его в тюрьму. И даже Амери-

ку, приведшую к власти Барака Обаму (Казинцев рассматривает это факт как положительный результат активности масс, не видя в победе полунегро-полуеврея, возможно — криптомусульманина, зловещий симптом заката белой расы, угрожающий всему мировому порядку и миру в мире)¹.

Опыт, что и говорить, важный и интересный. Казинцев правильно ставит акцент на том, что борьба народов за лучшее будущее одновременно — в международном плане — является борьбой против диктата всемирных наднациональных сил. Он мечтает: «Россия должна, наконец, принять на себя ту роль предводительницы непокорных государств и народов, которую предлагал ей Томислав Николич². Которую ей предлагают западноевропейские интеллектуалы-нонконформисты... Но прежде чем возглавить другие народы, Москве следует опереться на свой собственный» (442–443).

Пока что Кремль об этом даже и не задумывается. Казинцев с горечью признается, что ему хотелось кричать, оборотясь к кремлевским дворцам: «Что вы делаете, безумцы? Речь не о справедливости, сострадании и прочих “сантиментах”. Речь о государственных нуждах, которые в какой-то мере являются и вашими собственными нуждами. Вам же нужны солдаты — война на Кавказе не закончена, кто будет вас защищать? Вам нужны молодые специалисты — и так на предприя-

тиях некому работать. А если вы окончательно искорените патриотизм, головастая молодежь уедет на заработки за границу. В конце концов, вам нужен электорат, который будет голосовать не за Гозмана, не за Каспарова, не за Касьянова и прочих “оранжевых” лидеров, посаженных с Запада, а за премника, выдвинутого в Кремле. Так почему же вы позволяете глумиться над русскими и сами топчете их с показательным остервенением?!» (95).

Понятно, что перед нами — глас вопиющего в пустыне.

Что же делать в условиях, когда верхи не хотят слышать низы? Казинцев отвечает:

«Выход видится мне в развитии народных движений. Политикой наши соотечественники по-прежнему не интересуются. Но живут-то они на земле — не слишком обустроенной. С проблемами приходится сталкиваться постоянно. На каждом шагу попираются здравый смысл и элементарные нужды. А это самый действенный катализатор протеста.

На помощь сверху надеяться не приходится. Единственная возможность — объединяться снизу. На свой страх и риск. Преодолевая и собственную неготовность к совместной работе, и всевозможные административные препоны. Объединяться и бороться за свои права» (490).

Такова главная идея всей книги.

Тут настало время заговорить о том, почему и зачем была написана эта книга. Понятно, что вовсе не особый интерес к Латинской Америке или Ближнему Востоку двигал рукой автора. Его главным пристрастием всегда было одно: судьба России и русского народа. Анабиоз русских, лишь изредка прерываемый короткими всплесками немощного возмущения (защита «Белого дома» в 1993-м или Манежная площадь в 2010-м), сопровождающимися неумолимый процесс нашего бескровного, тихо удушающего гено- и этноцида: вот загадка, которую он хотел

¹ Напомню Александру Ивановичу, верному христианину, недавнее заявление Обамы: «Америка больше — не христианская страна!» и его запрет на ежегодную совместную молитву американских христиан у Белого дома, задевающую, по его словам, чувства инаковерующих. И это, я уверен, только начало. Америка неизбежно капитулирует перед миром ислама в целом, как Россия капитулировала в Афганистане и Чечне. (Это к вопросу о конфликте цивилизаций.)

² Лидер сербских националистов.

бы разгадать, вот проблема, к решению которой он хотел бы подобрать ключи.

Сквозь огромный объем фактов и наблюдений, сквозь в высшей степени сочувственный рассказ о героизме масс в вышеуказанных регионах, помогающий им взять свою судьбу в собственные руки, мы все время прочитываем обращение Казинцева к нам, русским: ну что же вы, братья, где же вы, вот ведь живой пример для вас, вот ведь, как надо! Он, например, мечтает: «Если бы русские проявили хоть толику решимости и жертвенности непальцев»!

В ответ — тишина. Почти мертвая. Русские массы недвижимы.

Почему?

Судя по тем надеждам, которыми пропитана книга Казинцева, ответа на этот вопрос он не знает, хотя он и лежит на поверхности.

Пассионарность, открытая в народах Львом Гумилевым, по поводу которой столько копий было сломано, — ларчик, который открывается просто. Это историческое свойство гиперактивности народа, возникающее и исчезающее «таинственным» образом (Гумилев даже выдвигал — от научного бессилия и отчаяния — гипотезу внеземного его происхождения), имеет полную разгадку в демографическом факторе. Пассионарность возникает исключительно в периоды демографического подъема этноса и затухает в ходе демографического упадка. И никогда наоборот. Оба избранных Казинцевым примера — Латинская Америка, чье население выросло за XX век более чем в три (!) раза, и Ближний Восток, где картина примерно такова же, подтверждают это самым наглядным манером.

Взять хоть те четыре страны, которые забурлили кровавым ключом этой весной. В Египте среднегодовой прирост населения — 1,3 млн. человек, в настоящее время плотность в долине Нила (остальное — пустыня) достигла 1700 чел/км². За годы правления Мубарака численность египтян возросла

едва ли не вдвое. В Тунисе с 1997 по 2010 гг. численность населения выросла с 9,218 до 10,6 млн. человек (цифра кажется небольшой из-за огромной трудовой эмиграции, но молодежи в преизбытке). В Ливии население выросло с 1961 года с 1,4 до 5,7 млн. человек. В Йемене ежегодный прирост — 3,8%, один из самых высоких в мире! Только за десять лет — с 1986 по 1996 — население там выросло с 9,27 до 16 млн. человек.

Весь секрет ближневосточного взрыва, новой арабской пассионарности — в этих цифрах, что уж тут говорить! Но это вовсе не внутреннее дело названных стран: мы свидетельствуем только самое начало процесса. Если открыть перед этими людьми границы, они заселят весь белый мир. Если закрыть — начнут жестоко воевать друг с другом. Что для нас хуже — думайте сами, но Природа не знает других способов борьбы с избыточными популяциями.

А вот в России картина демографического развития, как известно, имеет прямо противоположный вектор. При чем на перспективу неопределенной длительности.

Массы — воистину могучее оружие и орудие политики. Но это великое преимущество есть нынче не у всех. У европеоидов его уже не осталось нигде: ни в Европе, ни в США, ни в России. Напротив, страны, чей опыт так восхищает А.И., — все как на подбор суть области высокого демографического давления. Разница принципиальная, все определяющая.

Это одна из причин, почему дотошное прочтение вдохновительной книги Казинцева не наполнило меня радостным оптимизмом³. Но, увы, не единственная.

³ Сам Александр Иванович это отлично понимает, признавая, что ситуация в современной России такова: «В случае аномально заниженной пассионарности... Во-первых, нет ни сил, ни энергии. Во-вторых, “это нетолерантно”» (579).

А.И. завершает книгу торжественно и светло:

«Наш народ не раз доказывал способность творчески реагировать на вызовы времени. Он действовал заодно с властью, когда власть выражала его жизненные интересы. А когда ущемляла их — восставал.

Я верю в русского человека, Конечно, он терпелив, даже долготерпелив. Но если его допекут, если увидит — “кранты”, никто его проблем решать не собирается, то он сам берется за дело. И своего добивается» (683).

Вот тут-то и возникает у меня желание капитально возразить автору. Что ж, на нашей не такой уж давней памяти, в течение всего лишь каких-то столет наш народ массово и мощно восставал дважды: в 1917 и в 1991 гг. Чего же он добился такого уж «своего» в том и в другом случае? Каждый раз ближайшее же двадцатилетие, следовавшее за совершенными им переменами, разрушало народ и подрывало его силы так, словно самые худшие из вражеских нашествий, включая Батыя и Гитлера. Ставило его на грань выживания. В результате чего возникала мечта о диктатуре, единственно способной покончить с хаосом и деградацией, которую эти восстания породили. Этого ли русский народ хотел, этого ли добивался? А если нет, то можно ли так доверять ему собственную его судьбу, как хочет и надеется Казинцев?

У меня есть только отрицательный ответ. В заочном споре Казинцева с Ортегой-и-Гассетом прав, безусловно, Ортега.

Чего же нам ждать сегодня с учетом сказанного? Погрузиться ли в беспросветный пессимизм? Коль скоро русская демография не позволяет надеяться на возвращение масс в нашу историю, а русская история как раз рекомендует этого и не делать?

Нет, я так не думаю. Я тоже верю в русское возрождение, хотя и не верю в разумность и действенность русских масс (уж чего ждать от народа, кото-

рый дважды кряду посадил скотину Ельцина себе на шею?!)⁴. Но я в политике — пушкинист. В том смысле, что разделяю гениальный тезис Пушкина: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, что происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений, страшных для человечества». (Пушкинист я, конечно, вынужденный: просто у нас уже нет такого человеческого ресурса, как у арабских стран, нам некого больше бросать в топку войн и революций.)

Однако «лучшие и прочнейшие изменения» — дело не «народа»⁵; этим должна заниматься исключительно «разумная, образованная, умственно

⁴ Кстати, не только русские массы отличаются слепотой и глупостью. Как пишет Казинцев: «В Лос-Анджелесе на демонстрацию протеста против антииммиграционного законодательства, предложенного Бушем, вышли 1,2 млн. человек. Одно из крупнейших выступлений в современной истории Соединенных Штатов» (8). Это ж надо: 1,2 млн. самоубийц, ведущих дело к гибели собственной страны, да еще как активно! А избрание президентом США — Барака Обамы?! Это еще более наглядный пример «возвращения масс» (безумных масс, надо по справедливости добавить). Казинцев ссылается и на такой пример, как «студенческая революция в Париже, положившая конец правлению... де Голя». К великому сожалению и бесславию, замечу! С тех пор Франция и покатила в пропасть. Массы, как видим, сдвигают горы. Но постоянно не туда, куда надо. Впрочем, Ортега-и-Гассет написал об этом вполне достаточно.

⁵ Казинцев сочувственно цитирует Бердяева: «Русский народ, по своей вечной идее, не любит устройства земного града и устремлен к Граду Грядущему». Более ужасной характеристики, жуткой и абсолютно пессимистической, на мой взгляд, просто не придумать. Но я не хочу и не допущу, чтобы мои дети и внуки оказались экстренно и непрошено именно «там», куда ведут подобные дурацкие устремления, вместо хорошо устроенного земного града...

развитая часть жителей», как Владимир Иванович Даль определял интеллигенцию. Для того чтобы народная активность была осмысленной, целенаправленной, а не просто разрушительной себе же во вред (как оно постоянно было у нас), должны быть выработаны ясные, правильные цели. И сделать это некому, кроме передовой русской интеллигенции.

Сегодня именно этим занимается группа интеллектуалов, разрабатывающих концепцию Русского национального государства.

Понятно, что даже разработавшую эту группу не сможет продвинуть ее в жизнь без мощного давления снизу на власть. Но о том, как и кому это давление следует оказывать, я здесь писать не стану. Скажу лишь еще раз, что положиться на мощное «возвращение масс» в нашем случае я не могу в силу как физического, так и умственно-нравственного состояния моего русского народа, который я люблю, себя и свою судьбу от него не отделяю, но не верю ему притом ни на грош.

Казинцев замечает: «Для того чтобы развить успех, массам нужна поддержка интеллектуальной элиты. Только ее участие обеспечивает долговременное доминирование» (119). Я бы прочел этот тезис с точностью до наоборот, ибо в современном мире массы по определению не могут быть гегемоном, ведущим за собой интеллектуальную элиту. И уж точно никакая элита не заинтересована в долговременном

доминировании масс — мы сыты этим по горло.

Выполнима лишь прямо противоположная модель: массы должны поддерживать интеллектуальную элиту. Разумеется, только в том случае, если она в своих проектах учитывает интересы масс.

Вот тут-то и возникает непростая коллизия. С одной стороны, Казинцев эту позицию приемлет: «В создавшейся ситуации заботу о сбережении русских должна взять на себя контрэлита. Кого я имею в виду? Лидеров и членов общественных движений, защищающих интересы своего народа» (591).

Однако вот беда, с другой стороны: «Народ предал свою элиту. Поверьте, мне трудно это говорить и писать, но зачем же себя обманывать» (598).

Как же быть?

По моим наблюдениям именно сегодня началось медленное сближение новой русской контрэлиты с новыми русскими массами. Центральным плацдармом такого сближения стал ежегодный Русский Марш, на который выходят — и должны выходить! — все: и интеллектуалы, и работяги, и школьники.

Ситуация в России медленно, но верно развивается именно в нужном направлении. Необходимо сознательно, не жалея усилий, этому способствовать.

Иного варианта «возвращения масс» России не дано.

Александр Севастьянов

АВТОРЫ НОМЕРА

Барсуков Александр Михайлович

(р. 1985), аспирант и ассистент кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Бирюков Сергей Владимирович

(р. 1971), доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Кемеровского университета.

Владимиров Владислав Александрович

(р. 1980), публицист.

Галкина Елена Сергеевна

историк, политолог, доктор исторических наук, автор ряда книг и статей по социальной антропологии, этнокультурной и политической истории кочевых народов, а также по проблемам современного социально-политического развития стран Ближнего и Среднего Востока.

Дьяков Виктор Елисеевич

(р. 1951), прозаик, публицист, печатался в журналах «Наш современник», «Москва», «Русский Дом», «Слово» и др.

Ермаков Александр Александрович

(р. 1981), публицист.

Жих Максим Иванович

(р. 1987), историк, аспирант СПбГУ.

Завольский Дометий Валерьевич

(р. 1980), историк, публицист, сотрудник Российского государственного архива социально-политической истории, ведущий программы «Академический час» радио «Радонеж».

Кагарлицкий Борис Юльевич

(р. 1958), социолог, публицист, кандидат политических наук, директор Института глобализации и социальных движений, автор книг «Восстание среднего класса» (2003), «Политология ре-

волюции» (2007), «От империй — к империализму» (2010) и др.

Кильдюшов Олег Васильевич

(р. 1972), независимый аналитик, публицист, переводчик, редактор, политический обозреватель журнала «Со-крат».

Неменский Олег Борисович

(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Святенков Павел Вячеславович

(р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич

(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009), «Уклоны, загибы и за-движки в Русском движении» (2011) и др.

Сергеев Сергей Михайлович

(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализм», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Храмов Александр Валерьевич

(р. 1989), публицист, общественный деятель, координатор Русского Гражданского союза, автор ряда статей, размещенных на российских интернет-сайтах (АПН.ру, Русский журнал, Портал-Кредо.ру и др.).

SUMMARY

The 10th volume of VOPROSY NATIONALISMA (STUDIES IN NATIONALISM) is discussing nationalism in legal politics and party building. It begins with National Democratic Party Manifesto. In today's Russia, this political party is the first one claiming the long-awaited and demanded synthesis of Russian nationalism and the values of European democracy.

The theme continues with famous politicians and analysts answers to the journal's questionnaire about the chances of Russian nationalists in the field of party building. Publicist Vladislav Vladimirov tries to predict the potential electorate of Russian national democrats. The writer Victor Diakov paints a very optimistic outlook of the Russian liberal nationalism.

Under the heading «World Experience» this theme is considered in various examples of diverse countries. Russian Marxist theoretician and sociologist Boris Kagarlitsky explores a new strategy of the French National Front, «stole» the electorate from the socialists. Political analyst Pavel Svyatenkov talks about the reasons for success of the True Finns (The Finns Party). Philosopher and sociologist Oleg Kildyushov studies the characteristics of the existence of the de facto banned nationalism in the German political system. Political scientists Sergey Biryukov and Alexander Barsukov describe a new political course of the Flemish nationalist leader Bart De Wever. Prof. Elena Galkina analyzes the electoral strategies and tactics of new of new Islamist parties in Egypt.

In the new section «Discussing the concepts» historian Oleg Nemensky offers his interpretation of the content of the specific Russian political ideology which he defines as «ohranitelstvo» (derivative of the Russian verb meaning to protect).

Publicist Alexander Khramov explores the discourse and practices of internal colonialism in the Russian Empire.

Two articles are devoted to ethno-political aspects of the economy. Publicist Paul Likhachev advances and defends the thesis that the multi-ethnic state is not good for economic development. Writer Aleksandr Ermakov criticizes the basis of modern migration policy of the Russian Federation.

Culturologist Dometius Zavolsky reflects on the causes and consequences of the new cult of Stalin for the modern Russian culture.

Historian Max Zhikh talks about the interaction of the state and society in Kievan Rus', emphasizing their democratic elements. Publicist Ivan Rusakov completes the cycle of his articles on the problems of Russian nationalists when they would come to power, this time considering the problems of local government.

Historian Sergey Sergeev devotes his article to the 190th anniversary of the poet and critic Apollon Grigoryev, and the specifics of his nationalism.

Under the heading «Polemics» publicist Alexander Sevastyanov overwhelms «the idols of constructivism», critically examining the works of Ernest Gellner and Eric Hobsbawm.

The volume ends with the section «Critical and Bibliography».

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 14.06.2012.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.
Телефоны: 8–964–551–49–52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com
8–916–950–61–43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru
Распространение и подписка: 8–964–580–19–92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru
Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.